Г. В. КОЗЛОВ
ГРУСТНЫЙ
ОПТИМИЗМ
СЧАСТЛИВОГО
ПОКОЛЕНИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга для тех, кто заинтересован в оптимальной реализации предначертаний своей судьбы, будущей судьбы землян и, главное, нашей российской судьбы.

Повествуя о днях былых, сегодняшних и будущих, автор избегает глубокомысленной безысходности в рассуждениях и заключениях. В силу мягкой ироничности стиля книга вас не утомит.

Чтение даст возможность отвлечься от сиюминутных проблем, не раз улыбнуться и задуматься о глубоко личном.

Кому-то она добавит уверенности в своих силах и простимулирует к большей целеустремленности.

Геннадий Викторович Козлов – выпускник физического факультета МГУ, доктор физико-математических наук, лауреат Государственной премии СССР, действительный государственный советник Российской федерации первого класса. Более 25 лет проработал в Физическом институте АН СССР и Институте общей физики РАН. Длительное время работал заместителем министра науки, возглавлял Российское агентство по системам управления. Член Союза писателей России. Автор книг «Познание судьбы», «Воплощение судьбы», «Лаборатория» и «Наука под углом зрения».

- Геннадий Козлов
  - ○
  - ○
  - ○ Часть первая
    - ■ Глава первая
    - ■ Глава вторая
    - ■ Глава третья
    - ■ Глава четвертая
    - ■ Глава пятая
    - ■ Глава шестая
    - ■ Глава седьмая
    - ■ Глава восьмая
    - ■ Глава девятая
    - ■ Глава десятая
  - ○ Часть вторая
    - ■ Глава одиннадцатая
    - ■ Глава двенадцатая
    - ■ Глава тринадцатая

        - Глава четырнадцатая
        - Глава пятнадцатая
        - Глава шестнадцатая
        - Глава семнадцатая
        - Глава восемнадцатая
        - Глава девятнадцатая
        - Глава двадцатая
        - Глава двадцать первая
        - Глава двадцать вторая
    - Часть третья
        - Глава двадцать третья
        - Глава двадцать четвертая
        - Глава двадцать пятая
        - Глава двадцать шестая
        - Глава двадцать седьмая
        - Глава двадцать восьмая
        - Глава двадцать девятая
        - Глава тридцатая
        - Глава тридцать первая
        - Глава тридцать вторая
    - Приложение
        - Глава тридцать третья
        - Глава тридцать четвертая
- notes
    - 1

Геннадий Козлов
Грустный оптимизм счастливого поколения

© Г. В. Козлов, 2015
© ООО «Издательство «Этерна», 2015

* * *

Книга для тех, кто заинтересован в оптимальной реализации предначертаний своей судьбы, будущей судьбы землян и, главное, нашей российской судьбы.

Повествуя о днях былых, сегодняшних и будущих, автор избегает глубокомысленной безысходности в рассуждениях и заключениях. В силу мягкой ироничности стиля книга вас не утомит. Чтение даст возможность отвлечься от сиюминутных проблем, не раз улыбнуться и задуматься о глубоко личном. Кому-то она добавит уверенности в своих силах и простимулирует к большей целеустремленности.

Часть первая
Становление и достижение

Глава первая
Точка отсчета

Мальчишкой каждый год родители отправляли меня из Москвы на все лето в деревню Тихвинку, что под Санкт-Петербургом, вблизи железнодорожной станции Тайцы. И сложилось так, что именно с этой деревней связано для меня понятие родного края и именно отсюда берет начало моя память.

Тогда, в пятидесятых годах прошлого века, деревня насчитывала около тридцати сильно обветшалых домов, два покосившихся, но еще довольно крепких двухэтажных дома свидетельствовали о прежних, более благополучных временах. Посреди деревни, протянувшейся вдоль пыльной дороги, в небольшой ложбинке приютился заросший пруд. По мере удаления от дороги дома уступают место сараям, огородам, лугу, кустарнику и, наконец, лесу. Лес, обступающий деревню с двух сторон примерно в полукилометре, несомненно, является важнейшим достоянием местности.

Картина деревни, как и любой пейзаж, была бы неполной без неба, тем более что небо здесь поистине огромно со всех сторон, куда ни бросишь взгляд. Кажется, что этот простор занимает больше половины небесной сферы. И ничто, пожалуй, не трогает в Тихвинке душу горожанина так, как песня жаворонка в поднебесье на фоне тиши и простора. Нигде мне не доводилось слушать столь мелодичного и бескрайнего звучания неба,

освежающего и успокаивающего душу.

До войны в деревне большей частью жили финны, которые потом были выселены. И только один пожилой малорослый финн как-то остался, вероятно в силу своей неприметности. Он жил одиноко в домике, сложенном из бутового камня. Так же из бута были выложены тропинки и глубокий колодец на его участке. Вода в нем была отличная, и ей пользовалась значительная часть примыкающей деревни. Все на участке было в образцовом порядке, даже дрова старик пилил по мерке, работая непременно в нарукавниках и аккуратном сером фартуке. И взять бы деревне с него пример, ан нет, беспорядок на других дворах был столь привычен, что и подступаться к нему не считалось нужным.

В 1947 году мои родственники по линии мамы купили один из покинутых финнами домов. Во время войны дом зацепили вскользь два снаряда, а может быть, мины. Один прилетел со стороны Ленинграда и был, видимо, свой. Второй – явно неприятельский – прибыл с противоположного направления. Они повредили два противоположных угла дома: пробили крышу по краям возле карниза, ободрали снаружи бревенчатые стены и, потеряв скорость, вошли в землю не взорвавшись.

Кроме этих двух серьезных ранений, крыша и сруб дома собрали великое множество мелких осколков.

Судя по всему, бои в этих местах были нешуточные, что неудивительно, поскольку деревня находится в пяти километрах к югу от знаменитой Вороньей горы, с которой обстреливался Ленинград. Воронками разного размера были усеяны все поля и огороды. Даже через десять лет после войны в лесу частенько можно было найти патроны, стволы от винтовок, гранаты, мины, снаряды, стоившие подчас здоровья и даже жизни некоторым моим сверстникам.

В ста метрах от дома под сенью заботливо посаженных деревьев сохранилась и оберегается братская могила.

Деревня была занята немцами в конце 1941 года. Дом, судя по оставшимся в нем приметам, за три огненных года не раз менял своих хозяев и постепенно разрушался. В результате к концу войны он оказался без пола и дверей. От бывшего сада осталось два чудом выживших дерева.

Сейчас дом восстановлен. Думаю, что он переживет еще не одно поколение, так как построен был весьма добротно. Очень удачно было выбрано для него место – на едва заметном возвышении. В результате, в отличие от соседних близлежащих строений, даже в самую весеннюю распутицу в подполе не бывает воды, что, как известно, высоко ценится сельскими жителями.

Хозяином дома был мой дед – Николай Федорович Матросов,

1881 года рождения, уроженец деревни Муравьево Тверской области. Эту фамилию он получил, вернувшись в родную деревню после долгой флотской службы на Тихом океане. Гражданскую жизнь он начал с того, что женился на Марии Николаевне Басалаевой. За первые десять лет они нажили пятерых детей: двоих сыновей – первого и последнего, и трех дочек, младшая из которых – моя мама Лидия.

Деревенская жизнь, видимо, не очень увлекала деда, много повидавшего за время флотской службы. Он подался на заработки в Петроград, где и прошел вторую после флота школу жизни. Работал сначала в гостинице, а затем в мастерских и на заводе. Дед был человеком сметливым и расчетливым. В период революции пару раз выходил с рабочими на улицы, но после первого же обстрела на Литейном проспекте дело это оставил.

Война 1941 года застала маму, учившуюся в Институте связи, и ее родителей в Ленинграде. Выжили они в блокаду только благодаря поддержке младшего брата Леонида, служившего в то время на охранявшем город эсминце «Славный». На второй год блокады им удалось эвакуироваться. Родители мамы по дороге едва не умерли, однако, приехав в родную тверскую деревню, все трое довольно быстро поднялись.

Я появился на свет божий в деревне Муравьево в начале 1944 года. До войны отец был здешним директором школы и учителем истории. Война произвела его в лейтенанты, и с самого ее начала он более тридцати лет служил офицером в армии.

По рассказам родственников, рождение мое не осталось в деревне незамеченным. Неизвестно по какой причине весь первый год я кричал без перерыва день и ночь, лишив покоя всех родственников и даже соседей. В несколько ослабленном виде эта особенность передалась потом моему сыну. Он тоже за первый год сумел измотать тем же способом всю семью.

В жизни у деда, кроме ленинградской блокады, было еще несколько ситуаций, когда смерть подбиралась к нему совсем близко. Первый раз это случилось во время Русско-японской войны 1905 года, когда он заболел тифом и в безнадежном состоянии был списан на берег. Буквально через месяц его корабль со всей командой затонул в Цусимском сражении, а дед, на удивление врачей, выжил и продолжил службу.

Второй драматический случай произошел с ним вскоре после демобилизации. Во время постройки дома они с шурином тесали бревно, начав с противоположных концов. То ли они были выпивши, то ли, увлекшись работой, не заметили неотвратимо приближающейся встречи в середине бревна, сказать сейчас

трудно. Однако встречу эту дед запомнил на всю жизнь, получив шрам от топора шурина прямо по центру головы. Фельдшер сказал, что еще полмиллиметра – и был бы пробит не только череп, но и оболочка мозга, что по тем временам являлось смертельной травмой.

Этими двумя случаями судьба деда напоминает судьбу его дома, также дважды уцелевшего по счастливой случайности от зацепивших его снарядов. И вообще дом был деду под стать. С одной стороны, вроде и не представлял собой ничего особенного, а с другой – оказался крепким и надежным.

Следует упомянуть еще об одном моменте из биографии деда, имевшем для всей его жизни немаловажное значение. Служа в гостинице в качестве посыльного, дед однажды познакомился с ясновидцем, и тот предсказал ему дальнейшую судьбу, причем весьма детально, назвав количество детей, будущую специальность, место работы и проживания. В том числе он определил и продолжительность жизни в семьдесят пять лет.

Поначалу дед не принял это всерьез, но по мере того, как предсказания одно за другим неукоснительно сбывались, не только он, но и все родственники поверили в них безоговорочно. В частности, когда в семьдесят три года у деда случился инфаркт, за его жизнь никто из нас всерьез не опасался. И действительно, все обошлось, за исключением разве того, что дед сильно изменился, стал считать себя больным и совершенно потерял интерес ко всем делам, выходящим по своим перспективам хотя бы на несколько лет вперед.

Шли годы. Ему исполнилось семьдесят пять. Приехав как обычно в деревню, я нашел деда еще вполне крепким, но весьма удрученным. До исполнявшихся в конце года семидесяти шести лет ему оставалось пять месяцев. Прощаясь с ним в конце августа, я не сомневался, что вижу деда в последний раз. Бабушка к тому времени потихоньку приготовила похоронную одежду. В Москве мы каждый день ждали печальную весть.

Самой трудной для деда была последняя неделя, когда до конца отпущенного срока остались считаные дни. Вечером накануне дня рождения дед простился с бабушкой и долго не мог заснуть. Но, к удивлению, он был жив и на следующее утро. Потребовалось еще несколько месяцев, чтобы поверить в ошибку предсказателя, которая, в конечном итоге, составила пять лет.

Бабушка была значительно моложе деда, но и она в моей памяти с самого начала запечатлелась старой. Всю жизнь она была на вторых ролях, хотя, как я сейчас понимаю, именно она была сердцем и объединяющим началом всей большой семьи.

На ней было все хозяйство с огородом, поросенком, козой и курами. В прежние годы была еще корова, и тогда в обязанности бабушки входила ежедневная продажа молока в Ленинграде. Но кормить корову с каждым годом становилось все труднее из-за проблем с покосом. В конце концов председатель колхоза вообще запретил косить для нее траву где бы то ни было. Дед в отчаянии даже обратился с письмом к К. Ворошилову – председателю Президиума Верховного Совета СССР. Ответ, на удивление, пришел, но уклончивый – на усмотрение колхоза. Корову пришлось зарезать.

Образование у бабушки было крошечное – одна зима в сельской школе. Читать и писать она практически не умела. Да ей было и не до того. Вставать и зимой, и летом всегда приходилось затемно. Весь день в делах, не присесть. Передышка только за вечерним чаем:

– Давайте попьем неторопя.

Жили они на пенсию деда в двести десять рублей, малость откладывая из этих скудных денег «на черный день». Покупали только хлеб, соль, сахар и папиросы деду, самые дешевые – «Красная звезда». Когда при Н. Хрущеве пенсию увеличили до шестисот дореформенных рублей, они не могли поверить, что это надолго, и продолжали жить как и прежде. Разве что дед стал выписывать газету – «Лениградскую правду». В результате через несколько лет у них появились накопления, которых могло бы хватить на ремонт дома или другие назревшие нужды. Но с дедом об этом было бесполезно даже заговаривать, поскольку суровая жизнь сделала его предельно экономным.

В отличие от деда, трудности жизни не огрубили характер бабушки. Она никогда не унывала, по крайней мере на людях, была всегда заботлива и ко всем добра. При любых конфликтах она была готова принести себя в жертву, чтобы только избежать ругани и разлада. Нечего и говорить, что за всю жизнь она никого не только не обидела, но даже не упрекнула. По живости ума она не уступала более образованному деду и была к тому же удивительно понятливой и остроумной. В ее памяти было немало прибауток времен молодости, по которым можно заключить о сохранившихся озорных черточках.

После смерти деда бабушка отказалась переехать к детям, дабы не быть им обузой, и осталась жить в деревне одна. Во многом ее жизнь в семьдесят лет началась заново. Долгая зима инициировала ее к изучению грамоты. Она начала потихоньку читать книги и писать письма. Первое время разобрать их было крайне сложно. Каждое слово содержало столько ошибок, сколько в нем было букв. Дополнительно чтение осложнялось тем, что все

письмо было написано слитно. Но уже на следующую зиму письма стали вполне читаемыми. Особый интерес у бабушки вызывали исторические романы, которые мы с удовольствием ей поставляли. Прожила бабушка после смерти мужа еще восемь лет.

Из ценных вещей у бабушки была только швейная машинка «Зингер», а у деда – морской бинокль, который, к сожалению, не сохранился. Поначалу настоящей мебели в доме не было вовсе, но со временем ленинградские сыновья и дочери по мере новых приобретений свезли сюда кровати, стулья, диван, люстры, посуду, картины, безделушки, а также разнообразную одежду и обувь. Постепенно дом превратился в музей старых вещей, некоторые из которых пришли еще из XIX века и были сделаны весьма искусно. На чердаке собрались замысловатые по форме керосинки и керосиновые лампы, вышедшие в отставку с появлением в деревне электричества. Не помню случая, чтобы что-либо из вещей было выброшено на свалку. Да, собственно, никакой свалки в деревне и не было. Хозяйства были безотходными, даже жестяные консервные банки, коих было немного, шли в дело.

Основное место в доме занимала русская печь, выходившая закопченной кирпичной трубой на крышу. Кроме плиты с конфорками в печи была просторная топка, над которой, как и положено, располагалась лежанка.

Дедушка к печи относился с большим почтением – это был самый сложный и ответственный агрегат во всем незамысловатом хозяйстве. Для прочистки трубы даже приглашался профессионал – трубочист. Связано это было с воспоминаниями о деревенских пожарах, коих на памяти деда было два, лишивших в свое время половину жителей не только крова, но и всего имущества, скота и продовольствия. Более страшных бедствий российские деревни не знали.

Бабушка каждое утро разводила в топке огонь и готовила еду. Иной раз пироги с творогом и всегда картофельную запеканку с твердой корочкой, неспешно созревшей в медленном жару остывающей печи. В духовке такую не испечешь – обязательно где-нибудь пригорит.

Теплая лежанка на печи – тоже прелестная вещь. Лежать на кирпичах, прикрытых старым одеялом с пересохшим запахом, жестко, но это неудобство с лихвой компенсирует неспешное тепло, обволакивающее все тело. Зимой для стариков печь – единственная отрада.

Братья и сестры моей мамы жили в Ленинграде и часто бывали у родителей, но постоянно никогда там не жили. У всех были свои семьи и дети, за исключением старшей, Марии. Когда

иной раз летом в Тихвинку съезжались все родственники, набиралось до двадцати человек.

Среди двоюродных братьев и сестер я был несколько на особом положении, так как проводил в Тайцах времени больше других и был как бы постояльцем. Старики ко мне очень привязались и ждали моего приезда уже с осени.

Зимой мне довелось навестить их лишь пару раз. Деревню было невозможно узнать, так она была завалена снегом. Кроме дороги, только к домам, колодцам и магазину были протоптаны узенькие тропинки. Лес не доступен даже на лыжах, сразу за огородом проваливаешься по пояс в рыхлый снег.

Зима в Тихвинке – это царство ночи. Дни настолько короткие, что солнце лишь чуть поднимается над горизонтом, чтобы вскоре скрыться за лесом. В ясную погоду длинные ночи волнуют горожанина своей сказочной красотой. В полнолуние все вокруг наполняется таинственным зеленовато-голубым светом и черно-синими тенями. Отойти от дома страшновато, но зато можно часами любоваться этим серебряным миром через замерзшее по краям окно темной комнаты.

При малой луне все вокруг выглядит совсем иначе. Огромное черное небо наполняется невероятным количеством ярких звезд, среди которых трудно выделить знакомые созвездия. Прозрачный морозный деревенский воздух позволяет заглянуть далеко вглубь звездных миров.

Время зимой течет очень медленно, поскольку почти ничего не происходит, каждый новый день похож на вчерашний. Их как-то совсем и не жалко, и хочется, чтобы скорее они прошли, сменившись наполненной жизнью летней суетой.

Деревенские каникулы значили для меня очень много, там я получал свободу от школы, уроков, родителей и многих ограничений городской жизни. Целыми днями я мог пропадать с приятелями, не опасаясь никаких нотаций и тем более наказаний. А летом в деревне пацанам есть чем заняться. Можно развести костер и испечь картошку, покататься на телеге или на тракторе, сходить за морковью или горохом на колхозное поле. К осени, когда поспевают ягоды, орехи и яблоки, дел становится еще больше.

Отношения с деревенскими сверстниками имели ту особенность, что зависели от их числа. Один на один все было просто и искренне. Но как только их собиралось трое-четверо, я сразу становился чужаком. Москвичей уже тогда недолюбливали. В любой игре деревенские пацаны блокировались и жульничали самым бесстыдным образом. Доходило иной раз и до весьма коварных замыслов. Один из них

был связан с катанием на лошадях, коих в колхозе в то время было с десяток. В хорошую погоду деревенские выводили их на ночь пастись в поле. При этом они умели лихо ездить без седла и упряжи, держась за гриву лошади. Зная, что прокатиться верхом на лошади – вожделенная мечта любого мальчугана, они сговорились подсунуть мне самую норовистую кобылу и как следует ее взбодрить, предвкушая, как я с нее навернусь. Понятно, что замысел от меня тщательно скрывался, но по тому, как активно они меня уговаривали и расписывали смиренный нрав лошади, я заподозрил неладное и отказался. Уровень разочарования сорванцов убедил меня в правильности решения.

При хорошей погоде мы с дедом ежедневно ходили в лес, заготавливать на зиму дрова, сено и веники для козы и, конечно, грибы и ягоды. К десяти годам я вполне овладел основными навыками сельской жизни и стал старикам реальным помощником.

Дед был профессиональным слесарем и неплохим плотником. Все в доме делалось своими руками и, как правило, из ничего. Топор и пилу я взял в руки, как только появилась силенка их удержать. При этом совпало так, что убывающая сила деда как бы прирастала во мне. В результате этого количество дров и веников, приносимых нами из леса, оставалось из года в год неизменным и достаточным для того, чтобы пережить долгую зиму.

В отличие от силы, мастерство у деда сохранилось до последних дней, и передавал он его щедро и охотно. Помню, однажды, когда дед уже окончательно слег, я решил смастерить складную двухколенчатую удочку. Главная трудность состояла в изготовлении соединительного узла. Нужно было склепать из жести две трубочки так, чтобы они плотно входили одна в другую. Возился я долго, но никак не мог достичь желаемого результата. Видя это, дед, ворча и охая, встал с кровати и слабыми дрожащими руками сделал две трубки, которые плотно соединились. Это был его последний урок. В слесарном деле так я с ним и не сравнялся. Но и того, что освоил, хватило в дальнейшем с лихвой.

Лет с двенадцати круг моих деревенских обязанностей был уже довольно широк. Многие из них, например доставка воды из дальнего питьевого колодца, требовали немалых физических усилий. К концу лета я всегда не без удовлетворения отмечал, что ведра уже не казались столь тяжелыми и по дороге не нужно было отдыхать. Никогда всерьез не занимаясь спортом, я, тем не менее, не уступал своим сверстникам в силе, чему во многом был обязан летней закалке.

Одна обязанность требовала от меня не столько физических, сколько волевых усилий. Смешно сказать, но связана она была с козой по имени Катька, отличавшейся необычной агрессивностью и своенравием. Рано утром бабушка привязывала ее на лугу за огородом, а днем и вечером ее нужно было приводить домой доить. Прежде это делал дед, явно не испытывая удовольствия, когда коза валила его с ног, несясь как угорелая, или бодалась по самому ничтожному поводу и даже без такового. Стоило только деду, не сдержавшись, чертыхнуться, как коза тут же оборачивалась и так воинственно становилась на дыбы, что дед мгновенно вспоминал все немногие знакомые ему ласковые слова. Поэтому при первой же возможности он с радостью передал козу мне. Сначала я старался удирать в нужное время из дома, но принять козу все же пришлось.

Каждый раз, отправляясь за ней, я готовил небольшой задабривающий веник из рябиновых веток. Коза на нем сосредотачивалась, и я имел десяток секунд, чтобы вытащить из земли кол с веревкой. Любое промедление было чревато, так как, сожрав веник, коза вовсе не проникалась ко мне чувством благодарности, а становилась только злее от того, что удовольствие так быстро закончилось. Освободив кол, нужно было бежать за козой со всех ног, чтобы, не дай бог, не натянуть связывающую нас веревку. Все обитатели дома о приводе козы заблаговременно информировались и прятались. Особый статус имела лишь бабушка. Коза относилась к ней с безусловным уважением. Только годам к пятнадцати я обрел достаточную силу, чтобы убедить козу в целесообразности более уважительного отношения и ко мне.

По прошествии целого ряда лет, когда жена предложила назвать дочку Катей, я с ней, возможно впервые, не согласился, и дочку назвали Светой.

Однако даже эта злющая коза меркла на фоне красавца петуха, выросшего у всех на глазах из крошечного цыпленка и ставшего в одночасье хозяином и грозой как нашего, так и соседних дворов. Практически во всех действиях людей он усматривал опасность для своих (и соседских) любимых кур и тотчас принимал самые жесткие меры пресечения. Петуха, конечно, давно бы зарубили, как того требовали соседи и особенно почтальон, но бабушка стояла за него горой, ибо кур он содержал в образцовом порядке и неслись они как никогда прежде. Постепенно и соседи, поняв это, зарубили своих потрепанных и запуганных петухов за ненадобностью.

Несколько раз за лето мы с дедом ездили в Ленинград, где посещали баню, иногда парикмахерскую и частенько военно-

морской музей. Дед его особенно любил и неплохо знал. Возвращаясь, мы покупали у Балтийского вокзала папиросы, селедку, горячий хлеб и немного порезанной ломтиками чайной колбасы.

В электричке я получал бутерброд, вкус и аромат которого казались мне, проголодавшемуся за день мальчишке, просто божественными. Это был аромат того времени, когда колбасу еще не умели делать без мяса.

В электричке мы всегда ездили с билетами, но поскольку контролеры ходили редко, то по возвращении дед слегка сокрушался о напрасно потраченных деньгах. Однажды контролер все же пришел. Дед, преисполненный внутреннего достоинства, неспешно достал бумажник, сохранившийся с более благополучных допенсионных времен, и извлек из него билеты. Тогда это были небольшие картонные карточки с пробитыми по краю мелкими отверстиями, сообщающими дату приобретения. Посмотрев на просвет, контролер убедился, что билет старый. Это деда не смутило, он предложил другой, но и тот не годился. Такой же проверке подверглись еще с десяток билетов – и с прежним результатом. Оказалось, что бумажник хранил билеты за все предыдущие поездки. У контролера не хватило терпения изучить все коллекцию, и он ретировался. Дедушка же аккуратно сложил все билеты на место. На мой недоуменный взгляд он буркнул:

– Пусть лежат.

За этими словами стояло желание сохранить солидность отвыкшего от денег бумажника.

Дед и сам стремился выглядеть солидно. На людях он держался степенно, встречаясь со знакомыми, обязательно приподнимал картуз со словами:

– Мое почтение.

Иногда дед одалживал соседям небольшие деньги и потом долгие годы вспоминал, если кто ему не вернул, сильно по этому поводу переживал, но никогда не напоминал должникам.

Не припоминаю, чтобы дед при мне нецензурно бранился, самым «сильным» ругательством был «леший», а у бабушки и того слабее – «худой человек».

Повзрослев, я стал ездить в Ленинград самостоятельно, навещая живших там родственников, но гораздо чаще бывал в Красном Селе, которое в то время еще не было в черте города. Здесь, в двух остановках электрички от Тайцев, жила средняя мамина сестра Вера. Все тут было иначе, чем в тихих Тайцах, и прежде всего огромное озеро, на берегу которого торжественно расположилась старинная бумажная фабрика, задававшая своими

гудками ритм жизни рабочему поселку.

В семье тети Веры было двое сыновей. Один старше меня на пять лет, а другой на столько же лет моложе. Вполне понятно, что главный интерес для меня представлял старший, Валерий, – наставник и авторитет. Он приобщил меня к рыбалке, и это надолго стало одним из самых любимых моих увлечений. Снасти у нас были почти полностью самодельными. До сих пор удивляюсь, как нам удавалось ловить плотву – одну из самых осторожных рыб – на нитку и самодельный крючок, изготовленный из тетрадной скрепки. Правда, следует признать, что крючки брат делал очень искусно. Главным их достоинством был малый размер, а недостатком – низкая прочность, не позволявшая вытащить крупную рыбину.

С Красным Селом связана у меня и мучительная эпопея обучения плаванию. Началась она лет с семи. Брались учить меня многие: и отец, и брат, и дядя, – но совершенно безуспешно. Я прочитал несколько наставлений, старательно разучивал и выполнял их рекомендации, но не мог проплыть и метра. Неумение плавать было для меня ужасно огорчительным. Год от года число сверстников, не научившихся плавать, катастрофически сокращалось, и наконец я остался один. Это было стыдно и унизительно.

Конец этой муке наступил лишь в восемнадцать лет, когда я был уже студентом МГУ. Под угрозой отчисления я проплыл первые сто метров на обязательном зачете по физкультуре. До этого со мной три месяца занимались профессиональные тренеры. Наблюдая за моими стараниями, они пожимали плечами и разводили руками, ибо, делая все правильно, я не мог даже на самое короткое время поднять головы над водой, чтобы вдохнуть.

Но вернемся-таки в Красное Село. Научиться плавать в то время мне было крайне важно еще и для того, чтобы одному рыбачить на озере с лодки, не волнуя родственников. Озеро манило меня своими заросшими тростником берегами и дивными водорослями, создававшими под водой таинственный и причудливый мир, который, благодаря высокой прозрачности воды, можно было наблюдать на глубину до нескольких метров. В тихую погоду хорошо была видна снасть с крючком и насадкой. Рыбы медленно и заинтересованно подплывали к комочку из белого мякиша, но, потрогав его и почувствовав неладное, резко уходили в сторону, уступая место другим. Наконец, находилась какая-нибудь не слишком осмотрительная плотвица, которая брала насадку. Тут уж все решали доли секунды, кто окажется проворнее. Сказать по правде, особых успехов

в рыбалке я не достиг. Только однажды удивил тетю, поймав двух огромных плотвиц, а так все больше кормил кошку.

Стихией моей стал таицкий лес. Здесь я знал и чувствовал почти все, да и лес, как говорят, принял меня. Главное таинство было связано со сбором грибов. Выходить из дома нужно было затемно. К августу ночи становились холодными, туманными и росистыми, так что трудно было не вымокнуть еще по дороге. К рассвету температура воздуха достигала своего минимума, и промокшие ноги превращались в ледышки.

Но вот встает солнце… и постепенно все вокруг меняется. Пугающая серо-черная таинственность приобретает окраску, радужное сияние охватывает капельки росы на травинках и листьях. Микроскопические шарики воды, как бисер нанизанные на тончайшие нити, открывают взору невидимое днем царство паутин. На деревьях между ветвями здесь и там развешаны симметричные кружева, достигающие подчас гигантских размеров, но всегда удивительно аккуратной работы. В траве паутинки, напротив, как сеточки, с ювелирно мелким шагом.

Искусство плетения и особенно крепления паутин поражает своей точностью и рациональностью. Для меня необъяснимо, откуда у столь примитивных с виду паучков такие высокие конструкторские навыки, точность определения углов несущих линий и шага плетения, равномерно меняющегося от центра к периферии. Поражает и скорость работы. За день паук успевает не только починить всю оборванную непрошеными гостями леса снасть, но и создать целую систему новых ловушек для мух, бабочек и прочих букашек.

Количество мелких обитателей леса не поддается подсчету. При внимательном рассмотрении на любом клочке земли обязательно увидишь муравьев, жучков, снующих в целеустремленном движении, ярких божьих коровок, гусениц разных размеров и типов – от малоприятных прозрачно-зеленых до очень больших пушисто-нарядных и разноцветных. Весь этот мир столь гармоничен, что вроде бы и не подразделяется на хищников и их жертв.

Не чувствуется здесь ни злобы, ни коварства, все идет по правилам жизнепревращения, устойчивого в своем многообразии.

Вскоре лес наполняется дневными запахами и звуками. Первыми пробуждаются птицы, затем в оркестр вступают подсохшие кузнечики. Завершает пробуждение яркий хоровод разноцветных бабочек, которые в этих местах достигают размера ладони. Красота и величие, с которыми они порхают вдоль

просек, не позволяют и думать об их поимке.

Грибными таицкие леса не назовешь. Не зная мест, в них за день едва найдешь десяток сыроежек да пару подберезовиков, и только опытный грибник может рассчитывать на успех. Самыми заветными здесь всегда были рыжики. Растут они всего в нескольких местах, причем самых живописных. Это полянки в молодом ельнике, покрытые травой и мелким мхом. Если повезет прийти сюда первым, то наберешь иной раз целое лукошко рыже-зеленых красавцев. Вкус гриба под стать его изяществу и изысканности цвета и формы. Зимой позеленевший в рассоле грибок напомнит и о хвойном смолистом аромате молодых елочек, и о нежности мягкого мха, надежно укрывающего в своей глубине малюсенькие грибочки завтрашнего дня.

Первый же найденный гриб пробуждает азарт, и мгновенно забываешь и о прерванном утреннем сне, и о промокших ногах, и даже об окружающей красоте. Внимание концентрируется на одной цели, и редкий гриб остается незамеченным молодыми зоркими глазами.

Обратная дорога с полной корзинкой кажется короткой и легкой. Встречающиеся на пути запоздалые грибники – самые желанные свидетели успеха. А впереди еще радость бабушки:

– Бат-ть-тюшки-светы! Вот так грибы! Вот так молодец!

Дед осмотрит грибы более сдержанно, поинтересуется, где что найдено, и примется их чистить, расположившись в своем любимом месте на крыльце. Часть грибов идет к обеду на жарку, другие на засол в кадушку. Рыжики всегда солятся отдельно с особой тщательностью и уважением.

Леса, как уже отмечалось, обступают деревню с двух сторон. Тот, что с севера, – более низкий и болотистый. Из грибов там растут преимущественно сыроежки, очень крупные, на толстой ножке с ярко-красными загнутыми вовнутрь шляпками. Здесь много клюквы и морошки, но больше всего комаров. В начале лета от них просто нет спасения, и только к августу их полчища заметно редеют. Тогда сюда отваживаются ходить не только заядлые грибники, но уже и женщины с детьми.

С другой стороны деревни лес совершенно иной – высокий и сухой. Выйдя из дома, примерно через час быстрого шага можно дойти до проходящей через лес Царской дороги. В свое время она соединяла Северную столицу с гатчинским дворцом. Впервые попав сюда, оказываешься в плену торжественного величия истории. Построена дорога очень добротно и продуманно. Засыпанная битым красным кирпичом проезжая часть вьется среди леса, делая плавные повороты каждые сто – двести метров.

Уже одно это придает ей особую красоту и таинственность. Усиливают эффект растущие по обочинам огромного размера зонтичные травы, иван-чай, валериана и малина.

С дедом мы редко доходили до Царской дороги, а лес за ней вообще считался недоступным. Когда же я его для себя открыл, то оценил и полюбил в полной мере. Там на опушке леса расположились красавицы лиственницы с мягкой хвоей и красными смолистыми шишечками. Это лучшее место в лесу для сбора маслят. Узнав, что я туда ходил, дед каждый раз уважительно качал головой и вздыхал с легкой грустью.

Посетив Тайцы недавно после многолетнего перерыва, я первым делом направился к Царской дороге. Многое изменилось, но дорога сохранилась, хотя ее сильно разбили и замусорили грузовики за время какого-то военного строительства. Лес стал другим. В одних местах просеки и поляны заросли, в других он прорежен и больше напоминает парк. Неизменными остались только гигантские валуны – единственно надежные ориентиры цепкой памяти детства.

Зверей в тамошних местах встретишь нечасто в силу незначительной протяженности леса. Но однажды в куче валежника я заметил крошечного зайчонка и не смог устоять перед охотничьим инстинктом – подхватил насмерть напуганную зверюшку и заспешил домой. Он так дрожал в моих ладошках, что от жалости сжималось сердце, но чувство гордости от редкой удачи брало верх над милосердием. От нетерпения показать дома добычу я сам дрожал, как зайчонок.

Целый месяц пришлось выкармливать зайчонка из соски козьим молоком и оберегать от кошки, пока она не сдружилась с новым, повзрослевшим постояльцем. Жил заяц в доме под печкой и стал почти ручной. Осенью я с чувством исполненного долга передал подросшего зайчонка старикам на попечительство. Однако до следующего лета зайчик не дожил, зимой заболел и умер. Дедушка и бабушка о нем долго грустили, но по-разному: бабушка зайчонка искренне жалела, а дед чисто по-крестьянски переживал, что вовремя не зарезал его на суп.

Среди маминых братьев и сестер особое место занимал младший – Леонид. Родители любили его больше других детей, в ответ на что он сызмальства доставлял им больше всех хлопот и беспокойства своими проделками и приключениями. Будучи человеком мягким и душевным, он постоянно попадал с приятелями во всякие истории. Вместе с тем, мастер на все руки, он мог спуститься под воду в водолазном костюме и очистить винт военного корабля, сменить на подстанции сгоревший в грозу высоковольтный трансформатор,

отремонтировать любую машину, зарезать поросенка, стащить вилки в ресторане и т. д. и т. п. И было только одно непосильное для дяди Лени дело – он категорически не любил учиться. Ценой огромных усилий всех родственников он, работая уже мастером на Балтийском заводе, с грехом пополам закончил заочный техникум. Специалист он был, что называется, от Бога, свидетельством тому статья в «Ленинградской правде» с его портретом. Газету эту дед хранил до конца своих дней среди самых важных документов. Кроме заслуг сына в ней упоминалось и о нем, старом моряке-цусимовце.

Отношения у меня с дядей Леней были самые замечательные, и, когда он приезжал в деревню, я всегда был у него на подхвате. Мы вместе обтесали бревенчатый дом и обили его сделанной нами же вагонкой, надрали дранки и поправили крышу, залечив раны войны. Вместе чинили велосипеды, гоняли на мотоцикле, ездили купаться и ходили за грибами. С годами я стал ему серьезным помощником. Он даже брал меня на «халтуру». Подрабатывал дядя Леня тем, что электрифицировал новые дома, которые в то время росли в Тайцах как грибы.

Первое время моя работа сводилась к подключению розеток и выключателей, но вскоре я освоил и все остальное, включая подсоединение к сети на столбе. Для этой цели у нас были специальные металлические кошки и монтажный пояс с цепью. Не знаю, на какой размер ноги эти кошки были рассчитаны, но у меня даже в солдатских сапогах обе ноги могли поместиться в креплении одной из них. Зафиксировать в таких условиях ногу удавалось с большим трудом, и в силу этого уверенности в безопасном пребывании на столбе никогда не было, тем более что работать приходилось под напряжением.

Однажды стальной цепью монтажного пояса я чуть было не закоротил провода воздушной линии. Привычно орудуя на столбе, я вдруг краем глаза заметил, что цепь повисла на голом алюминиевом проводе и находится в нескольких миллиметрах от другого. Только эти миллиметры да заботливая судьба уберегли меня от трагедии. В лучшем случае я бы упал со столба и пережег магистральные провода, обесточив при этом всю округу. Слез я с мокрой спиной и дрожащими коленями. Больше я эту цепь никогда не надевал, да и «халтуры» как-то закончились.

Работая на заводе, а затем в морском КБ, дядя Леня натаскал в деревню много всякой электрической всячины. Это были старые моторы, сельсины, трансформаторы, аккумуляторы, реле, индикаторы, провода и многое другое. Все это попало в мое полное распоряжение и активное использование. На первом этапе

главным интересом для меня было что-нибудь развинтить и разобрать, но постепенно я перешел и к созиданию. Так у меня появились токарный станок по дереву, зарядное устройство для аккумулятора, прибор для выжигания и другие полезные вещи. Предметом моей особой гордости стала система сигнализации для охраны сада от непрошеных «ночных гостей». Она оказалась столь эффективной и надежной, что верой и правдой прослужила более десяти лет на зависть всем соседям.

У мамы был еще один брат, старший, Александр, который работал прорабом на военных стройках. Человеком он был на редкость тихим и скромным, во многом противоположным дяде Лене. Он считал для себя невозможным взять со стройки хоть что-то и не хотел даже верить, что другие делают это в больших масштабах. Я думаю, что если бы прорабом был дядя Леня, то в Тайцах у нас была бы хорошо оборудованная военная база.

Мечтою дяди Лени был автомобиль. Но при его образе жизни об этом можно было разве что только мечтать. Во-первых, у него никогда не было достаточных денег, а во-вторых, в трезвом состоянии он мог удержаться не более чем до обеда. И тем не менее автомобиль в Тайцах, ко всеобщему удивлению, появился. Купил его дядя Леня за бесценок у своего приятеля. Приятель был сильно болен, и автомобиль «Москвич-401» несколько лет бесхозно простоял во дворе на радость детворе. Каким-то образом машину доставили из Ленинграда в деревню, и дядя Леня тут же приступил к ее восстановлению.

Запасные детали достать было очень трудно, и многое ему пришлось изготавливать самому. Это был 1980 год, с момента выпуска машины прошло более двадцати пяти лет. Я тогда уже женился, окончил университет, работал и в Тайцах не был несколько лет. Жили мы с женой и двумя детьми у ее родителей, и особенность ситуации состояла в том, что у тестя был точно такой же старенький «москвич», который мне постоянно приходилось ремонтировать. Учитывая это, дядя Леня очень рассчитывал на мою помощь в оживлении своего любимца.

Летом мне удалось сагитировать жену и детей съездить на месячишко в Тайцы. Дядя Леня ждал нас с особым нетерпением. К запуску двигателя «москвича» мы приступили немедленно по приезде. Сначала в нем не было никакого интереса к жизни, заводная ручка прокручивалась совсем без отдачи. Мы вынуждены были даже снять головку блока цилиндров, чтобы в высохшие цилиндры залить масло. К середине ночи мотор начал схватывать, но аккумулятор к тому времени уже полностью сел, и пришлось поставить его

на подзарядку, а работы отложить до утра.

Утром пришел заслуженный успех – машина завелась, и мы решили незамедлительно выехать на ходовые испытания. Нечего и говорить о том, что никто из нас не только не имел водительских прав, но и ездить толком не умел. Тесть несколько раз пытался меня учить, желая передать вымотавшую все его силы машину, но мои успехи в вождении были примерно такими же, как и в плавании. Тем не менее после короткого обсуждения, на котором были взвешены все «за» и «против», именно мне выпала честь первому сесть за руль. Сесть, правда, оказалось непросто, так как переднее сиденье в машине заменял невысокий деревянный ящик. Моя голова едва доходила до уровня узенького, как смотровая щель танка, лобового стекла «москвича». Смотреть, впрочем, в него не было необходимости, ибо выезжать из гаража предстояло задом.

Гараж с дорогой соединяла заросшая травой межа между двумя соседскими огородами шириной чуть более двух метров. Слева от межи росла картошка, а справа – капуста.

К торжественному моменту собрались все родственники. Старшая мамина сестра – тетя Маня, являвшаяся в то время негласной хозяйкой дома, очень нервничала, предчувствуя неприятные объяснения с соседями. Но дядя Леня успокоил ее, охарактеризовав меня как опытного водителя. Это придало мне дополнительной уверенности.

Дядя Леня вышел вперед, мы договорились, что он будет давать мне команды. По его отмашке я включил заднюю передачу, и машина тронулась в нужном направлении, более того, удалось без происшествий выехать из гаража. Теперь предстояло вырулить на межу.

Езда задним ходом – непростое дело даже для людей, прошедших курсы автовождения. В этом я убедился уже через несколько секунд. Машина двигалась совсем не туда, куда мне требовалось. Дядя Леня, а потом и все родственники стали кричать и показывать, в какую сторону следует крутить руль. Это окончательно парализовало мои действия. Как невменяемый, я вцепился в руль и одеревеневшей ногой нажимал на газ, ничего не видя и ни на что не реагируя. Кончился этот казавшийся мне бесконечным кошмар после того, как машина въехала в яму и мотор заглох. Мое состояние было как после пытки на электрическом стуле.

Однако, выбравшись наконец из машины, я обнаружил, что поставленную задачу в основном удалось-таки выполнить. Машина застряла в поле в непосредственной близости от дороги. По реакции родственников, особенно тети Мани, было понятно

и то, что не все прошло штатно. Из гаража следы машины круто забирали в капусту, через которую и пролегла большая часть последующего пути. Самое поразительное заключалось в том, что ни один кочан не пострадал. Уверен, что самый опытный водитель не смог бы повторить мой «капустный заезд» более удачно.

Дальше дело пошло также вполне успешно. Выяснилось, правда, что рулевая тяга у «москвича» сильно погнута и поэтому руль поворачивается преимущественно в правую сторону. Второй серьезной проблемой оказались тормоза. Главный цилиндр заметно подтекал, к слову, как и радиатор. Поэтому воду в них приходилось подливать каждый час. Плохо отжималось сцепление, и барахлил бензонасос. Щели в полу и пробоины в корпусе, как мощные пылесосы, втягивали с дороги пыль, от чего в машине трудно было дышать. Но всё это были уже мелочи.

Целый месяц все мы по очереди, включая жену и тринадцатилетнего сына, рулили на машине по деревне и прилегающим проселочным и лесным дорогам. Дядя Леня был очень доволен и строил грандиозные дальнейшие планы. Но, как выяснилось, этот месяц был для «москвича» лебединой песней. Он еще немного поездил, затем лет десять простоял в гараже, пока его не отдали соседям, по капусте которых я совершил свой триумфальный выезд.

После смерти деда в 1961 году основную заботу о доме и усадьбе приняла на себя старшая дочь – тетя Маня. Это был период расцвета. Она организовала ремонт дома и закладку сада, который до сих пор обильно плодоносит. Каждая вещь в доме была отремонтирована, учтена, имела четкое предназначение и строго определенное место. Правила жизни в Тайцах в тот период были очень жесткими. Если уж не разрешалось входить в дом в ботинках, то в присутствии тети Мани никаких исключений быть не могло. По этому поводу был даже небольшой курьез. За столом в присутствии всей семьи маленькой внучке – Маше загадали загадку:

– Не лает, не кусает, а в дом не пускает?

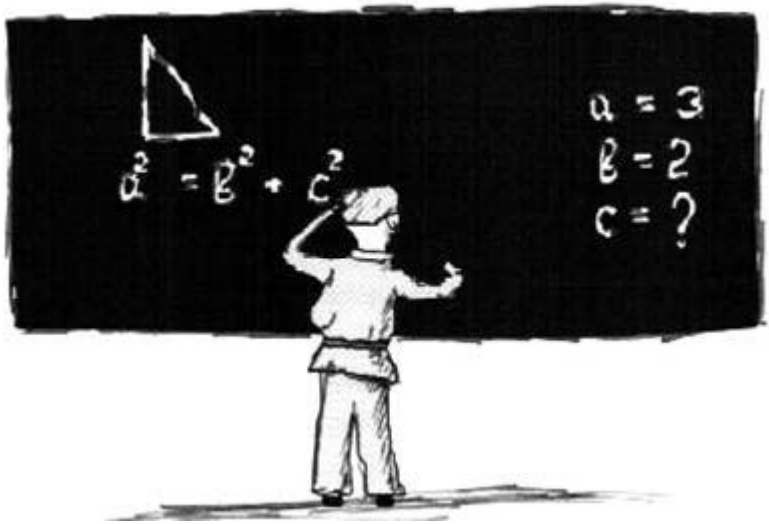
– Тетя Маня, – не задумываясь ответила девочка.

К моему приезду в Тайцы тетя Маня загодя составляла список проблем, ждущих своего решения. Дела в списке были не случайными, а именно теми, которые я мог сделать лучше других. Я воспринимал все поручения с готовностью, даже с гордостью, и не было случая, чтобы я не оправдал ее ожидания.

Сейчас из старшего поколения в Тайцах уже никого не осталось, и все хозяйство в руках брата Валерия, который

сохранил к Тайцам душевную тягу и живой интерес. Я бы тоже, имея время, подключился к нему, так как чувствую свою неразрывную связь с этим многое повидавшим домом, высоким небом и звонкой песней жаворонка над лугом.

Глава вторая
Школа



Москвичом я стал в 1950 году, когда поселился с родителями в общежитии военной академии, в которой учился отец, на Большой Пироговской улице. Имея пять подъездов и множество крыльев, наш дом давал приют огромному числу обитателей. Номер последней по списку квартиры был ни много ни мало 672, именно в ней мы и жили. Квартира была пристроена к дому сверх проекта, она располагалась на седьмом этаже рядом с машинным отделением лифта. При ее строительстве потребовалась немалая изобретательность. Окно кухни выходило на чердак, и для того, чтобы оно давало хотя бы немного света, строителям пришлось застеклить часть крыши.

Хозяйки хранили на чердаке картошку и овощи, а для меня окно на чердак открывало огромные пространства сразу в двух измерениях. Чердак, как ему и положено, был таинственно-мрачен и имел очень сложную конфигурацию, как и сам дом. Гулять по нему было жутковато, особенно в семилетнем возрасте. Железная крыша, на которую без труда можно было выбраться через слуховые окна, напротив, открывала перспективу на всю округу.

В квартире жило пять семей, причем на удивление дружно. Я мог зайти в любую дверь без всякого опасения быть изгнанным. Иной раз на ночлег у соседей располагались наши гости,

приехавшие из тверской деревни или Ленинграда. В нашей комнате места для них не было даже на полу. Десять квадратных метров занимали две кровати, буфет, стол и пара стульев. Все казенное, с металлическими номерками. Вскоре родилась моя сестра, и это потребовало дальнейшего уплотнения.

По моим мальчишеским понятиям, дом был расположен идеально. Рядом с ним Новодевичий монастырь с кладбищем, два пруда с крутой горкой, окружная железная дорога с мостом через Москва-реку. За железной дорогой – Лужники. В то время там был небольшой стадион «Химик», резиновая фабрика со свалкой и песчаный склад на берегу реки.

Монастырь и прилегающий к его высоченной стене пруд были для нас, мальчишек, излюбленными местами времяпрепровождения. В пруду мы ловили карасей и уклеек, а также пытались отыскать золотые вещи, якобы спрятанные там монахами во время войны с Наполеоном. Успеха наши старания, однако, не имели.

Зимой на пруду расчищали каток, который собирал немало народу. Ближе к весне лед разрезали на кубики и на грузовиках увозили в ледник для хранения продуктов.

Задние монастырские ворота ведут на известное всем Новодевичье кладбище, в ту пору совершенно открытое. Среди знаменитых захоронений больше других нас привлекали памятники летчикам, погибшим в авиакатастрофах. В монастырской стене их несколько, с изображениями самолетов и описанием происшедшей трагедии. Иногда удавалось попасть на похороны с оркестром и большим количеством народу. На погребении генералов и адмиралов всегда был салют, после которого мы разыскивали в траве или снегу приятно пахнущие порохом гильзы. На этом же кладбище у могилы Зои Космодемьянской в десять лет меня торжественно приняли в пионеры.

За парком, берущим начало напротив нашего дома, идет спуск к Москва-реке, на берегу которой стоит дом культуры прядильной фабрики с большим кинозалом. Кино для нас было главным, а точнее, единственным культурным развлечением. В клубе мы занимали места на полу за барьером у самого экрана. Близость действия производила неизгладимое впечатление, и после каждого фильма мы долго пересказывали его друг другу на понятном только нам языке возгласов и междометий.

Однажды перед обедом родители послали меня за хлебом в булочную, что была в соседнем доме. По дороге я встретил приятелей, направлявшихся на Ленинские горы ловить рыбу. Понятно, что это меня сразу заинтересовало, и я присоединился

к дружной компании.

Погода была отличная, мы, не задерживаясь, прошли через монастырские пруды, железнодорожный мост, речку Сетунь, а там и до высокого берега Москва-реки рукой подать.

В те годы набережной на Ленинских горах не было, и берег пребывал в первозданном виде. Деревья и кустарники подходили к самой воде, чистые ручьи от многочисленных источников впадали в речку по узким овражкам, круто спускавшимся с горы. Ручейки были совсем мелкие с чистым песчаным дном, что выгодно отличало их от реки, по которой буксиры, оставляя за собой мазутные пятна, таскали баржи, груженные песком и лесом. Рыбешки из реки заходили в эти чистые ручейки, где едва могли плавать, цепляясь за дно. Обычно это были небольшие налимы, длиной сантиметров пятнадцать – двадцать. Ловить их можно было прямо руками. Уже через час, обойдя с десяток ручьев, мы имели неплохой улов. Сначала думали отнести добычу домой, но нести улов было не в чем, и мы решили поджарить налимов на костре, поскольку к тому времени сильно проголодались. Спички кто-то предусмотрительно захватил, и костер приятно задымил выбранную нами уютную полянку. Жареная рыба не слишком удалась, без соли есть ее было трудно. Но это настроения нам не испортило, и мы решили, что завтра поход повторим, подготовившись более основательно.

Вернувшись, я не забыл купить хлеб. Однако дома ждали уже не столько хлеб, сколько меня. Мимолетная радость от моего появления тут же сменилась совсем иными эмоциями. Полдня, проведенные мною на природе, вызвали дома озабоченность, которая приняла для меня совершенно нежелательную форму. Больше я никогда не ходил за хлебом через Ленинские горы.

К своему стыду, первые школьные годы я не помню так же отчетливо, как дворовый мальчишеский досуг. Более-менее устойчивая картина событий начинается только с третьего класса. В том году произошла одна из реформ школьного образования, и наша до того времени мужская школа превратилась в смешанную. Это событие было из ряда вон выходящим и поэтому четко отложилось в памяти.

До того девчонки ни в коей степени не присутствовали в нашей мальчишеской жизни, и вдруг они появились в великом множестве, да еще со своими правилами. Нашему удивлению не было предела, когда на переменках, вместо того чтобы носиться по коридору и толкаться, они чинно расхаживали парами среди нашей кутерьмы. Никакие насмешки и более грубые воздействия не могли нарушить эти устои. Как я потом понял, такие прогулки с доверительным перешептыванием были

своеобразным ритуалом для установления и демонстрации отношений, а также обсуждения коварных интриг.

За парту меня, как и остальных мальчишек, посадили с девочкой (очень симпатичной). Естественно, что интерес к ней был весьма велик, но он тщательно скрывался. Многое в ее поведении мне было совершенно не понятно, как, видимо, и ей в моем. К примеру, мы с приятелями постоянно придумывали всяческие соревнования и испытания на силу, выносливость и волевые качества. Для проверки последних у нас было особенно много вариантов. Самый простой состоял в следующем: набрав воду в рот на перемене, продержать ее, не глотая, весь урок. При кажущейся простоте выполнить это задание без тренировки весьма сложно. Первые минут десять – пятнадцать держались все, и учителя только удивлялись необычной тишине в классе.

Наиболее выигрышным для меня было соревнование на продолжительность висения на перекладине на одной и двух руках. В этом виде, а также в лазании по канату я был впереди даже самого сильного в классе Петьки Зорина, кстати, моего приятеля.

На уроке физкультуры случился у нас и первый курьез системы смешанного образования. У одного мальчика, спускавшегося по шесту, задрались трусики, и стоявшая рядом девочка в изумлении вскрикнула:

– Смотрите! Что это у него?

Мальчик от стыда прилип к шесту. Дороги вниз для него не было, а отпустить руку и поправить трусы было страшно. Растерялся даже учитель. Но как-то все обошлось, и больше подобных неожиданностей не возникало.

Учился я всегда достаточно старательно, но не все предметы давались мне одинаково легко. Самым ненавистным было чистописание, так как написать без помарок я не мог и строчки. Причем чем больше я старался, тем хуже все получалось. Когда этот предмет значился в расписании, день заведомо был испорчен, как походом к зубному врачу.

Однако самая серьезная проблема у меня возникла в четвертом классе с пением. Сначала все было вполне нормально, и я даже выступал с хором со сцены. В нашем репертуаре были песни о «Варяге», пограничнике и Раймонде Дьен, которая легла на путь и не позволила пройти военному составу. Катастрофа случилась с приходом новой учительницы, решившей заслушать нас индивидуально. Когда подошла моя очередь, я добросовестно спел полагавшийся куплет песни и никак не ожидал, что это окажет на учительницу столь сильное воздействие. Она выскочила из-за инструмента, схватила меня

за шиворот и с криком, что не позволит над собой издеваться, толкнула так, что я врезался в стенку головой. Во время этой экзекуции вдобавок ко всему порвался пионерский галстук.

В таком заплаканном и сильно потрепанном виде и обнаружила меня в коридоре наша классная руководительница. По-видимому, она сообщила о случившемся директору школы, и вскоре произошла разборка. Учительница пения была страшно рассержена, поставила мне в четверти двойку и объяснила свой поступок тем, что якобы я ее грубо обругал. Поверить в это было трудно, и ее уволили (надеюсь, по собственному желанию). С этого времени уроки пения прекратились, как мне помнится, совсем.

Заканчивая музыкальную тему, следует рассказать еще об одном случае. Как-то, зайдя к своему другу Петьке домой, я застал его за необычным занятием. Он торжественно сидел за столом с большой медной трубой в руках. Перед ним лежала маленькая бумажка с нотами, которые он старательно воспроизводил, не обращая на меня внимания. Закончив упражнение, он сообщил мне, как бы между прочим, что записался в духовой оркестр при доме пионеров.

Петька был в классе большим авторитетом, и я сразу понял, что навряд ли переживу, если у меня не будет такой же замечательной трубы. Насладившись произведенным впечатлением, Петька обещал похлопотать в оркестре и за меня. Что и говорить, он был человеком широкой души.

Через несколько мучительно долгих дней мы наконец поехали записывать меня в оркестр. Его руководитель – уже пожилой человек весьма строгой внешности – без лишних разговоров приступил к проверке моих музыкальных способностей; для этого он сел к пианино и стал нажимать на клавиши, требуя от меня определения их числа. Никаких признаков числа нажатых клавиш на слух я не различал и, чтобы не опозориться, пришлось незаметно подглядывать. Ошибки пошли только при нажатии большого числа клавиш двумя руками.

Удовлетворившись первым тестом, экзаменатор начал стучать карандашом по столу. С учетом опыта, приобретенного в первом испытании, я старательно пересчитал, а потом и воспроизвел число ударов. На лице музыканта появилось недоумение, а юные дарования, присутствовавшие при моем испытании, визжали от смеха. Но он строго пресек их бестактность, заметив, что если бы у всех был такой идеальный музыкальный слух, как у меня, то ему было бы много легче работать.

Таким образом, несмотря на сокрушительный провал во втором раунде, я был принят в оркестр, и наступил долгожданный момент выбора инструмента. Тут я вторично попал впросак, так как не выяснил у Петьки названия его трубы. Хуже того, оказалось, что я не помнил названий ни одного инструмента духового оркестра, за исключением барабана. Его и пришлось назвать, дабы сгладить неловкость. Как на грех выяснилось, что барабанщик-то как раз и нужен, так как предыдущего недавно выгнали. Руководитель оркестра велел мне купить палочки (казенные спер мой предшественник) и приходить на следующее занятие.

Только в трамвае я пришел в себя и окончательно расстроился. Во-первых, барабан был в тысячу раз хуже красивой медной трубы. Во-вторых, барабанить в нашей комнатке было просто невозможно (как, впрочем, и играть на трубе). Стало совершенно ясно, что это был провал всего замысла, и я принял мужественное решение отказаться от своей затеи.

В дальновидности этого поступка я утвердился много лет спустя, когда, напутствуя меня в первую заграничную командировку, жена сказала:

– Делай там что угодно, только об одном прошу тебя: никогда и нигде не пой.

Двойка по пению в четвертом классе, судя по всему, была заслуженной.

В середине пятого класса учеба моя на время прервалась, так как отцу дали новую жилплощадь, на этот раз две смежные комнаты в малонаселенной квартире на Новопесчаной улице. Квартира была на втором этаже и выходила окнами прямо на спортплощадку школы № 144. Школа эта имела в округе высокий рейтинг, и меня в нее не взяли, сославшись на переполненность классов. Пришлось записаться в другую школу, расположенную у Ленинградского шоссе.

Уже на первых уроках новые учителя обнаружили в моем образовании два серьезных пробела. Во-первых, выяснилось, что я не умел читать. Не то чтобы совсем, буквы я знал хорошо и не спеша мог составлять из них слова, но для пятого класса такой уровень был недостаточен. Для того чтобы выглядеть поприличней, я ограничивался чтением начала слов и на ходу придумывал им окончания. Учительница не сразу поняла, в чем дело, и решила сличить тексты в учебниках. Убедившись в их идентичности, она вызвала маму и рекомендовала ей принять самые серьезные меры.

К несчастью, оказалось, что и английского языка я тоже совершенно не знаю. Да и откуда было его знать, если учили его

всего полгода. В дальнейшем на русский и английский языки я потратил времени больше, чем на все остальные предметы, вместе взятые, но заметных успехов так и не достиг.

Самыми любимыми предметами в то время у меня были естествознание и биология. Эти уроки проходили в кабинете, заполненном диковинными растениями с огромными листьями и лианами. Учительница была добрейшей женщиной, влюбленной в свой предмет. Она открыла нам многие тайны природы, показала в микроскопе жизнь клеток, ставила опыты по проращиванию семян, водила на экскурсии в музеи. Все мы с нетерпением ждали ее уроков.

Сейчас я уже не помню всех обстоятельств, но только в один прекрасный момент к нам пришла другая учительница, очень уверенная и решительная женщина. Весной она перенесла занятия на школьный двор. Там по периметру спортплощадки на вытоптанной земле боролись за жизнь невысокие деревья. Они-то и стали объектом ее внимания.

Каждому из нас было выделено по дереву и дано задание раскопать корни с целью подкормки. По ее замыслу, копать следовало на глубину никак не меньше полуметра.

За один урок утрамбованную тысячью пробежавших спортивных ног землю расковырять было невозможно. В результате пару недель деревья стояли подкопанными, опираясь на несколько крупных оголенных корней на дне ямы. Наконец все ямы были углублены в достаточной степени, и нам выдали по горсти живительного белого порошка для каждого дерева. Засыпать ямы к тому времени было уже нечем, так как выкопанная земля бесследно исчезла. На этом операция по охране «зеленого друга» была завершена. Ни одно из подкормленных деревьев на следующий год ухода уже не требовало. Закончилось и наше повальное увлечение биологией.

После шестого класса меня опять ждали перемены. Родители наконец договорились о моем переводе в близлежащую школу, где мне и суждено было завершить среднее образование.

Новый класс, сплошь состоящий из одаренных личностей, встретил меня без особого воодушевления и даже критически.

«Вот еще одного недоумка привели» – было написано на их светлых лицах.

Первым в этом списке был пришедший незадолго до меня симпатичный весьма упитанный мальчик Алик Терлецкий. Близость жизненных позиций сразу сдружила нас, и эта дружба, надеюсь, одинаково важная для нас обоих, сохранилась и по сей день.

Класс был вполне благополучный, совсем не хулиганистый, но и не слишком дружный. Вписался я в него без особых проблем. Среди мальчишек класс был разбит на несколько групп, объединившихся преимущественно по территориальному признаку. Их формирование определялось тем, что значительную часть досуга мы проводили во дворе и на улице.

Самой заметной фигурой в нашем дворе был мой тезка и одноклассник красавец Гена. Отец у него был полковником милиции, и Гена считал себя человеком очень прозорливым, могущим распутать любое дело, кем-то типа Шерлока Холмса. Такая уверенность сформировалась у него как по наследству от отца, так и из опыта, набранного при просмотре огромного числа кинофильмов. Он был просто киноманом и не пропускал ни одного нового фильма. Однако реальных ситуаций, в которых могли бы проявиться его способности, не было. Лишь однажды мне представилась возможность помочь ему утвердиться в глазах одноклассников в качестве опытного следователя.

В то время в школе практиковались коллективные походы в театр. Обычно нас водили на спектакли по тематике изучаемых литературных произведений, но тут купили билеты на детектив. Я уже этот спектакль видел. Там в первом акте закручивается шпионская интрига с участием нескольких подозрительных лиц. Сюжет довольно увлекательный, и в антракте все зрители гадают и спорят, пытаясь разоблачить врага народа. Но он был так замаскирован, что не угадывал никто. Развязка, наступающая в следующем акте, совершенно неожиданна. О ней я и поведал Гене перед спектаклем.

Эффект превзошел ожидания. На следующее утро все в классе только и говорили о невероятной прозорливости Гены. Девчонки, которые и без того были влюблены в него, открыто переполнились обожанием. Гена с достоинством принял славу, хотя можно было заметить, что мое присутствие его несколько сковывало. Когда мы оказались наедине, он небрежно бросил:

– Ты мог бы мне и не говорить, я и так сразу все понял.

Я воспринял это как черную неблагодарность, но тайну успеха сохранил.

Сейчас я смотрю на этот случай несколько иначе и вполне допускаю, что он был в своем заявлении искренен. Когда наперед знаешь результат, все замаскированные автором детали и мелочи становятся более выпуклыми.

Другой одноклассник – Толик был одержим авто и тратил на свое увлечение все внешкольное время, отчего учился плохо, хотя и был способным. В одиннадцатом классе он решил построить действующую модель бензинового двигателя.

Для начала сделал чертеж корпуса, раздобыл здоровенную стальную болванку и начал подобно скульптору вырубать из нее зубилом соответствующую чертежу форму. Нам всем было очевидно, что из этой затеи ничего не выйдет, но, видя то упорство, с которым наш товарищ изо дня в день стучит молотком, мы даже попытались ему помочь. Правда, энтузиазм наш закончился после первого же неудачного удара молотком по руке. У Толика вся левая рука была сплошным синяком.

После недели напряженной работы в болванке появилась выемка весьма неправильной формы глубиной в несколько сантиметров. Взвесив все «за» и «против», Толик сдался и обратился за помощью к фрезеровщику на заводе, где он проходил практику. Через час изуродованная заготовка приобрела форму изящной детали. Толик показывал ее с нескрываемой гордостью, и мы уже даже начали верить в реалистичность его конечного замысла. Но тут нас ждала неожиданность. Толик, который еще вчера с энтузиазмом часами колотил молотком по зубилу, полностью утратил интерес к своему проекту.

Психологию такого поведения я понял не сразу. Помог мне рассказ персонажа одной из последующих глав – Саши Волкова. В детстве он увлекся собиранием народных пословиц. Завел альбом и аккуратным почерком вписывал в него свою «добычу». Родители решили поощрить увлечение сына и подарили ему на день рождения толстую книгу «Пословицы и поговорки русского народа». Саша очень обрадовался… и потерял всякий интерес к своему увлечению. Вывод очень простой: в жизни, особенно в детстве, процесс бывает важнее результата. Собственно вся жизнь – это именно процесс.

В классе была еще одна дружественная мне заметная личность – Владимир. Он олицетворял собой богемную часть нашего небольшого коллектива, жил под маской легкой загадочности и не был конкретен в своих мыслях и поступках. Многим девчонкам он нравился даже больше, чем удалой Гена, поскольку был по-взрослому симпатичен, остроумен и нетривиален в своих суждениях. Нас с ним объединяла именно несхожесть в отношении к жизни. Встретившись с ним лет через двадцать после окончания школы, я сделал вывод, что жизненная неконкретность не всегда приводит к успеху.

Пора, однако, сказать и про девчонок, тем более что их было в классе немало и были они весьма привлекательными. Их внутренние отношения были более тонкими и противоречивыми, чем у ребят, а группировки менее устойчивыми. Самой заводной в классе была маленькая испанка,

дочка политических беженцев Жанна. Именно она однажды инициировала письмо протеста в «Комсомольскую правду» против какой-то выходки империалистов, которое с нашими фамилиями напечатали на первой полосе и которое привлекло к нашему классу значительное внимание далеко за пределами школы.

Кстати, в классе был еще и итальянец – Андрей. Он отлично говорил по-русски и к тому же был безупречно грамотным, так что диктанты по русскому языку я предпочитал списывать именно у него.

В отношениях девчонок самое существенное значение имел рейтинг по красоте. Лидерам рейтинга завидовали и в девичьей среде их не любили, поскольку именно они были в центре внимания мальчишек. В нашем классе среди прочих явно выделялась одна – Татьяна. Она была не только красива, но еще и не по годам женственна и умна. У Татьяны в классе не было устойчивых подружек, и было понятно, что ее личная жизнь не ограничивается рамками школы. С мальчишками она тоже особенно не сходилась. Все мы понимали, что для нее мы слишком желторотые. Меня она несколько выделяла своим вниманием, и приятные воспоминания от этого свежи до сих пор.

Учителя в школе практически все без исключения были замечательные, и хотя бы о некоторых из них нужно обязательно сказать подробнее. Явно обращал на себя внимание учитель математики Дмитрий Емельянович – мужчина высокого роста и крупного сложения. Даже в холодную погоду он ходил без пальто с неизменным зонтиком. Класс он требовал проветривать на перемене так, что зимой зуб на зуб не попадал. Математике учил Дмитрий Емельянович столь надежно, что все, успешно прошедшие его школу, поступали в институт без помощи репетиторов.

Совершенно неожиданно и необъяснимо в один прекрасный день директор решил отправить Дмитрия Емельяныча на пенсию. Мы были шокированы, но повлиять на ситуацию не могли. Тогда решили подарить учителю на память часы. Деньги собрали с редким энтузиазмом и на последнем уроке часы вручили. Дмитрий Емельяныч был так растроган, что решил полгода доучивать нас без зарплаты. Вот такие нравы были в то время.

За рамки школьной программы Дмитрий Емельяныч на уроках не выходил и слегка подтрунивал над теми, кто этим увлекался. Душу в компании с Аликом Терлецким и Витькой Степаньянцем (самым способным из нас) мы отводили в кружке, который вел другой математик – Григорий Павлович. Под его руководством мы изучили метод математической индукции, начала дифференцирования и интегрирования. Но не это было

главным – большую часть времени мы тратили на задачи из олимпиадного сборника мехмата МГУ. Они коренным образом отличались от рутинных школьных, и при их решении мы впервые столкнулись с непреодолимыми трудностями. Иной раз неделями я безрезультатно бился над самой простенькой на вид задачей. Преподаватель также не мог решить большинства из них и не скрывал этого. Если кто-либо из кружковцев «раскалывал» одну из задач, это становилось событием, специально обсуждаемым и критикуемым. В критике чужих ошибок я оказался особенно силен и на этом заработал значительный авторитет.

Весной наступало волнительное время олимпиады. Проходила она в главном здании МГУ на Ленинских горах. Все было организовано очень торжественно и по-взрослому. В огромных аудиториях нас рассаживали на некотором удалении друг от друга. Вскрывали конверт и объявляли задачи. На решение отводилось четыре часа. На третьем всех угощали булочками с изюмом.

Несмотря на основательную подготовку, успехи нашего кружка обычно были весьма скромными, и лишь однажды из МГУ в школу пришла благодарственная грамота, которой все мы, и особенно Григорий Павлович, очень гордились.

Несколько тоненьких книжечек с олимпиадными задачами в потертых бумажных переплетах я храню до сих пор. Когда при разборке книг они попадаются в руки, я обязательно перелистываю их и как бы ненадолго возвращаюсь в волнительную пору юности, вспоминая олимпиады и многие другие события тех лет. Некоторые из задач сейчас мне уже не представляются столь безнадежными, другие же, особенно по геометрии, так и остались неприступными.

В одиннадцатом классе мы с Витькой решили сыграть сразу на двух «досках» – выступить на физических олимпиадах в МГУ и МИФИ. Дело осложнялось тем, что первые туры совпали по времени. В качестве выхода мы решили, что я пойду в МГУ, а Витька в МИФИ и каждый решит два варианта под двумя фамилиями. Сомнений в успехе у меня не было ни малейших. Но результат оказался ужасным – мы провалились в обоих местах. Не знаю толком, что случилось у Витьки, но я в спешке наделал массу ошибок в задачках, которые в обычной обстановке решал без проблем. Потом в жизни я не раз убеждался, что большая уверенность в победе, как правило, оборачивается большим поражением и, наоборот, опасения и сомнения частенько являются признаком успеха.

Физика нравилась мне ничуть не меньше математики, и я с удовольствием занимался ею сверх школьной программы.

Настольной книгой был «Сборник избранных задач по физике» с решениями. Все до единой задачи были настолько интересными, что я изучил их досконально. Понятно, что на уроках после такой подготовки я мог без особого напряжения блеснуть знаниями и сообразительностью, что и делал при каждой возможности.

Преподаватель физики Юрий Львович был человек импозантный и страшно нравился всем девочкам. Не удивительно, что несколькими годами раньше он женился на одной из своих выпускниц. Моя активность вызывала у него двойственное чувство. С одной стороны, его, как преподавателя, радовали мои успехи, с другой – я постоянно нарушал создаваемую им на уроках атмосферу загадочности и его возвышенного превосходства.

Несколько лет спустя я сам оказался в схожей ситуации, когда, будучи студентом МГУ, вел отборочные занятия со школьниками. По замыслу, на этих занятиях предстояло выявить способных ребят для зачисления в физико-математическую школу. Такая процедура представлялась нам более безошибочной по сравнению с обычными собеседованиями и экзаменами.

Стараясь отличить заученные знания школьников от активного владения предметом и сообразительности, я на каждое занятие придумывал свежие задачи. В группе же был один паренек с удивительными способностями. Все мои домашние заготовки он раскалывал на лету, подавляя тем самым остальных. Я тогда все же смог найти против него «противоядие», поручив вундеркинду самому придумывать задачи. Несмотря на безусловные способности, ничего путного он так и не придумал, зато у меня появилась возможность спокойно работать с остальными.

Наш же учитель физики избрал другой путь. Он старался смутить меня, подловив на какой-нибудь ошибке. Чем реже ему это удавалось, тем сложнее становились наши взаимоотношения. Критический случай произошел в десятом классе и не был связан с физикой. Юрий Львович к тому времени стал директором школы.

Учительница истории решила сводить нас в музей Ленина. С самого начала можно было предвидеть, что затея вести в святая святых группу подростков, сплоченных иронией над окружающей действительностью, была небезопасной. Так и оказалось.

С первых же минут мы стали задавать экскурсоводу нелепые вопросы, совершенно не соответствующие торжественности момента. Сначала не подозревавшая подвоха женщина пыталась

на них серьезно отвечать, но потом, убедившись в нашей злонамеренности, отказалась продолжать экскурсию.

Об этом ЧП мгновенно стало известно директору школы, и он потребовал назвать зачинщиков, не наказывать же весь класс. Учительница назвала меня. Должен признаться, не без оснований.

Разборка началась прямо на уроке. Мне было велено покинуть занятия и явиться с родителями. С учетом политической составляющей проступка рассматривались два варианта моего наказания: исключение из школы или исключение из комсомола. Ни тот, ни другой меня совершенно не устраивал.

Обсудив сложившуюся ситуацию с секретарем комитета комсомола школы, который был нормальным парнем и к тому же моим приятелем, мы решили ехать в музей и утрясать дело там. Экскурсовода мы нашли без труда. На удивление, встретила она нас очень приветливо и сказала, что меня хорошо помнит. «Еще бы», – обреченно подумал я.

Мы коротко изложили ей суть вопроса и имеющиеся варианты его решения. Реакция ее была поразительной. Она сказала, что никакого зла вообще не держит, а проводимые в школе поиски «козла отпущения» являются вредным последствием культа личности. Еще она сообщила, что сегодня ей выдали долгожданный ордер на новую квартиру. Такое везение (я имею в виду себя) не могло прийти само по себе. Судьба и раньше была ко мне благосклонна, но столь отчетливо я почувствовал ее спасительную руку впервые.

Мы поздравили и тепло поблагодарили счастливого экскурсовода. На прощание она дала нам свой телефон и обещала заступиться в случае необходимости.

На следующий день я пришел в школу без родителей, но в легком волнении. Директор явился вместе с учительницей истории уже на первый урок и потребовал от меня объяснений.

Я слово в слово процитировал экскурсовода. Наступила пауза. Директор повернулся, бросил взгляд на учительницу, от которого та вся сжалась, и покинул класс. Я понял, что победил, но радости от этого никакой не было. Состояние было примерно как в свое время на столбе, когда страховочной цепью я чуть не замкнул магистральные провода. Пуля просвистела у виска.

Следующая, более мелкая угроза нависла надо мной уже в самом конце одиннадцатого класса. У нас не было какого-то урока, и мы втроем играли в дурака, когда в класс вошла новая учительница химии. Карты у нас были необычные – их Алик сделал сам, причем очень искусно. Они были крошечными и помещались в спичечную коробку. Мы играли в них, почти

не таясь, поскольку и за проступок-то это не считали.

На вопрос учительницы «Что вы тут делаете?» я честно ответил «Играем в карты. Не хотите ли присоединиться?»

Это был явный перебор расхрабрившегося выпускника.

Далее события развивались стремительно. На следующий урок прибыл директор и, сказав, что за такие дела можно заработать запись в характеристику, с которой и в ремесленное училище не примут, потребовал добровольно признаться в содеянном.

Мы обреченно переглянулись и уже хотели было сдаваться, как вдруг нас опередила другая четверка вставших одноклассников. (В этот раз судьбе спасти меня оказалось много дешевле, чем в предыдущем случае.) Их увели, но вскоре вернули, так как химичка их не опознала. Ребята потом долго недоумевали, как их могли застукать на чердаке?

Вообще же я был активным комсомольцев, и в одиннадцатом классе тот же директор предложил мне стать секретарем комитета комсомола школы. Предложение было очень лестным, но я его по мальчишеской строптивости сразу отклонил, о чем тут же пожалел. Но обратного хода с моим характером уже быть не могло. В дальнейшем подобное со мной случалось еще пару раз в зрелом возрасте и в еще более перспективных ситуациях. Анализируя данный случай, я прихожу к заключению, что мгновенное, неизвестно откуда пришедшее решение было верным, иначе со своей инициативностью я смог бы попасть на заметку в райком с перспективой партийной карьеры. Судьба же уже тогда, вероятно, имела в виду более интересный вариант жизненного пути.

Самые тяжелые школьные воспоминания связаны у меня с уроками русского языка и литературы. Как и чистописание в начальной школе, это была сплошная зубная боль. Редкий диктант, а тем более сочинение приносили мне больше тройки.

И вот однажды на одном из домашних сочинений я решил переломить ситуацию. Трудился я над ним целую неделю, отказавшись от обычного в таких случаях списывания с учебников и пособий. Я пытался изложить свой взгляд на вещи, придав ему хорошо продуманные оригинальность и образность. Сочинение получилось большим. Я его дважды переписывал, а под конец попросил родителей проверить.

Через пару дней состоялся «разбор полетов». Я очень надеялся, что мое сочинение попадет наконец в число лучших, и с нетерпением, буквально затаив дыхание, ожидал этого счастливого момента.

Работа моя лежала отдельно от остальных. Учительница,

видимо, хотела сказать о ней специально. Это обнадеживало. Однако, как вскоре выяснилось, смысл ее комментария сводился к тому, что допущенные в домашнем сочинении восемь ошибок свидетельствуют о моем полном пренебрежении к предмету. Мне был поставлен кол, и о нем было публично объявлено на ближайшем родительском собрании, так что мама вынуждена была разделить со мной позор и ответственность.

С этого момента я уже никогда не выходил в своих сочинениях за рамки упрощенных до предела банальных фраз. Эта жалкая по своей сути тактика позволила, тем не менее, успешно закончить школу и получить заветную тройку за сочинение на вступительных экзаменах в МГУ.

Прямыми антиподами преподавателю литературы были учителя черчения и электротехники. Оба они преподавали в вузах, в школу пришли скорее из интереса, чем для заработка, и к делу подходили неформально.

Чертежник на первом же уроке дал задачу по начертательной геометрии и спокойно уселся за стол, предоставив нам возможность помучиться. Наши робкие попытки найти решения все были неверны, и он их аргументированно отвергал. На следующем уроке все повторилось. Казалось, что таким методом мы вообще не сдвинемся с места. Но методика оказалась плодотворной, и дальше все стало развиваться стремительно. Знания легко ложатся на вспаханную напряженным трудом почву. В конце года мы уже уверенно вычерчивали любые сечения и пересечения сложных поверхностей, далеко выходящие за рамки школьной программы. Полученные навыки и знания оказались столь глубокими, что в МГУ преподаватель начертательной геометрии на первом же занятии поставил мне зачет, чтобы я больше не приходил и не выпендривался. Кстати, точно так же получилось со слесарной практикой, но здесь я благодарил уже не школу, а деда.

Преподаватель электротехники был автором учебника о школьных наглядных пособиях и подходил к обучению сугубо с практической точки зрения. Выдал нам небольшие дощечки, провода, ролики, выключатель и патрон для лампочки. Нам предстояло из всего этого собрать схему, имитирующую комнатное освещение. Не говоря уже о девчонках, задание озадачило многих, но только не меня. Я понял, что пробил мой звездный час: за лето в деревне я электрифицировал не один дом.

Привинтить ролики, выключатель и патрон натренированным рукам было столь же легко, как красиво натянуть и соединить провода. Через полчаса все было готово, и я предстал со своим детищем перед преподавателем, к чему тот был явно не готов.

Сначала он внимательно осмотрел схему, а затем еще более внимательно меня. После этого пошел искать лампочку, никак не ожидая, что она понадобится так быстро. К изумлению всего класса, лампочка, ввинченная в патрон, исправно слушалась выключателя. Пощелкав несколько раз, преподаватель спросил, как мне это удалось. Я скромно пожал плечами, хотя внутри трепетал гордостью от достигнутого успеха. В заключение преподаватель преподнес мне еще один подарок – направил помогать девчонкам. Тут уж я вообще «распустил перья».

Проучились мы в школе, как я уже упоминал, одиннадцать лет. Наш выпуск был первым, попавшим под очередную реформу образования. Начиная с девятого класса два дня в неделю мы проводили на производственной практике. Сначала мы с Аликом записались на завод, но под нажимом родителей дрогнули и перешли в проектный институт.

Проектный институт № 2, куда нас определили, уже с первого взгляда вызывал уважение своей огромностью и солидностью. Это здание рядом с развилкой Ленинградского и Волоколамского шоссе и сейчас еще выглядит весьма внушительно.

Мы попали в отдел автоматизации технологических процессов. Первое время всерьез нас там никто не воспринимал, но постепенно мы освоились, и на второй год я уже мог самостоятельно разработать принципиальную схему автоматизации того или иного процесса. Самым крупным моим проектом был проект автоматизация линии по производству синтетического спирта на саратовском заводе.

Опыт и знания, полученные в проектном институте, мне не раз пригодились и в повседневной жизни, и в экспериментальной работе. Я не перестаю удивляться тому, насколько легко и быстро человек обучается в молодости и насколько прочными оказываются приобретенные в детстве навыки.

Глава третья
Университет

Решение поступать в МГУ пришло ко мне под влиянием Алика Терлецкого и его родителей. Отец Алика – известный физик-теоретик – был профессором физфака. Физический факультет меня привлекал, но оставались и сомнения, связанные с тем, что конкурс там был больше десяти человек на место. Обнадеживало то, что вступительные экзамены на физфаке были в июле, на месяц раньше, чем в большинстве других вузов, поэтому на случай неудачи у меня был запасной вариант. К счастью, он не пригодился.

Учеба взяла в оборот своей безжалостной рукой с первого же дня. Требования на физфаке были весьма жесткими, и заниматься приходилось много. Сейчас я отчетливо вижу, что наряду со знаниями в нас развивали еще более важный навык – умение напряженно и производительно трудиться. Это как в тренировке спортсменов, где наряду с освоением техники развивается и выносливость.

Не все даже способные ребята сумели преодолеть начальный барьер. Слегка расслабившись вначале, они на первой же сессии попали в такой водоворот проблем, что дальше учеба была им уже не в радость. Немало среди них было детей известных ученых. Иной раз говорят, что на детях великих природа отдыхает.

Я думаю, что все проще. В начале жизненного пути они

нечасто сталкиваются с проблемами выживания, а поэтому оказываются не готовыми к тяжелому, подчас изнуряющему труду. Поблажки на экзаменах не ведут к успеху в науке.

Самым сложным предметом на первом курсе считался математический анализ. Для меня же он стал самым любимым, захватывающим красотой своих теорем. Лекции нам читал профессор В. Ильин. Делал он это вдохновенно и даже артистично. Эти лекции не пропускал никто. Обычно я приходил пораньше и садился на первый ряд. Ильин меня приметил и сделал объектом своего внимания. Как опытный лектор он, видимо, имел привычку выбирать в аудитории одного человека и обращаться с лекцией как бы к нему, контролируя степень восприятия материала.

Во время лекции он частенько подбегал ко мне, и я должен был быть всегда начеку, чтобы вовремя кивнуть или другим способом подтвердить высокий уровень понимания. Вскоре это заметили окружающие, и в самые ответственные моменты, когда требовалось продемонстрировать сосредоточенность и глубокомыслие, сидевшие рядом пытались меня рассмешить. Но я держался неплохо.

Однажды, несколько припозднившись, я сел наверху в конце аудитории. Уже на первой минуте В. Ильин, как обычно, подбежал к первому ряду и, не увидев меня, был явно озадачен. Вернувшись к доске, он начал осматривать аудиторию ряд за рядом. Наконец, обнаружив меня, сразу успокоился и приветливо кивнул, а по ходу лекции несколько раз взбегал вверх по ступенькам. Я чувствовал себя виноватым, доставляя ему такое неудобство. После этого случая я уже никогда не пересаживался, а мое место никто не занимал.

Семинарские занятия в нашей группе Ильин не вел, так что мы с ним никогда не разговаривали и, в традиционном понимании, фактически не были знакомы. Через двадцать лет судьба неожиданно свела нас в Кремле во время получения Государственных премий. Без всякой надежды на взаимность я поздоровался с ним. Он мгновенно узнал меня, как будто только вчера видел на лекции, и мы обнялись. Узнал он и жену, с которой мы обычно сидели рядом. Для меня впечатление от этой встречи было не менее сильным, чем от полученной премии.

Другой яркой личностью на факультете был П. Моденов. Его тогда знал каждый абитуриент, поступающий в технические вузы, по знаменитому сборнику подготовительных задач по математике.

Моденов вел у нас семинары, на каждом из которых он

обязательно демонстрировал свою исключительную оригинальность. В его арсенале было несколько испытанных приемов. Например, он вызывал кого-нибудь к доске, усаживался за стол спиной к экзаменуемому и давал задачу на дифференцирование. Затем ставил оценку (обычно двойку), не глядя на доску, ориентируясь только по стуку мела. Контрольные работы проходили всегда очень нервно, он опаздывал минут на десять – пятнадцать, раскидывал задачки, через пятнадцать минут собирал работы, выгонял всех из аудитории и практически сразу же объявлял результаты, которые всегда были убийственными.

Моденов любил вспоминать о своей работе в Московском пищевом институте. Там он обычно принимал экзамены в аудитории с двумя дверями. На входе он задавал студенту вопрос на дифференцирование и шел с ним (со студентом) к выходу. В том случае, если за это время студент не давал правильного ответа, экзамен завершался у порога второй двери. Таким образом, за несколько минут он «экзаменовал» целую группу.

Лекции по физике читал уже довольно пожилой профессор, который не мог конкурировать с Ильиным. Тем не менее на его лекции я ходил с большим интересом, так как на них демонстрировалось множество интересных опытов, запомнившихся на всю жизнь. Именно на них, как на гвоздиках, развешены в моей памяти сведения из курса общей физики.

Все дисциплины на физфаке вызывали у меня вполне положительные эмоции, за исключением разве что истории КПСС. Семинары по истории в нашей группе, как назло, вела лекторша, и знала она нас всех в лицо. По этой причине лекции нельзя было пропускать, а кроме того, она требовала от нас конспекты произведений классиков и постоянно устраивала всякие опросы и проверки.

Для меня самым трудным было чтение классиков, не говоря уже об их конспектировании. Я всегда ловил себя на том, что, водя глазами по строчкам произведений исторической значимости, думал совершенно о другом. Хорошо еще, что в моем распоряжении была тетрадь конспектов отца от его учебы в Военно-политической академии. Она была аккуратно оформлена, и это преподавательнице нравилось, хотя невооруженным глазом было видно, что конспекты пятнадцатилетней давности, написанные еще перьевой ручкой.

Семинары по истории партии не любили все. И каждый раз мы пытались отвлечь лекторшу от изнурительных опросов. Мне в этом деле отводилась особая роль, как владевшему

навыком длинных выступлений ни о чем. Согласно разработанному сценарию в начале семинара я задавал какой-либо вопрос или заводил разговор о непонимании обсуждаемой темы. Группа поддерживала, втягивая, таким образом, лекторшу в спасительную дискуссию.

Так все повторялось множество раз, прежде чем наш замысел был разгадан. Месть настигла меня на экзамене. Выслушав мой ответ, преподавательница заявила, что ставит мне (отличнику) двойку, так как я грубо исказил позицию классика. Вся группа замерла, а я не поверил своим ушам. Удовлетворившись произведенным эффектом, она предложила мне взять другой билет и после ответа поставила в зачетку четверку.

В дипломе у меня оказалось еще две четверки, и, что интересно, получил я их в ситуациях, когда знал предмет гораздо лучше, чем во многих других случаях. К примеру, на четвертом курсе семинары по квантовой механике у нас вел аспирант, который совершенно не готовился к занятиям и просто их профанировал. Я договорился с ним, что буду ходить в группу теоретиков, где занимался до этого. Как выяснилось, тем самым я нанес ему смертельную обиду. На экзамене он признал мой ответ неверным. Ни секунды не сомневаясь в своей правоте, я стал спорить. Дело дошло до сравнения наших позиций с учебником, который однозначно подтвердил мою точку зрения. Это еще больше вывело парня из себя, и я получил четверку, зная предмет лучше экзаменатора.

Похожий случай произошел и на экзамене по радиотехнике, который принимал подвыпивший майор с военной кафедры. Наша дискуссия была похожа на анекдот о солдате и старшине:

– Из какого материала сделан ствол винтовки?

– Из высоколегированной стали.

– Верно. А из чего сделан затвор?

– Из высоколегированной стали.

– Неверно. Из вышеупомянутого материала!

Нужно сказать, что подобные преподаватели являлись редким исключением. Бессменный декан профессор Василий Степанович Фурсов был человеком очень решительным, твердым и держал все в образцовом порядке. Эти два случая и запомнились мне именно своей исключительной уникальностью.

На экзаменах подчас возникали курьезные и смешные ситуации. Одна из них до сих пор свежа в памяти. Дело было на зачете по методам математической физики – одному из самых сложных курсов. Когда преподаватель раздал нам задачи, я вдруг почувствовал в животе какую-то резкую перемену и понял, что долго высидеть в аудитории не смогу. Никогда – ни раньше,

ни потом – я не решал эти жуткие задачи про колебания струн и брусков с такой скоростью, как в этот раз, со сжавшейся в кулак нижней частью тела.

Подозвав преподавателя, я представил ему свой молниеносно-спасительный ответ. Однако он, видимо заподозрив, что я имел «домашнюю заготовку», дал еще задачу, которую я решил прямо при нем. Это его еще больше заинтересовало, и он предложил мне третью задачу. Ее я решил так же мгновенно и, получив наконец зачет, успел удовлетворить свою первостепенную физиологическую потребность. Объяснений этому феномену может быть только два: либо организм имеет невероятные скрытые резервы (как физические, так и умственные) и на него можно положиться в критической ситуации, либо у меня в суфлерах был Всевышний (больше некому), в этом случае я снимаю шляпу перед Его уровнем знания высшей математики.

На экзамене преподаватель даже не стал меня спрашивать и сразу поставил «отлично», признавшись, что поражен моими способностям. К сожалению, подобное озарение на меня больше ни разу не снизошло. Видимо, в дальнейшем ситуации были не столь критическими.

Студенческая жизнь была многогранной и не ограничивалась учебой. Главным культурным событием был, несомненно, зародившийся в те годы праздник Архимеда. Подготовка к нему начиналась за несколько месяцев. Многие студенты и аспиранты в азарте забрасывали учебу и писали стихи, песни и даже оперы. Не случайно среди выпускников физического факультета впоследствии оказалось немало профессиональных артистов, режиссеров, писателей и композиторов. К примеру, на нашем курсе учились Сергей Никитин – известный композитор и исполнитель песен, и Иван Киасашвили – кинорежиссер и автор сценариев «Кукол» (была такая очень смелая и популярная передача на НТВ).

При подготовке к «Архимеду» особенно ценились шутки и остроты, направленные против химиков. Ироническое отношение к химикам и химии было у нас буквально в крови и проявлялось даже на занятиях. Где-то на втором курсе мы проходили практикум на химфаке. Вел его увлеченный и эмоциональный человек. Он настолько подробно объяснял нам простейшие вещи, что вся группа, не сговариваясь, начинала отвечать на его вопросы невпопад. Он это так переживал, а нашим дурачествам не было предела.

Эмоциональностью преподавателя мы умело пользовались и на зачетах, где необходимо было указать направление каких-то

химических реакций. Нам раздавались бумажки с химическими формулами. Между ними предстояло поставить стрелочку, показывающую направление превращения веществ. Хитрость состояла в том, что отвечающий уверенным движением руки вел линию справа налево, явно демонстрируя этим предполагаемое направление реакции. В том случае, когда это направление оказывалось неверным, преподаватель от возмущения просто подпрыгивал на стуле. Пока он еще находился в воздухе и не успевал вымолвить ни слова, следовало пририсовать острие стрелочки в противоположную сторону. На стул преподаватель возвращался уже успокоенным и сразу ставил зачет.

На первом курсе меня избрали комсоргом группы, и я относился к этой обязанности со всей серьезностью. Во всех делах мы были в лидерах. После окончания второго семестра студентов посылали на летние работы, и шло формирование отряда на целину. Естественно, что я был в первых рядах, но предстояло пройти медкомиссию. Тут я должен вернуться к волнительным дням поступления в университет.

Перед вступительными экзаменами тоже была медкомиссия. Там выяснилось, что у меня повышенное кровяное давление и шумы в сердце. О шумах я знал, они появились после перенесенной в раннем детстве тяжелой формы скарлатины. Давление же явилось полной неожиданностью и, как я сейчас понимаю, было связано исключительно с повышенным нервным возбуждением.

Пришлось мне тогда проходить дополнительные обследования, и справку мне дали с большой неохотой, решив, по-видимому, что при конкурсе один к тринадцати вероятность моего поступления незначительна.

Теперь на медкомиссии всплыли все старые записи, и врачи ехать на целину мне не рекомендовали. Я полагаю, что они бы сдались, начни я настаивать, как при поступлении, но неожиданно для себя этого я не сделал, хотя на целину съездить хотелось. Причина тому была тоже сердечная. Я дружил с девушкой из нашей группы Викой Добросельской, которая на целину не ехала. Внутренний голос, к которому я и сейчас неукоснительно прислушиваюсь, удержал меня от активных действий, за что я ему до сих пор благодарен, так как с этой девушкой мы счастливо прожили более тридцати лет. А ключевую роль в этом сыграли именно летние работы после первого курса на стройке завода «Микрон» в Зеленограде.

Обладая исключительным обаянием, Вика привлекала к себе внимание многих парней. Только в нашей группе у меня было два серьезных соперника, причем главный – Г. Митцельмахер,

мой двойной тезка (по имени и по отчеству), был одним из самых способных на курсе, но к учебе относился крайне безответственно. Иной раз пропадал месяцами, увлекшись музыкой Брамса или чем-нибудь еще. На одной из сессий он завалил решительно все, и встал вопрос об его отчислении. Дело осложнилось еще и тем, что Митцельмахер умудрился вконец испортить отношения с куратором нашего курса. Даже приезд отца, ветерана войны, не спас положение. Тогда мы решили обратиться в последнюю инстанцию – к проректору МГУ по учебной работе. О суровости этого человека ходили легенды. Рассказывали, что в разговоре со студентами он использует только два слова – «короче» и «нет».

Я, как комсорг, возглавил делегацию из четырех человек, в которую входила и Вика. Приготовившись к худшему, мы вступили в кабинет. За одну минуту я изложил нашу просьбу, суть которой сводилась к тому, что в интересах советской науки нужно разрешить нашему товарищу пересдать все зачеты и экзамены закончившейся сессии. К нашему удивлению, проректор оказался очень отзывчивым человеком и, расспросив подробности, распорядился о помиловании, то есть продлении сессии для Митцель-махера на месяц. Забегая вперед, скажу, что Митцельмахер не подвел и, успешно окончив университет, действительно внес вклад в физику высоких энергий.

На третьем курсе нас ждало распределение по кафедрам. Это, как теперь говорят, судьбоносный момент. Однако немногие третьекурсники имеют на этот счет определенную позицию. Главным образом каждый соразмеряет свои оценки с кафедральными конкурсами. Самой модной в тот период была кафедра биофизики. За ней шли кафедры отделений физики твердого тела и радиофизики. Рейтинг первых базировался на успехах быстро развивавшейся микроэлектроники, а вторых – на только что изобретенных лазерах.

Однако самые высокие конкурсы всегда были на кафедрах теоретической физики и математики. Это была элита, люди в белом.

Я не могу сказать, что теория меня сильно привлекала, скорее напротив, мне был роднее именно эксперимент, но, имея отличные оценки, я мог претендовать на высокое звание теоретика. Решающим же фактором явилось то, что профессор Я. Терлецкий пригласил меня к себе в ученики. Это было равносильно зачислению на кафедру, и я согласился.

Задача, которую предложил Терлецкий, оказалась для меня невыполнимо сложной. Я бился над ней, как в свое время над олимпиадными задачами, с утра до ночи, но безрезультатно.

Дело дошло до того, что здоровье мое совершенно расстроилось. Стало очевидно, что пора сдаваться и переходить в экспериментаторы. Как ни неловко было перед профессором, но я вынужден был сделать этот шаг.

Особое место в нашей учебе занимала военная подготовка. Она касалась только парней. На первом курсе мы начали с занятий по строевой подготовке, а в конце семестра был уже и зачет по стрельбе.

Занятия у нас вел отставной полковник, добрейший человек и излюбленный герой студенческих шуток и анекдотов, почти как Чапаев. На стрельбах из пистолета однажды возникла весь-ма нешуточная ситуация. У Лешки Барышникова произошла осечка. Он повернулся с направленным на полковника стволом пистолета, пожаловался на оружие и несколько раз нажал на курок. По рассказам очевидцев (я полагаю, несколько утрированным), полковник бросился на пол и пополз под стол. Барышников, зацикленный на своей проблеме, пополз к нему, где полковнику в конце концов и удалось его обезоружить.

Ни с кем другим ничего подобного в принципе не могло случиться. Барышников же был у нас просто особой точкой. С ним постоянно что-либо происходило. Однажды на хоккее ему выбили передние зубы, и он месяц был объектом шуток всего курса. На экзаменах ему попадался именно тот билет, которого он больше всего боялся. Но самые забавные сюжеты были связаны с его любовными страданиями.

Впервые он влюбился, причем безответно и безнадежно, уже на первом курсе в Ирину из нашей же группы. Будучи человеком совершенно открытым и очень эмоциональным, он всем рассказывал о своих переживаниях и намечающихся успехах. Зная эту его слабость, однажды и я сыграл с ним небольшую шутку.

– Леха, тебе привет от Иры.

– Да? – оживился он и, чтобы зафиксировать этот успех в глазах окружающих нас товарищей, спросил взволнованно, не подозревая о моем коварстве: – Расскажи, как это было?

– Когда я прощался с ней после кино, то спросил: «Лешке передать привет?» – «Ну, передай», – ответила она.

Чем был Лешка хорош – он никогда не падал духом и уже через секунду смеялся вместе со всеми.

На четвертом курсе любовь у него была столь захватывающей, что за ней с интересом следил уже весь факультет. Успеха он не достиг и на этот раз, но зато после окончания университета его дела пошли явно в гору, и он даже несколько раз женился.

Вернемся, однако, на военную кафедру, где из нас готовили

офицеров противовоздушной обороны. Техника, которую мы изучали, была довольно старой, но от этого не менее секретной. Режим секретности обрушился на нас уже при изучении самых азов импульсной техники, описанных во всех открытых учебниках.

Перед одной из контрольных работ полковник, проводивший у нас занятия, взволнованным голосом сообщил о ЧП, имевшем место в предыдущей группе. Там были обнаружены шпаргалки, и теперь велось служебное расследование. В связи с этим он предложил нам по-хорошему выложить приготовленные шпаргалки на стол в его отсутствие.

Несколько человек последовали совету полковника. Как выяснилось, шпаргалку приготовил и мой приятель Алик, но сдать ее не решился, опасаясь, что его вычислят по почерку или по чернилам. Пометавшись, он принял решение сведения, составляющие государственную тайну, съесть. Это далось ему ценой определенных усилий. Мало того что чернильную бумагу с непривычки было трудно и противно жевать, делать это пришлось под улюлюканье и подначки всего взвода.

Вернувшись, полковник спросил у дежурного:

– Все успели сдать шпаргалки?

– Так точно. Двое сдали, а один съел.

Взвод при этом дружно посмотрел на Алика. На фоне его пурпурно-красного лица ярко выделялись черные от чернил губы. Посмеявшись со всеми, полковник разрешил Алику пойти в туалет и запить шпаргалки водичкой. Он был не чужд гуманности.

Второй занятный случай произошел уже на четвертом курсе. Проходя на военную кафедру, мы сдавали часовому в качестве пропуска свои студенческие билеты. И вот однажды занятия прерываются и нам объявляют о новом невиданном ЧП. Кто-то прошел на кафедру по женскому пропуску. Далее следовала короткая справка о том, что именно через женщин происходит основная утечка государственных секретов, завершившаяся требованием немедленно и чистосердечно признаться в этом злодеянии. Когда же полковник назвал фамилию женщины, я понял, что признаваться придется мне.

Меня забрали с занятий на допрос, правда без протокола. Комизм ситуации состоял в полном отсутствии цели моего преступления. В конце концов, мне разрешили отыскать жену и заменить документ. Подвел я, видимо, дежурного солдата, которому наверняка досталось за потерю бдительности.

Весьма заметным событием была поездка в лагеря. Нас вывезли под Курск. Дивизион, в котором стояла изучаемая

нами техника, боевого дежурства уже не нес и был кадрирован, то есть там был минимум офицеров и солдат. Нашему приезду в дивизионе были очень рады, так как стояла сенокосная пора, а сушить и убирать сено для соседнего колхоза было некому. Занимались мы этим с утра до вечера с перерывами на строевую и спортивную подготовку, а также обед. Кормили нас, кстати говоря, очень неважно, так что все похудели килограммов на десять. Но благодаря этому к концу сборов заметно улучшились показатели по подтягиванию на турнике, что начальство занесло себе в плюс.

Усиленная нами футбольная каманда дивизиона разгромила местных футболистов, чего уже давно не случалось. Это так порадовало командира части, что на ужин нам дали двойную порцию макарон.

Во время моего дежурства по кухне в часть неожиданно решило приехать командование, и нам с напарником приказали срочно мыть окна. Ему повезло больше, так как досталось окно без стекла. Принимая работу, старшина сказал, что мое окно вымыто хуже, и заставил перемыть.

Интересно, что уровень шуточек и розыгрышей среди студентов в лагерях мгновенно понизился до солдатского. Мы также прятали друг у друга портянки, ставили в пары сапоги на одну ногу и тому подобное. Видимо, в чем-то Т. Лысенко был все же прав, доказывая определяющую роль среды в процессе эволюции.

К концу сборов нам показали зенитную ракетную станцию и на выпускном экзамене всем поставили высокие оценки.

После неудачной попытки стать теоретиком я определился на кафедру колебаний и вскоре был приглашен в Физический институт им. П. Н. Лебедева Академии наук СССР на практику. Там меня встретила моложавая, очень энергичная женщина. За несколько минут она уверенно объяснила, что ее группа занимается крайне важным и перспективным делом, и посоветовала, а точнее, велела без проволочек приступать к работе. Последовав ее указанию, я открыл новую, интересную и, по-видимому, самую важную страницу своей жизни, наполненную удачами, борьбой и переживаниями.

Группа, в которую я попал, входила в лабораторию колебаний, возглавляемую молодым, недавно избранным академиком Александром Михайловичем Прохоровым. 1965 год был «звездным часом» лаборатории. Широким фронтом велись исследования по разработке и применению лазеров. А. Прохоров получил все существовавшие в СССР премии и вместе со своим бывшим аспирантом Н. Басовым и американцем Дж. Тауэнсом

был удостоен Нобелевской премии по физике.

Волевым решением А. Прохоров в одночасье изменил тематику всей своей радиофизической лаборатории на лазерную.

Исключением была только та небольшая группа, куда попал я, занимавшаяся миллиметровыми и субмиллиметровыми волнами. Руководила группой Наталия Александровна Ирисова. В дальнейшем она не раз отмечала прозорливость этого решения Прохорова, сохранившего перспективное направление в разгар лазерного бума. Возможно и другое, более прозаичное объяснение – потенциал группы был невелик, и Прохоров не возлагал на нее больших надежд.

Первые мои шаги, связанные с созданием сложного усилителя на полупроводниках, нельзя назвать успешными. Транзисторы тогда только-только появились, и даже в ФИАНе их было трудно достать. А я их вообще держал в руках первый раз, к тому же не имея почти никаких навыков в практической радиотехнике. Как назло, несколько транзисторов сразу же сгорели, я страшно переживал, пытался купить новые. С этой ставшей мне ненавистной схемой я возился долго и нудно, регулярно брал работу домой на субботу и воскресение, но достичь требуемого результата так и не смог.

Вторым моим крупным заданием стал высоковольтный источник питания для миллиметровых генераторов – ламп обратной волны. Там электроника была ламповой, а в ней, благодаря военной подготовке, я разбирался неплохо. В результате уже первый блок получился лучше, чем ожидалось.

Еще успешнее дело пошло с проведением измерений. Ирисова прониклась ко мне расположением и решила оставить работать в своей группе. Попасть в один из лучших академических институтов было вожделенной мечтою любого выпускника физфака, но в результате не вполне понятных мне в то время интриг дело это сорвалось. Но нужно знать Наталию Александровну – остановить ее было невозможно. Она выяснила, что в аспирантуре на 1967 год имеется одно незанятое место, и решила действовать в этом направлении, нимало не смущаясь того, что на дворе уже стоял ноябрь 1967 года, а заканчивать университет мне предстояло в феврале следующего, 1968 года. Таким образом, до Нового года мне необходимо было подготовить и защитить диплом, сдать госэкзамен и три вступительных экзамена в аспирантуру.

Более-менее целенаправленно работать над дипломной работой я тогда только начал, но Ирисова оценила накопленный экспериментальный материал как вполне достаточный и велела немедленно приступить к его написанию и оформлению.

В середине декабря дипломная работа была завершена и благополучно защищена на специально созванной комиссии. Как ни странно, она оказалась одной из лучших на курсе. Очень мне помогло то, что из любопытства я ходил в МГУ на факультативный курс по теории открытых резонаторов и поэтому смог быстро разобраться в полученных экспериментальных данных.

Все заботы по организации моего экстерната Ирисова взяла на себя. Это была ее стихия. Единственная проблема возникла на экзамене по философии. Достойно подготовиться к нему я не мог из-за недостатка времени, а философы в МГУ были всегда о себе весьма высокого мнения и всякий раз пытались подчеркнуть свою значимость. Мой, скажем прямо, весьма туманный ответ не удовлетворил экзаменатора, и он предложил мне подготовиться более основательно, так как, по его мнению, больше тройки я не заслуживал. Но отступать мне было некуда, и я согласился на тройку. Однако, полистав к тому времени мою зачетку, философ изменил свою точку зрения и, видимо предвидя неприятности из-за ухудшения показателей отчетности, поставил «отлично». Очередной раз я убедился в гибкости философской науки.

В тот же день я сдал историю партии в аспирантуру, где не без труда заработал требуемую четверку. Экзамен по специальности был обречен на успех, так как комиссию Ирисова составила из самых проверенных людей. Правда, один из них задал мне нетривиальный вопрос:

– Почему вода в природе замерзает при минус четырех градусах, а не при нуле?

Это его наблюдение было, как я думаю, неверным, но спорить я не стал и выложил первое, что пришло на ум:

– Потому, что она циркулирует.

Толком я сам не знал, что имел в виду, но ответ был принят комиссией с облегчением, поскольку вопрос озадачил и всех остальных ее членов. Еще в университете я заметил, что быстрая реакция – важный фактор успеха на экзамене.

Экзамен по английскому языку прошел гладко, и 13 декабря 1967 года, за два месяца до официального окончания университета, я был зачислен в аспирантуру. Так в моей анкете и осталась на всю жизнь эта загадочная нелепость – в аспирантуру я поступил годом раньше окончания университета.

Сейчас, по прошествии полувека со времени окончания МГУ, можно отметить ценность полученных знаний и навыков. Выучили нас добротно как по глубине проникновения в современную науку, так и широте ее охвата. Конечно, далеко

не все пригодилось непосредственно в работе, не все свежо в памяти, но даже без активного использования этих знаний сохранилась уверенность, что в физике все постижимо, а в математике все не так страшно. Это важно, поскольку научная деятельность – это каждодневное продолжение образования.

1968 год пришелся на заключительную фазу интенсивного развития науки в СССР. Многие выпускники распределились на работу в Академию наук, вузы и в престижные институты оборонного комплекса. В начале своей работы мы имели хорошие условия для научного роста. Однако вскоре научная сфера одной из первых почувствовала приближающуюся стагнацию общества. Еще обсуждались и планировались крупные проекты, но их реализация затягивалась или даже срывалась вовсе.

Наше поколение успело сесть в скорый поезд научно-технического прогресса, но уже через десять лет он превратился в пассажирский, а потом и вовсе выбился из расписания. В результате из пятисот выпускников, прекрасно подготовленных и весьма щедро наделенных талантом, мало кто достиг уровня всеобщего признания. Среди ядерщиков А. Сисакян и Н. Тюрин стали руководителями крупных институтов ОИЯИ, ИФВЭ, В. Саврин и Л. Безруков – заместителями директоров НИИЯФ МГУ и ИЯИ РАН. А. Сигов успешно работает ректором МИРЭА. А. Сисакян и А. Сигов избраны в Российскую академию наук. У других, возможно, еще все впереди, так как для членов Российской академии наук 70 лет – возраст расцвета.

Глава четвертая
Физический институт

Первое ощущение, возникшее после того, как улеглась суета с поступлением в аспирантуру, было связано с необычайной свободой от всяких обязанностей. Ирисова с чувством выполненного долга погрузилась в свои личные проблемы, которых у нее в то время было немало. Никто от меня не только ничего не требовал, но, кажется, ничего и не ждал.

Свобода была, я бы даже сказал, чрезмерной. На ее фоне явно обозначились две трудности. Во-первых, у меня не было ни стола, ни стула, не говоря уж об установке. Во-вторых, стипендия аспиранта была восемьдесят рублей, что было явно недостаточно для человека, имеющего жену и ребенка. Во время учебы в МГУ родители мне помогали, но теперь просить их об этом было уже несолидно.

Вторую проблему Ирисова сумела решить достаточно быстро, утвердив мне на ученом совете тему диссертации по спецтематике, а именно квантовой электронике. В результате стипендия выросла до уровня зарплаты младшего научного сотрудника. Это было сто тридцать рублей. Жена после окончания университета распределилась в почтовый ящик инженером и получала примерно столько же, так что жить было можно.

Как это часто бывает, решение первой, самой сложной

проблемы нашлось само собой. Именно в это время из нашей группы ушел один из сотрудников, и освободилась простенькая установка, находящаяся в той же небольшой комнате, где в закутке, отгороженном шкафами, сидела сама Ирисова. Эта установка и перешла мне по наследству, в результате я стал собственником, как крестьянин, получивший землю. Земли, правда, было всего ничего, пять-шесть квадратных метров, но это была точка опоры, на которой мне удалось продержаться пять лет до лучших времен.

В выборе тематики работы я был совершенно свободен. В то время в большой моде была нелинейная оптика, и я решил попытаться обнаружить нелинейные эффекты в кристаллах на миллиметровых волнах. Для этого нужно было раздобыть подходящий кристалл с нелинейными свойствами. Тогда их производство еще только начиналось, и большие кристаллы, требовавшиеся для работы на миллиметровых волнах, были редкостью. Помогли знакомства Ирисовой в Институте кристаллографии, где мне и дали на время нужный образец.

С самого начала было ясно, что на миллиметровых волнах эффект будет очень слабым, примерно в тысячу раз меньше оптического, и поэтому шансов на успех было немного. Но обстоятельства сложились весьма удачно. Добытый кристалл оказался самым лучшим объектом для запланированного опыта. Уже через неделю, собрав требуемую схему, я зарегистрировал модуляцию миллиметрового сигнала. Ирисова тут же доложила об успехе Прохорову, и он пришел поинтересоваться обнаруженным эффектом. Это была моя первая с ним деловая встреча.

После регистрации эффекта путь лежит к количественному определению его параметров, а это всегда задача более сложная. Но поскольку я не находился в плену прежних подходов, удалось найти целый ряд оригинальных решений, с успехом используемых в экспериментальной технике до сих пор.

Сохранился экспериментальный журнал тех памятных лет. По содержащемуся в нем гигантскому объему данных хорошо видно, насколько трудоемкими были наши первые измерения. Если к тому же добавить, что уровень электронной техники был весьма низким и она постоянно ломалась, то можно себе представить, какой большой энтузиазм нужно было иметь для подобной работы. Поддерживался во мне этот энтузиазм не только научным интересом, но и ответственностью перед семьей, увеличившейся за время аспирантуры еще на одного человечка.

Завершить аспирантуру успешно и представить в срок

диссертацию к защите для меня было жизненно важно. Без этого я не мог рассчитывать на зачисление в штат в качестве научного сотрудника.

Известно, что работа над диссертацией требует не только получения экспериментальных данных, но и их осмысления и опубликования. Ирисова, которая могла оказать неоценимую помощь в решении организационных вопросов, в этом была несильна. Фактически все приходилось делать методом проб и ошибок, подчас очень досадных.

Первое мое выступление с научным докладом состоялось уже в самом начале диссертационной работы, и сразу на крупной международной конференции по нелинейной оптике в Киеве. Там я представлял результаты по обнаруженному эффекту. Доклад прошел успешно и даже вызвал интерес.

Второе, значительно более драматичное выступление состоялось у меня через год на конференции местного значения в Воронеже. Там я решил представить данные по другому кристаллу. В поезде мне пришла новая оригинальная идея по интерпретации результатов, ее я и изложил в докладе, на котором присутствовало с десяток человек, а через день понял, что ошибся. Это привело меня в полное замешательство. Мне казалось, что последствия того, что я ввел научную общественность в заблуждение, могут быть ужасными для человечества.

Всю ночь я не сомкнул глаз в тяжелейших мучениях, а утром первым делом попросил дать мне слово на заключительном пленарном заседании, рассказав председателю о произошедшей ошибке. Он, к моему удивлению, не принял это всерьез и отказал. Но я не отступил от своего решения и, когда уже подвели итоги, без спроса вышел на трибуну и убитым голосом сообщил о том, что мое выступление было неверным. Судя по реакции озадаченного зала, ничего подобного никогда не происходило, никто по доброй воле в своих ошибках публично не каялся.

Я был просто подавлен и решил, что моей научной карьере пришел конец. В Москве я все рассказал Ирисовой, Прохорову и многим сотрудникам. Я был подобен человеку, нажимающему в отчаянии на больной зуб. При этом, к своему удивлению, я отмечал, что никто не принимал моих переживаний всерьез. Более того, выслушав меня, все проявляли какую-то душевность и в дальнейшем относились ко мне более доверительно. Много позже на основе этого и других наблюдений я пришел к важному заключению: рассказывай о своих неудачах – и ты будешь желанным собеседником.

В обязанности фиановских аспирантов входило отвечать

на письма трудящихся, адресованные в Академию наук. В них, как правило, предлагались простые решения самых фундаментальных проблем науки. Первое переданное мне на рассмотрение письмо меня просто поразило. Это была целая тетрадь, очень хорошо оформленная, с аккуратными графиками. Ее авторство принадлежало инженеру из Подмосковья.

Письмо адресовалось Главному теоретику Советского Союза и содержало единую теорию строения мира. Я не был в этом вопросе специалистом и уж тем более не считал себя Главным теоретиком Советского Союза. В силу этого, а также глубокого уважения к человеку, выполнившему такой труд, я начал консультироваться со знакомыми теоретиками. Ни один из них не принял работу всерьез. Наконец мне удалось уговорить одного доктора наук пролистать письмо. Он сразу обнаружил несколько ошибок и посоветовал указать на них автору, назидательно порекомендовав изучить курс теоретической физики. По его мнению, самое главное, в ответе не следовало давать никакого повода для иллюзий и дальнейших дискуссий.

Такой прием казался мне в данном случае не очень удобным и даже неприемлемым, так как человек, написавший письмо, ожидал, по крайней мере, поощрения своего труда. Кроме того, у меня не было уверенности, что в письме не содержится какой-либо оригинальной, полезной идеи. Промучившись несколько дней, скрепя сердце я написал ответ, который хоть и ставил под сомнение его работу, но не был обидно отрицательным. С тех пор мне много раз приходилось сталкиваться с трудами самодеятельных открывателей и ниспровергателей истин, и я убедился, к сожалению, в суровой правоте моего наставника.

Кроме обязанности работать с письмами, аспиранты, как и все сотрудники, должны были вести общественную работу. Я стал членом общества «Знание» и примерно раз в месяц читал лекции на заводах и фабриках. Происходило это всегда в обеденный перерыв. На лекцию собиралось человек десять с бутербродами и кефиром.

Чаще других я избирал тему об измерении расстояния от Земли до Луны с помощью лазера. Эта лекция всегда вызывала оживленное обсуждение с непременным вопросом о том, кому все это нужно. На первых порах я не мог найти убедительных для рабочей аудитории аргументов, и встреча с рабочими кончалась снисходительным похлопыванием меня по плечу каким-нибудь местным авторитетом и балагуром. Однако постепенно я отточил свое ораторское мастерство, отработал некоторые шуточки и уже стал сам похлопывать по плечу незатейливых зачинщиков дискуссии.

Умение быстро найти хороший ответ на неожиданный вопрос имеет большое значение в жизни научного сотрудника, и полученный опыт меня не раз выручал. Впервые я удачно воспользовался им совсем скоро, во время годового отчета на ученом совете лаборатории. Советы эти проходили довольно бурно, и аспирантов крепко «щипали». Когда подошел мой черед, члены совета уже были хорошо разогреты. Смуту внесла, как это часто бывало, Ирисова, загнав в угол предыдущего аспиранта.

Я коротко доложил о проделанной за год работе и тотчас получил раздраженный вопрос:

– Ну, а насколько важна вся эта ваша затея? Ты вот, к примеру, жизнь за нее отдашь?

Не мешкая, я ответил вопросом на вопрос:

– Могу ли я посоветоваться с женой?

Шутка пролетела как молния. Ученый совет разразился громким смехом, и напряжение спало. Прохоров, который в этот момент отвлекся, разговаривая по телефону, заинтересовался причиной веселья. Ему все пересказали, и он, будучи сам большим любителем шутки, тут же заключил, что меня можно переаттестовать. После этого случая он меня приметил и весело здоровался при встречах.

Второй раз опыт, накопленный на лекциях, пригодился мне в совершенно иной ситуации. В 1970 году, когда шел третий, последний год моей аспирантуры, в Институте проводилась кампания по выдвижению работ на молодежный конкурс научно-технических разработок, проводившийся на ВДНХ (Выставка достижений народного хозяйства). Ирисова велела мне принять участие, так как уже сам факт выдвижения положительно характеризовал работу группы.

У меня были большие сомнения в целесообразности этой затеи, так как дело, которым я занимался, было понятно и интересно лишь ограниченному кругу специалистов, а никак не широкой публике. Тем не менее, приведя установку в нерабочее, но зато фотогеничное состояние, я сделал неплохие фотографии, подготовил их описание и приложил экспериментальный материал.

Невооруженным глазом было видно, что шансов на успех все это не давало. И тогда я мысленно перенес себя с лекцией на эту тему на завод и стал воображать реакцию зрителей. Тут-то один из ехидных парней и задал извечный вопрос: «А как с этим дела у американцев?»

Это была победоносная идея. Я привел на графике аналогичные данные американских авторов, которые оказались на порядок менее точными, и сделал весь акцент на этом,

не вдаваясь ни в какие научные детали. Через пару месяцев работе присудили Золотую медаль ВДНХ. Это была первая значимая награда в моей жизни. Особенно уместна она была в конце аспирантуры.

Диссертацию я хотя и с трудом, но представил в срок. Позиции мои в лаборатории были уже достаточно прочными, и Ирисова уговорила Прохорова зачислить меня в штат младшим научным сотрудником.

Примерно в это же время Ирисова привела в группу двоих выпускников МИФИ и предложила мне выбрать одного из них себе в помощники. Я остановил свой выбор на более коренастом. Мое внимание в нем привлекли крупные руки, свидетельствовавшие, как мне казалось, о хорошей работоспособности.

Выбранным оказался Александр Волков, с которым в дальнейшем мы прошли через многие радости и испытания как в жизни, так и в науке и всегда стояли спина к спине. Не выбранным мною остался Виктор Аполлонов – личность исключительно яркая. Укажи я на него, и наверняка бы моя жизнь пошла по другому руслу, наполненному непредсказуемыми водоворотами и порогами. Постоянно ставя перед собой непосильные цели, Аполлонов ценой нечеловеческих усилий достигал их, часто попадая в почти безнадежные ситуации, из которых только он и мог выползти.

Саша оказался крепким спортивным парнем и инициировал в группе тренировки по поднятию тяжестей. Для этой цели мы сделали большую гантель весом около пуда и поднимали ее в перерывах между работой. Однажды, зайдя к нам в комнату, Аполлонов застал меня с гантелей в руках и тут же завелся:

– Сколько раз поднимаешь?

Я к тому времени владел рекордом комнаты – пятьдесят раз. Но тут почему-то вдвое преувеличил.

– Подниму сто один раз! – заявил Витя.

Мы условились это проверить вечером того же дня. На испытание собралась вся наша компания.

Довольно легко подняв гантель сорок раз, Витя начал потихоньку сдавать. Пятьдесят раз ему дались уже с трудом. К шестидесятому разу лицо стало красным, а дыхание тяжелым. Промежутки времени между жимами с каждым разом увеличивались, и рука сильно дрожала. Когда он дошел до семидесяти, мы стали его поздравлять и уговаривать остановиться. Но оказалось, что это было только началом.

По мере того как физические силы покидали Витю, включалась его невероятная сила воли. Фактически он уже

не поднимал груз, а подлезал под него всем телом и затем миллиметр за миллиметром выпрямлялся, раскачиваясь и теряя равновесие. От красноты на лице не осталось и следа. Оно приняло сначала желтый, а потом бледно-зеленый цвет.

Это добровольное насилие продолжалось примерно полчаса. При счете «восемьдесят» мы стали опасаться, что Витя потеряет сознание. Когда же дело дошло до девяноста, то смотреть на его муки было просто невозможно. Мы пытались остановить его, я давно во всем признался и раскаялся, но он уже не реагировал ни на что, кроме счета.

Подняв гантель сто один раз, Витя рухнул на стул и, посидев без единого движения примерно двадцать минут, держась за стенки, вышел из комнаты.

На следующий день он уже пришел в себя, но примерно неделю не мог поднять правую руку. Здороваясь, он осторожно приподнимал ее левой рукой и протягивал безжизненные пальцы. Я думаю, что, если бы мы засняли тогда его самоистязание, этот фильм ужасов не уступил бы современным триллерам.

Кандидатскую диссертацию я защитил в марте 1971 года и в соответствии с традициями устроил дома банкет. Саша в тот момент лежал в больнице после сложной операции колена, но, будучи человеком рисковым, на костылях сбежал из клиники. Пропустить такое торжественное событие считалось недопустимым.

Традиции отмечать научные успехи в лаборатории колебаний были в то время очень сильны. Успехи при желании всегда можно было найти в достаточном количестве. А такое желание у кого-нибудь да было. В связи с этим частенько после работы мы собирались с колбасой и селедкой в закутке у Ирисовой, которая на следующий день всегда недоумевала по поводу необычного запаха от своего стола.

В какое-то время наши застолья стали столь частыми, что жены, объединившись, объявили нам войну, закончившуюся, к счастью, их победой. После этого мы сосредоточились только на официальных праздниках.

Подготовка к ним начиналась заранее, и сил на это не жалели. Своей наивысшей точки культура празднования достигла у нас в мае 1972 года, когда Ирисовой исполнялось пятьдесят лет. К этой дате мы подготовили оригинальные подарки и даже сняли получасовой игровой фильм, в котором мне единственный раз в жизни удалось сыграть главную роль. Была подготовлена обширная программа, включающая веселую «спартакиаду».

Все действо происходило у Наталии Александровны на даче

и закончилось далеко за полночь фейерверком. Правда, порох был самодельным и ракеты плохо взлетали, но зато иногда громко взрывались на старте. Праздник имел большой успех и надолго запомнился всему дачному академгородку.

В дальнейшем наш праздничный энтузиазм постепенно начал угасать, уступая место научным проблемам, однако несколько интересных замыслов удалось реализовать и в последующие годы.

К следующей годовщине Ирисовой мы уже специально не готовились и хватились лишь накануне. Она к тому моменту завела прожорливого щенка и постоянно искала для него геркулес. Мы решили раз и навсегда снять эту проблему, купив ей в подарок пятьдесят одну пачку овсянки. Стоила она тогда недорого. Быстро собрав необходимые деньги, мы отправились всемером в продовольственный магазин, что напротив института. Двоим из нас предстояло купить по восемь пачек, а остальным по семь.

Среди нас был очень осторожный человек, когда подошла его очередь в кассу, он, наклонившись в окошко, тихим вкрадчивым голосом попросил выбить чек на семь пачек геркулеса. Эта таинственность сразу привлекла внимание всей очереди. После того как еще несколько человек выбили чеки по семь и восемь пачек, уже и другие покупатели, поддавшись ажиотажу, решили не оставаться в дураках. Такое мне довелось видеть единственный раз в жизни. Вместе с нами массовую закупку геркулеса совершили еще человек пять. Получив товар, они не знали, что с ним делать, и, проклиная все на свете, пытались у нас выяснить цель закупки.

Ирисова и особенно пес обрадовались подарку, но, к несчастью, за лето он не сумел съесть всю овсянку, и зимой на дачу на дармовой корм сбежались мыши со всей округи. К весне, невероятно размножившись, они превратили весь дом в сплошное мышиное гнездо, а глубокую эмалированную ванну – в мышиное кладбище. Это несколько смазало общее положительное впечатление от нашего подарка.

Через три года к защите Волкова мы сделали почти в натуральную величину деревянную цыганку, чистящую ботинки. Нарядно одетая, она сидела с двумя сапожными щетками в руках. Механизм включался устройством, изъятым из автомата для продажи газированной воды. Щель для монеты была прорезана посередине пышной цыганской груди.

Банкет проходил в ресторане «Узбекистан», и наш подарок имел у публики ошеломляющий успех. Подвыпившие посетители, как дети, облепили цыганку, установленную на столе, и подставляли под ее щетки вместо ботинок свои головы. Вскоре

явился метрдотель и стал уговаривать нас продать ему цыганку, предварительно переделав на валюту.

Приход в лабораторию Волкова существенно повлиял на ход развития производственных событий. Помня свои мытарства первых месяцев аспирантуры, я решил, что он первым делом должен заняться созданием своей экспериментальной установки. Путем всеобщего уплотнения мы выкроили кусочек пола у раковины на самом проходе. Теперь в шестнадцатиметровой комнате нас работало уже пятеро: Ирисова, ее секретарь, техник и мы с Сашей.

Строительство новой установки шло быстро. Саша оказался парнем рукастым, а у меня к тому времени уже было припасено все необходимое. Некоторые проблемы возникли только при наладке высоковольтного блока питания, в котором возник пожар.

Через два месяца создание установки удалось завершить, и мы приступили к измерениям свойств кристаллов. Буквально сразу обнаружилось удивительное явление, не укладывающееся ни в какие известные представления. В состоянии все увеличивающегося психологического возбуждения мы с утра до ночи множество раз проверяли эксперименты, и они повторялись во всех деталях.

Наконец, перед тем как сообщить об открытии человечеству, мы решили еще раз более детально прокалибровать источник излучения. Тут-то и выяснилось, что все особенности были связаны с его фокусами.

Разочарование было большим. Луч надежды, возбуждавшей наше воображение, угас. Месячная напряженная работа в одно мгновение потеряла весь свой смысл.

На самом деле этот урок оказался весьма важным и даже переломным, так как продемонстрировал всю ненадежность придуманного нами нового метода. Я понимал, что придется вернуться к прежнему, опробованному в моей диссертации. Однако его безумная трудоемкость заставила всерьез задуматься над автоматизацией процесса измерений.

Случилось так, что именно в это время в лаборатории появилась первая малая вычислительная машина «Мир-1». Прохоров, имея блестящую интуицию, сразу понял, что это начало большого пути. Он пригласил на работу в лабораторию известного специалиста по этим машинам и поручил ему курирование работ по автоматизации эксперимента. Замечу здесь, что машины «Мир» совершенно не были для этого приспособлены.

Примерно через полгода специалист со своими соратниками

сделал первое устройство, позволявшее в виде, понятном для машины, записывать на бумажную перфоленту экспериментальные данные. Об этом было доложено на семинаре, и я сразу загорелся сделать нечто подобное для нашего спектрометра.

Полученный в школе, точнее в проектном институте, опыт по автоматизации позволил мне достаточно быстро представить и изобразить структуру требуемого прибора. Он существенно отличался по замыслу от прототипа, так как должен был не только собирать и записывать информацию, но и анализировать ее в процессе измерений. Ознакомившись с моим проектом, специалист, имевший тогда непререкаемый авторитет, пожал плечами и сказал, что задуманное дело очень сложное и, не имея никакого опыта, мы его не сможем реализовать. Но каким-то образом я уговорил его (скопидома) дать нам необходимые для этой цели три десятка электронных модулей от машины «Мир».

Перед собой и соратниками я поставил задачу сделать всю систему за один месяц. У «специалиста» это вызвало раздраженное умиление:

– Дай Бог, чтобы что-то получилось через полгода.

Годы были молодые, и работать мы могли энергично и сосредоточенно. Для реализации задуманного, кроме всего прочего, требовалось добыть цифровой вольтметр, перфоратор, блоки питания, разъемы, изготовить корпус, платы, соединительные кабели и кое-какие другие узлы. Подключив к делу всех своих бойцов, я дал каждому отдельное задание, и работа закипела, несмотря на то что к тому времени у нас еще не было даже полной принципиальной схемы прибора.

Месяц пролетел моментально. Никто из помощников не подвел. В назначенный день предстояло собрать все воедино и включить. К этому волнительному моменту собралась вся группа. На столе у Ирисовой уже порезали колбасу и развели спирт.

Я включил прибор в сеть. Дым не пошел, а на передней панели обнадеживающе загорелись некоторые сигнальные лампочки. Нажимаю кнопку «пуск» – цифровой вольтметр заморгал, но перфоратор молчит, как мертвый. Пытаюсь сообразить, в чем дело? Время идет, и народ за шкафом уже нервничает. Наугад дергаю провода, и тут же комната наполняется пулеметной очередью перфоратора. Всеобщее ликование. Я вижу, что перфоратор колотит все дырки подряд без всякого разбору, но эти детали уже никого не интересуют. Успех был тут же тщательно зафиксирован.

После торжественного пуска я еще пару недель копался в электронных платах, пока не устранил все ошибки и не довел прибор до ума. Мы его ласково назвали «ПУП», что означало «прибор управления перфоратором».

Смело браться за незнакомое дело стало со временем нашим правилом. Не всегда нам сопутствовал успех на этом пути, но в большинстве случаев мы добивались задуманного.

С появлением «ПУПа» вся наша жизнь сильно изменилась. Во-первых, в комнате стоял непрерывный стук перфоратора. Во-вторых, мы попали в полную зависимость от вычислительной машины, поскольку теперь все наши экспериментальные данные были понятны только ей.

В ту пору в лаборатории было всего две подходящих нам машины, и для работы на них всегда стояла очередь. Нам доставалось только самое позднее время, но мы были рады и этому. Хуже всего было то, что машины без конца отказывали, и очень редко нам удавалось до полуночи закончить работу. Теперь у нас были горы необработанных перфолент.

Стало ясно, что настало время добывать свою машину. К такому выводу пришли не мы одни. Спрос в стране на вычислительную технику был такой, что вся она распределялась через Госплан, так что нам ничего не светило.

Я уже много раз убеждался в том, что, как только вопрос встает ребром, решение обязательно находится. Нашлось оно и в этот раз, но оказалось для меня весьма дорогостоящим.

Прошел слух, что вычислительный отдел ФИАНа заключил договор с венгерской фирмой на поставку десяти компьютеров, специально предназначенных для автоматизации физических экспериментов. Слух, как спичка, поджег костер наших желаний. Я пошел к Прохорову и изложил ситуацию. Он уже был в курсе и сказал:

– Давай действуй, а там посмотрим.

Смысл второй части его наказа мне не был понятен, и я не придал ему должного значения. А зря! Хотя, может быть, и нет, ибо развитие ситуации в противоположном случае неизвестно.

Начальник отдела вычислительной техники встретил меня не очень приветливо и сказал, что желающих заполучить машину много и он будет выбирать счастливчиков по важности и качеству проектов. Началась длительная волокита, окончившаяся одобрением нашего проекта. Но машин все не было и не было.

Главным событием начала семидесятых годов стал переезд лаборатории колебаний в новое, специально построенное здание. Прохоров бился над этим строительством почти десять лет, и вот в 1973 году стройка была наконец закончена.

Для группы Ирисовой отвели пять лабораторных модулей по тридцать шесть квадратных метров, кабинет и небольшую мастерскую. В результате вместо десяти квадратных метров мы с Волковым и еще несколькими сотрудниками сразу получили восемьдесят. Помещения были светлые и просторные. Переезд и обустройство на новом месте заняли несколько месяцев.

Ирисова добилась превращения разросшейся группы в сектор. Я стал руководителем группы и получил должность старшего научного сотрудника. В то время это была одна из самых трудных ступенек на жизненном пути научных сотрудников. Коллеги подчас оставались младшими научными сотрудниками вплоть до пенсии.

Вскоре после переезда в новое здание в институт наконец поступили долгожданные венгерские машины, и мы получили одну из них. Тут-то выяснился скрытый смысл фразы, сказанной Прохоровым в начале всей эпопеи: «Давай действуй, а там посмотрим».

Оказалось, что он поручал мне только раздобыть машину, а определение ее владельца оставлял за собой. Получилось же так, что машину выделили под конкретный проект (как и все остальные), и отобрать ее у нас было теперь трудно. Я был обвинен в нарушении договоренности, и наши отношения с Прохоровым надолго охладились.

Переехав в новое здание, мы решили с самого начала не пожалеть времени и все организовать как следует. В первую очередь это касалось строительства спектрометра, который решено было сделать на новом уровне с учетом всего накопленного опыта. Полученная венгерская машина открывала для этого хорошие перспективы.

На строительство чудо-спектрометра были брошены главные наши силы. Работали все увлеченно, не считаясь со временем. Казалось, еще вот-вот, и можно будет реализовать на новом приборе все наши замыслы. Но этого не случилось. Проблема пришла оттуда, откуда ее не ждали. Один из разработчиков, вложивший в дело немало сил и времени, заявил, что на этом основании он является хозяином спектрометра и исследования на нем будет вести лично. Бесперспективность этой затеи нам была очевидна с самого начала, так как каждый эксперимент требовал больших навыков по его подготовке.

Мы долго искали компромиссы, но так и не нашли. Спектрометр, отнявший много сил и ресурсов, не дал ожидаемой отдачи.

Хорошо, что он был у нас не единственный. В новое здание мы перевезли оба прежних прибора, постепенно их

модернизировали, и они успешно работали.

В 1975 году Саша закончил аспирантуру, и настало время защиты диссертации. Официальным руководителем у него значилась Ирисова, но с самого начала она передала его мне и поэтому даже делилась со мной деньгами, причитавшимися за руководство. Это было с ее стороны весьма благородно, далеко не все начальники в подобных ситуациях поступали так же. Но вот когда дело дошло до представления диссертации, она не захотела, чтобы моя фамилия значилась в автореферате в качестве второго руководителя, мотивируя свою позицию тем, что я не был утвержден официально.

Это меня возмутило до глубины души, тем более что подобные примеры с двойным руководством в лаборатории уже были. Ирисовой пришлось отступить, но было уже ясно, что инцидент явился предвестником серьезного конфликта. Так и случилось.

По прошествии некоторого времени Ирисова вызвала меня в кабинет и объявила, что собирается писать докторскую диссертацию и включает в нее все наши совместные работы. Я не знал, что такая практика была в порядке вещей, и полез на рожон. Больше всего я был возмущен тем, что меня просто информировали, как подневольного крестьянина.

Я заявил, что с такой постановкой вопроса категорически не согласен. На это Ирисова спокойно ответила, что в своих планах она заручилась поддержкой Прохорова.

Разговор перешел в более высокую тональность. Я пошел на неслыханную дерзость и поставил под сомнение ее компетентность в наших совместных работах, а также заявил, что буду добиваться правды всеми методами, включая обращение в партком.

На этом разговор закончился и началась война. Я собрал сотрудников и изложил им ситуацию. Они оценили мои действия как правильные и приготовились к обороне.

Встретив сопротивление, Ирисова с готовностью вступила в борьбу, вместо того чтобы просто реализовать свой замысел. Думаю, что это было ее ошибкой, ибо борьба стала беспредметной. Напиши она любую диссертацию, и я бы ничего не смог сделать.

Итак, за короткий промежуток времени в отношениях с руководством позиции мои, а значит, и всей группы, резко ухудшились. А, как известно, научный сотрудник очень уязвим, поскольку для нормальной экспериментальной работы ему всегда что-то нужно. Достаточно перекрыть пару «кранов», и дело встанет, а дальше неэффективно работающую группу можно

пустить по ветру.

Перед нами в полный рост встала проблема укрепления своих позиций в институте. Для этого, прежде всего, были нужны научные успехи и, что еще важнее, их официальное признание. Предпосылки для успешной работы к тому времени уже имелись, и возникший конфликт выполнил роль катализатора, стимулировавшего нас к самым активным действиям. Если раньше мы могли себе позволить работать для удовлетворения собственного любопытства, то теперь каждый добытый результат доводился до публикации, выступления на семинаре и конференции. Число научных работ в эти тяжелые годы у нас было рекордно большим.

Мы стали систематически участвовать в институтском соревновании научных групп и, как правило, побеждали. Без нас не проходило ни одного конкурса научных работ. Мы были первыми по приему и выполнению социалистических обязательств. Для упрочения позиции я даже стал председателем профкома. Это была самая высокая общественная должность, которую я мог занять, не являясь членом партии.

Получилось так, что трудности пошли нам на пользу. Они не давали расслабиться и сплотили наш небольшой коллектив. Резко повысился наш авторитет в стране и – особенно – за рубежом. Более половины наших публикаций явилось результатом совместных исследований с учеными Чехословакии, Японии, США, Франции, Германии, Польши, Нидерландов. Появились публикации в самых престижных отечественных и зарубежных журналах. Резко вырос индекс цитирования.

Укрепились позиции группы и внутри института. К нам, в частности, перешло несколько «беженцев» из других подразделений. Существенно расширился круг объектов исследования. Мы обнаружили целый ряд интересных явлений динамики решетки кристаллов, зарегистрировали и предсказали новые фазовые переходы, впервые в мире научились одновременно измерять диэлектрические и магнитные спектры кристаллов. Без нашего участия не обходилась уже ни одна профильная международная конференция, куда нас систематически приглашали с пленарными докладами.

В 1983 году А. Прохоров добился преобразования своей лаборатории во вновь создаваемый Институт общей физики. Таким образом были ликвидированы острые моменты в его взаимоотношениях с Н. Басовым, возглавлявшим в то время Физический институт. Многие сотрудники сразу получили повышения, научные группы превращались в лаборатории,

лаборатории – в отделы и отделения. День образования Института стал ежегодно отмечаемым праздником.

Подготовка к празднику начиналась за пару месяцев. Мы подбирали старые любительские фильмы, повествовавшие о труде и отдыхе сотрудников, репетировали капустники, готовили конкурсы и соревнования.

Не менее значимым праздником в институте всегда был день рождения Прохорова. Он удачно приходился на самую середину лета – период массовых отпусков. Уходить в отпуск до дня рождения начальника считалось плохим тоном.

Большое внимание уделялось подготовке подарка. На семидесятипятилетний юбилей решили заказать портрет А. Прохорова у И. Глазунова или А. Шилова. Однако проведенные переговоры показали, что даже самые льготные расценки были нам не по карману. В те годы все юбилеи проводились исключительно за счет средств юбиляра и окружающего его народа.

В качестве альтернативы я предложил сделать самим мозаичный портрет Прохорова из мелких фотографий сотрудников института. Надоумил меня где-то виденный портрет Ленина, изготовленный путем написания с разным нажимом статьи Ильича. Замысел с фотографиями в своей технической реализации был несравненно более сложным, но и возможности наши были уже существенно иными.

Портрет в золотой раме повесили на доску в зале, и он сразу стал «гвоздем программы». С десяти метров был виден только Прохоров, а с одного метра только фотографии сотрудников, напечатанные с разной степенью черноты. Прямо наглядное пособие, как из маленьких зернышек складываются школы великих людей.

Глава пятая
Научная работа

Экспериментальная работа физика подобна продвижению в глухую ночь по бездорожью через лес с завалами, оврагами, ямами, болотами и топями. Разве что изредка выходящая из-за туч луна осветит ненадолго окрестности или какая звезда невзначай укажет направление пути.

В прикладных исследованиях дело обстоит несколько иначе. Они подобны поиску пути в сложном лабиринте. Гарантированный успех можно обеспечить, поручив разным группам проверить все маршруты. При решении стратегических оборонных задач часто именно так и поступают, не жалея ни сил, ни средств. При организации фундаментальных исследований подобная массированная атака не годится. Здесь нет ясности не только в путях решения задачи, но даже в самой ее постановке.

Выбор направления исследований в научной работе – самый ответственный момент. Именно здесь, в первую очередь, требуются знания и опыт. Ученых на земле много, и работают они не покладая рук не одну сотню лет. Поэтому нерешенных научных проблем, лежащих на поверхности, практически не осталось. При выборе задачи приходится исходить из простого правила: все, что могло быть сделано до тебя, – уже сделано. Иными словами, следует точно определиться в том, какие преимущества имеешь ты по отношению к многочисленным

конкурентам и предшественникам. Это могут быть новые теоретические гипотезы, новые технические возможности или новые материалы. Самая благоприятная ситуация, когда налицо все три предпосылки.

Любое исследование – всегда творческий процесс, и начинается он не с конкретных действий, а с многочисленных и длительных дискуссий. Наш «художественный совет» на первых порах был предельно малочисленным – Саша Волков да я. Со временем он разросся до пяти человек. Рассуждали, прикидывали и спорили обычно долго. Пока не появлялась ясность хотя бы в основных деталях, к делу не приступали. Так обычно удавалось сформулировать перспективную задачу и наметить путь ее решения.

Фактор мирового приоритета в технике эксперимента в нашем конкретном случае присутствовал. Он базировался на уникальных источниках субмиллиметрового излучения, созданных отечественной промышленностью, и на наших многолетних целенаправленных усилиях по разработке спектрометров и методов исследований.

Новых непроверенных гипотез у теоретиков обычно предостаточно, но как непросто преломить их в конкретную экспериментальную задачу, предназначенную для решения именно тебе, точнее, нам. Когда же и с этим наступает какая-то ясность, нужно еще раздобыть необходимый для исследования объект (в нашем случае подходящий кристалл).

Новые материалы с интересными свойствами появляются опять же не вдруг. Это тоже результат многолетних кропотливых исследований. Искать кристалл, подходящий для реализации замысла, приходится иногда по всему миру. Создатели уникальных кристаллов готовы делиться своей продукцией либо за большие деньги, либо с тем, с кем в соавторстве можно получить интересные научные результаты. Мы имели возможность идти только по второму пути. Чем больше успешных работ у нас накапливалось, тем выше становился авторитет и тем с большей готовностью коллеги шли на сотрудничество с нами. С годами ситуация стала столь благоприятной, что уже не мы выпрашивали кристаллы для исследований, а нам предлагали поработать с ними.

Подготовка образцов к измерениям, как правило, сложна сама по себе и требует индивидуального подхода. Непревзойденным специалистом этого дела был А. Волков. Вершиной его мастерства стало изготовление пластинки из тончайших игольчатых кристаллов органических одномерных проводников. Сначала он превратил каждую иголку в брусочек,

а затем плотно уложил их в пластинку и отшлифовал. Когда мы доложили на конференции о полученных результатах, нам просто не поверили, что подобные образцы возможно сделать. Приезжали даже посмотреть и перенять опыт.

После того как наступила ясность с задачей, получены кристаллы и подготовлены образцы, предстоит, наконец, приступить к их исследованиям.

Каждая новая задача существенно отличалась от предыдущих и требовала не только творческого подхода, но и существенных новшеств в экспериментальной технике и подготовке образцов. Кристаллы, например: одни ядовитые, другие боятся влаги или перегрева, третьи существуют только в темноте, четвертые ни к чему не приклеиваются и т. д. и т. п. Исследовать их приходилось тоже в разных условиях: в сильном магнитном поле, под высоким давлением или электрическим напряжением, при воздействии лазера, охлажденными до предельно низких температур, а то и одно, и другое, и третье вместе.

Серьезный эксперимент всегда связан с реализацией предельных (на данный момент) технических возможностей, и оттого его ход труднопредсказуем. Способность проанализировать складывающиеся во время эксперимента обстоятельства и найти им объяснение – необходимое качество научного работника. В период проведения эксперимента и особенно в период его подготовки нередко рабочий день заканчивается очень поздно, если вдруг что-нибудь ломается и возникает непредвиденная проблема и уже нет ни сил, ни времени что-то предпринять в этот день. Избавиться от проблемы не удается в мыслях даже дома, не перестаешь думать и ночью. Утром, как правило, появляется прозрение, и спешишь на работу проверить свою идею. В таком же возбуждении приходит и Саша. Каждый первым старается изложить свой замысел или объяснение. Научные сотрудники не лишены гордыни.

Наконец основные технические трудности преодолены, образцы установлены и начинается таинство измерений. Это один из решающих моментов в эксперименте. Именно здесь экспериментатора подстерегает бóльшая часть неожиданностей и вскрываются все просчеты подготовки. Напряжение обычно столь велико, что ошибки неизбежны, да и без них что-то из работающей на пределе техники обязательно выйдет из строя, причем в самый неподходящий момент. Как в детской игре с продвижением фишки по маршруту, попадаешь на неудачное поле и скатываешься к самому началу. Приходится все выключать, ремонтировать и начинать работу заново. В тех

редких случаях, когда аппаратура работает без сбоев и результат, что называется, пошел, экспериментатор уже не прервется на обед и не уйдет домой, пока его не поторопит совершающая ночной обход охрана института. Далеко не факт, что утром все снова заработает как надо. Птицу удачи приходится ловить, а поймав, уже не выпускать из рук, забыв об отдыхе и семье.

Редко, но бывают случаи, когда эксперимент идет «как по маслу» и интересный результат удается получить буквально за пару недель, но обычно на это уходят месяцы, а то и годы. Иногда победы не удавалось достичь и вовсе. Чем сложнее задача, тем более крупным успехом является ее решение, поскольку оно связано и с усовершенствованием техники, и с новыми навыками, и, конечно, с ростом уровня научного признания.

Но вот экспериментальные данные получены, проверены и перепроверены. Наступает черед их обработать, а затем и интерпретировать. Здесь опять очередной лабиринт. Порой на эту часть работы времени уходит больше, чем на все остальное. Вновь и вновь приходится все обсуждать, спорить, считать и пересчитывать, применяя разные теоретические модели. Выбрав неправильную гипотезу, можно прийти к заключениям, далеким от истины, и загубить всю проведенную работу.

Начинающий исследователь может не заметить в полученных результатах даже «бьющих в глаза» открытий, тогда как опытный ученый может сделать далекоидущие выводы на основе малейших деталей и особенностей экспериментальных данных. Это как астроном по особенностям свечения звезды делает заключение о ее химическом составе, температуре, возрасте, а то и о наличии планетарной системы.

Как нам не хватало на первых порах подобного наставника и собственного опыта!

Ошибки в интерпретации – весьма распространенная вещь. Для того чтобы проверить свои заключения, авторы выносят результаты на суд общественности – научные семинары. Сначала это общественность лаборатории, то есть фактически все те люди, которые участвовали в работе. Это первая «проба пера», здесь доклад может быть еще «сырой». Затем семинар института, тут ответственность много выше и аргументация должна быть не только убедительной, но и достойно оформленной. Чем выше научный уровень коллектива института, тем острее, но и полезнее обсуждения. Бывает, что докладчика разносят в пух и прах. Это очень неприятно, но исключительно ценно, так как позволяет обнаружить и устранить ошибки.

После семинара можно садиться писать статью.

При подготовке публикаций важно четко определиться с уровнем своих претензий на оригинальность полученного результата. В фундаментальной науке слово «новые» применимо только к тем результатам, которые имеют мировой приоритет. Поэтому авторы статьи должны быть в курсе работ всех своих предшественников и конкурентов, чтобы правильно на них сослаться и определить место своим достижениям. Предшественников обычно бывает много, и литературу приходится анализировать за десятки лет.

В научном журнале эксперты (обычно прямые конкуренты автора) самым детальным образом изучат присланную статью. При наличии серьезных замечаний могут вернуть на доработку или вообще не принять к печати. В отличие от литераторов, авторам научных публикаций гонораров не платят, хотя усилий они часто затрачивают намного больше.

Нет другой такой сферы человеческой деятельности, пожалуй, кроме спорта, где, отстав с публикацией от какого-нибудь немца или американца на один день, теряешь приоритет. Но, с другой стороны, и спешка крайне опасна. Ошибка сразу снижает рейтинг ученого, делает его очень уязвимым. Ее боятся, как моряки пробоины судна.

Подготовка научной статьи является одним из завершающих этапов работы, и от ее качества зависит очень многое. Для научного сотрудника добротная публикация – это как медаль для спортсмена, даже больше. С тремя-четырьмя неплохими статьями можно претендовать на степень кандидата, а с тремя десятками – доктора наук. Ну а там, глядишь, и в академики путь не заказан. Конечно, количество работ – не единственный критерий значимости ученого. У некоторых деятелей науки бывает по нескольку сотен статей, но среди них не найдется и пары, достойных войти в анналы. Но бывает, и за единственную работу присуждают доктора, академика, и даже Нобелевскую премию. Тогда это должно быть открытие нового эффекта, которому можно присвоить имя автора (или группы авторов).

Кстати, о присвоениях. Происходит это совершенно демократично, без всяких комиссий и регистраций. Просто в статьях последователей появляется авторизированное название эффекта. Во многих случаях оно приживается и становится общепринятым. Например, эффект Черенкова или теория сверхпроводимости БКШ (авторы Бардин, Купер и Шриффер). Бывают весьма сложные ситуации, когда один и тот же эффект открывают независимо две группы исследователей, и в разных странах он получает различные названия. Во времена СССР советским ученым при упоминаниях эффектов в подобных случаях нужно было строго придерживаться национальных

названий, отличающихся от общепринятых в мире. Хотя таких нелепых ситуаций было совсем немного.

Завершающим аккордом научного исследования обычно становится выступление с докладом на конференции. Международная конференция – это (продолжая спортивную аналогию) как чемпионат мира для спортсмена. Здесь авторы оригинальных работ, сумевшие выступить с хорошим докладом (на иностранном языке), попадают на своего рода пьедестал почета и впервые за весь длинный изнурительный путь срывают аплодисменты.

Конференции очень важны еще и тем, что на них, общаясь с коллегами со всего мира, узнаешь массу нового. Именно здесь завязываются полезные контакты. С конференции всегда возвращаешься обогащенный новыми замыслами, с которых начинается очередной рабочий цикл со всеми проблемами, огорчениями, радостями и победами. И так до конца, пока хватает сил.

Необходимым дополнением к нашим зарубежным поездкам на международные конференции и в научные центры является практика приглашения зарубежных ученых с ответными визитами по линии Академии наук. Естественно, мы в этом также участвовали, хотя это и довольно хлопотно. На неделю, а то и на две приходилось забыть о работе и с утра до вечера заниматься гостем, организуя посещения лабораторий в различных институтах в Москве и других городах, да еще и культурную программу на каждый вечер. Проблемы возникали на каждом шагу – где накормить, куда повести, где добыть билеты? Но все это не идет ни в какое сравнение с тем, что случилось однажды при проводах японского профессора Дж. Кобаяси, гостившего у нас с супругой.

Эта пара достаточно известна в узких кругах специалистов. Завсегдатаи международных конференций, они много путешествовали по свету. Как и все иностранцы, очень боялись КГБ. Поездки в СССР для них всегда были экстримом.

По статусу провожать гостей должен был я, но в этот день у тестя был юбилей и я попросил осуществить эту ответственную миссию Волкова. Вот его отчет. Дословно.

«С супругами Кобаяси, как обычно в таких случаях, мы встретились у входа в Академическую гостиницу. Осенний вечер. Всклокоченный Джинзо, миниатюрная Мичико и я. Пришел еще коллега из Кристаллографии. Тоже провожать. Потолкались у служебной "Волги", распихивая багаж: чемоданы, тульский самовар, мой подарок – баян и большую куклу в коробке. Уселись, поехали. Я – с шофером, Джинзо, Мичико и коллега – сзади. Неслись

быстро. С фарами. В основном молчали. Чувствовал себя при исполнении.

В аэропорту светло, людно и шумно. Рейс Москва – Хабаровск – Ниигата раз в неделю. Подошла очередь к стойке регистрации. Нам индифферентно дают от ворот поворот:

– Нет ОКея – гуляйте!

– …???!!!..

– Да-да, гуляйте! Как холодный душ!

Джинзо буквально оцепенел, став еще страшнее обычного. Внешность у него типично самурайская. Суровое лицо, всклокоченные волосы. Мичико тоже оцепенела, но красиво, с улыбкой. Коллега гулял в стороне и сначала не понял. Потом оцепенел и он.

Спиной ощутил, что теперь все на мне. Помочь может только какой-то начальник. Выгреб у Кобаяси все документы и рванул в лифте наверх искать. Метался по служебным кабинетам и коридорам. Всем было не до меня. По ошибке заскочил в зал авиадиспетчеров. Те, сидя в наушниках перед экранами, никак на меня не прореагировали. Игнорируя секретаршу, ворвался к начальнику аэропорта. Огромные окна. Летное поле как на ладони. Начальник обалдел и только выругался, как меня к нему пустили.

Понял, что идея с начальниками провалилась. Кто-то подсказал бежать прямо к самолету и решать вопрос там. Скатился вниз к подшефным. Гурьбой понеслись с вещами по галерее к выходу. Прорвались через турникеты, накопитель, стеклянные двери. Останавливать нас никто даже не пытался. Видимо, наш безумный вид был достаточно убедителен. Вывалились на летное поле. Кругом темнота. Бегаем от самолета к самолету. Нашли наш. Он стоял дальше всех и красиво светился. Полный. Посадка закончилась. У пустого, готового отъехать трапа служительницы по рации переговаривались с экипажем. Наша группа “в полосатых купальниках” их немало изумила. Здесь нас тоже не ждали. Я выпалил, что случай экстраординарный. Государственной важности. Японцы должны улететь!

Связались с экипажем. Спустились двое. Типа пилотов. Нормальные, спокойные. Один стал слушать меня, другой – коллегу из Кристаллографии. Под самолетом у шасси я предложил своему 25 рублей, одной бумажкой. Все что было. Он заинтересовался. Как-то договорились. Забавно! Другая пара тоже договорилась. И мы втроем полезли в самолет – Джинзо, Мичико и я. У каждого “в руках и зубах” багаж под завязку. “Диван, чемодан, саквояж, картина, корзина, картонка…” Вверх по трапу, по узкому проходу, баяном по головам сидящих. Такого здесь, наверное, не видали.

Сгрудились в хвосте у туалета. Свободных мест нет. Сидеть негде. Прибежали стюардессы. Неразбериха. Появился командир корабля. Кричит: “Всем сесть!!!”. Дернул меня за рукав. Я огрызнулся: “Без рук! Я провожающий!” Командир: “Что за бред?!!! Какой еще провожающий?!!!” Меня облепили и потащили к выходу. Я не сопротивлялся: “Ха-ха! Дело сделано. Пожалуйста, выкидывайте!”

Но не тут-то было! Нашу дрейфующую к выходу кучу догнал Джинзо и вцепился в меня, как бульдог, буквально перед люком. Свирепого Джинзо, конечно, все испугались. Заминка. Он в истерике что-то сбивчиво кричит. На каком языке? Японском, английском, русском? А-а-а-а, понял! Документы! У меня их паспорта и билеты. Лихорадочно шарю по карманам – не могу найти. Плащ, пиджак, правый карман, левый, передний, задний, за подкладкой… Почти разделся. Документов нет. Шок. Где-то оставил… Где?

Но чудеса бывают! В сотый раз лезу в карман, и… там они, родимые, лежат себе тихонечко. Уф! Отдал, обмяк, как спущенный мячик, и, полностью умиротворенный, отчалил на трапе. Застегнулся. Спустился по ступенькам вниз. В темноте нашел коллегу. Просквозили с ним зал аэропорта. Отыскали “Волгу”. Разбудили водителя.

– Ну, вы даете! Что так долго? Все планы порушили!

А супруги Кобаяси… вместо первого класса так при туалете и полетели. В Хабаровск. На приставных местах. Всего-то… часов восемь».

Потом Кобаяси сказал, что, когда летел, испытал счастье.

Небольшие пояснения к отчету.

1. В те, не столь отдаленные времена мало было иметь билет, следовало еще за несколько дней до вылета получить подтверждение – «ОК». Кобаяси это и в голову не могло прийти, а нам должно было, но не пришло, поэтому в аэропорту наших гостей никто не ждал.

2. Оставить японцев в Москве еще на неделю до следующего рейса было в принципе невозможно: кончалась виза, и по тогдашним законам их ни в коем случае нельзя было приютить у себя даже на ночь. Не было ни гостиницы, ни денег на проживание… Они могли разве что бомжевать на вокзале.

Если бы самолет улетел без них, нам бы лучше дальше просто не жить. Тут Волков проявил себя во всей своей мужественной красе. Я всегда знал, что на него можно положиться.

При последующих встречах с Кобаяси первым делом вспоминался этот случай. Кобаяси русским языком владел слабо, и в его пересказе все выглядело лаконичнее, но не менее эмоционально.

– Нет.

– Нет.

– Нет.

– Да? Да! Да!! Да!!!

Ничего более яркого и волнующего в его жизни никогда не было.

Вернемся, однако, снова в институт.

Существующая в Академии наук свобода в выборе тематики исследований и решаемых задач сбалансирована системой контроля эффективности работы лабораторий в целом и каждого научного сотрудника в отдельности. Ежегодно утверждается план работы лаборатории. Как правило, он составляется самим руководителем. Занимаясь этим, я обнаружил удивительную вещь. Как только включишь работу (обычно уже близкую к завершению) в план, с ней тут же начинаются осложнения, которые иной раз так и не удается преодолеть до конца срока. С учетом этого самые перспективные и ответственные работы в план я никогда не записывал.

Научные сотрудники крайне чувствительны к оценке своих идей и прозрений, критика со стороны руководителя должна быть очень взвешенной и щадящей. Интересно, что люди редко адекватно оценивают свои творческие способности. Большая часть склонна их преуменьшать и скрытно завидует другим, более одаренным. Но бывают и обратные случаи. Как ни странно, но завышенная самооценка в науке часто помогает продвижению. Не зря, видно, говорят, что другие ценят тебя так, как ценишь себя сам.

Люди, попавшие в науку, прошли через многоступенчатый отбор в школе, вузе, аспирантуре, при устройстве на работу. Все они по своим способностям относятся к элите общества. Но, несмотря на это, далеко не всем удается достичь научного признания. Огромную роль здесь играет окружение и моральный климат в коллективе.

Научные сотрудники, являясь творческими людьми, разнообразно проявляют себя и вне стен лаборатории. Они или горнолыжники и яхтсмены, или заядлые туристы и альпинисты, или поклонники камерной музыки, знатоки живописи и тонкие ценители литературы. Загляни внутрь любого, и найдешь там что-нибудь глубоко нетривиальное.

Работая в научном коллективе, очень важно научиться радоваться чужим достижениям, иначе жизнь может превратиться в сплошные страдания, лишающие сил и бодрости духа.

Окружающая среда в научном мире не всегда дружелюбна в силу постоянно присутствующей конкуренции. Наиболее

жесткие формы она принимает среди собратьев, работающих над схожими научными проблемами. Когда же дело касается высокопрестижных исследований, обстановка просто напоминает боевые действия. В армейских терминах потенциал сторон определяется уровнем применяемой техники, выучкой личного состава и творческим потенциалом штаба.

Техника. В американских и европейских физических лабораториях техника практически вся покупная. Самоделки встречаются только в тех случаях, когда требуется что-то сугубо специальное для данного эксперимента. Приобрести требуемый прибор или приспособление для них элементарно просто и быстро (несколько дней). Были бы только деньги. Это давало нашим зарубежным конкурентам неоспоримое преимущество. Сейчас и в России, в принципе, почти все зарубежное оборудование тоже стало доступно. Вот только с деньгами не очень.

В былые же времена ситуация была совсем иной, требующей от исследователя творческого подхода не только в экспериментальной практике, но и в организационных делах. Приборы (отечественные) нужно было заказывать за год, притом не все заявки удовлетворялись. В силу этого была большая потребность в самоделках. В физических институтах существовала целая сеть вспомогательных подразделений, таких как конструкторское бюро, механическая, оптическая, стеклодувная, радиомонтажная, ремонтная, столярная мастерские, кузница, гальваника, службы научно-технической информации и поверки приборов. В каждой лаборатории, кроме того, были свои мастерские, а в каждом подразделении еще механики и техники. Фактически полное многоуровневое натуральное хозяйство. В верхних эшелонах оно было не очень мобильно. Для продвижения своих заказов важно было иметь дружеские отношения с руководителями соответствующих мастерских и служб. Подарки, а тем более деньги в этой сфере хождения не имели. Валютой был исключительно спирт, который выдавался научным сотрудникам для промывки и протирки контактов и оптических деталей, но обычно шел на более насущные нужды.

Покупные приборы советского производства обычно уступали по своим параметрам западным аналогам и к тому же не отличались высокой надежностью, зато были габаритными, что придавало установкам солидность. Так, наши спектрометры занимали площадь с десяток квадратных метров и были смонтированы в три яруса. Приборы, собранные на радиолампах, гудели в разных тональностях своими вентиляторами и давали

столько тепла, что даже зимой в лаборатории было жарко.

Перевод электроники на полупроводники, а затем и на интегральные схемы не только радикально уменьшил габариты установок, но и лишил их прежней убедительности и фотогеничности. Это как с заменой паровозов на тепловозы и электровозы: полное разочарование для художников – ни тебе труб с развевающимися на ветру клубами дыма и пара, ни топки с гудящим пламенем, ни огромных раскрашенных колес с шатунами. Даже движение передать нечем. Аналогично и с компьютерами – первые, ламповые занимали целые залы, весили десятки тонн и потребляли полторы сотни киловатт. Работать на них могли только избранные, специально обученные и очень уважаемые люди.

В общем, наша родная техника была много более впечатляющей, чем западная, хотя и уступала ей по некоторым другим существенным параметрам. Последнее обстоятельство компенсировалось энтузиазмом исследователей. Заграничные ученые уже тогда жили широко и красиво, на уик-энд ездили к морю, а в отпуск на Мальдивы. У нас же ничего интереснее работы не было. К тому же и жили тесновато, как правило вместе с тещей, так что на работу шли как на праздник. Помимо этого, наше преимущество точно отражено в русской пословице: «Голь на выдумку хитра». К примеру, американцы в радиолокаторах прежде делали две отдельные антенны – одну на излучение, вторую на прием. А наши – исхитрились их совместить в одну, что сильно озадачило заграничных коллег.

Выучка. Массовое образование у нас было посильнее, чем где-либо. Даже из сельских школ ребята поступали в центральные вузы. Причем стремились именно к знаниям, а не только к получению заветного диплома. Среди физиков в Москве более других котировались МГУ, ФИЗТЕХ и МИФИ.

Сейчас с образованием дела весьма плохи. Дипломы стали важнее знаний. Университетов – море, но добыть диплом можно, вообще не учась. Плати и ни в чем себе не отказывай. Выпускником любого вуза можно стать, не выходя из метро. В руки подобных специалистов и попала страна. В науке стало немало липовых аспирантов, уклоняющихся от призыва в армию. Так что с выучкой и творческих кадров у нас дело обстоит сейчас тоже не очень. Хорошо еще, что наши люди от природы большие выдумщики и затейники, а вот в части реализации слабоваты. Отсюда и проблемы в соревновании с более системными конкурентами.

Штаб. Руководители науки у нас и самые опытные, и самые старые в мире. Среди них встречаются уникумы вроде Прохорова,

сохранившие до преклонного возраста здравый ум и живой интерес к делу. Но природа даже в среде академиков берет свое. В девяносто лет они уже редко помнят начало десятиминутного разговора. Но самое печальное, что и замену-то им не всегда сыщешь. В вузах шестидесяти-, семидесятилетний профессор считается перспективным кадром на должность заведующего кафедрой или декана. Слава богу, пенсионеры (в отличие от остальных) оказались весьма живучими. Видимо, достигнув почтенного возраста, человек чувствует себя спокойнее, как-то привычнее к неприятностям и оттого увереннее. Короче говоря, штаб пока есть, но уже на исходе.

Подводя общий итог, видим, что конкурировать в науке на мировом уровне нам с каждым годом становится все труднее.

Оглядываясь назад, могу с уверенностью сказать, что период научной работы, когда нашему коллективу удалось достичь мирового приоритета и признания, был для меня наивысшей точкой успеха. Первоосновой этого была преданность делу сотрудников лаборатории, наделенных яркими творческими способностями. Не обошлось и без удачного стечения обстоятельств. Это не значит, что судьба защищала нас от всех трудностей и невзгод, нет, но плотность их на жизненном пути была достаточно хорошо дозирована, с тем чтобы стимулировать к действиям и не подавить при этом оптимизма. Более того, не раз бывало так, что неприятности оборачивались вскоре своей противоположностью. К примеру, когда из-за каких-либо интриг срывались планы и замыслы, часто оказывалось, что они по своей сути были пустыми хлопотами. К тому же трудные ситуации заставляют искать нетривиальные решения, что также частенько приводит к успеху.

Бывали и совсем быстрые превращения поражений в победы. Так, когда мы в очередной раз представили работу на институтский конкурс, жюри ее отклонило, ссылаясь на то, что в прошлом году премию мы уже получали. Выдвинутая нами работа была интересной и к тому же нравилась Прохорову. Узнав от меня о решении жюри, он слегка разгневался, но вмешиваться не стал. И тут буквально на следующий день в институт пришла разнарядка на один орден «Дружба народов» и несколько медалей. Прохоров тут же распределил орден мне, несмотря на активное противодействие недругов. Таким образом, в 1985 году вместо грамоты на институтском конкурсе научных работ я получил правительственную награду. Так часто бывает – работают все, а награду получает начальник.

За пять лет до этого вместе с Прохоровым и Ирисовой мы в коллективе двенадцати человек были удостоены

Государственной премии СССР за цикл работ по освоению субмиллиметрового диапазона. В отличие от случая с получением ордена, это была значительно более сложная и длительная эпопея. Оставив на время научные распри, удалось объединить в авторском коллективе «коня и трепетную лань». В результате вместе получили премию сотрудники разных организаций, в том числе активно доказывавшие годом раньше несостоятельность работ друг друга.

Низкая подвижность научных кадров в СССР способствовала высокой стабильности научных сообществ, которые с годами подчас превращались в настоящие научные школы с несколькими поколениями исследователей. Иностранцы все без исключения завидовали нашей возможности систематически заниматься избранной проблемой в условиях хорошо подготовленного и слаженного научного коллектива.

Научная работа, как уже отмечалось, связана с жесткой конкуренцией, переходящей порою в острейшую борьбу. Не была исключением и наша деятельность.

Началось все с того, что где-то в 1970 году в лабораторию колебаний обратился соискатель, назовем его В. М., с просьбой дать официальный отзыв на докторскую диссертацию, которая прямо соответствовала тематике нашей работы. Уровень диссертации был настолько низким, что нужно было обладать большой, скажем так, смелостью, чтобы ее защищать. После ряда обсуждений В. М. под тяжестью неопровержимых доводов диссертацию забрал на переработку. Через каждые два года ситуация повторялась. Диссертация претерпевала кое-какие изменения, но из хлопчатобумажной майки даже при большом желании невозможно сшить шубу.

Публикации В. М. по времени частенько опережали наши, и в своих статьях мы были вынуждены проводить сравнение результатов. Почти всегда экспериментальные результаты находились в противоречии, и поэтому дискуссии носили острый характер. Не хочу сказать, что наши данные всегда были безупречны, но перевес по качеству мы имели уже тогда, а с годами он стал просто подавляющим. Мы закрыли большую часть обнаруженных В. М. эффектов и вскрыли вызвавшие их методические ошибки.

Уровень очередного варианта диссертации был по-прежнему низким, но у В. М. появился активный напарник из Киева – Ю. М., который тоже представил докторскую диссертацию, используя результаты совместных с В. М. работ.

Взвесив все «за» и «против», мы с Волковым решили принять бой и выступить с критикой обеих диссертаций. Чего здесь только

не было, страшно вспомнить. Продержались мы примерно год, а потом, будучи увлеченными новыми исследованиями, махнули рукой. На защиту В. М. мы даже не пошли, только слышали, что прошла она блекло с перевесом положительного голосования всего в один голос.

В ВАКе диссертацию В. М. ждала трудная судьба. Как потом выяснилось, ее дважды направляли «черному» оппоненту. Первый вообще отказался писать отзыв, а второй дал очень плохой. В. М. был уверен, хотя и совершенно безосновательно, что это наших рук дело. Мы даже не были в курсе всех этих коллизий. Диссертация объективно была очень слабой, отсюда проистекали все его беды.

После длительного рассмотрения диссертацию ВАК все-таки утвердил, после чего В. М. вообще исчез из нашего поля зрения. Он почти ничего не печатал и никак не реагировал, когда мы в очередной раз по ходу дела опровергали его прежние работы.

В 1981 году для написания докторской диссертации созрел и я. Результатов у нас было более чем достаточно. Прослышав о моем замысле, возбудился Ю. М. – киевский соратник В. М. Он попросил принять его вместе с другим профессором из Прибалтики и ознакомить с работами. Мы согласились, благо показать у нас было что.

Сначала экскурсанты вели себя подчеркнуто сухо и официально, но постепенно прибалт стал выражать положительные эмоции. В конце же он так к нам расположился, что тайно признался в предписанной ему Ю. М. роли быть свидетелем нашей научной несостоятельности. Вышло же все с точностью до наоборот. Ю. М. попался на свою же наживку. Для того чтобы совсем не пасть в глазах приведенного свидетеля, он вынужден был признать наши успехи и заявить о прекращении борьбы. Желая, видимо, усилить эффект своего прозрения и объективности, он попросил прислать ему автореферат моей будущей диссертации и обещал дать хороший отзыв.

Наступил «час Х». В. М. на защиту пришел, а киевлянина не было. После доклада я ответил на вопросы, и секретарь совета стал зачитывать отзывы. Выполнив эту обязанность, он открыл дискуссию. Тут В. М. встрепенулся и стал выяснять, почему не огласили его отзыв. Секретарь развел руками: других отзывов не было.

Выяснилось, что В. М. передал свой отзыв через дочку, которая проходила в ФИАНе практику. Кому конкретно был передан отзыв, так и осталось неясным. У В. М. с собой «случайно» оказалась копия, и он ее зачитал. Это был, видимо, хорошо продуманный трюк, позволявший заставить меня отвечать

на замечания, что называется, с листа.

Отзыв был длинный, ставил под сомнения многие результаты и имел отрицательное заключение. Ответить на замечания мне было нетрудно, тем более что обо всех имевших место разногласиях мы открыто заявили в статьях, а В. М. публично на это никак не реагировал. В результате ученый совет единогласно поддержал диссертацию. Таким образом, выступление В. М. только привнесло острую интригу и оживило обычно весьма скучную процедуру защиты.

Вскоре выяснилось, однако, что борьба далеко не завершена. От киевлянина в ученый совет пришло длинное письмо отнюдь не положительного содержания. Из него я узнал много интересного и неожиданного о себе и своей работе. Половина письма была просто враньем, а другая носила вздорный характер.

Вскоре в ВАК поступило еще одно заявление от В. М. Все было написано с таким перебором, что найти убедительные контраргументы не составляло труда. В результате ВАК утвердил диссертацию без каких-либо задержек.

Сейчас задаюсь вопросом: нужно ли было вообще ввязываться в борьбу за «чистоту рядов»? В те молодые годы подобный вопрос для меня просто не стоял, была полная уверенность, что все должно быть по-честному. Казалось бы, итогом борьбы стало лишь появление серьезных недругов, но это поверхностный взгляд. В результате из не нюхавших пороха новобранцев мы превратились в закаленных бойцов, прошедших «горячую точку». Через несколько лет на защите докторской диссертации Волкова уже не было ни затерявшихся разгромных отзывов, ни даже заявлений в ВАК.

Победа была полной и окончательной.

Глава шестая
Из жизни экспериментаторов

Физики-экспериментаторы должны многое уметь, чтобы успешно работать. По своим способностям и склонностям каждый научный сотрудник занимает в коллективе свою особую нишу. Мои наблюдения позволяют выделить здесь некоторые категории.

«Рукоделы». Очень важная, я бы даже сказал, ключевая категория специалистов для любого эксперимента. «Рукоделы» важны на всех уровнях, начиная от рабочих, техников и кончая самими учеными. Подчас работа по подготовке экспериментальных образцов ведется на уровне Левши, и любая ошибка сводит все на нет. Последовательность действий и даже все движения должны быть продуманы до мельчайших деталей. Необходимые инструменты и материалы готовятся и раскладываются как у хирурга, а «операция» длится иной раз целую неделю.

«Технари». Научные сотрудники этого типа в экспериментальном деле также котируются очень высоко, ибо технику приходится постоянно совершенствовать, переделывать, а то и просто создавать заново, а наша родная имеет обыкновение еще и ломаться. Подчас технари терзаются комплексом неполноценности из-за того, что не стали «учеными с большой буквы». Он возникает на базе того, что изготовленную ими экспериментальную технику используют другие. И эти другие получают на ней интересные научные результаты, интерпретируют их, ездят с докладами на конференции, защищают диссертации и т. д. Проблема эта серьезная.

«Хозяева». В экспериментальной работе в любой момент может понадобиться все что угодно, начиная с болтов с левой резьбой и кончая восковыми свечами. «Хозяин» собирает и копит все это. «Хозяева» известны всем, и дружба с ними высоко ценится. Все они большие куркули и никогда не открывают публике всех своих запасов.

«Энтузиасты». Способны делать любую, самую неприятную и тяжелую работу. Долгими часами без устали и ропота они ведут изнурительные измерения. Они готовы по первому зову прийти на работу ни свет ни заря и уйти за полночь. Это настоящие «пахари». Типичным недостатком, свойственным, по-видимому, большинству «энтузиастов», является значительная вероятность ошибки. Это приходится каждый раз учитывать.

«Раскопщики». Решая ту или иную задачу, они не оставляют без внимания ни одной мельчайшей детали, попадающейся на пути или лежащей рядом. Такие люди по прошествии лет становятся очень эрудированными и опытными. Они чрезвычайно полезны как консультанты и эксперты. Однако их научная карьера редко оказывается успешной. Путь к цели растягивается на многие годы и иной раз вообще исчезает из виду. Диссертацию они никак не могут представить, все считая свою работу незавершенной. Обычно они не слишком удачливы и в семейной жизни.

«Эрудиты». Больше всего времени проводят в библиотеках. С ними можно обсудить любую проблему и за полчаса получить ориентиры, на самостоятельный поиск которых ушел бы месяц. В науке между коллегами как-то не принято рассчитываться за подобные услуги. В лучшем случае «эрудитов» благодарят в печатных трудах. Случается, что у них самих научных работ почти не бывает.

«Писатели». Их функция очевидна. Они должны обладать не только хорошим слогом, но и способностью акцентированно подать материал. Один и тот же результат можно изложить так, что его примут в самый престижный научный журнал типа «Nature» или отвергнут в вузовском вестнике.

«Генераторы идей». Самые творческие личности. Идеи и фантазии приходят к ним в голову постоянно. В их изобилии нужно отыскать подходящие и не поддаться соблазну заманчивой нереальности.

«Критики». Это самый привередливый народ. Они способны охаять любую работу, поставить под сомнение состоятельность решений и выводов. Этим людям можно и полезно показывать только уже завершенную работу перед публикацией. В начале работы их критика неуместна и деструктивна, после нее просто

опускаются руки. Это своего рода «санитары леса», они редко имеют много друзей, и характер их, как правило, с годами сильно портится.

«Коммуникаторы». Сами они часто никаких исследований не ведут, но знают всё обо всех и обо всем. Целыми днями они курсируют между лабораториями и институтами, посещают все семинары и конференции. Реже их встретишь в библиотеках. Их приход всегда связан с научными или околонаучными новостями, не всегда, правда, надежными, но всегда интригующими. Такие коллеги тоже полезны. Через них быстро устанавливаются деловые связи и организуются совместные исследования. Именно с этого они обычно и «кормятся», становясь соавторами многих работ.

«Организаторы». Прежде всего, должны иметь авторитет в коллективе и обостренное чувство ответственности за принятые решения. Они должны быть и хорошими психологами, и хорошими ораторами. Им приходится все время работать с народом и часто выступать на высоких собраниях с сообщениями об успехах и новых проектах. На них лежит ответственность за стабильность отношений в научном коллективе. Они должны первыми замечать и предупреждать конфликты. Разразившийся конфликт отнимает много сил и времени, как правило, его удается погасить, но рубец остается навсегда.

В организации научной деятельности, по моим наблюдениям, есть одно неразрешимое противоречие. Связано оно с тем, что статус и зарплата научного сотрудника возрастают по мере увеличения организационных обязанностей. По этой причине все стремятся к занятию руководящих должностей вне зависимости от наличия способностей. Сплошь и рядом хорошие и даже выдающиеся ученые становились некудышными руководителями и, получив заветную должность, больше теряли, чем находили. Сейчас другая крайность – ставку делают на менеджеров.

Думаю, что доверять им научные коллективы не стоит. Руководить творческой деятельностью – это не людьми и деньгами распоряжаться. Тут нужно глубоко разбираться в сути вещей.

Невозможно даже представить себе человека, который бы одновременно обладал всеми необходимыми экспериментатору качествами. Именно поэтому экспериментаторы существуют в природе группами, в которых каждый выполняет одну или несколько функций. Эффективность работы научного коллектива, как в любых командных делах, определяется, точнее, ограничивается слабым звеном. Нашей ахиллесовой пятой было

отсутствие легких на руку писателей. Существуют буквально горы экспериментального материала, которые по этой причине не увидели свет.

Приведенная классификация экспериментаторов далеко не единственная. Так, их можно еще подразделить на **«пластилинщиков»** и **«фундаменталистов»**.

Первые нетерпеливы в своем желании поскорее проверить замыслы и идеи. Их установки порой выглядят просто несерьезно. Все здесь собрано из чего попало, крепится на веревочках и пластилине. Тем не менее им частенько удается обнаружить новые эффекты, хотя далеко не всегда они доводят работу до уровня количественных измерений. Их любимая поговорка: «если эффект есть, он обнаруживается и на пластилине».

В противоположность им «фундаменталисты» для проверки даже плохонькой мимолетной идеи начинают рисовать чертежи и заказывать специальное оборудование, которое к моменту изготовления часто оказывается уже совершенно ненужным.

Последний и самый важный срез, на котором стоило бы остановиться, подразделяет экспериментаторов на везучих и невезучих. Каждый настоящий эксперимент всегда ведется на грани возможного, и многое зависит от стечения обстоятельств. У нас был один студент, с которым что-то опасное случалось буквально каждый день, и в конце концов он вообще куда-то исчез.

Низкой везучестью отличался и один из очень уважаемых наших сотрудников. Он работал в институте очень долго, но так и не защитил диссертацию. Закончив с отличием физфак и обладая редчайшей памятью и несомненными способностями, он никак не мог зафиксировать даже малейший научный успех. Обстоятельства всегда были против него.

Такие люди как-то даже привыкают к неудачам и воспринимают их как должное. Показателен в этом отношении один очень простой случай.

Вечером мы долго засиделись на работе. Наш герой жил тогда за городом, и ему нужно было успеть на последнюю электричку. Мы его несколько раз поторапливали, пока он наконец не побежал. Утром я его спрашиваю:

– Ну, как добрался?

– Да, все нормально.

– На электричку-то успел?

– Нет, не успел. Но опоздал всего на одну минуту.

От успеха таких людей часто отделяет один только миг, но это их не слишком раздражает, скорее согревает своей незначительностью и близостью удачи.

Общий досуг – непременная черта здорового научного коллектива. У нас общность проявлялась прежде всего в том, что мы всегда с готовностью помогали друг другу в решении значимых житейских проблем, как то: переезды, строительство, ликвидация последствий стихийных бедствий.

Решать при этом приходилось, как и в экспериментальной практике, самые разные задачи. Одной из них стала ликвидация огромных засохших дубов на дачном участке, зажатом со всех сторон соседними домами.

Только мы начали работу, как за забором на стук топора стали собираться соседи. Что-то обсудив между собой, они направили к нам небольшую делегацию, потребовавшую прекратить повал дуба из-за опасения, что при падении он разнесет соседний дом. Я действительно этого немного опасался. Поваленное дерево на земле всегда оказывается много длиннее, чем выглядело стоя. Исходя из этого, мы очень тщательно выбрали азимут падения дуба между домами в угол участка.

Наши аргументы их, однако, не убедили, но и нам отступать было некуда, так как дуб к тому моменту был подпилен уже на две трети. Переговоры зашли в тупик, и нам пришлось делегатов просто выгнать, чтобы их не придавило.

Вскоре дуб покачнулся и, наконец, начал падать. Возмущенные крики соседей мгновенно смолкли. Набирая скорость, махина приближалась к земле и через мгновение грохнулась так, что под ногами прошла волна наподобие легкого землетрясения.

Азимут выдержать удалось. В углу огорода вдребезги разлетелась старая собачья конура, но ни один забор, тем более дом, не пострадал. Настроение соседей резко переменилось, и они наперебой стали приглашать нашу небольшую бригаду валить дубы и на их участках.

Другим ответственным делом стало восстановление крыши дачного дома после пожара. За осенний день нам предстояло возвести стропила, уложить обрешетку и покрыть крышу. Если учесть, что высота стропил была больше трех метров, то объем работы выглядел просто пугающим. Сначала на пепелище дело шло медленно. Стропила мы поставили, когда уже начало смеркаться. Но затем открылось второе дыхание, и мы без всяких перекуров прибили тес и уже в темноте положили рубероид. Наутро соседи просто ахнули, увидев вместо пожарища новенькую крышу. Это была одна из самых наших ударных строек.

Были и курьезные случаи. Отец Саши Волкова, военный врач-педиатр, выйдя на пенсию, купил участок со стареньким домом

и полуразвалившимся сараем. Его мечтой стало восстановление заброшенного хозяйства. Начать планировалось с сарая. Зимой он завез стройматериал, но вскоре слег в больницу на несколько месяцев. Желая сделать ему приятное и отплатить за ту неоценимую помощь, которую он оказывал нашим детям, мы решили возвести сарай к его выздоровлению. Размеры и архитектурное решение были выбраны исходя из объема имевшегося материала и последних достижений советской архитектуры, воплощенных в конструкции советского павильона на Всемирной выставке в Монреале. Старый сарайчик физики-экспериментаторы смели с лица земли практически мгновенно.

Процесс созидания не был таким скорым, но, поскольку мы работали усердно и слаженно, к вечеру каркас сарая уже возвышался над огородом. Потом Саша самостоятельно обил его досками. Выглядел сарай гораздо солиднее дома, и сходство с советским павильоном, привезенным с монреальской выставки, было поразительным. Саша был доволен и с нетерпением ждал приезда на дачу отца, от которого для усиления положительного эффекта вся стройка держалась в тайне.

Эффект превзошел все ожидания. Отец был просто потрясен и чуть снова не слег. В своих замыслах он видел куда более скромный сарайчик, а доски, брус и шифер купил с учетом ремонта дома. Но уж зато на сарай действительно не стыдно было смотреть.

Весной каждого года мы устраивали спортивные праздники, включающие соревнования по стрельбе, городкам, боксу, велосипеду, толканию ядра и, конечно, футболу и волейболу. Победители каждого вида получали красивые деревянные медали на шелковых лентах.

Понятно, что наиболее эмоциональными и зрелищными были соревнования по боксу. Самая тяжелая участь ждала соперников Саши – разрядника и большого энтузиаста данного вида. Однажды жребий свел его с гонористым аспирантом, тоже имевшим в боксе определенные навыки. Бой был жесткий и имел явную воспитательную направленность. Минут через пять у аспиранта был разбит нос, а уважение к своему научному руководителю существенно повысилось.

В 1985 году вместо традиционного многоборья было решено организовать велопробег. Маршрут длиною в сто километров брал начало в Калинине и вел в деревню Савельево, где один наш сотрудник купил старый крестьянский дом.

Непосредственно в велокоманду вошло шесть человек, а остальные отправились к месту финиша на более быстром автомобильном транспорте. Выехать из Москвы в Калинин

намечено было электричкой в шесть часов утра, с таким расчетом, чтобы прибыть в деревню часам к пяти вечера. Накануне я отправился на дачу за велосипедом, планируя присоединиться ко всей компании прямо в электричке.

Ранним утром я занял место на платформе у остановки назначенного вагона. Вскоре подошла электричка, и из нее навстречу мне вышли три наших велогонщика, что было не совсем по плану. Остальные, как выяснилось, опоздали, и их предстояло подождать. Приехали они на следующей электричке буквально через пятнадцать минут, но электричка была ближнего сообщения, а до калининской оставалось почти два часа.

Для придания динамизма возникшей паузе мы решили не торчать бессмысленно на платформе, а продвигаться в нужном направлении на ближних электричках, которые были к тому же не столь забитыми, как калининские.

Так и поступили. Электричка попалась клинская, но до конечного пункта мы на ней не поехали, так как в дороге возникло еще одно интересное решение – выйти где-нибудь на тихой станции, чтобы спокойней сесть в калининскую электричку с нашими громоздкими велосипедами.

Замысел «более чем удался». Долгожданная электричка просвистела мимо нас и станции без остановки. Снова образовался двухчасовой антракт. Но и здесь творческий подход не иссяк. Было решено противопоставить превратностям организации движения на железной дороге еще более активные ответные действия. Внимательно изучив расписание и выяснив, что все калининские электрички точно останавливаются в Покровке, мы отправились туда на велосипедах.

Расстояние до Покровки, судя по карте, было порядка десяти километров. Какой велосипедист не покроет его за два часа? Однако то ли со сборкой велосипедов провозились долго, то ли дорога оказалась существенно длиннее, только на станцию мы вкатили в тот самый момент, когда следующая калининская электричка неспешно от нее отходила. Теперь уже двенадцатичасовая. С учетом очередного антракта, наше отставание от графика приблизилось к шести часам.

Как и подобает научным сотрудникам, мы внимательно проанализировали причины предыдущих неудач и приняли решение изменить тактику, отказавшись в своих действиях от излишней суеты. За появившееся в нашем распоряжении время нам удалось не только спокойно поесть, но и передохнуть.

К приходу двухчасовой электрички мы были готовы заранее. Двери открылись, но народ, битком заполняющий тамбур, выходить вовсе не собирался, а с сочувствием и умилением

смотрел на нашу дружную компанию с громоздкими железными конями. Наши жалобные просьбы потесниться и пройти в вагон не возымели никакого действия. Пришлось отступить.

Не скажу, что очередная неудача совсем не отразилась на нашем настроении, но духом мы не пали. Следующую, четырехчасовую электричку мы встретили, рассредоточившись по платформе, каждый у своего вагона. Такая тактика оказалась настолько верной, что четверо сумели сесть, и только двое остались.

В Калинине мы воссоединились в восемь вечера, добравшись туда за какие-то четырнадцать часов. Чем не сюжет для Книги рекордов Гиннесса? Настроение у нас, скажем прямо, было противоречивое, но мы нашли в себе резервные силы и от плана решили не отступать, несмотря на приближающуюся ночь.

Первый час пути все шло как нельзя лучше. Жара спала, низкое солнце окрашивало весеннюю зелень леса в приятные для глаза золотистые тона. Застоявшиеся, а точнее, засидевшиеся ноги с удовольствием крутили педали. Приятный встречный ветерок быстро развеял впечатления от недавних неурядиц.

Вечерняя прохлада сначала приятно освежала, но постепенно тепло ушло куда-то глубоко внутрь тела, а руки и лицо начали мерзнуть. В дополнение к этому ноги от неожиданной сверхурочной работы стали какими-то ватными и тяжелыми. Мягкое кожаное сиденье превратилось в жесткую палку, на которой организм просто отказывался сидеть. К тому же стемнело. Без фар ехать было страшновато. Остановились посовещаться, как быть, а заодно и поужинать. Совещание результатов не дало, а вот ужин подействовал положительно, вселил уверенность и открыл второе дыхание. Через пару часов и Старица осталась позади, докрутили до поворота, свернули в лес, а за полем и деревня рядом.

Ни одного окошка в деревне не светилось. Шел второй час ночи, и нас, судя по всему, уже не ждали. Тем не менее наш душевный подъем быстро распространился на всех уснувших было товарищей.

Утром деревня открылась нам во всем своем скромном очаровании. Домов в ней осталось всего с десяток, и только три семьи жили постоянно. Тишина и раздолье вызывают у горожанина столь необычные и сильные ощущения, что боишься нарушить окружающую благодать своим неловким поведением. Ярко-зеленая искрящаяся каплями росы трава, голубое небо, отраженное во множестве луж на дороге, умудренный пережитой зимой серый бурьян и вросшие в землю избы, утопающие в цвету огромных одичавших яблонь и вишен.

В километре от деревни Волга, совсем небольшая по ширине, с перекатами и быстрым течением. Берега крутые, каменистые, заросшие лесом. Огромные валуны, покрытые пятнами мха, привносят в пейзаж северную суровость и обнаженную откровенность. Ни машин, ни людей – только шум прозрачной воды и невидимый воздух. Хочется затаиться и слиться с этой нетронутой природой.

Когда-то здесь по Волге до Ржева ходили водометные катера. Туристы сюда забираются редко, как правило, во второй половине лета, когда поспеет малина и пойдут грибы. Ягод в лесу можно набрать немерено. Грибов много не всегда. Рыбалка в Волге непростая. Осенью местные колют рыбу острогой. За ночь берут по несколько килограммов. На удочку столько не поймаешь и за неделю.

День до обеда пролетел мгновенно. Пора было ехать обратно. Лесная дорога от деревни до шоссе была совершенно разбитой и вся в глубоченных лужах, несколько раз с велосипеда приходилось сходить. Удивительно, что мы так легко проехали по ней ночью.

Добравшись до Старицы, загрузились вместе с велосипедами в автобус, и он докатил нас до Калинина. В электричке тоже проблем не возникло. Утомленные впечатлениями и бессонной ночью, глаза как-то сами собой закрылись и с трудом открылись в Москве. Вся обратная дорога уложилась в один миг, компенсировав вчерашние потери времени.

В описываемые годы одним из обязательных атрибутов научной работы были шефские сельхозработы. Институт был прикреплен к Приокскому хозяйству, где у нас имелся свой дом, способный приютить на ночлег примерно пятнадцать человек.

Однажды на привычный размеренный ритм помощи селу наложились чрезвычайные обстоятельства. Где-то в начале октября метеоцентр сообщил о приближающемся резком похолодании. Температура, по его оценкам, через два дня должна была упасть много ниже нуля, к тому же ожидался сильный снегопад. Партийные органы, давно скучавшие по настоящему делу, объявили всеобщую мобилизацию ученых Октябрьского района на борьбу за спасение оставшихся в поле картофеля, моркови и других не менее важных овощей и корнеплодов.

Буквально за день были сформированы бригады и звенья, назначены ответственные руководители, определен час и порядок отъезда. Учитывая важность предстоящего мероприятия, дирекция института выдала отъезжающим десять литров спирта, чтобы непогода не смогла сломить трудовой энтузиазм.

Вереница автобусов с «научным десантом» была воистину

впечатляющей, она занимала всю улицу. Для ее сопровождения было выделено несколько милицейских машин. Маршрут нашего следования держался, вероятно, в глубокой тайне от всех, включая водителей, так как вскоре колонна свернула с шоссе раньше положенного и сбилась с пути. Выяснилось это в ближайшем населенном пункте. Тронулись обратно. Когда развернувшиеся головные автобусы подъезжали к шоссе, хвост колонны еще только сворачивал с него, и его пришлось пропустить.

На место дислокации в пионерлагерь мы прибыли к вечеру, чтобы с раннего утра выйти в поле. Тут у партийного руководства был явный просчет, свидетельствовавший о его слабой связи с массами. Всю ночь вывезенная за город научная молодежь не сомкнула глаз. Кругом горели костры, народ отдыхал, всей душой припав к родной земле. Заморозков пока еще не было, но все на всякий случай согрелись, некоторые даже излишне. Только к рассвету уставшие бойцы трудового фронта начали собираться в лагере и укладываться на отдых.

Вполне понятно, что за ночь произошло несколько мелких ЧП, и начальство, учитывая ответственность момента, решило провести разборку по горячим следам. Лучше было этого не делать, так как растревоженные рано утром люди с головной болью не всегда соблюдают политес и подчас неадекватно реагируют на происходящее.

Обстановка накалилась до предела, когда на линейку готовности в восемь часов не вышло и половины списочного состава. Только к обеду в поле на свежем воздухе участники трудового десанта слегка взбодрились, и дело стало потихоньку налаживаться. Нормы выработки, однако, достигнуты не были, и в Москве нам грозили серьезные неприятности. К счастью, синоптики ошиблись: климатическая катастрофа не случилась, и напряженность как-то спала сама собой ввиду бессмысленности мероприятия в целом.

Через пару лет ситуация повторилась, но на этот раз я уже ехал ни много ни мало бригадиром научного десанта. Бригада была укомплектована индивидуально подобранными людьми, но, вопреки всему, после активной ночевки в поле смогли выйти только несколько человек, поднятых с матрасов на сцене клуба, отведенного нам под ночлег, исключительно чувством долга и невероятной силой воли.

Убирать нам предстояло кормовую свеклу. Огромные корнеплоды весом в пять и более килограммов следовало вытащить из земли, собрать в корзины, снести в кучи, отделить от ботвы и затем погрузить на машину. Норма дневной выработки

была определена в два гектара.

От безысходности в связи с тяжелым физическим состоянием приступать к работе категорически не хотелось. Чтобы хоть как-то оттянуть этот момент, мы стали обсуждать возможные технологии сбора и погрузки свеклы, и вскоре родилось интересное рационализаторское предложение, которое сразу взбодрило всю бригаду.

Первые два человека, идя вдоль боровка с двух сторон, выдергивали свеклу и аккуратно укладывали ее в ряд, ориентируя корнеплоды строго перпендикулярно борозде. Двое других длинными ножами обрубали ботву прямо на грядке. Погрузка готовой продукции осуществлялась на медленно продвигающийся по полю грузовик. Производительность труда возросла настолько, что за день мы сделали две нормы. Немалую роль сыграл и творческий энтузиазм первопроходцев, стремящихся на практике доказать верность своей идеи.

Местное начальство, ознакомившись со сводкой, решило, что это сплошная липа, так как нормы отродясь никто не выполнял, и приехало на поле с целью уличить нас. К тому моменту мы как раз заканчивали погрузку свеклы. Увидев ровные ряды корнеплодов на поле, руководители колхоза заподозрили, что мы произвели уборку не вручную, а с помощью какого-то мистического комбайна. Все наши доводы о нелепости данного предположения разбивались контраргументами о неспособности человека так ровно уложить свеклу вручную. В итоге я с трудом избежал партийного взыскания.

Периодически нас посылали на помощь и работникам районной овощной базы. Это тоже воспринималось с пониманием. К сожалению, на фрукты попадали редко – обычно на морковь или капусту. Однажды нас поставили на совсем неперспективную работу – разгружать свеклу из вагона.

Пытливый ум ученых вскоре выявил, что в соседнем закрытом вагоне – арбузы. Пробраться в него можно было только в небольшое окно под крышей. Туда и направили самого юркого. И надо же – тут как тут местное начальство.

Юркий к этому времени выбрал самый большой арбуз и стал просовывать его в окошко, гордо призывая принять зеленого красавца. Ни у кого из нас, в отличие от начальников, его предложение интереса не вызвало. Юркий быстро устал держать тяжеленную добычу. Ничего не видя из-за арбуза, он очень нелестно стал отзываться о нашей медлительности. Ситуация обострялась с каждой секундой, и наконец наступила развязка – арбуз выпал и вдребезги разбился о землю. За ним в окне появилась орущая голова. Оценив изменившуюся

обстановку, она затихла. Наступила пауза.

Мизансцена была недолгой. Комизм пересилил драматизм, и рассмеялись все. Юркий под общий хохот вылез наружу и на всякий случай сбежал.

Гораздо более драматическое событие случилось в стенах института – произошел взрыв в комнате, находящейся почти прямо под нашей лабораторией. У меня было такое ощущение, что пол под ногами подпрыгнул на полметра. Придя в себя, мы кинулись вниз. Там уже царила паника и неразбериха. Хлестала вода, пахло паленым, и в клубах пара и дыма метались люди. Взорвалась самодельная стальная камера высокого давления с ацетиленом. Взрывом выбило окна и двери. Жители близлежащих жилых домов, насмерть перепугавшись, сообщили в райком партии, что в ФИАНе взорвалась атомная бомба.

Камера, сваренная из тридцатимиллиметровой стали, разлетелась на несколько крупных кусков. Один из них пробил насквозь книжный шкаф и врезался в кирпичную стену. Второй раскрошил батарею центрального отопления, из которой хлынула горячая вода с паром. Все в комнате было разворочено и покорежено. К счастью, незадачливый экспериментатор остался жив, его слегка контузило и в клочья разорвало всю одежду. Серьезной медицинской помощи не потребовалось, но что-то в его поведении с тех пор определенно изменилось.

Глава седьмая
Встречи с великими

Научные проблемы сводили нас иногда с очень интересными и, я бы даже сказал, историческими личностями. В своем повествовании я упомяну только о некоторых. Начну, естественно, с Александра Михайловича Прохорова. Имея возможность близко общаться с ним долгие годы, я не могу написать о нем с требуемой степенью величественности. На первый план выходят не его талант и научные заслуги, а хорошо знакомые человеческие качества, со всеми его сильными и слабыми сторонами.

На семидесятилетнем юбилее очень точно о нем сказал академик А. Гапонов-Грехов:

– Прохоров столь значителен по своему уровню, что всегда адекватен своим желаниям и устремлениям, поэтому чувствует себя комфортно в любой ситуации.

Ему действительно не приходилось из себя ничего изображать, он всегда естественен. Имея большой авторитет, он пользовался им умело и без комплексов.

Благодаря широкому кругозору и хорошей памяти Прохоров поражал своим глубоким проникновением в суть любой проблемы. Особенно сильное впечатление это производило на мало знакомых с ним людей. Ставя конкретные вопросы по сути проблемы, Прохоров тут же бесцеремонно прерывал любого отвечающего не по существу. Свою точку зрения,

высказанную публично, он отстаивал до конца, поэтому знающие его люди не сильно упорствовали, чтобы не быть обруганными. Гораздо проще и безопаснее было вернуться к теме через день-другой, когда аргументы будут услышаны уже без раздражения.

Административные решения Прохоров принимал быстро и так же быстро их менял. Бывали случаи, когда, подписав у него документ, мы не успевали его зарегистрировать в канцелярии, как он отменял свое решение.

Можно только восхищаться тем, как в свои семьдесят, а затем и восемьдесят лет он ежедневно активно работал, был в курсе всех дел и следил за научной литературой. Неоднократно бывали случаи, когда он указывал мне на статьи, которых я не видел. По его инициативе мы провели ряд интересных и важных исследований. Не помню случая, чтобы он хоть раз поленился пойти на лабораторный семинар. Ни один доклад не оставался без его внимания и оценки.

Прохоров обладал очень важным качеством руководителя – он умел поддержать и вдохновить исследователя в начале пути. Он не только не отгораживал себя от начинающих ученых, но, напротив, охотно шел на контакты с ними. Это частенько приводило к конфликтам молодежи с прямыми руководителями, которые ревностно отслеживали связи с директором и тщательно контролировали доведение до него научных успехов. В этом руководителей вполне можно понять, так как научный успех – это основание попросить у директора дополнительные должности, повышение зарплаты, деньги на приборы, квартиру и т. д.

Опытные сотрудники знали, что любой разговор с Прохоровым лучше всего начинать с сообщения о достижениях; если таковых нет, подходит изложение каких-либо волнующих перспектив, пусть даже несбыточных. На худой конец, для начала разговора годится критика конкурентов или хороший анекдот. Юмор Прохоров понимал и высоко ценил.

Людей из своей старой гвардии он всегда поддерживал, окружал вниманием и заботой, но интересы дела ставил превыше всего. На мой взгляд, это исключительно важный момент для формирования здорового научного коллектива.

К слабым сторонам Прохорова я бы отнес то, что он достаточно легко допускал к себе сомнительных ученых. Некоторые из них иной раз даже пробивались к нему в фавориты и беззастенчиво пользовались его авторитетом и влиянием.

В своем кабинете Прохоров был смел и искренен в суждениях, но всегда принимал правила игры с начальством, будь то президент академии или секретарь райкома. Он всячески избегал участия в политических затеях. Подписать даже самую

малозначимую бумажку с политическим подтекстом у него было невозможно.

Любимым и самым способным учеником Прохорова был Николай Геннадьевич Басов. По рассказам Н. Ирисовой, работавшей с ним в одной комнате, Басов каждый день, приходя на работу, обрушивал на нее целый поток новых идей. По-настоящему стоящими были лишь немногие среди них, но этого было более чем достаточно для многих плодотворных исследований и оригинальных изобретений. Прохоров всячески поощрял и поддерживал своего аспиранта, быстро защитившего кандидатскую, а уже через три года и докторскую диссертацию. Ученик и учитель прекрасно дополняли друг друга: Прохоров – горячий, с широким кругозором, Басов – более степенный и творческий. Их совместные усилия привели к выдающимся научным достижениям, положившим начало лазерной физике и отмеченным Ленинской и Нобелевской премиями.

Однако, как это часто бывает в науке, двум выдающимся личностям со временем становится тесно в одном деле. Годы плодотворной работы сменяются годами отчуждения и даже противостояния. Басов для самоутверждения выдвинулся на административную работу, стал заместителем директора института, выделился в отдельную лабораторию и увел с собой многих сослуживцев.

Директором в то время был академик Дмитрий Владимирович Скобельцин – личность совершенно легендарная, можно сказать, историческая. Выходец из старинного дворянского рода, он удивительным образом сочетал в себе величественную стать с искренней преданностью науке и порученному делу. Его личный вклад в физику элементарных частиц трудно переоценить. В отличие от большинства дворян, Скобельцин не покинул Родину в годину революционных испытаний и никогда не кривил душой. На работу даже в возрасте восьмидесяти лет он приезжал за рулем шикарного (по тем временам) черного «доджа», всегда был изысканно одет, в неизменной шляпе и галошах. Когда директор поднимался по лестнице в свой кабинет, все встречные замирали в искреннем почтении. Его манеры характеризует такой случай. Один из известных академиков, о котором речь пойдет ниже, в разговоре с ним употребил нецензурное выражение и услышал в ответ:

– Мне этот термин незнаком.

После ухода Скобельцина Басов занял его пост и проработал директором 15 лет.

Для Прохорова это было не самое лучшее время. Он вообще

не любил, когда его ученики возвышаются до такого уровня, что от них появляется зависимость (это я ощутил на себе, работая в министерстве). Его руководящей идеей стало создание своего института – дела исключительной сложности, упиравшегося в строительство нового здания. Только в 1973 году удалось возвести корпус и через восемь лет выделиться в новый институт.

Широта научных интересов Прохорова проявилась в тематике института и его названии – Институт общей физики. Здесь ужились исследования по лазерам, нелинейной оптике, гидроакустике, физике твердого тела, световодам, микроэлектронике, магнитным полям, физике плазмы, субмиллиметровой спектроскопии, фемтосекундной технике, экологии.

Басов же был сосредоточен прежде всего на квантовой электронике и добился в этом деле больших успехов. Так, он реализовал мощнейший лазер для поджига термоядерной реакции, на котором впервые получили выход нейтронов. Прохорову, несмотря на многолетние усилия, создать подобную установку так и не удалось, но зато было немало серьезных достижений по другим направлениям деятельности института. В результате среди его учеников академиков стало существенно больше, нежели у Басова.

Между Прохоровым и Басовым линия раздела проходила и во взаимоотношениях с властью. Прохорова в шутку называли главным физиком Минобороны, а Басова – главным физиком ЦК КПСС. Оба внесли большой вклад в популяризацию науки. Прохоров долгие годы был главным редактором Большой советской энциклопедии, а Басов – председателем правления Всесоюзного общества «Знание».

Соревнование и конкуренция двух мощнейших научных школ дали зримые плоды, получившие мировое признание.

Существенно и то, что никакой открытой вражды и скандалов, подчас возникающих в подобных ситуациях, ни разу не случилось. Оба лидера были людьми интеллигентными и дальновидными. Оба прошли войну, Прохоров – разведчиком, а Басов – фельдшером. Их стремление к первенству сводилось исключительно к активизации своих усилий и никак не к подрыву конкурента.

Яркой личностью в ФИАНе был академик Виталий Лазаревич Гинзбург – впоследствии тоже Нобелевский лауреат. На всю страну был известен и популярен его семинар по теоретической физике – он еженедельно собирал в огромном актовом зале института солидную аудиторию со всей научной округи. Это было место и обмена мнениями, и единоборства, и обсуждения

новостей, и одновременно своего рода планеркой для сотрудников и многочисленных аспирантов теоротдела. Гинзбург был человеком быстрого ума и широкой эрудиции – качеств, исключительно важных для руководителя подобного действа.

В среде теоретиков отношения всегда были более напряженными, чем у экспериментаторов. Дело в том, что важнейшим результатом их работы являются идеи, кои очень легко позаимствовать (украсть) в отличие от экспериментальных результатов. Постоянные споры и противостояния теоретиков со временем вылились прямо-таки во вражду двух огромных школ, объединившихся преимущественно по национальным признакам. Лидером одной был академик Н. Боголюбов, а другой – академик Л. Ландау, так что на семинаре Гинзбурга никогда не было скуч-но. Особенно остро противостояние школ проявлялось на выборах членов академии, где среди физиков теоретики имели доминирующие позиции. Многоходовые выборные комбинации по своим замыслам были под стать работе над сложнейшими проблемами мироздания.

В. Гинзбург был не только талантливым физиком, но и искушенным дипломатом. В полной мере это проявилось в период травли академика Андрея Дмитриевича Сахарова, переведенного перед ссылкой в г. Горький на работу в теоротдел. Но Сахаров и здесь не прекратил свою «подрывную» деятельность. По указанию «сверху» партком приступил к сбору подписей ведущих сотрудников ФИАНа под письмом осуждения Сахарова. На Гинзбурга было серьезное давление, но он умело устоял:

– Нелепо подписывать письмо на человека, с которым я встречаюсь и работаю каждый день. Не делайте из меня идиота.

Значительно позже, во время работы в министерстве, судьба близко свела меня с академиком Жоресом Ивановичем Алферовым. Это человек удивительной энергии и убедительности. Он может «построить» для реализации своих замыслов кого угодно. А замыслы его простираются от проведения исследований на самом передовом крае физики до создания единой школы физиков, начиная с детского сада и вплоть до ведущего физического института – легендарного питерского Физтеха. Его замыслы подчас не укладываются ни в какие законодательные рамки, но тем не менее успешно реализуются.

Среди академиков много людей, умеющих артистически и убедительно донести до аудитории свои проекты и достижения. Но то, как это делает Алферов, заставляет «снять шляпу». Многие считают, что он просто гипнотизирует аудиторию, и откровенно

завидуют его способностям и успеху. Видимо, это неизбежно. Вместе с головокружительным успехом приходят и проблемы, но им не суждено подорвать творческий потенциал единственного из живущих российских ученых – лауреата Нобелевской премии.

Однажды судьба свела нас с академиком Обреимовым Иваном Васильевичем, признанным специалистом в области оптических свойств кристаллов – представителем еще дореволюционной плеяды российских ученых. Ему тогда было больше восьмидесяти лет, но по своим манерам и облику он в первозданном виде сохранил черты классического ученого начала века. Заинтересовавшись нашими экспериментальными возможностями, Обреимов решил побывать в нашей лаборатории с тем, чтобы посмотреть на спектрометры миллиметрового диапазона.

Придя в лабораторию, Иван Васильевич первым делом попросил показать лабораторный журнал. Возникла заминка, так как мы не сразу нашли тетрадку с экспериментальными записями. Лучше бы мы не нашли ее вовсе, так как просмотр тетради произвел на Обреимова удручающее впечатление. Выяснилось, во-первых, что страницы неправильно пронумерованы: номера стояли на внешних краях, что могло привести к их утрате при многолетнем и частом использовании «лабораторного журнала». Во-вторых, не везде стояли полные даты экспериментов. Но хуже всего было то, что мы не измеряли и не регистрировали температуру и влажность воздуха в лаборатории перед началом и после проведения измерений.

Иван Васильевич рассказал нам несколько историй, подтверждающих важность этого. Так, работая в период Гражданской войны в неотапливаемом помещении над изучением оптических свойств кристаллов, он получил очень необычные и непонятные результаты. Через несколько лет он вернулся к своим записям и смог разобраться, в чем было дело. Оказалось, что из-за сильного охлаждения изменила свои оптические свойства призма спектрометра. По сохранившимся сведениям о температуре экспериментальные данные ему удалось скорректировать.

Мы дали слово, что впредь будем вести лабораторный журнал в строгом соответствии с его рекомендациями. После этого Иван Васильевич внимательно осмотрел установку, расспросив о предназначении каждого ее элемента. Такой заинтересованный подход умудренного жизнью академика к нашей экспериментальной технике был нам очень лестен и отчасти удивителен. Разобравшись в сути вопроса, Обреимов решил,

что в его лаборатории тоже должна быть подобная техника, позволяющая изучать свойства кристаллов в малоосвоенной области спектра. Для начала он пригласил меня выступить у него на семинаре.

Семинар был назначен через две недели. Нам с Волковым было велено явиться за полчаса до начала, чтобы получить некоторые наставления. Доклад был рассчитан на сорок минут, но длился почти два часа, так как Иван Васильевич сам не допускал неясности ни в одном вопросе и поощрял слушателей активно перебивать докладчика. После окончания семинара мы пили чай в его кабинете и обсуждали перспективы сотрудничества. В дальнейшем я сделал множество докладов, но ни от одного из них не получил такого удовольствия, как в тот раз.

Знакомство с академиком и нобелевским лауреатом Николаем Николаевичем Семеновым было коротким, но памятным. Мы с Волковым были приглашены на встречу с ним для беседы по одномерным органическим проводникам. Они считались тогда особенно перспективными для получения высокотемпературной сверхпроводимости, поэтому мы решили заняться их изучением.

В СССР одномерные проводники выращивались только в Институте химической физики АН СССР в лаборатории профессора И. Щеголева, которому мы и предложили сотрудничество. Будучи воспитанниками прохоровской школы молниеносного действия, мы рассчитывали сразу же получить кристаллы и приступить к измерениям, но оказалось, что прежде следует испросить добро у директора института Н. Семенова. Именно это и явилось целью нашего визита к академику.

Главное здание Института химической физики расположено на Воробьевых горах в бывшей усадьбе С. Мамонтова. Его шпиль и купол, слегка возвышаясь над деревьями, входят в панораму Воробьевых гор. Кабинет Семенова расположен под самым куполом, он как бы венчает институт.

Николай Николаевич предстал перед нами в облике очень старого на вид, но еще весьма энергичного человека. Он уже плохо видел и слышал, и поэтому разговор иногда уходил в сторону от основной темы. Но для нас, собственно, наибольший интерес представляли в данной ситуации не одномерные проводники, а личность этого легендарного человека.

В то время ему было девяносто лет, но он не потерял интереса к конкретным научным проблемам и был в курсе работ своих сотрудников. Беседа длилась около тридцати минут, и все время Николай Николаевич непрерывно курил папиросы, ставя

тем самым под сомнение известное всем предупреждение Минздрава. В конце он благословил наше сотрудничество и велел держать его в курсе дел. Дело сразу пошло, но вот жалко только, что полученных результатов Николаю Николаевичу мы доложить не успели.

Немало выдающихся ученых довелось мне повстречать на научном пути и за рубежом. Среди них были и всемирно известные нобелевские лауреаты, и классики науки, взаимодействие с которыми для нас было престижным и полезным, но я остановлюсь лишь на наших научных контактах с немецким физиком Людвигом Гензелем. Активный этап в наших взаимоотношениях наступил после первого Германо-Советского семинара по спектроскопии твердого тела. Семинар проходил в Штутгарте, в Институте Макса Планка, где Гензель был директором. Мы представили обзор своих к тому времени уже достаточно многочисленных экспериментальных результатов для кристаллов различного типа. Было видно, что у Гензеля они вызвали несомненный интерес, но одновременно ощущалась и какая-то настороженность. Суть ее стала нам понятна во время ответной встречи в Москве.

Для немецкой делегации в нашем институте была подготовлена специальная трехчасовая программа посещения лабораторий. Гензель же сразу отделился от общей группы и направился к нам. Его интересовало решительно все. Никогда еще мы не имели более заинтересованного и дотошного визитера. Он сам устанавливал на спектрометре исследуемые образцы, выбирал условия измерений. В процессе записи спектров перекрывал рукой невидимый глазом луч, чтобы убедиться, что измерения проводятся натурально, без компьютерной имитации.

Вскоре мы всё поняли, и он подтвердил нашу догадку о своем сомнении относительно того, что мы владеем экспериментальной техникой, которой нет ни в одной другой лаборатории мира. Встречая наши результаты в литературе, он до этого момента не воспринимал их как реальность. Теперь все круто изменилось. Наши отношения стали более доверительными, но в них появилась с его стороны какая-то грустинка. Отмахнуться от наших данных теперь было нельзя, так что мы стали для него серьезными конкурентами.

Однако вернемся к контрольному визиту Гензеля в нашу лабораторию. Экскурсия по институту основной группы немецких ученых, как это всегда бывает в подобных случаях, несколько затянулась. К нам они пришли уже в цейтноте и подуставшими. Видя это, я пошел на необычный шаг и попросил Гензеля

рассказать своим коллегам о нашем экспериментальном подходе и результатах на родном немецком языке. Гензелю мысль понравилась, он всегда был готов проявить оригинальность. Гости сразу оживились. В выигрыше оказался как сам Гензель, показавший свою осведомленность, так и мы, использовавшие его авторитет. Больше всех удивился происходящему наш «российский специалист в штатском», сопровождавший немецкую делегацию. На его вопрос, откуда Гензель так хорошо знает нашу технику и работы, я скромно ответил, что это не удивительно, так как они известны во всем мире.

Сознаюсь, что тогда это было некоторым преувеличением.

В дальнейшем при работе в оборонной отрасли мне посчастливилось взаимодействовать с выдающимися конструкторами: академиками В. Ефремовым, Б. Бункиным и А. Савиным – разработчиками важнейших систем противовоздушной обороны. Будучи уже в преклонном возрасте, все они сохраняли высокую работоспособность и были полны творческих замыслов. Особенно в этом плане меня поразил А. Савин. Во время подготовки к отраслевой научно-технической конференции я попросил его провести одну из секций. Он с готовностью согласился и развернул небывалую подготовительную работу – лично встретился со всеми предполагаемыми докладчиками и детально обговорил тезисы выступлений. На конференции секция Савина длилась по времени вдвое дольше других, так как после каждого доклада Савин инициировал его обсуждение.

А. Савин личность вообще легендарная. Великая Отечественная война застала его студентом пятого курса Высшего технического училища им. Н. Э. Баумана. Он был откомандирован на артиллерийский завод в Нижний Новгород. Уже в 27 лет за разработку орудийного противооткатного устройства был удостоен Сталинской премии. Потом получил еще две. Был активным участником «атомного проекта», затем работал в КБ-1 по тематике ПВО. Венцом его деятельности стала космическая система раннего предупреждения о ракетном нападении. Это была задача такой сложности, что многие авторитетные академики сходились во мнении о принципиальной невозможности создания системы и пытались убедить в этом руководство страны. Тем не менее, наперекор всем мнениям и трудностям, Савину удалось реализовать свой дерзкий замысел.

Сейчас в свои девяносто с лишним лет Савин продолжает работать и активно занимается спортом. Это ли не доказательство полезности для человеческого организма напряженного умственного труда в сочетании с разумными

физическими нагрузками.

Н. Ефремов и Б. Бункин на протяжении многих лет конкурировали друг с другом в разработках систем ПВО. Прежде всего это касалось уникальных комплексов С-300, получивших в мире широкое признание. Острая конкуренция наложила серьезный отпечаток и на их личные отношения. Общаться с ними можно было только по отдельности. При этом каждый из них был очень приятным и открытым человеком. Прямо как А. Прохоров и Н. Басов.

Судьба так распорядилась, что и из жизни эти выдающиеся ученые ушли парами. Басов умер в 2001-м, а Прохоров в 2002-м, Ефремов в 2006-м, а Бункин в 2007 году. Что-то очень серьезное связывало их в этом мире. Они были подобны куперовской паре в сверхпроводнике (извиняюсь перед неосведомленными) – разрыв связи разрушает сверхпроводимость. Они не дружили, но знали друг другу цену. Многие годы, как спортсмены на марафонской дистанции, они поочередно догоняли и обгоняли друг друга. Отчасти это стало как бы целью их жизни. После потери спарринг-партнера бежать дальше стало не с кем.

Практически все выдающиеся ученые сугубо индивидуальны и интересны, хотя далеко не все приятны в общении и жизни. Уникальным примером преданности науке и Родине является академик А. Воробьев, выдающийся специалист в области гематологии. Личное благополучие для него настолько несущественно, что сотрудники вынуждены заботиться о приобретении ему нового костюма взамен вконец изношенному. Зато проблемы народа для него крайне важны как с точки зрения специалиста по сложнейшим болезням, так и гражданина, прошедшего через многие драматические и даже трагические события нашей истории.

Уход из жизни выдающихся ученых подчас оборачивается распадом больших научных школ и деградацией целых научных коллективов. Примеры тому есть и в фундаментальной, и в прикладной науке.

Что поделаешь?

Глава восьмая
Вика

Горе можно пережить в одиночестве, но радость – чтоб познать ее в полной мере – нужно разделить с другим человеком.

М. Твен

Уже не раз в своем повествовании я с благодарностью отмечал ведущую меня по жизни заботливую руку судьбы. Именно ей я обязан и своим семейным счастьем.

С Викой мы вместе в 1962 году поступили на физфак МГУ. Курс в то время был очень большим – шестьсот с лишним человек. Делился он на два потока, которые между собой практически не встречались. За редкими исключениями студенты на них не были даже знакомы. И поначалу нас распределили на разные потоки, но эта «ошибка» была немедленно исправлена судьбой в лице деканата, так что мы оказались не только на одном потоке, но и в одной группе.

Вику я заприметил не сразу, поскольку она не обладала ни яркой внешностью, ни стремлением блистать на переднем плане. Невысокого роста, сдержанно одетая, в очках и без всякой косметики, она была почти незаметна среди огромного разнообразия лиц. Выделяла ее разве что улыбка, удивительно открытая и доверительная. Она озаряла все лицо искренней

доброжелательностью.

Я был куда более шустрым и еще со школьных лет освоил искусство быть в центре внимания и подавать себя с выгодной стороны. Главным моим козырем была относительно неплохая быстрота ума – качество, на самом деле достаточно важное. Это как скорость реакции в боксе, где для победы нужно опередить соперника хотя бы на долю секунды. Я не перестаю удивляться, какую большую роль в становлении взаимоотношений людей играет брошенная к месту фраза, особенно острота. Женщины же вообще необъяснимо падки на остроумие.

Так или иначе, в результате ряда целенаправленных действий через пару месяцев у меня уже установились обнадеживающие отношения с несколькими девушками. Вика вошла в их число последней, но, вероятно, с ней мне было интереснее, чем с другими, постепенно отходящими, к их немалому удивлению, на второй план.

Ключевым моментом явились летние работы после первого курса. До этого наши отношения были еще весьма зыбкими, и я подозреваю, что если бы я поехал на целину (об этом я уже писал), то все могло бы сложиться иначе. Но мудрая рука судьбы направила нас строить город микроэлектроники Зеленоград.

Жили мы в палаточном лагере на опушке леса. Работа была тяжелая, погода преимущественно дождливая, хотя это не мешало нам каждый вечер до полуночи гулять среди таинственных в ночи берез. С тех пор другие девушки меня больше не занимали.

На втором курсе мы уже были неразлучниками, даже по воскресеньям встречались с самого утра. Перед экзаменами вместе занимались в библиотеке, любая консультация была для нас желанным местом свидания. Вика к учебе относилась крайне ответственно. Обладая отличными способностями и всегда прекрасно зная предмет, она страшно боялась экзаменов. Для нее они были как прыжок с самолета без парашюта. Успокоить ее было невозможно, все только усугубляло ситуацию.

Но вот экзамен позади. Не бывает лучшего времени для студента. Целый день можно беззаботно болтаться по Ленинским горам, поехать в Фили или Серебряный бор – излюбленные места наших прогулок.

Пролетел второй курс, снова были летние работы, в этот раз мы строили город биологов – Пущино. Место чудесное, на самом берегу Оки. Все было как нельзя лучше. К лесным прогулкам добавились еще и купание, и даже рыбалка.

Я, считая себя опытным рыбаком, захватил с собой пару удочек, решив и Вику посвятить в рыболовное таинство. Хорошо

помню, как мы расположились в ряду других рыболовов – местных мужиков, поведение и взгляды которых однозначно осуждали меня за то, что на столь серьезное дело я привел девчонку, которая не только не умела закидывать удочку, но и боялась насаживать на крючок червяка. Первопричиной такого раздражения был, скорее всего, плохой клев, точнее даже полное его отсутствие. Теперь явно обозначилась причина всех неудач – присутствие женщины.

Повозившись какое-то время, я нацепил червяков, закинул удочки и сосредоточился на своем поплавке. Держался он, надо сказать, очень спокойно, впрочем, как и у остальных рыболовов, за исключением Вики. Уже через каких-то пять минут, к своей полной растерянности и удивлению, она умудрилось вытащить здоровенного подуста. Далее все в точности повторилось еще три раза. Я только успевал менять наживку. Рыболовы не знали, как реагировать на этот вызов, но было очевидно, что такого позора они долго выдержать не смогут. Учитывая это, мы по-быстрому смотали удочки и ретировались, держа в каждой руке по рыбине. Никакого ведерка я, как бывалый рыбак, с собой, естественно, не взял.

Такое везение на рыбалке ни разу больше не повторилось, но было еще несколько других необъяснимых эпизодов. Один из них произошел в тире МГУ.

Занятия по военной подготовке были обязательными только для парней, но на стрельбы пригласили и девушек. Капитан, руководивший огневой подготовкой, с участливой иронией и двусмысленной снисходительностью долго объяснял им, для чего служит прицел и как нежно нужно нажимать на курок. Среди стрелявших была и Вика. Чувствовала она себя очень неуверенно, к тому же очки мешали целиться. Каково же было изумление капитана и всех, когда ее результатом оказалось сорок девять очков из пятидесяти. Бедняга, решив, что имеет дело с бывалой спортсменкой, вспомнив свои объяснения, сильно сконфузился. Заявление же Вики о том, что она стреляла впервые в жизни, только усилило эффект.

Я думаю, что Вика действительно могла добиться в спорте неплохих результатов, будь она немного более честолюбивой. В МГУ ее приметила тренер по художественной гимнастике и пригласила к себе в секцию. Я частенько ходил любоваться на их красивые занятия. Вика не была самой сильной спортсменкой, но своей безукоризненной фигурой и красотой движений выделялась среди подруг.

Время шло. На третьем курсе постепенно назрел вопрос о нашей женитьбе. Родители мои были почти шокированы этой

новостью и изо всех сил пытались уговорить меня повременить до окончания университета, но я был непреклонен, и в марте 1965 года сыграли свадьбу.

Жить я перешел в семью к Вике, где встретили меня тепло и радушно. Жила она с родителями и бабушкой в двухкомнатной квартире вблизи метро «Студенческая». Нам отвели большую комнату, где за шкафом жила бабушка. Родители Вики были научными сотрудниками-железнодорожниками. Отец – выходец из мелкого дворянства, из-за чего ему всю жизнь приходилось объясняться и каяться. Я не встречал человека, более преданного партии, и, тем не менее, его карьера не раз оказывалась в опасности из-за «буржуазного происхождения». Мама страдала диабетом и жила на уколах, но бодрость духа не покидала ее, и в доме многое держалось только на ней. Смело браться за любое дело было главной чертой ее характера. Несмотря на тяжелую болезнь, выглядела она всегда замечательно. Вика пошла во многом в нее.

Окончание университета совпало у нас по времени с рождением первого ребенка. Вика учебу не прерывала и вовремя успешно защитила диплом. К сожалению, руководитель диплома не сразу оценил ее способности и не предпринял заранее необходимых мер, чтобы оставить ее в аспирантуре или на кафедре, о чем впоследствии очень сожалел. В результате Вика распределилась на работу в «почтовый ящик», расположенный недалеко от дома.

Работа на режимном предприятии требовала прежде всего железной дисциплины. Ты можешь один работать за весь отдел, но если на несколько минут опоздаешь с обеда (продолжительностью 48 минут!), то неприятностей не оберешься. В силу этого жизнь Вики была расписана строго по минутам. Ей нужно было многое успеть, и в первую очередь раздобыть в магазинах необходимые вещи и продукты. Вкус у нее был безупречный. Не помню случая, чтобы она купила что-нибудь неудачно. Многие с завистью говорили, что ей просто везет и самые лучшие вещи в магазинах «выкидывают» именно к ее приходу.

В семье у нас никогда не было даже малейшего разлада. Вика была женщиной нежной и деликатной, никогда не ставила меня в трудное положение и не требовала невозможного. В отношениях со всеми людьми, будь то родители, дети, друзья, я всегда соблюдал и соблюдаю дистанцию. Вика была единственным исключением. Мы не говорили о сокровенном, просто чувствовали друг друга.

В доме был полный порядок. Все бытовые проблемы решались

ею очень умело и просто, без обозначения трудностей и демонстрации своих заслуг. Мои друзья и знакомые были в нашем доме частыми гостями. Вика была искренне радушна, любила праздники и прекрасно готовила. Она была душой семьи. Ее отношения с детьми отличались исключительной теплотой, но при этом никогда не переходили на уровень сюсюканья. Она прекрасно играла на фортепьяно и находила время заниматься с детьми музыкой.

Как я уже говорил, родители Вики были людьми интересными и чрезвычайно приятными, но отношения между ними были непростыми. Отец до старости лет сохранил юношеское восприятие мира. Проявлялось это во всем, в том числе и в отношениях с женщинами. Открытых скандалов не было, но чувствовался явный оттенок напряженности и подозрительности, что нас очень огорчало, особенно Вику.

К счастью, отцу в 1970 году дали квартиру в Чертанове, куда они втроем с женой и бабушкой и переехали. Теперь, на расстоянии, отношения стали не просто нормальными, но самыми теплыми и сердечными.

В Чертанове бабушка и мама Вики прожили, к сожалению, недолго. Оставшись один, отец сразу завел новую семью. Вторая женитьба была полна драматизма и унижений, вконец отца измотавших. Спустя несколько лет он вернулся к нам совершенно немощным. Вику все это сильно угнетало. Под впечатлением происходящего она просила меня «в случае чего» второй раз не жениться.

Сразу после смерти отца в 1987 году скоропостижно умер и брат Вики Слава. За короткое время Вика потеряла всех своих близких. Слава ей был особенно дорог. Оба они были людьми нежными и чувствительными, их отношения всегда отличались особой душевностью.

Вика стойко перенесла все утраты, она вообще умела держать себя и успокаивать других. В какой-то степени она обладала даже необъяснимыми способностями снимать у людей боль. Возможно, это развилось у нее во время занятий йогой, но и ранее она верила в воздействие «биополей». Я ко всему этому относился с иронией, и на меня она едва ли могла влиять таким способом, хотя не исключено, что мне так только казалось.

В первый раз очевидцем знахарского таланта жены я стал во время строительства дачи. Мой двоюродный брат Валерий, неудачно подняв бревно, схватился за поясницу. После этого его ценность как работника упала до нуля, и я, не видя другого выхода, попросил Вику попытаться брата оживить. Мы с трудом распрямили его на досках, и Вика приступила к целительству.

Это было что-то типа легкого массажа. Брат сначала тихо постанывал, но уже минут через пять затих, а через полчаса вернулся к работе.

Я был этому так рад, что как-то и не удосужился задуматься над механизмом исцеления. Вика тоже свою роль не выпячивала, уверяя брата, что ничего серьезного у него и не было. Хотя скрючило-то его по полной программе.

Второй случай был еще более впечатляющим. На этот раз тот же радикулит разбил жену Саши Волкова, причем на кухне, да так, что даже переместить в комнату ее не удавалось. Через два дня, когда возможности традиционной медицины были исчерпаны, Саша совсем загрустил. Вспомнив случай с исцелением брата, я предложил ему Викину помощь. Он в знахарство верил еще меньше моего, но от безысходности согласился.

Вика вернулась от Волковых очень утомленная. По ее словам, случай оказался сложным и никакой уверенности в успехе у нее не было. По прошествии получаса раздался звонок. Саша взволнованно сообщил, что жена встала и самостоятельно перешла в комнату, но двигаться больше пока боится. Самым удивительным было то, что кожа у нее на спине покраснела, а на пояснице и вовсе сошла, как при ожоге. Вика была удивлена не меньше нас, поскольку ничего, кроме легкого массажа, она не делала.

На работе у Вики был напарник, Саша Рябцев – молодой специалист, выпускник МФТИ. Он очень увлекался всякими необычными, в том числе паранормальными, явлениями и постоянно тренировал в себе экстрасенсорные способности. Я о нем был уже немало наслышан, а однажды, вернувшись с работы, обнаружил Сашу у нас дома. Вика сказала, что отец Саши разбушевался, выгнал сына из дома, и она пригласила его пожить у нас. Меня такой оборот дела несколько удивил, но возникать я не стал, порадовавшись только про себя, что отец выгнал его одного, без матери.

Викины доброта и отзывчивость чувствовались за версту. Она в принципе не могла кого-то обидеть или кому-то отказать в помощи. Фамилия Добросельская подходила к ней как нельзя более точно. На улице именно к ней попрошайки и пьяницы обращались по поводу денег, причем всегда успешно. Помогала она даже «бедным» цыганкам, правда до тех пор, пока они ее при этом однажды не обокрали. Такого коварства она простить не смогла, и я думаю, что цыгане в конечном итоге несколько прогадали.

Рябцева мы поселили в отцовской комнате, благо, что у того

был в это время период семейного благополучия. Прожил он у нас пару месяцев. Забот с ним особых не было. Он сдружился с детьми и пытался заинтересовать их религией, к которой сам относился очень серьезно. Но зримых результатов не достиг.

У меня с Сашей отношения сложились ровные, несколько огорчало только, что в доме от него не было никакой пользы. Желая исправить положение, я как-то захватил Сашу на дачу и приобщил к работе на циркулярной пиле. Ничего хорошего из этого не вышло. Уже на третьей доске «экстрасенс» пропилил себе руку. Слава богу, не слишком глубоко, все пальцы остались на прежних местах. Вика была на меня сильно рассержена и велела немедленно сопроводить Сашу на станцию в медпункт.

С целью экономии рабочего времени я предложил отвезти Сашу на велосипеде. Он это предложение поддержал и, более того, решил ехать самостоятельно, управляя одной рукой. Перед самой станцией случилось непредвиденное. Переднее крыло его велосипеда каким-то образом развинтилось и нырнуло вперед, прямо под рулевое колесо. Велосипед потерял управление и вместе с седоком грохнулся в канаву.

Падение оказалось на редкость неудачным. Теперь у Саши были повреждены вдобавок к руке еще голова и правый бок. В медпункте фельдшер долго не мог взять в толк, как это сразу можно попасть под циркулярку и упасть с велосипеда. Помощь, тем не менее, оказал. Не меньше фельдшера удивилась и Вика, когда я доставил на дачу ее «потустороннего» соратника, замотанного бинтами по пояс. После этого мне было категорически запрещено привлекать Сашу к каким-либо работам. По правде говоря, я и сам больше к этому не стремился, так как был сыт по горло уже достигнутым.

С Сашиным отцом, к сожалению, все кончилось трагически, и после этого Саша окончательно подался к Богу. Церковная карьера его сложилась удачно. Сначала он несколько лет проработал в Казахстане, а потом получил полуразрушенный приход в Москве на Таганке. Несколько раз заходил он к нам в гости, в полном церковном облачении, и даже пытался склонить меня к вере, но не убедил.

Кроме Рябцева, на работе у Вики была еще подружка – Зина, тоже выпускница физтеха, с которой они были зачислены одновременно. Зина была женщиной исключительно деловой, напористой и чрезвычайно уверенной в себе. Иными словами – прямой противоположностью Вике. Показательным в этом отношении был, к примеру, случай на лыжных соревнованиях. Удивительно вспоминать, но в те не столь отдаленные времена на предприятиях проводились целые спартакиады, успехи

в которых шли в зачет социалистического соревнования отделов. Участвовали в них практически все.

После лыжной гонки Зина – главная заводила и спортивная звезда – возбужденно рассказывала всем о том, как она пролетела дистанцию на одном дыхании. По ее словам выходило, что это если и не будет мировой рекорд, то уж что-то совсем близкое.

Вика тоже участвовала в соревнованиях. Она была искренне рада такому успеху подруги. Каково же было всеобщее удивление, когда объявили результаты: у Зины было второе время, а первое – у Вики. Зина было потрясена, а Вика чувствовала себя крайне неловко и утешала подругу тем, что все это совершенно случайно и что все знают Зину как лучшую лыжницу если не страны, то уж, во всяком случае, Института.

Коллектив на их предприятии был преимущественно женским, и интриги плелись постоянно. Вика в них не участвовала, стараясь всячески избегать конфликтных ситуаций. Научные результаты у нее были весьма значимые, но о диссертации она никогда не помышляла. В результате получилось так, что фактически по ее работам стала оформлять диссертацию женщина-соавтор из другой организации. Вика не только не огорчилась, но во всем помогала ей, поскольку эта женщина, по ее мнению, трудно жила и ученая степень ей могла помочь.

Не умея защитить свои интересы, Вика всегда была готова вступиться за других, если считала их несправедливо обиженными. В этих случаях в ее действиях не было ни робости, ни даже элементарной осторожности. Причем она обладала даром чувствовать проблемы заранее. Приведу наглядный пример.

Как-то мы приехали навестить детей в пионерский лагерь. Сыну было лет восемь. Он решил продемонстрировать нам свою удаль и съехать с горки на велосипеде. Вдруг Вика бросается за ним вдогонку и останавливает на полпути. Оказалось, что у велосипеда порвалась цепь, но еще не соскочила. Никто из нас не шелохнулся и даже ничего не понял, да и заметить это на расстоянии было непросто, так же как догнать и остановить оставшийся без тормозов велосипед. Вика потом сама удивлялась своим действиям, поскольку сорвалась с места до того, как заметила обрыв цепи.

В картине Э. Рязанова «Забытая мелодия для флейты» в одном из центральных эпизодов медсестра оживляет возлюбленного. Сцена снята очень сильно, но в ее реалистичности я усомнился. Вика же, напротив, была уверена, что такое вполне возможно, она чувствовала, что и сама смогла бы. К счастью, случая проверить не представилось,

но завышенной самооценкой она никогда не страдала и слов на ветер не бросала. Уж это я знаю точно.

С течением времени научная работа на предприятии начала угасать, а интриги, соответственно, стали усиливаться. Главным, строго охраняемым секретом их режимного предприятия, по словам Вики, стало то, что они ничего толкового сделать не могут. Она все больше склонялась к мысли завершить бесполезную деятельность, однако решиться на столь серьезный жизненный шаг долго не могла. Произошло это только в 1992 году, когда Вика неожиданно заболела.

Болезнь нагрянула без всякого предупреждения. В груди образовалось небольшое уплотнение. Прояснить ситуацию должна была биопсия. Вика очень волновалась и попросила меня пойти к врачу вместе с ней. Из кабинета она вышла поникшей. Я сразу понял, что дело плохо. Врач сказал ей все напрямую и направил в больницу на срочную операцию.

При мне Вика никогда не плакала, держала себя в руках, но диагноз ее заметно надломил.

В больнице врачи необходимость операции подтвердили, но немедленно госпитализировать отказались из-за забастовки. Было такое короткое время, когда бастовали и медики. За время вынужденного ожидания друзья убедили меня в том, что негоже доверять жену первой попавшейся больнице, и мы стали искать и нашли путь в Онкологический центр. Сейчас я не уверен, что это было правильное решение.

При первом посещении Центр произвел на нас просто гнетущее впечатление. Толпы несчастных больных людей в поликлинике, очереди во все кабинеты и, наконец, огромное мрачное здание клиники. Даже мне было не по себе от всего этого. О состоянии Вики нечего и говорить. Она жалела, что сразу не попала в обычную больницу.

Профессор, к которому через знакомых нас направили, принял Вику довольно жестко. Сказал, что, раз такое дело случилось, нужно сразу привыкать ко всем трудностям болезни и проблемам, связанным с ее лечением. По его мнению, болезнь была на ранней стадии, и операцию он взялся сделать без удаления груди. Это была первая хорошая новость за последние две недели.

Операция оказалась непростой, но Вика перенесла ее хорошо и сохраняла удивительную бодрость. Врачи отнеслись к ней как к легкобольной, ограничились несколькими сеансами облучения, а другие полагающиеся исследования и процедуры, в том числе и химиотерапию, делать не стали. Чему мы с Викой были искренне рады, полагаясь на их опыт.

Сейчас я отчетливо вижу, что это была первая роковая ошибка.

Через пару месяцев после завершения облучения Вика восстановилась, и все худшее казалось позади. Ей дали третью группу инвалидности и оформили пенсию. Теперь жизнь у нас дома стала просто замечательной. Вика взяла на себя всю заботу о внучке, навела порядок во всем, до чего раньше руки не доходили.

Работая на режимном предприятии, Вика ранее и не помышляла о поездках за границу, теперь же она мечтала навестить сына в США. Летом мне как раз подвернулась командировка и удалось поехать за океан с женой.

Сын наш был тогда бедным аспирантом, но среди встречавших в аэропорту он выделялся самым изысканным букетом роз. Вика была на вершине счастья от встречи с любимым сыном и Новым Светом, открывшимся нам во всем многообразии и великолепии. В Нью-Йорке мы посетили чудесные музеи и фантастические небоскребы, поболтались по Бродвею и Брайтон-Бич. Казалось, все идет как нельзя лучше, и именно в этот момент болезнь снова дала о себе знать – появилась резкая боль в спине.

Проклятая биопсия и на этот раз неумолимо подтвердила злокачественный характер опухоли. Профессор был весьма озадачен и удивлен, сказал, что никогда не встречался с подобными случаями. Не знаю, насколько он был искренен. Образовавшуюся на спине небольшую опухоль удалили, сделали легкую химиотерапию и на этом выписали, поскольку клиника закрывалась на летние отпуска.

Это была вторая, я бы сказал, непростительная оплошность врачей.

Для облучения нас направили в радиологический институт. Здесь врач оказался более ответственным и внимательным. Он заключил, что метастазами поврежден позвоночник и нужна серьезная химиотерапия. Врачи в Онкоцентре, думаю, тоже это понимали, но отпуск был, конечно, важнее.

Химиотерапию делали в этот раз амбулаторно. Врач в районной поликлинике был грамотный, но вот сестры не годились никуда. Одна из них умудрилась ввести опаснейшее лекарство вместо вены под кожу, отчего на руке образовалась здоровенная опухоль, не проходившая несколько лет. Так или иначе, но результат был достигнут – боли в спине прошли, и прогноз врача снова был весьма оптимистическим.

На дворе тем временем уже была весна второго года с начала болезни. Вика мечтала съездить отдохнуть после всех мучений

на юг. Мнения врачей на этот счет разошлись, но онколог, за которым было последнее слово, разрешил. В конце апреля мы отправились в Крым.

Вероятно, это была наша третья ошибка.

Провели мы в Крыму двадцать дней. Все сложилось как нельзя лучше. Вика снова стала полна жизни, чудесно выглядела и находилась в отличном настроении. Было даже несерьезно вспоминать об ее инвалидности. Но болезнь оказалась исключительно коварной. Она как бы тоже собралась с силами и нанесла новый удар.

Наученные горьким опытом, мы теперь обратились к самому известному химиотерапевту. Он, ориентируясь, видимо, на цветущий вид Вики, отнесся ко всему очень спокойно и решил применить какой-то новый, более щадящий метод лечения.

Это была уже четвертая серьезнейшая неудача.

Прошел месяц. Состояние Вики ухудшалось день ото дня. Ей стало сначала трудно ходить, а затем и сидеть. Было ясно, что нужно ложиться в больницу. Но в это время у нас гостил сын, а в Онкологическом центре, как обычно, был отпуск.

Когда «светило» химиотерапии увидел Вику второй раз, он просто ахнул. Перед ним была потухшая, едва держащаяся на ногах женщина. В тот же день ее госпитализировали. На этот раз с лечащим врачом повезло. Это был умный, молодой, самолюбивый и очень внимательный человек. Началась тяжелейшая длительная борьба с болезнью, успевшей распространиться на позвоночник, многие суставы и кости.

Первые две недели шло сплошное ухудшение. Вика фактически была парализована и держалась на наркотических обезболивающих препаратах. Был момент, когда она уже потеряла веру в выздоровление. Я находился в смятении, хотя и не подавал виду. Мое настроение, каждое мое слово и даже интонация являлись для нее важнейшими индикаторами. Учитывая все это, я старался держаться совершенно буднично, о болезни говорил как бы между прочим. Все ее опасения и сомнения я не пытался опровергать, а просто отвергал их, как совершенно не заслуживающие внимания, ссылаясь на безусловный оптимизм врачей. Это вроде бы помогало.

Через месяц, казалось, наступил перелом. Боли начали спадать. Однажды вечером случилось чудо – я застал Вику стоящей около кровати. Чувствовалось, что давалось ей это большим напряжением сил, но лицо ее светилось такой радостью, какой не бывает даже при крупных жизненных победах. Я едва сдержал слезы, это было труднее, чем в самые мрачные дни, наполненные тревогой и безысходностью.

За три месяца мы так сроднились с Онкоцентром, что он стал нам почти как родной дом. Пожалуй, только отделение для облучения по-прежнему вызывало содрогание. Там всегда было полно несчастных, многие из которых находились в тяжелейшем состоянии. У меня щемило сердце. В бетонных лабиринтах с задвигающимися дверьми Вика оставалась один на один с пугающим своей невидимой опасностью излучением.

В конце зимы состояние Вики существенно стабилизировалось, и ее выписали домой, но теперь она уже была отнесена к первой группе инвалидности. Болезнь, однако, почти не сказалась на Викиной внешности, которая была не просто совершенно нормальной, но вновь юношески привлекательной. При входе в метро на ее пенсионное удостоверение всегда смотрели с подозрением.

В апреле Вика снова заговорила о Крыме. После всего пережитого это было более чем понятно. Лечивший ее врач, которому мы верили больше всех, рассчитывал, что ремиссия продержится еще около полугода, и отговаривать нас не стал.

Крым и в этот раз встретил нас прекрасной в своем пробуждении природой. Жизнь наша была не столь активной, как в первый приезд, но Вика все же могла гулять по побережью и даже немного подниматься в горы. Временами у нее появлялись боли, но она к ним уже как бы и привыкла. И все же состояние ее непрерывно ухудшалось. В Москве она практически сразу же слегла в больницу.

Я понимал, что на чудо рассчитывать не приходится, болезнь вступила в свою самую ужасную, последнюю стадию. Несколько сеансов химиотерапии прошли удачно, как вдруг однажды, придя как обычно навестить Вику вечером, я не застал ее в палате. Дежурный врач сказал мне, что у нее образовался опаснейший тромб, и добавил как бы между прочим:

– Шансов мало, да и по правде… для нее и для вас это лучший исход. Дальнейшее течение болезни уже не принесет ничего, кроме страданий.

Я сам понимал, что неумолимо приближается самое ужасное, но эти жестокие слова меня просто потрясли. За годы мучительной болезни я почувствовал как никогда остро, сколь многое значит для меня этот чудесный человек.

В реанимации Вика встретила меня виноватой улыбкой:

– Вот, так получилось. Но ты не бойся, все обойдется.

В общем, она оказалась права. Тромб удалось зафиксировать. Однако теперь он был как занесенный «дамоклов меч». Вика, тем не менее, морально не сдавалась. Более того, она была своеобразной опорой своих соседок по несчастью. Будучи

в значительно более тяжелом состоянии, нежели они, она находила силы утешать их, вселяя уверенность.

Болезнь тем временем развивалась прямо на глазах, не обращая уже никакого внимания ни на облучение, ни на химиотерапию. Вика практически не ходила и с трудом вставала. Врачи поражались как стремительности происходящего, так и особенно выдержке и стойкости хрупкой на вид женщины.

Теперь уже счет шел на недели.

Ненадолго приехал сын. Это была последняя большая радость. Вика с грустью считала дни до его отъезда:

– Наверное, я уже больше никогда его не увижу.

– Да ну, ты что? Врач гарантирует по крайней мере еще три года, – из последних сил выдавил я, отвернувшись к окну.

– Только три года? Так мало? Через полтора месяца Вики не стало.

Глава девятая
Семья

Итак, детей у нас было двое. Старший сын Владимир и дочь Светлана. Они прошли весь трудный путь яслей и детского сада, отмеченный непрерывными простудными и кишечными болезнями. Жизнь заставила детей взрослеть очень быстро. Показателен в этом отношении один дачный случай. Мы с Викой собирались по очереди съездить в Москву на работу и выбирали подходящие электрички. Сын был рядом и прислушивался к нашему разговору. Когда мы закончили обсуждение, он, видимо решив, что мы уезжаем в один день, подошел и виновато сообщил, что с сестрой один, пожалуй, не управится. Ему было четыре года, а сестре два, но возможность остаться дома за главного ему казалась вполне реальной.

Ранняя самостоятельность, мне кажется, для детей очень важна. В наиболее явном виде это проявляется при их поступлении в школу. Частенько родители, на мой взгляд, уделяют слишком большое внимание получению высоких оценок, подменяя своей активностью ответственность за учебу у самих детей. В семь лет ребенок уже способен сам думать и заботиться о своих успехах, и, на мой взгляд, задача родителей сводится к созданию условий, наблюдению за развитием процесса и его корректировке только в объективно необходимых случаях.

Я знаю, что многие родители в корне не приемлют такую позицию, но для нас с женой она была совершенно естественной и, пожалуй, единственно возможной. Недавно я нашел

подкрепление у Конфуция: «Смысл родительской любви состоит в том, чтобы поскорее помочь ребенку стать независимым».

Ни одной сколь-либо серьезной проблемы в школе ни с сыном, ни с дочкой у нас не возникло. Конечно, мы радовались их успехам и сопереживали при неудачах, но ни разу не решали задачки и не писали с ними сочинения. Способность к принятию ответственных самостоятельных решений формируется у человека именно в школе, и крайне важно ее развивать, а не заглушать излишней опекой.

По-видимому, нельзя сбросить со счетов и то, что школа № 710, где учились дети, относится к сильным и имеет давние хорошие традиции. Вика сама училась в ней, и поэтому мы имели все основания школе доверять.

Самой легендарной личностью в школе был учитель истории Ю. Касачевский. Каждый урок он опрашивал полкласса; шесть человек, разделив доску на равные части, давали письменные ответы. Отличные оценки ставились так редко, что это было событием. В каждой четверти проводились контрольные работы, о приближении которых знала вся школа. В этот период учителя по другим предметам относились к невыполненным заданиям с пониманием.

Дисциплина на уроках истории поддерживалась в образцовом порядке. За провинность Касачевский запросто мог заставить ученика стоять несколько уроков подряд, никто при этом даже не пытался возмущаться, так как наказание всегда было справедливым. Перед праздниками он объявлял амнистии. Такая высокая требовательность сочеталась с высокой интеллигентностью и душевностью. Подобный стиль работы передавался и другим преподавателям, и многие из них работали неформально, с полной отдачей.

У сына при поступлении на физфак в МГУ не возникло никаких проблем. Вопрос о репетиторах просто не стоял. С дочкой получилось немного иначе. Касачевский умер, не доучив ее, и в класс пришла молодая преподавательница, по своим качествам очень мало его напоминавшая. Дочка после школы собиралась пойти в историки и предметом интересовалась искренне и глубоко, но отношения с преподавательницей у нее не сложились настолько, что та поставила ей на выпускном экзамене тройку, что было совершенно абсурдно (тут я вспоминаю свой аналогичный случай в МГУ). Дочка была просто подавлена. Идти на исторический факультет МГУ с тройкой по истории в аттестате было невозможно.

Момент был критический, и мы с женой решили поучаствовать в разрешении ситуации, подготовив и ее

на физический факультет. Таким образом, вся наша семья прошла единый путь образования, и мы должны с благодарностью поклониться Московскому государственному университету.

Но я несколько забежал вперед, не закончив о самостоятельности.

Летом на даче один месяц мы жили всей семьей, но потом отпуск у Вики кончался, и мы еще на месяц оставались втроем. Опуск в академии был вдвое длиннее, чем в оборонных НИИ. Вика приезжала к нам на субботу и воскресенье, приводила хозяйство в порядок и обеспечивала на несколько дней пропитанием. К среде приготовленные ею запасы истощались, и мне приходилось думать о хлебе насущном самому. Это отвлекало от более интересных и важных дел. Я начал искать какое-то решение и неожиданно отыскал. Оно было до смешного простым, но при этом оказалось весьма перспективным.

Шел 1981 год. Я был занят написанием диссертации, для чего привез на дачу пишущую машинку. Именно ей и отводилась главная роль в реализации моего замысла.

Вечером я торжественно отпечатал меню на следующий день, определив ответственных за приготовление каждого блюда на завтрак, обед и ужин. Меню было оформлено как настоящий документ: внизу предусматривались подписи заместителя начальника дачи (то есть меня), сына как ученого секретаря (любителя почитать газеты вместо работы) и дочки как сестры-хозяйки.

Дети восприняли это начинание с интересом, тем более что никогда раньше им не приходилось подписывать документов такого уровня. Меню мы вывесили на самом видном месте и приступили к работе. На мою долю выпало приготовление третьих блюд, а именно чая. Сыну с дочкой поручались первые и вторые блюда.

Далее события развивались самым серьезным образом. Я делал вид, что вообще не имею понятия о кулинарии, и со всеми вопросами отсылал их к имевшейся у нас кулинарной книге. Некоторых требовавшихся по рецептам продуктов у нас не было, и детям приходилось ехать в магазин. Во время первой же экспедиции они потеряли деньги, и это была единственная издержка новой системы.

Приготовление обеда заняло всю первую половину дня, но стол был накрыт вовремя и каждый с волнением представил свое творение. Уже с первого раза получилось неплохо, и мне оставалось только похвалить поваров.

Вечером мы коллективно обсудили завтрашнее меню, и сын сам напечатал новый документ. Видно было, что начала

следующего дня они ждут с нетерпением. Процесс пошел в нужном направлении. В субботу к приезду Вики мы уже не сидели оголодавшие, а накрыли хороший стол. За месяц дети отлично освоили азы кулинарии и в дальнейшей жизни не имели с этим проблем.

Справедливости ради следует сказать, что первый кулинарный опыт дети получили годом раньше. Тогда к нам на дачу приехал из Львова физик-теоретик Роман Романович, имея целью поработать над предполагаемой совместной книгой. Сразу по приезде Роман Романович заполонил всю нашу небольшую дачу своими бумагами, в том числе рукописью будущего шедевра. В один момент дом превратился в огромную канцелярию.

О бумагах Романа Романовича следует сказать особо. Каждая страница была склеена из нескольких листов и редко имела длину меньше метра. Текст написан вкривь и вкось с использованием ручек разного цвета. Особое место занимали формулы, такие огромные, что едва помещались даже на этих простынях. Каждый символ имел верхние и нижние индексы, их общее число доходило до восьми. Будучи написанным не слишком аккуратно, это нагромождение математических знаков, символов, а также арабских и греческих букв уже одним видом вызывало сомнение в своей реалистичности, а тем более в безошибочности.

Дети никогда не видели ничего похожего, и авторитет Романа Романовича как настоящего ученого вырос до умопомрачительных размеров. Поздно вечером, когда мы все легли спать, Роман Романович смастерил из газеты абажур для лампы, чтобы она нам не мешала, достал бутылку клея, набор шариковых ручек разных цветов и приступил к работе, но вскоре передумал и, следуя нашему примеру, решил немного отдохнуть с дороги.

Утром Роман Романович с удивлением посмотрел на наш по-походному скромный завтрак и объявил, что берет хозяйство в свои руки. Приготовление обеда он решил начать, не откладывая в долгий ящик. Ему потребовалось несколько кастрюль, сковорода, множество продуктов, овощей и приправ. Дети были вовлечены в процесс самым активным образом. Сначала в их общении были некоторые проблемы, так как Роман Романович не знал многих русских названий, но все быстро наладилось и уже на следующий день дети с удовольствием использовали еще вчера незнакомые украинские слова даже в разговоре между собой.

Приготовленный Романом Романовичем обед был столь

обильным, что после него не оставалось ничего другого, как только поспать. К вечеру Роман Романович предпринял вторую попытку поработать над рукописью книги. На этот раз он решил расположиться на улице. Для того чтобы ветер не разносил бумаги, детям пришлось собрать камни со всей округи, что они сделали опять же с большой готовностью. В благодарность Роман Романович предоставил им впервые за весь день свободное время, которое они решили использовать для игры в пионербол.

Роман Романович, как тут же выяснилось, этой игры не знал и, как истинный ученый, решил ликвидировать данный пробел в своем образовании. Игра Романа Романовича сразу увлекла и продлилась до темноты с азартными спорами по поводу каждого мяча. Роман Романович так устал, что и в этот вечер не смог приступить к рукописи.

Утром следующего дня Роман Романович построил детей на площадке для пионербола и объявил уточненные им за ночь правила игры, явно ориентированные на его односторонние преимущества. Дети спорить с уважаемым ученым не стали, и борьба завязалась с новой силой. Пионербол так захватил Романа Романовича, что он больше уже не мог сосредоточиться на своих бумагах и прерывался только для приготовления и приема пищи.

За день до отъезда Роман Романович вспомнил, что не выполнил ни одного поручения из длинного списка, данного женой, и погрустнел. Чтобы спасти положение, Вова согласился поехать с ним в Москву в качестве проводника и консультанта. Вернулись они поздно, и было видно, что день не прошел даром. По рассказам Вовы, в каждом магазине Романа Романовича охватывало возбуждение, как на площадке для пионербола. Несколько раз они оттаскивали купленные вещи в нашу квартиру и снова шли в бой.

Роман Романович сумел купить огромный сервиз и два ковра, продававшихся только по предварительной записи. Не остались без внимания и продукты, в первую очередь рыбные консервы. Когда в кассе пытались ограничить его аппетиты, он лишь входил в азарт, предъявлял напарника и покупал вдвое больше, чем планировал.

Естественно, что увезти все закупленное он не смог, и я пообещал приехать к нему, дописать, наконец, книгу и заодно привезти сервиз и ковер. Осенью я выполнил свое обещание, но, приехав во Львов, не обнаружил Романа Романовича ни на платформе, ни на станции вообще. Телефона у него не было, и мне пришлось одному тащить все вещи.

Роман Романович встретил меня в переднике и в полном

изумлении. В экстазе приготовления пищи он перепутал время прибытия, но зато еды приготовил на десятерых. Привезенные мной вещи по своей сути жену Романа Романовича совсем не заинтересовали, видимо, важен был сам факт их наличия. Ковер, к примеру, засунули под кровать, где уже лежал в таком же не распакованном виде его первый собрат.

Сразу сели за стол.

Жена Романа Романовича сначала выглядела сильно взволнованной, но вскоре успокоилась и даже созналась, что к моему приезду они готовились целую неделю. Ученый из Москвы по своей важности представлялся ей кем-то вроде президента. По ее словам, Роман Романович вернулся из Москвы под сильным впечатлением от того, что мы там ничего не едим. В этой связи на моем кормлении был сделан особый акцент. Завтрак состоял из нескольких блюд, подаваемых на огромных тарелках. За мясной закуской появился борщ, затем вареники. Сначала с мясом, потом с творогом и, наконец, с вишней. Хлеб мне разрешали есть только с салом. Выдержал все это я с большим трудом, но от добавок категорически отказался, чем серьезно расстроил самого Романа Романовича и его хлебосольную супругу.

Немного отдохнув и обсудив творческие замыслы, мы решили отправиться в институт. Перед самым выходом Роман Романович внес в наш план некоторые коррективы, заключив, что нам лучше сразу пообедать, чтобы потом не тратить на это время в институте, уже целиком сосредоточившись на науке.

Стол был накрыт заранее, и я понял, что сопротивление бесполезно. От одного вида порезанных колбас, жареных баклажанов, копченой куры, свежих и маринованных овощей мне стало не по себе. Трезво оценив свои возможности, я сразу занял круговую оборону. В результате обед превратился в изнурительно длинную дискуссию. Мне было официально заявлено, что своим отношением к еде я наношу серьезную обиду их семье в частности и всему гостеприимному украинскому народу в целом. За час «политической борьбы» они заставили меня если не съесть, то хотя бы многое попробовать.

По дороге в институт нам попалось кафе, и я захотел попить водички, чтобы хоть как-то смягчить нанесенный организму удар. Роман Романович охотно пошел мне навстречу и заказал не только воды, но и по стакану сметаны и по два пирожка с мясом, учитывая мой плохой аппетит за обедом.

В институте мы пробыли недолго, так как сильно задержались и весь ученый люд уже разошелся. Ничего не оставалось, как вернуться домой. Там уже все было готово

к ужину. Этот ужас я просто не стану описывать. Только за полночь меня отпустили поспать. На всякий случай Роман Романович поставил мне на столике у кровати тарелочку с салом и немного сметаны.

Продержавшись два дня, я понял, что в Москве мы действительно голодаем. Несколько раз Роман Романович раскладывал для дискуссии свои бумажки, но дело у нас совсем не шло, и книга так и осталась ненаписанной.

Я прошу прощения за несколько обширное отступление, но не мог отказать себе в удовольствии сказать хотя бы несколько теплых слов о Романе Романовиче и его замечательной супруге. Вернемся же к теме повествования.

Дача – это то самое место, где можно легче всего развить у детей многие навыки. Достаточно в детстве несколько раз поработать рубанком, пилой и напильником, чтобы в дальнейшем не испытывать комплекса сомнений и неуверенности в столярном и слесарном деле. Существенно только, чтобы это были не какие-то надуманные упражнения, а реально необходимые дела. Очень важно довести их до конца, чтобы был зафиксирован результат, которым можно гордиться.

Большой интерес у наших детей вызывали спортивные соревнования, ежегодно проводимые на даче. В их программе летом были прыжки в длину и в высоту, бег и велосипед, а зимой – лыжи. Результаты каждого участника заносились в протокол, что сразу поднимало статус мероприятия.

Вика с детства очень любила птиц, рыбок и зверей. У нее дома постоянно жили то ежи, то черепахи, то чижи и собаки. К нам на участок ежи приходили каждый вечер. Вика их без труда ловила и показывала детям. В ее руках они вели себя совершенно спокойно, не сворачиваясь в клубок и не оказывая ни малейшего сопротивления.

В Москве держать животных нам было совсем негде, поэтому мы ограничились только щеглом. Он быстро привык и, летая по квартире, совсем нас не боялся. Это и привело к неприятности. Однажды я отдавил ему лапки, закрывая дверцу шкафа, на которой он сидел. Вика лечила щегла две недели, специально приходя в обед с работы, чтобы сделать ему перевязку. Несколько пальцев в результате удалось спасти.

Щегол за время болезни настолько привязался к жене, что теперь уже неотступно следовал за ней, для чего научился летать со скоростью ее перемещений и зависать в воздухе при ее остановках. Он залетал даже в ванную при стирке, несмотря на бешеный шум стиральной машины.

Любимой едой щегла был чертополох. Он с жадностью

набрасывался на колючую коробочку с семенами и через несколько секунд исчезал в облаке белого пуха, заполнявшем всю клетку. Съедал щегол только крошечные семечки, поэтому на одну кормежку требовалось более десятка коробочек. Каждую осень мы старались не пропустить время созревания чертополоха и сделать для щегла запас на зиму. Прожил щегол у нас лет семь и однажды исчез.

Мы долго грустили, прежде чем купили другого. Внешне он был совсем таким же и тоже скоро привык, но лапы я ему не повреждал и совсем ручным он так и не стал.

Урожай чертополоха в тот год в Поварове был особенно обильным, и мы с Вовой за один раз набили им целый тюфяк, который с трудом притащили в Москву. Сбор коробочек чертополоха – занятие не из приятных, поскольку все растение состоит из сплошных колючек. Но чего не сделаешь ради любимой птахи?

Новый щегол чертополоха, судя по всему, в глаза не видел, поэтому, когда мы засунули в клетку несколько коробочек, очень насторожился и на всякий случай отсел от них подальше. Мы все с интересом наблюдали за происходящим, ожидая прозрения. Но время шло, а интерес щегла к чертополоху не проявлялся. Тогда мы одну из коробочек вскрыли. Пух разлетелся по всей клетке. Щегол испуганно забился в самый дальний угол. Сначала дети, а потом и жена стали объяснять ему, какой чертополох вкусный, и уговаривать попробовать. Его непонятливость и нерешительность стали меня раздражать, и, чтобы ускорить развитие событий, я, поймав щегла, попытался засунуть семена прямо ему в клюв. В конце концов, измучив себя и птицу, мы бросили это бесполезное занятие. Кто бы мог подумать, что у птиц такие разные вкусы?

Тюфяк добытого с таким трудом чертополоха полностью утратил свою ценность. Встал вопрос, что с ним делать? Из-за огромных размеров его непросто было даже выбросить на помойку. С тех пор я остерегаюсь запасать что-либо в больших количествах впрок.

Второй щегол тоже прожил у нас несколько лет и улетел. Больше птиц мы решили не заводить, но начались разговоры о собаке. Это меня сильно насторожило, так как без машины с собакой было очень трудно ездить на дачу. Живя у метро, мы часто становились свидетелями жутких сцен запихивания псов в мешки и рюкзаки. Открыто провозить зверей в метро, как известно, не разрешается.

Чтобы ситуация не вышла из-под контроля, я принес с работы рыжего котенка и, никому не говоря, выпустил его незаметно

в квартире. Первым на котенка вышел сын, точнее, котенок на сына. При встрече он выгнулся дугой и пошел боком, от чего чуть не упал на скользком паркете. На изумленный возглас сына сбежалась вся семья, и с этого момента кот Вася стал всеобщим любимцем.

Он быстро вырос и стал проситься гулять. Первая прогулка оказалась для него не очень удачной, так как какой-то дворовый кот тут же загнал его на дерево, где Вася и просидел дотемна. Но постепенно кот мужал и осваивался во дворе. Теперь он уже проводил на улице большую часть времени. Когда Вика шла с работы, он всегда сидел на дереве у подъезда и, заметив ее издалека, сломя голову кидался к ней. Дома она давала ему замороженную рыбину, которую он тут же съедал и отправлялся на батарею греть живот. Отдохнув часок таким образом, Вася садился у входной двери и просился снова на улицу.

Уличная жизнь котов коротка. Однажды он не встретил Вику с работы. Наши поиски не дали результатов. Все, особенно дочка, были очень расстроены. Заводить другого котенка казалось предательством, и только через полгода мне с трудом удалось уговорить родных взять Васиного брата, только что появившегося на свет. Брат, правда, при ближайшем рассмотрении оказался кошкой Мусей, ставшей на двенадцать лет полноправной хозяйкой как в квартире, так и на даче. Она принесла нам пятьдесят котят.

Характер у Муси был очень строгий, и вся она была преисполнена кошачьего достоинства. Она не могла позволить себе лечь или сесть хоть чуточку неаккуратно. Все движения ее были изящны, точны и продуманны. Муся не только не была назойливой, но отличалась большим тактом и, я бы даже сказал, гордостью. Только Вика могла брать ее на руки, другим она разрешала разве что себя гладить. Особенно сложными отношения с Мусей были у меня. Я утопил примерно половину ее котят, которые не были привлекательными по своей окраске и могли остаться невостребованными. Муся это знала, и первые дни после родов я просто боялся, что она меня ночью загрызет.

Своих котят она воспитывала в большой строгости, и они, будучи беспородными, имели очень хорошую репутацию. Родственники и многие знакомые заказывали котят заранее.

В последнем помете у Муси родилась весьма необычная трехцветная кошка с длиннющей шерстью. Муся ее любила больше других, и мы решили оставить ее у себя, назвав Дафной в честь героини известного американского фильма. Вдвоем в большой дружбе кошки прожили примерно год, после чего Муся умерла, оставив нам в память о себе дочку.

Дафна оказалась и по характеру совсем не похожей на мать. Она ласковая и всегда готова предоставить себя для тисканья взрослым и детям. Лежит и сидит она как придется, но всегда живописно. Хвост ее просто великолепен, и не понятно, как это Муся нашла в Поварове такого красавца мужа. Дафна вся домашняя, от коготков до хвоста. Впервые попав на дачу, два дня она безвылазно провела под лавкой для обуви и когда, наконец, вышла на улицу, то пугалась каждой травинки и лягушки.

Муся же была защитницей дома и всегда зло шипела на подозрительных типов. Не баловала она и гостей, зорко наблюдая за их действиями. Особенно трогательной была ее забота о наших новорожденных внуках. Если ребенок, оставленный один в комнате, плакал, то Муся тут же подходила к нему и сначала пыталась успокоить, мягко урча, как на котят, а затем бежала на кухню звать на помощь жену или дочку.

С Дафной все иначе. Приезд к нам гостей приводит к исчезновению кошки на пару дней. Она забивается на антресоли и не кажет носа. Правда, тут есть некая избирательность, некоторые гости не пугают ее вовсе. Разобраться в таких тонкостях мне не под силу.

За все время своей жизни кошки у нас практически ничего не разбили, хотя лазили повсеместно. Еще со времен первого кота мы установили дома специальную доску, чтобы они могли на ней точить когти, не портя мебель и обои. Сейчас эта толстая доска процарапана больше чем до середины, и гости не верят, что кошкам такое под силу. Делая однажды ремонт, мы обнаружили-таки, что сильно изодраны обои за диваном. При этом сделано все было с большим умом, так что при стоящем на месте диване ничего не было заметно.

Первый кот страшно не любил ездить в метро и в электричке и всю дорогу жутко орал, так что было неудобно перед остальными пассажирами. Среди них всегда находилась какая-нибудь сердобольная гражданка, начинавшая нам читать нотации о жестоком обращении с животными и опасности нервных перегрузок для их здоровья. Поскольку в данном случае нервные перегрузки испытывались в основном нами, я в таких случаях просил попутчиков не беспокоиться, сообщая при этом, что везу кота топить, после чего никаких советов уже не было.

Самое трудное было донести кота от станции до дачи, тут он разрывал все корзинки и кошелки, расцарапывал наши руки, вырываясь изо всех сил. Мы носились за ним по всему лесу, пока наконец не обнаружили, что все это совершенно излишне, так как оставленный в покое кот спокойно шел с нами, как собачка. Это открытие сэкономило нам много сил и нервов.

Мы стали брать кота с собой в лес и на прогулки, а женщины вообще видели в нем защитника. Категорически кот не подходил только близко к пруду (видимо, помня мою угрозу) и, когда мы купались, ждал нас в кустах поодаль.

Имея детей и кошек, мы с Викой были жестко привязаны к дому и, кроме дачи, никуда на отдых не выезжали. Было, правда, одно исключение в самые первые месяцы семейной жизни, когда тесть достал нам двухнедельную путевку в дом отдыха в Баковке и уговорил нас туда поехать. Воспоминания об этом организованном отдыхе свежи до сих пор.

Расположен дом отдыха в старинной усадьбе с красивым тенистым прудом, цветниками и даже настоящим фонтаном, хотя и слегка заросшим. Поселили нас в четырехместную комнату вместе с еще одной парой из Ташкента. Это было неожиданно, но, как объяснил директор, других вариантов уже не было. По его опыту, совместное проживание придавало отдыху дополнительную пикантность и в конце смены все жалобы на неудобства обычно прекращались. Не могу сказать, что эти предсказания в полной мере подтвердились в нашем случае.

Своеобразие жизни в доме отдыха, однако, этим не исчерпывалось. Так, в холле второго этажа для развлечения отдыхающих стоял цветной телевизор в специально изготовленном ящике. Включить его самостоятельно было невозможно, и только вечером сестра-хозяйка открывала ящик и осуществляла торжественную процедуру включения. Раньше положенного времени телевизор трогать не разрешалось, так как вещь это дорогая и нам следовало подумать о будущих отдыхающих.

На территории дома отдыха был отдельный павильон для бильярда, но пол там провалился, да и киев не было, хотя шары имелись. К достопримечательностям можно было отнести еще большую теплицу, заполненную приятной зеленью огурцов и других овощей, но урожайность в тот год, видимо, была невысокой, и до отдыхающих ни огурцы, ни зелень не доходили. Кормили нас вообще на удивление плохо. Спасали только магазин и рыбалка.

Зато каждое утро к отдыхающим в столовую выходил массовик-затейник и объявлял культурную программу на день. В первый день, в понедельник, нам предстояло отправиться по партизанским тропам, где, по его словам, была масса укромных мест. (Откуда в Баковке партизаны, оставалось неясным.) Вечером всем вменялось в обязанность прибыть на танцы. Женщин затейник обещал проверить лично. Объявив это, он пошленько засмеялся, видимо, чтобы развеять сомнения

в двусмысленности произнесенного. Удовлетворившись произведенным впечатлением, он спросил:

– Какие вопросы?

– Скажите, пожалуйста, когда включите фонтан? – осведомился я вкрадчиво.

Затейник хмыкнул и ушел, так как вопросов больше не было. Во вторник все повторилось, и я опять очень вежливо поинтересовался возможностью включения фонтана. Затейник и в этот раз ничего не заподозрил. В среду мой вопрос был уже ожидаем всеми отдыхающими, и затейник впервые уловил надвигающуюся угрозу. В четверг затейник, наконец, не выдержал и велел мне отстать с моим дурацким вопросом. Это стало как бы сигналом к восстанию. Теперь уже все изголодавшиеся отдыхающие спрашивали его про фонтан при каждой встрече. Безобидный вопрос стал, как теперь бы сказали, «хитом сезона».

В пятницу на завтрак вместе с затейником пришел сам директор и попросил меня объяснить, чего мне дался этот фонтан? Я с готовностью сообщил ему, что фонтан является необходимым композиционным элементом паркового ансамбля и без него эффект эстетического восприятия памятника истории, коим является усадьба, может быть неточным и даже искаженным, что, в свою очередь, не способствует полноценному отдыху трудящихся нашей замечательной Родины. Меня единодушно поддержали все отдыхающие, а один из них настолько осмелел, что предложил директору попробовать завтрак, которым нас кормят, и спросил, куда тот девает огурцы из теплицы.

Директор заявил в свою очередь, что более скандальных отдыхающих у него в доме отдыха еще не было, но завтрак пробовать не стал.

В субботу мы праздновали заслуженную победу: во-первых, дали огурцы, а во-вторых, уволили затейника. Вечером на танцах он сорвался и обругал матом женщину, отказавшуюся от его «проверки».

Победа сплотила отдыхающих. При встрече теперь все интересовались друг у друга, не заработал ли фонтан, и весело смеялись. Но все же без затейника стало скучновато, и мы с Викой до конца смены не продержались.

На юге с детьми нам удалось побывать только однажды, и воспоминания от поездки остались очень яркими и отчетливыми, несмотря на множество последующих впечатлений. Дело было в Судаке в июле. Целыми днями мы купались в море и лазили по горам. Детям было пять и семь лет, но они проявили себя настоящими путешественниками и не

боялись даже опасных горных мест. Встречавшиеся нам хорошо экипированные горные туристы удивлялись нашей веселой и беззаботной компании. Фотографии из этой поездки занимают центральные места в фотоальбомах, и они действительно очень хороши.

Дети росли, менялся и уровень наших жизненных проблем. После окончания школы и поступления в университет следующим волнительным моментом для всей семьи стали проводы Вовы в армию. Забрали его со второго курса на два года. Он как раз попал в тот короткий период, когда студентов МГУ тоже стали призывать.

Определили Вову в химические войска и направили в небольшой городок Дмитриев Льговский. Расположен он не так далеко от Белгорода. Через полгода мы решили навестить сына в день рождения. В городке мы без труда разыскали воинскую часть, и дежурный в проходной вызвал Вову.

Признали мы его не сразу. Перед нами стоял очень тощий убогого вида солдат в неимоверно длинной шинели, огромных сапогах и потерявшей форму ушанке. Трудно было предположить, что за полгода человек может так измениться. Правда, вскоре первое гнетущее впечатление немного развеялось.

В честь приезда родителей солдату полагалось увольнение на сутки, но там были какие-то особые обстоятельства, и Вову отпустили только до вечера. Мы сняли номер в гостинице и устроили небольшой праздник. Поговорить толком практически не удалось, поскольку, как мы поняли, у солдат на службе две главные проблемы – поесть и поспать. Передохнув, Вова взял угощение для товарищей и отправился в часть. На следующий день его отпустили нас проводить.

За время службы Вову несколько раз присылали с бумагами в штаб в Москву. Во время одной из таких командировок в штабе заболел корью солдат, который ежедневно рисовал карту радиационной обстановки в зараженных после чернобыльской аварии регионах. Вова в своей части выполнял оформительские функции, и его на недельку оставили при штабе. Но то ли солдат медленно выздоравливал, то ли Вова пришелся ко двору, только пробыл в Москве он три месяца.

Жить ему полагалось в казарме, хотя это никто не контролировал, и на свой страх и риск он мог ездить домой. Главное было не попасться на глаза патрулям, которых в метро всегда полно.

Карту рисовать нужно было ночью, после получения сведений с мест. Днем офицеры штаба давали ему, как денщику, различные поручения, связанные, главным образом, с решением их бытовых

проблем. От того, насколько быстро их удавалось решить, зависело свободное время.

Практика, пройденная в штабе, оказалась очень полезной. Перед уходом в армию Вова был по нашим временам излишне интеллигентным и, я бы даже сказал, несколько инфантильным. Теперь же, выполняя поручения командования, он освоил множество нестандартных приемов достижения цели, требующих большой изворотливости и настырности.

Все свободное время он проводил со своей невестой. Работая ночью и мотаясь днем, он сильно уставал и, несмотря на хорошее питание, похудел до неузнаваемости. Мы с Викой не могли дождаться, когда же его пошлют обратно в часть.

Наконец это произошло. За выполнение ответственного задания в штабе ему предложили на выбор грамоту или ценный подарок. Он остановился на грамоте, в которой высокий генеральский чин объявил ему благодарность за ликвидацию последствий чернобыльской аварии. На мой вопрос, почему он отказался от ценного подарка, Вова пояснил, что в части его награждали им уже трижды, но ни разу так и не вручили.

Пропустив два года учебы, Вова попал на один курс со Светой. Для Светы поддержка брата была как нельзя более кстати. Теперь было у кого спросить и списать, и, кроме того, Вовины приятели стали ее кавалерами. Правда, развитие событий здесь пошло по другому руслу.

Семьями дети обзавелись, следуя примеру родителей, в двадцать один год. Вова свою невесту присмотрел еще в школе. Света, напротив, вышла замуж совсем неожиданно. Мы с женой имели сомнения относительно выбора детей, но никаких препятствий им не чинили, последовательно придерживаясь принципа развития самостоятельности. Кроме того, перед нашими глазами были примеры, когда вмешательство родителей в этот тонкий процесс приводило в конечном итоге к серьезным проблемам.

Первые браки сына и дочери оказались непрочными, но и в том, и в другом случае у них появились дочки, а у нас замечательные внучки: Катерина и Татьяна. Уже одно это снимает все вопросы о правильности выбора.

После окончания МГУ Света не пошла работать по специальности, поскольку нужно было зарабатывать деньги на жизнь. Она окончила короткие бухгалтерские курсы и затем работала в фирме, в юридической консультации и в магазине. Через несколько лет, вторично выйдя замуж и родив сына, она целиком посвятила себя семье.

Вова проработал годик в моем родном институте, а затем

сдал экзамены и поступил в аспирантуру Университета Брауна в США. После успешной защиты диссертации он устроился на работу в один из самых престижных университетов, а именно Принстонский. Через несколько лет у него образовалась новая, интернациональная семья и родилась еще одна замечательная дочка Майя. Каждый год он приезжает на родину, чтобы забрать на летние каникулы старшую дочь. Работа его идет вполне успешно, так что, судя по всему, решение уехать в США было для него правильным.

В 1995 и 1996 годах нам с Викой и внучкой Татьяной дважды удалось съездить весной в Крым, в престижный дом отдыха «Айвазовское», что около Медведь-горы по другую сторону от «Артека». Приезжали мы туда в конце апреля и оба раза были первыми отдыхающими.

Крым всегда хорош, а весной он просто великолепен. Море еще холодное, но зато совершенно чистое и прозрачное, все деревья в цвету. Территория дома отдыха подобна ботаническому саду.

Поскольку до начала мая мы были одни, ничего, кроме столовой и медпункта, в доме отдыха не работало. Пустые корпуса даже не топили, и, чтобы мы окончательно не замерзли, нам выдали электрообогреватель. Все сотрудники были к нам очень внимательны, следили буквально за каждым шагом. Горячую воду включали сразу, как только мы возвращались в номер, и тут же после ухода выключали. Кормили нас усиленно, но в холодной столовой.

Первые дни температура воздуха на улице не поднималась выше 11 градусов, внучка где-то простудилась и заболела. Вика тоже чувствовала себя неважно, поэтому медицинские хлопоты с внучкой я взял на себя. Местный врач, судя по всему, был очень далек от педиатрии, и, когда я предъявил ему заболевшую внучку, он не знал, как к ней подступиться. Нужно сказать, что она тоже для врачей не подарок. Поставить ей градусник – просто пытка, а дать таблетки, тем более сделать укол – только под угрозой смерти.

Жаловалась она на боль в ухе, горле и в низу живота. Врач стал нажимать пальцем в окрестности уха, спрашивая:

– Здесь больно?

– Нет.

– А здесь?

– Нет.

– А где же больно?

– Ну, если так сильно жать, то нигде. Чтобы было больно, нужно тихонечко.

После такого разговора врач потерял всякую уверенность в своих познаниях и выписал бисептол, который должен был помочь от всего сразу. Трудность возникла только с определением дозировки. Он прочитал в справочнике, как это делать, и надолго задумался, так как предстояло решить задачу на пропорцию. Я неплохо это освоил еще в школе и сказал врачу, что следует давать по четверти таблетки. Врач мое безответственное утверждение проигнорировал и погрузился в расчеты. Когда выяснилось, что они подтвердили мою точку зрения и врач понял, что я осуществил их в уме, он не знал, как выразить возникшее ко мне глубокое уважение, и, не найдя ничего лучшего, предложил сесть.

Рассчитать пропорцию было много легче, чем дать эту четверть таблетки ребенку. Бабушка примерно час уговаривала ее и так, и эдак, но безрезультатно. Я в таких случаях уже через пару минут выхожу из себя, и это оказывается куда более убедительным.

Помню, мне пришлось учить сына кататься на двухколесном велосипеде. Минут тридцать я бегал за ним, придерживая сзади, а он при этом норовил так закосить велосипед, чтобы все время чувствовать мою поддержку. Нервы мои сдали, и я совершенно искренне (это крайне важно, так как дети тонко чувствуют фальшь) пообещал лишить его жизни, если он не поедет сам. Это подействовало сразу и безоговорочно. Аналогичный прием я применил и в этот раз, причем снова с успехом.

То ли лекарство, то ли процедура его приема так взбодрили внучку, но она сразу почувствовала себя много лучше, и мы решили подняться с ней на Медведь-гору. По дороге нас обогнала легковая машина. Затем она остановилась и вернулась к нам. За рулем сидел наш врач. Узнав, что мы идем в горы, он испытал второе потрясение за день. Не очень рассчитывая на успех, он посоветовал, в случае удачного возвращения (почему-то казавшегося ему маловероятным), погреть девочке грелкой мочевой пузырь. На что Татьяна заявила, что я могу убивать ее сразу и прямо здесь, но греть «ночевой пузырь» она не даст. Врач, не будучи осведомленным в тонкостях наших отношений, тут же укатил, чтобы не быть свидетелем дальнейшего.

Поход в горы оказался успешным и положительно повлиял на состояние здоровья внучки. Между тем нам еще предстояло принять с ней несколько ингаляций для укрепления горла. После второго сеанса медсестра заявила, что она ляжет в гроб раньше, чем девочка поправится. Бабушке мы не стали рассказывать о наших проблемах и делали вид, что все идет как надо. В назначенное время мы выходили из дому, но к ингаляционному

кабинету не подходили даже близко, руководствуясь чисто гуманными соображениями по отношению к медперсоналу.

К концу срока Татьяна стала всеобщей любимицей, и каждый хотел с ней поговорить. В свои шесть лет она была уже умудренной жизнью женщиной. Вот некоторые из ее диалогов.

– Девочка, ты куда идешь, гулять?
– Нет, на танцы, и очень волнуюсь.

– Таня, тебе нравится моя новая картина?
– Просто очаровательно.
– Правда, что ли?
– Ну, не буду же я тебя расстраивать!

– Таня, а что такое земля?
– Это пол на улице.

– От вас, мужиков, одна только грязная посуда.
– Я одну ногу уже совсем отходила.

– А я умру?
– Когда-нибудь да.
– А если замуж выйти?

– Таня, а как зеркало работает?
– Оно сначала все впитывает, а потом выпитывает.

– Ты где гуляла?
– Угадай? На букву «Ф».
– Не знаю.
– В школе!

В самолете:
– Ой, как я волнуюсь!
– Не бойся, девочка, ничего с нами не случится.
– Да я не за себя волнуюсь. За вещи! Их увезли на какой-то машине.

– Таня, на дачу хочешь?
– Прямо и не знаю. Одна сторона хочет, другая – нет.

Найдя на даче упоминавшуюся ранее пишущую машинку, Татьяна немедленно приступила к ее использованию. Вот ее первый рассказ.

Мама и папа сидят на скамейке. Они говорят:

– Я тебя люблю.
– И я тебя люблю. Вот какая любовь!

Первые шаги в красноречии делает и ее трехлетний брат Андрей.

– Андрюша, нос – он или она?
– Чья? Твоя или моя?

– Бабушка – он или она?
– Он.
– А дедушка?
– Тоже она.

Андрей очень любит кидать камни в речку, и я хотел этим воспользоваться:
– Андрюша, на дачу поедешь?
– Нет, не поеду.
– Там камни есть.
– Не хочу камни есть.

– Андрюша, как правильно сказать: «Мальчик побежал или побежала»?
– Как хочешь.

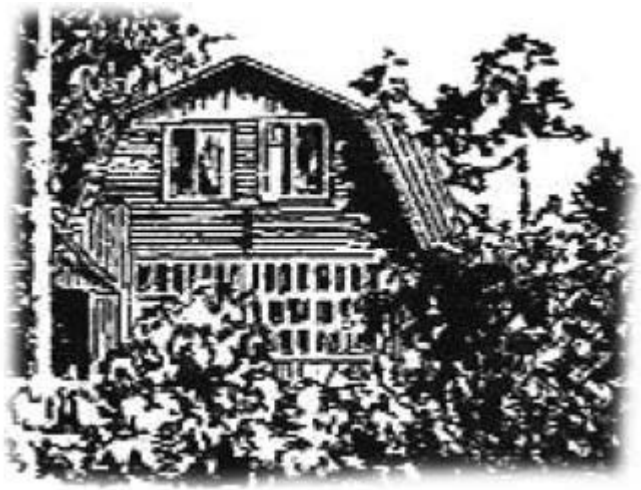
– Смотри, уже все листочки упали с деревьев на землю.
– Ой, как мне их жалко.
– Ничего, весной они появятся снова.
– Что, расправятся и прицепятся?

– Зачем свет выключили? У меня глаза сразу оглохли.

– Что такое твердый знак?
– Это буква такая у англичанцев.

– Андрюша, зачем людям ноги?
– Чтобы ходить.
– А еще?
– Чтобы надевать ботинки.

Глава десятая
Дача



В 1966 году тесть получил земельный надел площадью в шесть соток в полутора километрах от станции Поварово, что по Октябрьской железной дороге. Участок наш непосредственно примыкал к сильно заболоченному лесу и почти полностью был покрыт деревьями и кустами. Несколько небольших живописных полянок едва проглядывали сквозь высоченную болотную траву.

Торфяное болото не просыхало даже летом, и на всем участке с трудом можно было найти местечко, пригодное для того, чтобы расположиться и поставить вещи. Болотный торф был покрыт слоем дерна, как мембраной, на которой укрепились кусты и деревья. Под давлением ног мембрана натягивается, и стоящие рядом огромные березы приветствуют идущего плавными поклонами. Если же подпрыгнуть, то образуется волна, ощущаемая на расстоянии в несколько метров.

Копать мокрую торфяную землю очень легко. Разрубив дерн, сразу попадаешь в мягкую среду, уже не оказывающую лопате никакого сопротивления. В свежем срезе нетронутый ранее торф имеет удивительно интересную структуру. На нем хорошо видны сечения стволов некогда произраставших тут деревьев. Торф нарастает со скоростью до 1 мм в год, так что штык лопаты сразу уходит в прошлое более чем на двести лет. Воздух буквально на глазах растушевывает отпечатки тех далеких растений, делая

поверхность торфа коричнево-однородной и рассыпчатой.

Для осушения почвы по общему периметру участков с помощью машины для прокладки кабеля прорыли канаву. Она получилась в форме узкой щели глубиной около двух метров. Через месяц канава сверху заросла травой и превратилась в коварную ловушку для зверей и людей. Первой в нее провалилась собака, которую нам с трудом удалось вытащить. В благодарность она покусала тещу, и той пришлось делать прививки от бешенства. Далее в канаву угодил мой товарищ во время устройства забора. Он нес на плече асбоцементную трубу, которая его и спасла. Провалившись, он повис на ней, и вытащить его удалось гораздо быстрее, чем пса. Следующей крупной жертвой канавы стал один из наших гостей, мгновенно и совершенно бесследно исчезнувший в канаве, к великому изумлению шедшей рядом жены. Достали мы его довольно быстро, но жена не сразу узнала в черном торфяном чудище своего мужа.

Граничащий с нами лес состоит из сосен, елей и берез и выглядит на первый взгляд весьма привлекательно, но на самом деле он практически неприступен. По мере углубления в него местность понижается, и вода подходит к самой поверхности. Наши участки являются, по существу, полуостровом, который ограничен с двух сторон ручьями, соединяющимися в чаще леса. Далее местность быстро поднимается, и болото переходит сначала в поле, а затем в нормальный, сухой лес.

Возвращаясь однажды из этого леса, я уговорил Вику «скосить», то есть не обходить родное болото по дороге, а пройти напрямик. На стороне моих аргументов был лежащий перед нами ярко-зеленый луг, спускающийся к ручью, и раскинувшаяся за ним красивая опушка леса.

Уже через десяток шагов под ногами у нас захлюпала вода, а затем и вовсе пришлось перебираться с кочки на кочку. Мысль отказаться от непродуманного решения «скосить» появилась у Вики через первые сто метров пути, но я заверил ее, что до ручья осталось меньше, чем пройдено. В этих словах была правда, но не вся.

С каждым шагом продвигаться становилось все труднее и труднее. Теперь уже редко удавалось удержаться на кочках или корнях деревьев. Ноги проваливались в торфяную жижу сначала по щиколотку, а затем почти по колено. Каждый шаг становился достижением, требующим больших усилий. Продвижение осложнялось крапивой, образовавшей здесь сплошные заросли выше человеческого роста. Наши легкие летние одежды не давали никакой защиты от ее ожогов. Пять

минут назад, стоя на дороге, мы не могли и представить себе, что все враз обернется столь неприятным образом.

Еще через несколько минут положение наше стало вовсе критическим. Мы уже не обращали внимания ни на грязь, ни на крапиву, ни на полчища комаров. Вопрос стоял, сможем ли мы вообще выбраться из этой кошмарной трясины. От дома нас отделяла буквально сотня метров, были даже слышны голоса людей, но уже почти не было сил шаг за шагом вытаскивать тонущие ноги и цепляться руками за ветки и корни деревьев. Когда, наконец, мы выбрались на непроваливающуюся под ногами почву, не было сил идти даже по ней.

После этого перехода слово «скосить» стало у нас в семье нарицательным. Оно не раз звучало как приговор многим моим оригинальным предложениям. Так что коварное болото существенно подмочило мой авторитет, загубив немало последующих интересных замыслов. Но продолжим, однако, описание местности.

Ручьи, окружающие наши участки, сильно отличаются друг от друга. Один проходит в своих верховьях через поселок и Поваровский машиностроительный завод. Это чувствуется сразу по запаху. Второй, напротив, чистый и прозрачный. Он течет издалека по лесному каньону, протекает по тоннелю под высокой железнодорожной насыпью, пересекает дорогу, ведущую к участкам. Впоследствии перед дорогой его перегородили насыпью, и образовалось замечательное озеро с заросшими лесом высокими берегами.

Лес, начинающийся у озера, просто великолепен. Он сухой и состоит из деревьев самых разных пород. Особенно хороши липы, собравшиеся на левом берегу. Их многоярусные ветви, как кружевные юбки, свисают над водой. Осенью листья становятся ярко-желтыми и, отражаясь от зеркальной глади воды, дают неповторимую игру красок.

В конце лета лес заполняется грибниками. Грибы, как и везде в Подмосковье, самые разные. Я бы выделил разве что польские грибы. Они дружно растут здесь с августа и до морозов.

Первые годы грибы росли и на нашем участке. Были даже рыжики. Но хозяйственная деятельность их вытеснила, и теперь только изредка один-другой грибок появится в самом неожиданном месте. Исключение составляют лишь опята. В грибной год их можно набрать великое множество и в нашем болотистом лесу, и на самом участке.

Первоначальные планы освоения участка у нас были очень скромными, что определялось желанием сохранить природу, а также ограниченностью финансовых возможностей.

Тем не менее строиться мы начали одними из первых. Тесть раздобыл кое-какой материал, а я собрал из товарищей по работе бригаду в пять человек с намерением построить небольшой домик.

Дело было поздней осенью, и как на грех в намеченную субботу погода круто изменилась – резко похолодало и пошел снег с дождем. В назначенное время на вокзале собралось всего три строителя, включая нас с Викой (находившейся на седьмом месяце беременности). Это убавило уверенности в успехе замысла, но не сломило энтузиазма. За короткий ноябрьский день в тяжелейших погодных условиях нам удалось соорудить каркас строения практически без ошибок. Последнее было особенно удивительно, поскольку для согрева мы выпили несколько бутылок водки, припасенной для предполагавшейся бригады. Это, видимо, нас и спасло от простуды, поскольку вымокли все до нитки.

На следующий год небольшая дача, построенная в архитектурном стиле сарая, гостеприимно приняла своих обитателей. В единственной комнате места хватало только для кроватей и чугунной буржуйки. На улице под березой мы установили стол с лавками, на котором готовили еду и обедали. Сейчас я даже не могу себе представить, как можно было радоваться жизни в таких условиях.

После завершения строительства основные силы были брошены на подъем сельского хозяйства. Энтузиазм горожан, получивших садовые участки, просто поразителен. При этом существует четкое разделение садоводов на две группы. Представители первой, как правило, исконные москвичи, начинают деятельность с тщательного изучения литературы и затем непреклонно следуют теоретическим положениям. Люди попроще сразу покупают лопату и засучивают рукава.

Причисляя себя ко второй категории, мы в первый же год сделали насыпные грядки, чтобы хоть как-то возвыситься над сыростью болота. Сначала все шло хорошо, даже замечательно, и вся семья с умилением наблюдала за побегами салата, редиса и гороха. Но вскоре на грядке появились совсем иные всходы очень мощных растений, растущих к тому же не по дням, а по часам. Бороться с ними не было никакой возможности, поскольку, как выяснилось, они прошли через наши грядки из лежащего под ними дерна и своими мощными корневищами уходили глубоко в землю.

Первый раунд многолетней битвы за урожай закончился чистой победой болота.

В следующем году мы вскопали землю под грядками,

перевернули дерн вверх ногами и только потом насыпали грядки. Это помогло, но не сильно. Зонтичные растения, дурман, конский щавель и осока проросли с некоторой задержкой и в меньшем количестве, однако и в этот раз они смогли полностью захватить инициативу.

На третий год мы вскопали огород особенно тщательно, выбрали из земли все даже самые мелкие корешки и были уверены в победе. Примененная технология действительно оказалась прогрессивной, но, как выяснилось, и она не гарантировала успеха. Сорняки в торфе берутся неизвестно откуда и растут во много раз быстрее культурных растений. Один только мокрец может за две недели покрыть землю плотным ярко-зеленым ковром, в котором не найдешь ни огурцов, ни моркови. К обычным сорнякам на опушке леса добавляются крошечные елочки, сосенки и березки. Никогда не думал, что они могут расти в таком изобилии без всякой посадки.

Не меньшие надежды были связаны с садом. В питомнике были куплены яблони, вишни, смородина, крыжовник и малина, то есть подмосковный джентльменский набор. Согласно имевшемуся у нас наставлению, под каждое фруктовое дерево следовало вырыть яму объемом около кубометра, заполнить ее удобрением и плодородной почвой. Когда читаешь подобное, складывается впечатление, что автор никогда не видел этих прутиков, называемых саженцами. Ясно, что мы решили не следовать в точности данной рекомендации. Для экономии сил и времени я ограничился ямками по размеру корней, сохранившихся на саженцах.

Не менее нелепой казалась нам и вторая часть наставления, определяющая расстояние между посадками в шесть метров. Было очевидно, что это относится к большим садам, где между рядами деревьев должны проезжать машины и трактора. Обеспечить столь большие расстояния на отвоеванной у леса сотке мы вообще не могли. В результате саженцы были посажены через три метра, а между ними хорошо поместились грядки.

Весной мы порадовались, что все посадки принялись, а уже первой осенью тоненькие прутики яблонь превратились в небольшие деревца с человеческий рост. Торф воочию продемонстрировал свое плодородие. Через два года кроны яблонь сомкнулись, полностью затенив огород.

Согласно уже упоминавшемуся наставлению, плодов от яблонь следовало ожидать на пятый или шестой год. За это время саженцы превратились в огромные деревья, но о цветении при этом даже не помышляли. Опытные садоводы объяснили это тем, что наши яблони находятся в слишком хороших условиях

и поэтому растут себе в удовольствие. Нужно было устроить им встряску.

Для начала под каждое дерево мы закопали почти все имевшиеся у нас железные вещи, как то: спинки от кровати, утюг, трансформатор от телевизора и несколько кастрюль. Но, судя по всему, это было как слону дробинка. Тогда, опять же по рекомендации специалистов, мы перерубили у яблонь некоторые корни. Но и это не дало ожидаемого эффекта. В качестве последнего средства пришлось ободрать кору на стволах. Тут уж деревья больше не смогли делать вид, что ничего не происходит, и буквально за год все бесславно погибли.

Еще быстрее, чем яблони, в торфе растут вишни. За три года они становятся взрослыми деревьями, активно цветут, но почти не дают плодов. В урожайный год на дереве завяжется десяток вишен, так что дети знают их наперечет и, заранее поделив между собой, ждут созревания, проверяя степень покраснения каждый день. А к моменту предполагаемого сбора урожая выясняется, к великому расстройству малышей, что ждали не только они, но и бандиты-дрозды, сумевшие сожрать покрасневшие ягоды первыми.

Так или иначе, дачное хозяйство постепенно наладилось и стало для нас любимой летней базой труда и отдыха.

Беззаботней всех на даче отдыхала кошка. Аристократическая по своим повадкам, она удивительно органически вписалась в болотную жизнь, наслаждаясь охотой, целебными травами и большим вниманием местных котов. В брачный период на участке они скапливались в невероятном количестве, занимая все укромные места. Среди них явно выделялся один – главарь. Мы звали его по окраске – «полосатый». Он при встрече на тропинке даже не уступал нам дорогу, бесцеремонно входил в дом и совершенно не боялся запущенного в него полена, умело уклоняясь от него в случае точного броска.

Однажды он повстречался мне на дороге перед участком. Я съезжал с горки на велосипеде и, желая напугать кота, замахнулся ногой, на что кот внимания не обратил вплоть до непосредственной встречи с ботинком. В силу приличной скорости удар оказался столь сильным, что кот взлетел в воздух и грохнулся за придорожные кусты. По правде говоря, в порыве запальчивости я не раз хотел прибить этого нахала, но теперь, когда это случилось, стало как-то не по себе. Желая получить поддержку родственников, я сразу поведал им о случившемся. Улыбки на их лицах явно не были адекватны печальной интонации моего рассказа. Оказалось, что кот уже заявился

на участок, причем без каких либо следов насилия.

Одно лето на даче жил у нас крольчонок, его Саша Волков подарил ребятам, купив у своей соседки по даче – опытного кроликовода. Дети были в восторге. Саша передал подробную инструкцию, как следует кормить кролика, какие травы нужно собирать и как их подвяливать перед кормлением, а какие для кролика смертельно опасны.

Проведя беглый осмотр кролика, я классифицировал его как самку, и она была названа Мотей. Первый день мы строго следовали наставлениям, а на второй дети вышли с предложением выпустить кролика погулять. Они заверили, что будут следить за каждым Мотиным шагом и не разрешат ей есть ядовитые травы. Держать в разгар лета крольчонка взаперти действительно было нелепо, и мы решили предоставить ему свободу.

Мотя оказалась понятливой и дисциплинированной, с участка не убегала, но проследить, чем она питается, было трудно. Однако по тому удовольствию, которое Мотя получала, валяясь после еды кверху животом на грядке с укропом, можно было заключить, что в еде она знает толк. Резвясь после отдыха, Мотя носилась в траве, мгновенно меняя направления движения, что явно свидетельствовало о хорошем самочувствии и настроении. К нам она привыкла быстро и даже стала ласкаться, правда весьма примитивно – изредка тыкаясь носом или задевая боком. Пару раз при отъезде с дачи мы закрывали Мотю дома. Радость от нашего приезда она скрывала демонстрацией обиды и около часа ни к кому не подходила.

«Неправильное» кормление привело к тому, что к концу лета Мотя стала большущей, весом в пару килограммов, причем у нее на спине четко обозначилась линия начала свободной жизни. Ближе к хвосту новая шерсть выросла более темной и густой. За Мотю уже можно было не беспокоиться, она могла постоять за себя даже перед злобными котами. Это выглядело очень эффектно. В тот момент, когда кот ее настигал, она кувырком переворачивалась на спину и мощными задними лапами ловко подкидывала врага на несколько метров вверх, что было для кота настолько неожиданным, что он не сразу даже понимал, что с ним произошло.

Осенью мы попросили Сашу вернуть кролика соседке. Оказалось, что Мотя чуть ли не вдвое превзошла по размеру своих клеточных собратьев. Соседка, узнав об особенностях ее содержания и кормления, тут же выпустила всех своих кроликов на волю. Через день они уничтожили ее огород, на этом вскармливание по прогрессивной технологии пришлось

прекратить. Кстати, Мотя оказалась не только самой большой из выводка, но еще и… любвеобильным самцом, что выяснилось сразу же при его встрече с сестрами.

Так что не нам учить кроликов, что им есть и как им жить.

Большая часть забот об организации быта на даче приходилась на Вику. Я же был занят преимущественно строительством и различными поделками. Дело дошло до того, что я решил построить себе специальную мастерскую, дабы не беспокоить шумом обитателей дома.

В целях экономии материала мастерскую решено было сделать в форме лежащей на боку бочки. Идея оказалась удачной. Мастерская получилась много лучше дома. В ней все было сделано из новых досок, продуманно и рационально. Результатом стало ее изъятие из моего ведома и превращение в гостиную.

Здесь устраивались все праздники и торжественные обеды. Пилить или строгать тут нечего было и думать. Рядом с предполагавшейся мастерской я пристроил скромненький навес с верстаком и организовал себе рабочее место под раскидистой елкой.

Следующим строительным объектом стал крошечный зимний домик. Построить его было решено из горбыля, добыть который в любом количестве было легко на местной лесопилке.

По наводке соседа я отправился на лесопилку перед праздником 8 Марта, когда мужики особенно озабочены. За тридцать рублей они отгрузили мне пятитонную машину свежего елового горбыля. В кузове ровно уложенный горбыль не производил своим объемом особого впечатления, но, будучи сваленным на дороге, он образовал огромную гору из мохнатых, сучковатых и смолистых досок разной толщины, ширины и формы. Потребовался целый день, чтобы перетаскать их на участок.

После их ошкуривания, занявшего всю весну, мы уложили доски в проветривающийся со всех сторон штабель, и вскоре заметили, что наш горбыль привлек внимание трясогузок. В промежутках между слоями досок они свили гнездо, а через месяц там запищали птенцы. Мне было строго запрещено не только трогать свои доски, но даже подходить к ним. Это полностью парализовало строительную активность. Еще более строгие санкции были введены против кошки, которая, будучи опытной охотницей, наблюдала за происходящим с нескрываемым интересом.

Момент истины наступил, когда пришло время учить птенцов летать. Птенцы были построены в ряд по краю досок. Родители, набрав полный клюв вкусных бабочек, порхали перед ними,

зависали в воздухе и прыгали с ветки на ветку близстоящих деревьев. Наконец самый смелый, а может быть, самый голодный птенец, лихорадочно взмахивая крыльями, пролетел несколько метров. Ему удалось дотянуть до ближайшего дерева, и он сразу получил корм на глазах у голодных собратьев. Не все птенцы в первом полете смогли добраться до деревьев; после посадки на землю им предстояло решать более трудную задачу взлета. И тем не менее второй полет всегда оказывался более уверенным и успешным.

Один из птенцов был настолько робок, что родители бились с ним около часа, убеждая, наконец, решиться на взлет. Он пищал так жалобно, как будто плакал от страха и голода. На это было больно смотреть даже нам. Родители нервничали ужасно, но выдержки у них хватило до конца.

В период первых полетов главной задачей всей нашей семьи было наблюдение за кошкой. Она содержалась под домашним арестом и выпускалась только ночью. При малейшей нашей задержке во время открывания входной двери кошка мгновенно оказывалась на улице и кидалась к штабелю с досками. Ловкость кошки просто поразительна. Она может из положения лежа выпрыгнуть из травы на метр вверх и лапой сбить летящую птицу. Что уж говорить о птенцах. Хорошо, что они взрослеют удивительно быстро.

К середине лета доски освободились, и я смог приступить к их дальнейшей обработке. Через месяц упорного труда в моем распоряжении был уже не мохнатый, сучковатый горбыль, а весьма неплохой строительный материал, который приятно было взять в руки. Каждый, кто работал с деревом, наверняка замечал, как плохонькая доска претерпевает дивное превращение после того, как ее ровно опилишь и обстрогаешь. Думаю, что это одна из причин, делающих работу с деревом такой приятной.

После строительства зимнего домика можно было задуматься и о перестройке дома. За зиму мы аккуратно разобрали старый домишко. В начале июля я взял полагавшийся мне к тому времени двухмесячный отпуск и приступил к созидательному труду.

В новом доме нам очень хотелось иметь подвал или хотя бы погреб. Об этом мечтают все садоводы и огородники. На наших участках несколько человек пытались решить эту проблему, но совершено безуспешно, так как вода затапливала стройку в самом начале. Один особенно упорный умелец закопал под домом большой железный ящик, который весной выперло из земли, едва не опрокинув дом.

Подходящей идеи относительно проекта погреба у нас

не было вплоть до начала строительства, но была внутренняя уверенность, что она появится. Я сто раз замечал, что если возникает какая-то важная задача, то решение со временем обязательно находится – нужно только серьезно сосредоточиться.

Огромную помощь в решении дачных проблем на протяжении всех лет нам оказывала местная заводская свалка. Поваровский завод специализировался на изготовлении самоходного горного оборудования. За тридцать лет, однако, никто из нас ни разу не видел, чтобы из его ворот что-то выходило, и только по свалке можно было судить о кипучей деятельности этого предприятия.

Там я раздобыл несколько электромоторов, все они были не новыми, но работали исправно. Свалка подарила мне огромные слесарные тиски, снабдила на много лет вперед металлом и крепежом. Дело доходило до того, что на свалку я ходил с чертежом требуемой детали и если не саму деталь, то уж заготовку для нее находил наверняка.

Именно свалка и помогла решить проблему погреба. Однажды с завода вывезли здоровенный литой чугунный котел. Он имел форму открытой с одной стороны трубы диаметром около метра и длиной около двух метров. Я сразу понял, что это то, что нужно.

Котел от дома отделяло расстояние в полтора километра. Тем не менее я принял решение катить добычу вручную, так как медлить было нельзя. Весил котел примерно полтонны, но главная проблема заключалась в том, что на открытом торце был приварен широкий фланец, в результате чего котел мог катиться только по окружности, все время сворачивая с дороги. Вдвоем мы катили будущий погреб больше часа. Особенно трудно приходилось на подъемах. Конец пути по торфяной дороге отнял у нас последние силы.

Соседи были немало удивлены происходящим, но на их вопросы мы только отшучивались, не желая раньше времени разглашать свой замысел, так как это очень плохая примета.

Согласно плану трубу предстояло закопать в вертикальном положении под домом. Внутри трубы предполагалось подвесить на крышке круглую этажерку с четырьмя полками для банок с продуктами. Крышку вместе с висящей на ней этажеркой планировалось поднимать из погреба с помощью лебедки, установленной на втором этаже дома.

Забегая вперед, скажу, что все так и было исполнено. В полу первого этажа, над погребом, сделан открывающийся люк. Трос самодельной лебедки, установленной под кроватью на втором этаже, подцепляется к крышке, и через несколько минут под гул мотора круглая этажерка плавно поднимается из погреба в кухню.

Стоящие на полках этажерки банки с огурцами, вареньем и вином можно брать, как из шкафа, даже не нагибаясь.

Процедура поднятия погреба стала главной достопримечательностью нового дома. Тяжелый скрежет лебедки и медленно поднимающаяся из земли железная крышка напоминает подъем ракеты из шахты и производит на зрителей неизгладимое впечатление.

Температурный режим в погребе оказался просто идеальным. Зимой погреб не промерзает, а летом не нагревается выше десяти градусов. Мокрый торф является отличным тепловым резервуаром.

По плану строительства дома в течение первых десяти дней нам предстояло сделать фундамент, после этого десять дней отводилось на изготовление деталей каркаса, перегородок, стропил, лестницы и дверей.

Производимые нами строительные работы, естественно, вызвали у соседей живой интерес. Отношения между соседями на садовых участках – предмет особый. Моральное состояние людей, как хорошо известно, определяется не столько состоянием личных жизненных обстоятельств, сколько их соотношением с положением дел у соседей. Если, к примеру, у соседа трава растет гуще или солнце лучше освещает грядки, это уже повод для серьезного душевного беспокойства, а может, и руководство к действию.

До сих пор своим образом жизни мы не доставляли соседям больших психологических нагрузок. Вместе с тем они привыкли к тому, что делалось все у нас обычно достаточно быстро. Тут же всей семьей возимся больше месяца, а результатов не видно. Фундамент и нижний венец дома издалека вообще не были заметны, а детали каркаса, изготовление которых заняло основное время, в дело пока не шли.

Между тем к началу сборки дома из Харькова должен был приехать на помощь мой двоюродный брат Валерий. Как и подобает военному человеку, он прибыл в точно назначенное время, и мы приступили к монтажу приготовленных конструкций.

За первый же день удалось собрать каркас нижнего этажа. Еще за два дня мы обили его снаружи красивым горбылем и приступили к сборке мансарды. Со стропилами пришлось немного повозиться, поскольку они, имея сложную составную форму, требовали соединений во многих местах. Больше всего меня порадовало и, скажу прямо, удивило то, что при изготовлении и подготовке деталей не было допущено ни одной ошибки. Такое было единственный раз в моей жизни.

К концу второй недели мы положили на стропила доски

и покрыли крышу. Во время последней операции произошло ЧП, которое могло существенно испортить всем настроение. При раскручивании рулонов рубероида я работал на верхней части крыши, используя легкую накладную лесенку. Для большей уверенности я попросил дочку придерживать лесенку веревкой.

Первый день прошел спокойно, дочке изрядно надоело бессмысленно торчать с веревкой в руках, и она потеряла бдительность. В результате я свалился с крыши. Сын в этот момент стоял на лесах внизу крыши с ведерком расплавленного битума. Пролетев мимо него, я разбил леса и стремительно проследовал дальше.

Приземление произошло головой вниз. Торф принял меня тепло и сравнительно мягко. Войдя в него примерно на полметра, я практически не пострадал и уже через пять минут стоял в окружении перепуганных дочери и жены. Вскоре мы вспомнили и о сыне, которого среди нас не было. Все это время он тихонько висел с ведерком на крыше, успев в критический момент схватиться за доски.

После того как крыша была покрыта, строение приобрело законченный вид. За две недели откуда ни возьмись на участке появился высоченный (по представлениям тех лет) дом. Покрытые олифой стены из горбыля сверкали на солнце желто-коричневыми переливами, что придавало строению нарядность и праздничность.

Все это не могло остаться незамеченным соседями. Каждый день к нам приходили как на экскурсию. Естественно, что в глазах соседей главным героем стал приехавший из Харькова брат. Без него дело не двигалось, а тут дом вырос, как на дрожжах. Неважно, что внутри не было ни пола, ни потолка, внешне все выглядело вполне завершенным.

Двум нашим ударным неделям предшествовал год напряженной подготовки, и затем еще два лета ушли на внутреннюю отделку дома. Работали мы самоотверженно всей семьей. Даже четырнадцатилетняя дочка была приобщена к плотницкому делу.

В год завершения нашей стройки над Поваровым пронесся смерч. Деревья качались так сильно, что вся земля на участке ходила ходуном в полном смысле этого слова. Но дом устоял.

Вторым драматическим событием в дачном поселке был пожар. Прямо на нашей улочке дотла сгорел дом. Его хозяином был очень настороженный человек с обостренным чувством подозрительности. Участок он обнес мощным забором и опутал колючей проволокой, для незваных гостей устанавливались капканы, а в доме была припасена отравленная уксусом водка.

Имея сварливый характер, он очень тяжело переживал чужие успехи. У меня отношение к нему было иронические, и всегда при встрече я рассказывал ему о невероятных садовых и огородных достижениях. Сосед знал, что я бессовестно вру, но все равно расстраивался. Однажды, встретив меня на дороге с тачкой, он поинтересовался, куда я направился. Я сообщил ему, что еду за песком, так как смородины уродилось невероятное количество и ее нужно консервировать. Нервы его не выдержали, и он решил уличить меня, предложив немедленную проверку на месте. Я согласился, и мы вернулись к нам на участок.

В этот раз я почти не соврал. Ехал я действительно за песком, правда речным, а не сахарным, а черная смородина уродилась как никогда, обильная и крупная. Вика как раз ее собрала и разложила сушить на всех столах и кроватях. Увидев все это, сосед окончательно пал духом, с тех пор я мог рассказывать ему что угодно, и все безотказно срабатывало.

Пожар у него случился летним вечером. Хозяин куда-то ушел, а дом возгорелся. Соседи вызвали пожарных, те приехали, но, пока преодолели забор с колючей проволокой, тушить уже было практически нечего, и они смогли только локализовать пожар. К возвращению хозяина на месте дома осталась лишь печь с трубой. Зрелище ужасное. От одного его вида сжимается сердце.

После пожара с соседом я встретился только через год. Он был буквально раздавлен, подозревал своих врагов и завистников в поджоге и вскоре сильно заболел. В одночасье сгорела практически вся оставшаяся часть его жизни.

В прежние годы одной из проблем дачной жизни были продукты, поскольку основную их часть приходилось возить из Москвы. В Поварове мы покупали хлеб, картошку и иногда молоко. За молоком всегда были очереди, и каждый из нас старался увильнуть от этой обязанности. Как-то раз обстоятельства сложились так, что, кроме меня, ехать было некому. Ссылки на занятость по строительству и сломанный велосипед не помогли.

Вика выдала мне бидон, сетку для яиц и любезно предоставила свой велосипед.

Простояв в очереди час, я получил желанные продукты и отправился в обратный путь. От магазина к железнодорожной станции дорога имеет довольно крутой спуск. Велосипед на нем быстро разогнался, так что управлять им, держа в руке молоко и яйца, стало трудно, и я решил притормозить. Тут следует сообщить читателю, что у моего велосипеда тормоза были очень мягким и, чтобы сбросить скорость, на педали нужно было жать что есть силы. У велосипеда жены, напротив, тормоза схватывали

сразу. Вспомнил я об этом уже лежа на дороге. Велосипед встал как вкопанный, а я продолжил движение, перелетев через руль.

Приземление произошло неподалеку. Я упал на асфальт плашмя, крепко сжимая в руках бидон с молоком и сетку с яйцами. Больше всего пострадали куриные яйца, несколько меньше – я. Бидон тоже помялся, и его пришлось выбросить. Народу на дороге было много, и мое падение привлекло всеобщее внимание, поскольку упал я на ровном месте и без всякой видимой причины. Со стороны полет выглядел, наверное, красиво, а падение было впечатляюще громким.

Домой я доковылял пешком, ободранный и грязный, без молока и бидона. Единственным положительным моментом во всей этой истории было то, что за молоком меня больше уже не посылали.

Велосипеды в нашей дачной жизни играли первостепенную роль. На них мы ездили на Истринское водохранилище, за грибами и на рыбалку. Дети вполне освоились на шоссе, и протяженность наших маршрутов доходила до сорока километров.

В своих путешествиях чаще всего мы ездили в дальний лес через деревню Клочково. Стоит она выигрышно, на пригорке посреди широкого поля, окруженного со всех сторон лесом. Живописно здесь все и в большом, и в малом. Вид на деревню с высокими деревьями, старыми домами и вынесенными в огород банями одинаково хорош со всех сторон. Деревенская улица, практически лишенная движения, утопает в зелени сирени и могучих лип.

Добраться до Клочкова на легковой машине можно только в очень сухую погоду, вследствие чего в окружающих его лесах народу не так много и прямо на опушке можно набрать белых грибов. Хороши эти места и для сбора ягод. К достопримечательностям следует отнести вырытый в прошлом веке лесной пруд, у которого, по рассказам местных жителей, было мощенное досками дно. Сейчас он сильно зарос, но сохранил свою привлекательность.

В километре от пруда начинается массив посаженного леса. Ровными рядами здесь растут лиственницы, липы и сосны. В конце лета здесь найдешь и маслят, и белых, и чернушек, не говоря уже о сыроежках и свинушках. Последние растут целыми колониями, и набрать их можно больше, чем сможешь унести.

Посадки примыкают к старому светлому лесу с огромными мохнатыми елями и черничными полянами, спускающимися к ручью. Мох и высокая мягкая трава, перемежаясь с зарослями

мелких елочек, так и манят путника отдохнуть. Немало здесь брусники и земляники. Целыми полянками растут целебные травы. Добравшись до этого заветного места, долго не хочется его покидать.

Как-то раз я уговорил жену и детей поехать в двухдневный поход. Ночевку мы наметили на реке перед Истринским водохранилищем. С собой взяли две палатки, надувную лодку и матрасы. Через час, добравшись до места, поставили лагерь, сварили на костре ужин и приступили к рыбалке.

Мы не раз бывали в этом месте. Оно примечательно тем, что здесь сливаются две реки. Помню, когда мы сюда приехали первый раз, шестилетняя дочка даже заключила, что сливаются не две, а три речки. Нельзя сказать, что речки эти богаты рыбой, но поймать с десяток плотвиц и окуньков обычно удавалось. Сейчас же рыбы проплывали мимо наших червяков безо всякого интереса.

Я заверил всех, что отсутствие вечернего клева – верный признак хорошей утренней рыбалки, и мы начали устраиваться на ночь. В палатках, разогревшихся на солнце, стояла духота, как в консервной банке, но открыть ничего было нельзя из-за комаров. Часа через два, вспотевшие и совершенно измученные, мы, чтобы не потерять сознание, выползли на свежий воздух. Здесь выяснилось, что проклятые комары ночью совершенно не спят, а только становятся еще более настырными, чем днем. Был момент, когда Вика предложила прервать поход и поехать домой прямо ночью. Пойти на это я не мог, так как твердо знал, что утром с восходом солнца все сразу изменится в лучшую сторону, а удачная рыбалка еще больше поднимет настроение.

Всю ночь мы провели у костра в полусонном состоянии. К утру дети, а потом и жена заснули, несмотря ни на каких комаров. Я держался до конца и с первыми лучами солнца закинул удочки. Сначала клева не было, и я начал дремать. Тут поплавок вздрогнул, и попалась первая плотвичка. Я сразу поднял всю команду и усадил их с удочками вдоль берега. Решение это, как оказалось, было несколько поспешным, ибо больше поклевок не было. Жена и дети, нелестно отозвавшись о моей затее, через час снова отправились спать.

Бытует мнение, что рыбалка – это хороший способ успокоить нервы. Мой опыт говорит об обратном. Ничто так не травмирует нервную систему, как неудачная рыбалка после бессонной ночи. От проклятого поплавка рябит в глазах, червяки кажутся отвратительными и злобными, а крючок просто предателем и диверсантом, исколовшим все пальцы. К восьми часам, находясь в состоянии нервного изнеможения, я вынужден был

признать несостоятельность замысла. Собрав вещи, без завтрака и даже без чая наша искусанная комарами, усталая и поникшая духом тургруппа отправилась в обратный путь.

Зато дом и родное болото показались нам райским уголком. Рыбалка помогла нам убедиться в этом еще раз.

Дача была важным атрибутом нашей семейной жизни. Круглый год каждый выходной для нас не было другой альтернативы, как ехать в Поварово. Все там было родным и давало широкий простор для приложения сил и активного отдыха. Летом было больше работы, зимой – отдыха. Приезжая зимой на дачу, мы растапливали буржуйку в зимнем домике-баньке и отправлялись на лыжах в лес. Маршрут был небольшой, километров 10, занимал около двух часов. Для горожан с малоподвижным образом жизни этого вполне хватало, чтобы отдышаться и согреться. Зимой лес необычайно красив, и эта красота каким-то непосредственным образом влияет на настроение и даже здоровье.

К возвращению банька становилась гостеприимно теплой, чай из термоса, настоянный на лимоне, – просто эликсир. Закусив и отдохнув, можно побросать лопатой снежок, расчищая дорожки. На опушке леса сугробы огромные. А тут и солнце завершило свой путь. Пора ехать домой. Все очень просто, без затей, но и без проблем.

В жизни всегда за рассветом следует закат. Так вышло и с дачей. В самом конце прошлого века жизнь нашей семьи претерпела крутые изменения. Дети отделились: сын уехал в США и там осел, заведя семью. Дочка жила со своей семьей, а жена, к несчастью, покинула этот мир.

Одному же ездить на дачу скучновато, да и делать ничего не хочется, поскольку нет перспектив будущего использования. Дочка сначала вроде бы пыталась летом пожить на даче с семьей, но обнаружилось, что требования к удобствам у них возросли выше традиционных для садовых участков возможностей (всё во дворе). В результате они начали строительство своей более комфортабельной и просторной дачи, так что мне ничего не оставалось, как подключиться к этому проекту. Сын, приезжая в Москву примерно раз в год, Поварово обязательно посещал, испытывая ностальгические чувства по родной земле. Сравнивая преимущества жизни там и тут, он говорил с грустью:

– Ну, у вас здесь есть Клочково.

Это звучало решающим аргументом в пользу жизни на родине.

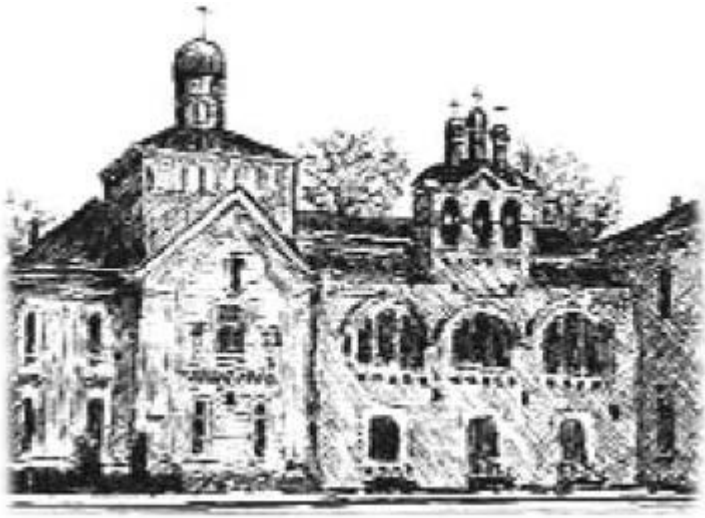
Несколько лет я еще поддерживал поваровское хозяйство, но после очередного ограбления дома со взломом через стену

решил сдаться и продать дачу, чтобы не быть свидетелем ее увядания. Покупательница оказалась совершенно вздорная и наглая до беспредела. Она переселилась на дачу еще до оформления и присвоила большую часть дачного имущества.

К такому нахальству я не был готов. Все мои вещи, как то: телевизор, кухонная утварь, велосипеды, лыжи, удочки и инструменты, пропали. Сначала я расстроился, сожалея о потерях, но потом понял, что это было продуманным решением судьбы, подводящим черту под прошедшим периодом жизни.

Часть вторая
Постижение и впечатления

Глава одиннадцатая
Медицина



На протяжении жизни у каждого из нас бывают волнующие, а иногда и незабываемые события, связанные с различного рода недугами и их исцелением. Подавляющее большинство болезней медики научились лечить терапевтическими методами, многие из которых весьма оригинальны и эффективны. Однако по уровню драматизма они сильно уступают хирургическим вмешательствам. Не случайно героями романов и фильмов, как правило, являются энергичные хирурги с засученными рукавами. Не явится исключением и наше повествование.

Мое общение с хирургами включает два периода: когда они работали надо мной и когда я сотрудничал с ними.

Первое мое знакомство с ним состоялось вскоре после поступления в аспирантуру. То ли от радости, то ли от перенапряжения в организме случился приступ, от которого сразу стало тоскливо и скучно жить. «Скорая» отвезла меня с подозрением на аппендицит в пятую городскую больницу, что расположена на Ленинском проспекте в бывшем здании богадельни, изображенной на картинке в начале главы.

В большой палате, где при царском режиме ютилось несколько старушек, теперь плотными рядами стояли кровати, на которых лежало никак не меньше десяти человек. Мой приход застал их что-то взволнованно обсуждавшими вокруг

предназначенной мне койки. Подключиться к дискуссии мне не пришлось, так как, завидев пришедшую со мной медсестру, все разом смолкли и начали расходиться, оглядывая меня с какой-то настороженностью и даже состраданием.

Дело оказалось в том, что койка моя только что освободилась от предыдущего больного, павшего жертвой неравной борьбы с учебным процессом. По рассказам очевидцев, студент-практикант поставил ему капельницу, от которой бедняге стало совсем не по себе. Из последних сил он пытался убедить студента в ошибочности избранного метода, но парень оказался самолюбивым и довел предписанное лечение до конца.

Узнал я обо всем этом позже, поскольку народ в палате был деликатным и не хотел меня расстраивать раньше времени. К тому же и мое тогдашнее состояние к доверительным беседам не располагало.

Разрезать меня решили в тот же вечер. После небольшой санитарной обработки отвезли в операционную, где перегрузили в голом виде на покрытый простынкой жесткий стол. Для того чтобы я себя не видел, лицо завесили полотенцем.

От уколов, а может от холода, боль в боку постепенно прошла, но нахлынула легкая грусть, поскольку лежание на неуютном столе явно затягивалось. Наконец, когда я уже совсем окоченел и мало на что надеялся, в операционную вбежал мужчина средних лет (как оказалось, профессор), и сразу все пришло в движение.

Выяснив мой диагноз и взглянув на мою посиневшую физиономию, он стал кого-то отчитывать за то, что меня до сих пор не разрезали. Оправдывающийся молодой голос сообщил, что самостоятельно операций никогда не делал.

– Пора начинать, – приободрил его профессор и исчез.

Длилась операция около часа. Было больно, неприятно, но главным образом я переживал за начинающего хирурга. Очень не хотелось, чтобы начало пути у него сложилось неудачно по моей вине. Тут еще вспомнился случай, когда я попал к новичку в парикмахерской, и он меня так подстриг, что мастер-наставник просто пришел в ярость, а я после этого пару недель был самым заметным человеком на факультете. Потом, правда, волосы немного отросли, и удалось подстричься заново. С аппендицитом рассчитывать на это не приходилось.

Один из помощников хирурга время от времени заглядывал ко мне за занавеску и интересовался именем. Сначала я думал, что это важно для операции, и отвечал добросовестно, но когда понял, что он просто хочет удостовериться, что я еще жив, собрал последние силы и пошутил:

– Петр Первый.

Оказалось удачно. Бригада взбодрилась, и операция наконец завершилась.

В палату меня вернули около полуночи со слабыми признаками жизни. Слишком долгое отсутствие, видимо, насторожило моих соседей, во всяком случае никто не спал, но и с вопросами приставать не стали. Ночь тянулась долго, заснуть удалось только под утро перед самым обходом.

Профессорский обход в больнице – это что-то типа парада на Красной площади. В его авангарде поспешала нянечка, загоняя тряпкой грязь под кровати. За ней летела медсестра с проверкой порядка в тумбочках. После этого начиналось главное действо. В палату торжественно вваливалась целая толпа врачей в белоснежных халатах во главе с уже упоминавшимся профессором. Его сопровождали ассистент, пара ординаторов и стайка студентов, большей частью девиц. Своим присутствием они занимали все немногочисленные проходы между койками. Переход от одного больного к другому сопровождался сложными перестроениями, подобно игре в «15», где в маленькой коробочке с единственной пустой позицией требуется упорядочить квадратики по номерам.

Каждый больной являл собой наглядное пособие по определенной болезни. Студентам разрешалось нас осматривать, ощупывать, прослушивать и опрашивать. После этого профессор обращал внимание на какие-то особенности протекания заболевания. Видимо, не желая нас излишне расстраивать, обсуждение вели намеками, иногда на латыни. Диагноз открыто не назывался, от чего он казался совершенно чудовищным.

Все мы были собраны здесь не случайно. Нас объединяли болезни желудка и брюшной полости. Мой случай был самым простым, поэтому меня почти не трогали и расспросами не донимали, что было даже несколько обидно. Одного больного велели готовить к операции, двоих представили к выписке в оздоровленном виде, что обнадеживало, остальных же профессор просто приободрил, и это дополнительно подняло настроение.

Освободившиеся койки пустовали недолго. Сначала привезли из реанимации пациента с прободением язвы, а ночью «скорая» доставила парня с ножевыми ранениями. Его потом частенько навещали приятели. Они приносили с собой водку и шепотом, переходящим по мере роста возбуждения в громкий спор, насыщенный блатными и нецензурными выражениями, обсуждали планы возмездия. Через пару дней заявился

следователь, но толком от парня ничего добиться не смог.

Лежать в большой палате гораздо интереснее, чем в отдельной. Здесь буквально за несколько дней узнаешь столько нового и полезного, что начинаешь чувствовать себя вправе консультировать вновь поступивших больных. Причем опыта набираешься не столько от общения с врачами, сколько от бесчисленных рассказов бывалых сотоварищей.

С нами, к примеру, лежал старичок, который провел в больницах полжизни. У него уже не было ни одного не тронутого хирургами внутреннего органа. По медицинскому опыту он был никак не ниже нашего профессора. Каждодневной мечтой последнего было выписать старичка из больницы, но усилия его были тщетны. Всегда оказывалось, что медицина у старичка все еще в долгу, поскольку не все средства и возможности лечения исчерпаны в полной мере.

Самым большим авторитетом в палате был человек, лежавший на наиболее престижном месте – в углу комнаты у окна. У него были все признаки больничного лидера. Во-первых, он знал больше всех анекдотов и мгновенно разгадывал любые кроссворды. Во-вторых, он пользовался огромной симпатией сестер, навещавших его и по ночам. Верным признаком предстоящего свидания было вкалывание нам вечером снотворного, но и с учетом этого уснуть во время ночного действа удавалось не всегда.

Большим женским вниманием пользовался и еще один пациент. У него было столько подруг, что остро встала проблема, как разнести их посещения по времени. От всех остальных больных он, кроме того, выгодно отличался хорошим аппетитом и здоровым цветом лица. У меня есть подозрение, что крепыш вовсе и не болел, а умело симулировал язву, чтобы не идти в армию. Вполне очевидным признаком симуляции было то, что приступы язвенной болезни с ним случались либо ночью, либо по воскресеньям, когда дежурили практиканты. Особенно он ценил стажеров из Африки и арабских стран, которые и по-русски-то говорили плохо, а потому, задав два вопроса из разговорника: «Зирний ку́сал?» и «Зивот болит?» – вне зависимости от полученных ответов быстро ретировались. Обследование на этом заканчивалось, после чего тут же проходил и приступ, но запись о нем занимала свое важное место в истории болезни.

Анализируя сейчас свой первый медицинский опыт, я, прежде всего, поражаюсь безропотности своего поведения. Я полностью доверился судьбе и не только не пытался вмешиваться в ход событий, но мне даже и в голову не приходило поинтересоваться,

в какую больницу меня везут, действительно ли нужна операция, стоит ли доверяться практиканту и т. д. Решалось все как-то само собой, меня, собственно, никто ни о чем и не спрашивал. Возможно, это было и правильно, так как случай был достаточно очевидным, и закончилось все вполне благополучно. Немаловажно и то, что медицина в то недалекое время была совершенно бесплатной и бескорыстной.

Второй случай был несколько иным. Лет через двадцать мне нужно было удалить вену на ноге, которая, невероятно расширившись, доставляла массу неудобств, а кроме того, сильно портила внешний вид всего организма. И в этот раз я готов был довериться судьбе в лице первых попавшихся врачей, но более опытные товарищи устроили меня по блату в клинику Вишневского. Прельщало меня еще и то, что сделать все обещали быстро и через два дня выписать на условиях амбулаторного лечения.

В клинику явиться надлежало утром и строго натощак, поскольку предстояли кое-какие анализы и исследования. Но, к сожалению, вспомнил я об этом только после того, как съел целую тарелку каши, заботливо приготовленную на прощание женой. Предпринятые вслед за этим самые решительные попытки извлечь кашу обратно успеха не имели. Вика сказала, что процесс упростится, если выпить два литра соленой воды. Времени на раздумье не было, и я пошел на этот отчаянный и, скажу прямо, нелегкий шаг. К сожалению, результата не дал и он. Организм кашу уже оприходовал и расставаться с ней категорически не желал.

Результаты анализа крови на протромбин немало удивили видавшую виды сестру.

– Вы утром ничего не ели? – спросила она подозрительно.

– Съел тарелку каши и… выпил два литра соленой воды.

– И давно вы перешли на такую необычную диету?

– Сегодня первый день, – чистосердечно признался я.

– Ну, после подобного эксперимента не удивительно, что у вас такой анализ крови, – заключила сестра и отпустила меня с миром.

В палату я попал к двум искушенным больным, страдавшим закупоркой сосудов в нижних конечностях (по-простому – ногах). Один был отставным артистом балета Большого театра, в прошлом партнером Г. Улановой. Он знавал большую славу, имел явно выраженное самомнение и в разговоры вступал не слишком охотно. Вторым был инженер-железнодорожник, человек не менее интеллигентный, но к тому же еще и приятный во всех отношениях. То, что он в медицине не новичок, было

заметно сразу по отсутствию одной ноги. Первый раз его оперировали в отраслевой клинике, пытаясь заменить на ноге один из сосудов. Его рассказ об этом производил на всех, скажу прямо, не слишком ободряющее впечатление. Вкратце история была следующей: операцию, которая была сложной, но не предвещала особых неприятностей, делали под общим наркозом. Отсутствие ноги железнодорожник обнаружил совершенно для себя неожиданно на следующий день. Хирург развел руками:

– Так уж вышло.

Местный врач, видимо, не был посвящен во все обстоятельства предшествующего лечения и на первом же обходе завел разговор об операции. Железнодорожник взмолился, что нога-то у него последняя.

– А почему вы решили, что оперировать будем ногу? – спросил врач.

– А что же?

– Голову. Попробуем очистить сонную артерию.

После этого железнодорожник кинулся звонить жене и умолять забрать его домой. Перспектива остаться еще и без головы его явно не устраивала.

Моя ситуация была значительно более простой, чем у коллег, но тем не менее мое заявление, что я здесь всего на два дня, вызвало иронические улыбки.

– Два дня к тебе никто и не подойдет. Меньше месяца здесь не лежат, – таков был вердикт представителя славного советского балета.

Велико же было удивление моих собратьев, когда под вечер меня погрузили на каталку и через пару часов вернули в палату с обильно замотанной бинтами ногой. Операция, надо сказать, была трудоемкой и болезненной. Вена, открыто вышедшая на поверхность в нижней части конечности (ноги), в верхней ее части оказалась на редкость глубокого залегания. По этой причине обсуждаемую конечность пришлось разрезать во многих местах. Тем не менее выписали меня, как и обещали, уже через день.

Коллеги по палате были слегка шокированы и не скрывали своей зависти, когда я их навещал, периодически являясь в клинику на перевязки. Еще больше стремительности проведенного лечения и «негуманности» военных врачей удивился хирург в академической поликлинике, когда я пришел к нему через две недели закрывать бюллетень.

– Зря ты лег в Вишневского. В нашей больнице ты бы как человек полежал месячишко, а потом недели на три направили бы тебя на реабилитацию в санаторий.

Это было сказано с таким сопереживанием, что и мне стало искренне жалко, но не себя, конечно, а этого еще вполне молодого человека, для которого повседневная работа и жизнь тускнеет перед перспективой больницы и санатория. Не знаю, то ли жизнь у нас такая убогая, то ли научная работа настолько отличается от других видов деятельности, что занятому ей человеку не вполне понятно, как можно променять ее на «головокружительную» перспективу длительного лежания в больнице.

Эти два случая исчерпывают мой опыт общения с полномасштабной хирургией (стучу по дереву), но есть еще один эпизод, о котором стоит упомянуть.

Говорят, что на свете встречаются люди, незнакомые с зубной болью и не прошедшие через заботливые руки стоматологов. Я не отношусь к этой элитарной прослойке и уже со школьных лет попал в зубную зависимость. Лечили меня разные врачи, и далеко не всегда успешно. Отчасти виной тому было и мое устойчивое стремление держаться подальше от щемящего сердце визга бормашины. В результате к двадцати пяти годам я получил первое направление на удаление.

Очередь в хирургический кабинет была небольшой, и я тут же попал в распоряжение энергичного и еще вполне молодого врача. Он осмотрел остатки представленного к ликвидации зуба, предупредил, что удаление предстоит сложное, и направил на рентген.

Через пару дней я вернулся к нему, теперь уже со снимком. Снимок понравился врачу еще меньше, чем сам зуб, вследствие этого, а также приближавшегося конца рабочего дня и связанного с этим сильного утомления операция доктором была отложена и на этот раз.

Теперь, задним числом я отчетливо вижу, что это было ясное предупреждение судьбы воздержаться от опрометчивого поступка. Но в те годы мне еще не хватало опыта распознавать значение подобных знаков. Это сейчас я не сильно расстраиваюсь, если не складываются какие-либо обстоятельства, и стараюсь не переть напролом, а подождать, пока все образуется само собой. В молодости же я чаще придерживался принципа, сформулированного Высоцким: «Если я чего решил, то выпью обязательно!» Поэтому направился к тому же врачу в третий раз.

Снова осмотрев зуб, припомнив, что рентген уже сделан, и убедившись, что солнце еще высоко и до конца смены никак не меньше нескольких часов, врач, тем не менее, предоставил мне последний шанс:

– Ну что, будем рвать?

И суть вопроса, и его интонация были явно рассчитаны на мое благоразумие. Но к разочарованию врача, в ответ я лишь утвердительно кивнул головой с широко раскрытым ртом.

После обезболивающего укола хирург выждал пяток минут и принялся за дело. Сначала он попытался раскачать зуб, уцепившись клещами за выступающую тонкую верхушку, от чего последняя немедленно обломилась. В результате этого корни еще более укрепили свои позиции, как солдаты в глубокой траншее.

В ход пошел инструмент в виде стального клина. Им, расстроенный первой неудачей, хирург стал пытаться разломить монолитные корни. Я никогда не думал, что зубы, а точнее корни, такие прочные. Бормашина брала их довольно легко, а вот про клин этого не скажешь.

Навалившись всем телом на зуб, хирург буквально вдавил мою челюсть в грудь, а меня самого – в кресло. Пару раз клин срывался, вонзаясь в десну, от чего рот постепенно заполнился кровью. Меня это не радовало, а врача просто выводило из себя.

После некоторой передышки он принял решение распилить корни с помощью бормашины. Заморозка еще действовала, и нестерпимой боли не было, но было полное впечатление, что еще вот-вот, и бор пройдет сквозь челюсть.

Вытирая пот и открыто чертыхаясь, врач высверлил-таки здоровенное дупло, в которое удалось вонзить клин и расколоть корни на две части. Задача от этого, однако, не сильно упростилась, так как оба корня держались прочно, а подцепить их внутри десны было по-прежнему трудно.

Еще раз отдохнув и попив чаю, хирург вооружился ножницами и расстриг десну вокруг корней. В крови были уже мы оба. Со стороны зрелище, видимо, было столь непривлекательным, что сестра отошла подальше, чтобы не видеть.

Дело, однако, шло к концу. Мобилизовав последние силы, врач вцепился в обнажившиеся корни и принялся их раскачивать постоянно срывающимися клещами. Он был уже в состоянии, близком к аффекту, когда один корень, наконец, сдался. Оставшись без поддержки, второй корень не смог оказать значительного сопротивления и тоже был повержен. Заполучив его в щипцы, доктор не только не испытал победного ликования, но как-то сразу обмяк и повалился на стул.

Я тоже лежал в кресле, не проявляя большого интереса к дальнейшей жизни. Было такое ощущение, что в десне образовалась воронка, как если бы зуб удаляли динамитом. Это чувство подкреплялось и реакцией врача, с содроганием смотревшего на достигнутый результат. Чтобы как-то скрыть

следы злодеяния, он запихал в образовавшуюся в десне яму тряпку, пропитанную жидкостью с резким запахом йода.

На этом первый раунд удаления был завершен; мне велено было явиться на осмотр на следующий день, а сестре – предупредить остальных больных об окончании приема. Необходимости в последнем, впрочем, уже почти не было. За время операции, показавшееся мне вечностью, большая часть пациентов куда-то исчезла, а двое оставшихся просто хотели удостовериться, что я таки жив. Они не задали мне никаких вопросов, поскольку и так все слышали через тонкую дверь. А воображение наверняка нарисовало им картину происходящего еще более ужасную, чем была кровавая действительность.

Домашние немало удивились и встревожились моим состоянием, но я бодрился и в глубине души был даже горд, что так достойно перенес серьезное испытание. После заморозки вся челюсть болела, а от тряпки во рту стоял мерзкий запах. Постепенно она начала вылезать наружу и противно болтаться, пока не вывалилась вовсе. Есть, понятно, я ничего не мог, и только изредка попивал чаек, наклоняя голову набок.

Утром следующего дня врач встретил меня с каким-то нервным удивлением. В нем, видимо, теплилась надежда, что больше я у него никогда не появлюсь. Однако он меня явно недооценивал, в то время я еще свято верил в высокие достоинства нашей медицины в целом и каждого врача в отдельности.

Хождение мое продолжалось две недели, но положение дел только усугублялось. Рана загноилась, и все другие жизненные проблемы отошли на второй план. Врач тоже с каждым моим появлением грустнел все больше, пока вовсе не заболел.

К счастью, он был не единственный в поликлинике хирург, и меня направили на этот раз к пожилой женщине. Увидев результаты трудов своего коллеги, она не смогла скрыть замешательства. Тем не менее в лечении не отказала, и уже через неделю дело пошло на поправку.

Примерно через полгода подошла очередь второго зуба. Он был в точности таким же, как и предыдущий, только находился с противоположной стороны. В регистратуре меня пытались направить снова к известному мне специалисту, но тут я впервые проявил характер и попросился в более приятные женские руки. Врач встретила меня как старого знакомого, предупредив, что удаление может быть не простым, и попросила потерпеть.

Я знал, на что шел, и на быстрый успех не рассчитывал. Но здесь подтвердилось общее правило: когда готовишься

к худшему, судьба оказывается милосердной. Буквально через пару минут расколотый зуб валялся в ванночке, а я живой и почти невредимый покидал кабинет.

Таким образом, и работу хирургов-стоматологов над моим организмом можно с некоторыми оговорками отнести к успешной. Естественно, я чувствовал себя в долгу перед этим серьезнейшим разделом медицины.

Возможность возвратить долги хотя бы частично вскоре представилась. Связана она была с высокочувствительными датчиками температуры, которые мы разработали для своих опытов над кристаллами. Оказалось, что о них давно мечтали нейрохирурги. Дело в том, что температура в различных частях мозга неодинакова, и было предположение, что путем ее измерения можно определять границы опухоли.

Мы согласились помочь, но лишь при том непременном условии, что к операциям на людях мы никакого отношения иметь не будем. Нас заверили, что всю методику сначала отработаем на собаках, а потом хирурги смогут работать и без нас.

Однако к моменту, когда прибор был готов, собак под руками не оказалось, а больных было сколько угодно. Для убедительности нам показали этих несчастных и объяснили, что наш прибор для них последний шанс.

Деваться было некуда, и я в третий раз переступил порог операционной, но теперь в новом качестве.

События развивались здесь по-деловому. Больной уже покоился под наркозом. Зеленкой на выбритой голове была обведена область вскрытия размером с теннисный мячик. Удалив кожу, женщина, проводившая операцию, взялась за дрель и довольно ловко обсверлила по периметру всю отмеченную область черепа. Затем стамеской она перерубила оставшиеся перемычки, и в образовавшемся отверстии вздулся полупрозрачный пакет с мозгом. Его вскрыли, и глазам открылся сам мозг, красиво переплетенный многочисленными кровеносными сосудами.

Все происходило настолько обыденно, что я не только не упал в обморок, но даже и не оторопел от увиденного. Только болезненное чувство сострадания к пациенту, которого я, к счастью, до этого не видел, несколько сковывало и нервировало.

Судя по вздутию, опухоль оказалась довольно большой. По внешнему виду она почти не отличалась от здоровой ткани. Наш термометр показывал, что внутри опухоли температура остается почти постоянной. При углублении к центру мозга она изменялась на малые доли градуса, и четко заметить границу

было трудно.

На всякий случай удалили побольше, с запасом. Оказывается, верхние доли мозга не несут ответственности за жизнедеятельность организма и функционирование его органов. Изменение же умственных способностей вообще никого не волнует, когда речь идет о жизни и смерти.

Подобным образом мы провели с десяток операций, но не могу сказать, чтобы наши термометры сильно помогли больным. После операций некоторые жили пару лет, и то не всегда. Неудачи расстраивали хирургов примерно так же, как нас неудачные эксперименты, в которых ломались или портилось исследуемые образцы. Существенной разницей было только общение с родственниками. Я больше всего боялся попасться на глаза людям, томящимся в коридоре в ожидании вестей из операционной.

Постепенно диапазон применения наших термометров стал расширяться и на другие типы патологий мозга. Однажды меня пригласили на операцию, в которой больному собирались нарушить ненужный контакт между полушариями, из-за которого он при ходьбе закидывался назад и падал. Для меня это было совершенно незнакомым делом, и, естественно, я поинтересовался у хирурга, насколько удачными бывают подобные вмешательства.

– Последняя операция прошла очень успешно, – ответил он.

– Что, больной перестал закидываться?

– Нет, не совсем. Его теперь закидывает вперед, но он не падает.

Новому пациенту тем временем просверлили в черепе отверстие, привинтили на голову координатное устройство, напоминающее корону, с длинной иголкой. Иглу предстояло ввести через полушария к мозжечку с очень большой точностью, ошибка здесь могла быть очень заметной после операции. По ходу дела приходилось делать рентгеновские снимки и корректировать продвижение иглы. На все это ушло так много времени, что врачи, утомившись, решили пойти перекусить, а меня на всякий случай оставили в операционной.

При подобных операциях больного усыпляют только слегка, чтобы можно было следить за его реакцией. В мозге отсутствуют нервные клетки, ответственные за ощущение боли, поэтому операции непосредственно на нем безболезненны. В данном случае реакция оказалась для меня более чем неожиданной – больной ухитрился высвободить руку и содрал с головы всю координатную систему вместе с раздражавшей его иголкой. Я стоял как парализованный, не зная, что предпринять.

Вернувшиеся к этому моменту врачи накинулись на беднягу с криками, что больше в жизни не станут его оперировать.

После этого случая в клинику меня как-то больше уже не тянуло, и дальше врачи работали в основном самостоятельно. Прибор наш был, скажем мягко, не слишком совершенным, и периодически его приходилось чинить и настраивать. Энтузиазм первых операций постепенно сменился ощущением рутины, и мы под разными предлогами стали отлынивать от медицинской деятельности. Но тут случилась очередная болезнь у Наталии Александровны. Отличительной особенностью ее болезней являлся их смертельный, точнее, почти смертельный характер. Несколько раз мы уже готовились к худшему. Но вторая, не менее важная черта посещающих ее недугов состояла в их благополучных исходах.

В описываемом случае болезнь относилась к области мозговых явлений, и вполне понятно, что наши знакомые врачи с большим удовольствием взялись за ее лечение. Оперативного вмешательства, правда, не требовалось, но тем не менее мне было заявлено, что пока мы не усовершенствуем нашу технику, Ирисову из больницы не выпишут.

– Это меня вполне устраивает, – пошутил я.

Собеседник понял, что в этой шутке доля шутки не слишком значительна, и сообщил об этом Ирисовой, которая тоже за словом в карман никогда не лезла:

– Скажите ему, что вы немедленно выпишете меня, если прибор не заработает.

С разной степенью результативности наша медицинская практика продолжалась несколько лет. Наши коллеги защитили несколько диссертаций, но выдающихся успехов на практике достигнуто не было. Возможно, правда, что мы не все знаем, так как больше в нашем коллективе болезнями мозга никто не страдал, а контакты, в которых заинтересована только одна сторона, постепенно прекращаются. К тому же самый активный хирург после защиты диссертации по применению термометрии при операциях на мозге уехал на работу в Африку. Не исключено, что туда же с ним переместилась и деятельность по измерению температуры опухолей мозга, если таковые встречаются на африканском континенте.

Сейчас на нашу медицину обрушился шквал критики, и, к сожалению, справедливой. Я тоже мог бы к этому присоединить некоторые впечатления, но не хочется заканчивать главу «за упокой». Все же врачи в своей массе люди благородные и не раз помогли каждому из нас. И разговоры о том, что наша медицина самая отсталая, тоже не верны, хотя примеров и на этот

счет найти можно много. Медицина у нас самая разная, как и врачи. Просто происходящее падение морально-этических норм в медицине более заметно, чем в других профессиональных сообществах. Вылечить медицину можно только вместе с обществом в целом.

В министерстве мне представился случай познакомиться с хирургами-офтальмологами небольшой клиники, руководимой профессором Г. Столяренко. Они занимаются самыми сложными хирургическими проблемами задней стенки глаза – сетчаткой. Я даже не представлял себе, что туда можно проникнуть хирургически. Их инструменты – тонкие иголки, на кончиках которых ножнички, ножички, пинцетики, фонарики и другие миниатюрные устройства, которые можно рассмотреть только в лупу. При таких операциях, проводимых под микроскопом, требуется исключительная точность, достаточно повредить лишь один кровеносный сосуд, коими пронизана все сетчатка, чтобы стекловидное тело глаза окрасилось кровью. Уровень их работы таков, что они не уступают никому в мире. На международных конференциях их доклады вызывают изумление. Среди тысяч людей, которым им удалось вернуть зрение, например, Л. Зыкина и Б. Ельцин.

Клиника эта частная, но, что удивительно, для развития офтальмологии в стране они совершенно бескорыстно сделали больше многих тех, кому это предписано государством. Тут и программа усовершенствования врачей, и разработка отечественной медтехники, и просвещение пациентов, и телемедицина. Боюсь перехвалить и потому заканчиваю. Все же есть надежда, что в случае чего можно и в нашей стране найти достойную медицину.

Глава двенадцатая
Первые заграничные впечатления

Одной из немногих привилегий ученого, работавшего в Академии наук СССР, была возможность поехать за границу на конференцию или с ознакомительной целью. Такие поездки приносили двойную пользу. Во-первых, появлялись новые научные связи, совместные работы, расширялся кругозор. Во-вторых, открывалась возможность посмотреть мир во всем его многообразии, приобщиться к мировым историческим и художественным святыням. Длительная поездка за рубеж, кроме всего прочего, была очень существенна и в финансовом плане. За месяц за границей можно было скопить денег больше, чем за год работы на родине. Все это, вместе взятое, приводило к острой конкуренции за поездки.

Впервые мне удалось отправиться за рубеж в 1973 году. Это была двухнедельная поездка в Чехословакию.

Решающим моментом в сложной процедуре оформления выезда было прохождение парткома института, где утверждалась характеристика. Это был мой первый опыт общения с этим серьезным органом, и правил игры я, естественно, не знал.

На парткоме мне задали только один вопрос:

– С какой целью в 1968 году в Чехословакию были введены войска стран – членов Варшавского договора?

Я обрадовался, что смогу дать точный и убедительный ответ

на этот вопрос, так как двумя неделями раньше был на военных сборах, где нам доходчиво объяснили, какое важное военно-политическое значение имеет плацдарм в центре Европы и какие проблемы у нас могли возникнуть в случае его утраты.

Мое проникновенное выступление было выслушано с интересом, но по его завершении председательствующий насупился и спросил ледяным голосом, откуда я почерпнул всю эту информацию? Я с готовностью открыл источник.

После короткой паузы меня попросили выйти.

Партком на этот раз я не прошел. Секретарю партийного бюро нашей лаборатории поручили подготовить меня к следующему заседанию. Он открыл мне правильный ответ:

– Войска были введены с целью выполнения интернационального долга.

Запомнить это было несложно, и второй раз на парткоме я не сплоховал.

После парткома открывалась дорога на комиссию в райком партии. Вопрос там был задан тот же. Просвещать уважаемую комиссию по поводу военного плацдарма в центре Европы я не стал, и разговор закончился, практически не успев начаться. Последней инстанцией был ЦК КПСС, где мне объяснили, как должен вести себя советский человек за границей, и предложили подписать соответствующее обязательство.

В начале декабря 1973 года, провожаемый родственниками и сослуживцами, я торжественно сел на Киевском вокзале в скорый поезд № 8 и отправился в волнующую неизвестность.

Процедура пересечения границы и смены колес заняла несколько часов, пограничники проверили паспорта, и вот она – заграница. Изменилось сразу все. На железной дороге уменьшилась не только ширина колеи, но также размеры вагонов, перронов, строений и даже скорости. Уже из вагона поезда было видно, что граничащая с нами страна гораздо более аккуратная, благополучная и спокойная.

На вокзале в Праге меня встретил молодой долговязый ученый – Леош Новак. Он отвез меня на виллу, где мне определили койку в большой пустой комнате с кроватью и умывальником. Леош предложил мне поехать в центр Праги, но я отказался, так как, согласно инструкции, перво-наперво мне следовало посетить посольство и сообщить о своем приезде.

В посольстве мое появление ожидаемого впечатления не произвело. Встретили меня сухо, занесли в книгу учета и велели снова явиться перед отъездом. Я понял, что с этого момента полностью предоставлен сам себе и никому нет до меня никакого дела.

Стоял декабрь, и погода была пронизывающе противная. Поболтавшись по городу, я решил зайти в магазин, чтобы согреться. Магазин оказался совсем небольшим и непривычно безлюдным. Оба продавца с готовностью любезно приветствовали меня:

– Просим вас!

Покупать я ничего не собирался и к такому повышенному вниманию не был готов. У нас продавцы, как известно, в то время на публику не набрасывались, скорее ее просто не замечали. Я совершенно не знал, что ответить, и просто позорно ретировался. На Вацлавской площади я отважился зайти в кафе, чтобы перекусить, но и здесь начались расспросы, чего я хочу, сколько и с чем? Широкое многообразие вариантов кончилось тем, что я купил шпикачку с куском хлеба на уличном лотке, где не было ни выбора, ни расспросов. Шпикачка и особенно горчица оказались очень вкусными, и это было первое приятное впечатление от чужой и промозглой Праги.

Вечером, вернувшись на виллу, я принял решение вымыться и с этой целью предпринял попытку поиска ванны или душа. Не обнаружив ничего похожего вблизи своей комнаты, я обратился с вопросом к женщине, сидевшей у входа. Русского языка, как сразу стало ясно, она не знала совсем, и мой вопрос ее сильно переполошил. Я попытался объяснить ей свои желания при помощи жестов, чем напугал бедную женщину окончательно. Она буквально окаменела, потеряв дар речи. Чтобы дело не кончилось обмороком, от затеи с мытьем пришлось отказаться.

Заснуть долго не удавалось из-за нахлынувшей тоски. Окружающая меня действительность была совершено чужой и непонятной, как прожить здесь две недели, было для меня большим вопросом.

Утром следующего дня предстояло боевое крещение в Институте физики. Леош сопроводил меня к своему начальнику Я. Фоусеку, знакомство с которым было ключевым моментом этой поездки.

Я. Фоусек встретил меня подчеркнуто холодно, заявил, что после 1968 года русский язык забыл и поэтому нам придется говорить по-английски. Английский язык мне в общем-то был знаком по многолетней учебе, но говорить на нем по делу да еще с иностранцем мне не доводилось. Кое-что я понимал, но большей частью даже знакомые слова ставили меня в тупик.

Через полчаса такого разговора я пришел в полное отчаяние. Это было настолько заметно, что Я. Фоусек, удовлетворившись достигнутым эффектом, перешел на русский. Он сообщил мне, что приехал я не вовремя, так как перед Рождеством специалисты,

которым могли бы быть интересны мои проблемы, уже на каникулах. Толку в моем визите он не видит, но раз уж так вышло, то Леош покажет мне лабораторию.

Такого поворота дел я не ожидал. Состояние мое было как у человека, провалившегося в прорубь. Больше всего мне хотелось прервать свое путешествие, как страшный сон, и очутиться в Москве, где все так хорошо и привычно.

К счастью, Леош оказался человеком приятным и русского языка не забыл. Мы с ним нашли несколько обоюдно интересных тем, и это сразу нас сблизило. Кроме научной информации от него я узнал много полезного для своей жизни в Праге. В частности, он показал мне два крупных универмага, в которые можно было ходить безбоязненно, не зная чешского языка. С его помощью удалось отыскать и ванную комнату на вилле.

Заграничный магазин, даже чешский, был в то время для простого российского человека пещерой Аладдина. Разнообразие товаров и особенно их изобилие, с учетом количества имевшихся у меня денег, казались чрезмерным и совершенно ненужным.

Через пару дней я научился пользоваться трамваем, магазинами и немного закусочными, начал ориентироваться и в городе. Теперь угнетало меня только то, что научная часть визита текла весьма вяло. Я посетил еще пару институтов, где был встречен тоже без энтузиазма.

Народ готовился к Рождеству, в городе появились елочные базары, на которых продавались новогодние сосны, развернулись ярмарки, тут и там из огромных бочек торговали гигантскими живыми карпами. В этой праздничной суматохе я был совершенно лишним. Никто ни разу меня не пригласил ни в гости, ни даже в пивную. Всем я был просто в тягость. Тот же Леош явно вздохнул с облегчением, когда пришло время отправить меня в Братиславу.

В поезде меня ждало еще одно испытание. В купе я попал с пятью другими пассажирами, среди которых тут же завязался разговор. Я сидел и помалкивал, хотя попутчики не исключали меня из круга общения. Я же упустил вначале момент, когда было уместно дать понять попутчикам, что человек я сугубо приезжий и в их оживленной беседе ничего не понимаю. Вместо этого я кивал и в очевидных местах разговора улыбался, имитируя таким идиотским способом свое в нем участие.

В результате несколько часов дороги превратились для меня в сплошную пытку. Но зато я на всю жизнь усвоил, что лучший собеседник тот, который не перебивает. Практически все пассажиры в купе обращались со своими рассказами только

ко мне, бессмысленно напрягая мое внимание. Удивительно также, что за три часа дороги секрет моего глубокомыслия так и не был раскрыт. Я же все время боялся получить какой-нибудь альтернативный вопрос, который бы сразу вскрыл весь комизм ситуации. Учитывая приобретенный опыт, на обратном пути я первым делом спросил у своего соседа по-русски, сколько остановок до Праги. После этого в купе вообще не было никаких разговоров.

Братислава приняла меня много радушнее, чем Прага. Окружающие были приветливы и охотно говорили по-русски. Поселили меня в только что построенной гостинице «Киев» в самом центре города. Целыми днями я знакомился с институтами, а каждый вечер проводил в компаниях новых знакомых. Пять дней пролетели как одно мгновение.

В Прагу я вернулся уже другим человеком, появились легкость и уверенность. До отъезда было еще два дня, и мне оставалось посетить только один институт. Принимал меня пожилой и очень добросердечный человек. После научного разговора он повел меня в пивную, что рядом с дворцом Президента. Здесь-то и таилась моя погибель. Выпив пару кружек пива, чех очень тепло отозвался о России, о Москве, где он много раз бывал, и после этого с горечью спросил, как это могло случиться, что мы ввели к ним войска?

Ни один из имевшихся у меня ответов явно не годился. В свое время в Москве весть о вводе войск в Прагу ударила меня как электрическим током, я нутром почувствовал, что случилось нечто скверное. Две недели пребывания в Чехословакии подтвердили мои опасения. Прямой вопрос этого приятного пожилого человека буквально раздавил меня. Я просто сидел и молчал, глядя в пол. Первый раз в жизни мне было стыдно за свою страну. Мой собеседник почувствовал неловкость и перевел разговор на другую тему.

В поезде на обратном пути я подвел итоги первой в своей жизни заграничной поездки. Научную часть можно было оценить не выше чем на тройку. Нового для себя я узнал не слишком много, знакомства и контакты представлялись мне тоже весьма вялыми. Тогда я не мог и предположить, что эти слабые зацепки превратятся через несколько лет в активное, плодотворное научное сотрудничество, продолжающееся до сих пор. Фоусек не только вновь вспомнит русский язык, но и станет искренним приятелем, многие его молодые коллеги – нашими преданными друзьями-соратниками. Наши совместные работы через десять лет будут отмечены премией Академий наук СССР и Чехословакии.

Первая поездка была для меня очень поучительной. Уроков

из нее я извлек множество. Стыдно сказать, за девять дней жизни в Праге я не посетил ни одного музея и театра, не съездил ни в один из пригородных замков и парков. Никогда больше я не допускал таких оплошностей.

В Москве ждали меня с нетерпением. Впечатлений у меня была масса, и я по многу раз пересказывал их родственникам и друзьям, будучи единственным среди них человеком, побывавшим за границей. Мои нехитрые сувениры привели всех в восторг.

Постепенно впечатления от поездки улеглись. Работы и проблем было много. Научная жизнь вступила в период самых серьезных испытаний, связанных с обострением отношений с руководством. В подобной ситуации о новых поездках за границу не могло быть и речи. Но безысходность в этом вопросе продлилась недолго. Волею судеб (точнее, именно моей судьбы) ученым секретарем по иностранным делам в наш институт вскоре был назначен мой бывший одноклассник. В 1977 году он организовал мне ни много ни мало двухмесячную поездку в Японию. Тогда о руке судьбы я еще не задумывался и воспринял это как случайное везение. Теперь смотрю на это уже иначе, ибо поездка в Японию сыграла очень важную роль в дальнейшей жизни. Причем судьба подготовила ее тщательно, заранее познакомив меня со многими японскими учеными на конференции в Новосибирске буквально за несколько месяцев до поездки.

Январский Токио встретил теплой солнечной погодой. Разместили меня в гостинице европейского типа с очень маленьким, но удобным номером.

Токио поразил меня своей динамикой. Кругом полно народу, машины носятся, непривычное левостороннее движение, по высоким виадукам мчатся со скрипом поезда. На главных улицах высокие красивые дома, магазины подобны музеям, все в них сверкает и мелькает.

Иная картина открывается глазу на узких улочках. Дома здесь иной раз по ширине два-три метра, на фасаде едва помещаются дверь и окно. Вечерами с подвижных жаровен на велоколесах бойко торгуют незатейливой едой. Яркими лампами призывно сверкают входы в увеселительные заведения, зазывалы буквально заталкивают туда прохожих. В переходах в коробках из картона устраивается на ночь бездомный люд. Нигде я не видел таких ужасных бомжей, как в Токио. На них совсем нет одежды, только вокруг тела на веревках развешано какое-то тряпье и бумага. Похоже, что они не стриглись и не мылись по нескольку лет. На улицах народ обходит их

за несколько метров. Справедливости ради следует сказать, что уже через пару лет, снова посетив Токио, я не обнаружил даже следов этой вопиющей нищеты, а через десять лет просто не узнал Токио – настолько город расстроился и похорошел.

Удивительно то, что зимой даже при отрицательных температурах на улицах можно встретить японцев в тапочках на босу ногу, а детей в легких костюмчиках. Примерно половина прохожих в национальных одеждах. Женщины в них полны величия и грации.

Устав и проголодавшись, я зашел в недорогой ресторанчик перекусить. Еда мне совсем не понравилось, что было связано, как я потом понял, с низким уровнем ресторана, он был самый дешевый из всех, что попадались. Завершил свою первую прогулку по Токио посещением эротического кино, строго запрещенного инструкцией ЦК КПСС. Надо признать, что в данном случае ЦК был прав, фильм оказался ужасно примитивным и скучным, да и эротики как таковой в нем не было, поскольку демонстрация обнаженных тел в Японии запрещена.

Утром следующего дня меня сопроводили в одно из крупнейших частных японских учебных заведений – Университет Васеда. Мои гостеприимные хозяева по-английски говорили не слишком уверенно, но я, как вскоре выяснилось, говорил еще хуже. В результате после первого диалога, когда мне казалось, что мы достигли взаимопонимания, действия моего собеседника были прямо противоположными моим ожиданиям. Перед поездкой в Японию я специально занимался на курсах активного разговорного языка и успешно сдал выпускные экзамены. Однако в реальной жизни все оказалось много сложнее.

Свой первый научный доклад я провалил вчистую. Начало было довольно бодрым, но уже через пять минут я начал выдыхаться. Дальше события развивались примерно так же, как у Аполлонова с гирей. Словарный запас таял прямо на глазах, вскоре я уже не мог толком прокомментировать свои же слайды. Правильным было бы закруглить доклад, но я считал для себя это невозможным и выстоял еще примерно полчаса. Японцы уже давно съели свой рис (у них так принято – есть во время доклада) и сидели в полном замешательстве. Когда же я, окончательно лишившись дара речи, наконец закончил свое выступление, радости слушателей не было предела.

После доклада принимавший меня профессор Дж. Кобаяси сказал кучу лестных слов, и мы вместе с деканом факультета отправились отмечать успех в ресторан. Ресторан был совсем маленьким по нашим московским понятиям. Расположились мы

в крошечной комнатке, где из мебели был только низенький стол. Японцы уселись вокруг него на татами и пригласили меня. Я знал, что сидеть у них принято на полу, но, к сожалению, в Москве не потренировался. Ни в одной позе усидеть долго мне не удавалось и приходилось все время елозить. Через час я уже еле держал спину, а ноги были просто не моими.

На столик перед каждым из нас гейша – пожилая очень предупредительная женщина – поставила черную деревянную подставочку и расположила на ней крошечную вазочку с цветком типа желтого одуванчика, маленького розового краба и две деревянные палочки. В малюсенькие керамические стаканчики она налила нам теплого саке.

Декан произнес небольшую речь в мою честь и, выпив саке, закусил его крабом. Так же поступил и мой профессор. Я понял, что тоже не имею права поступить иначе. Саке оказалось вполне приятным напитком, чего не могу сказать о крабе. Первое впечатление было такое, что весь рот набился песком, яичной скорлупой и мелкими гвоздями. В общем, никакой радости организму краб не доставил, но я, как и положено гостю, выразил свое глубокое удовлетворение, а для того, чтобы еще более подчеркнуть свое искренне уважение к самобытному японскому народу и его древней культуре, съел еще и цветок. Делать это, видимо, было не обязательно, так как сами японцы есть свои цветки не стали, а гейша вообще удивилась исчезновению одуванчика и принесла мне новый.

Через некоторое время на столе появилась газовая горелка и большая глубокая сковорода, наполненная до половины маслом. Гейша опустила в кипящее масло тонкие ломтики мяса, лапшу, длинные тонкие грибы белого цвета, капусту, лук и непонятную мне зелень. Теперь мне предстояло научиться брать еду палочками. Дело это не слишком сложное, но с первого раза поймать гриб или макаронину оказалось нелегко. Угощение тем временем сменилось небольшим концертом. Мои спутники, совсем расслабившись, стали петь песни, в том числе и русские. Я, хотя тоже был выпивши, в этом их не поддержал, твердо следуя наказу жены.

Около полуночи, когда я уже отсидел на этом чертовом татами весь организм и даже шея еле держала голову, вечер закончился и мы отправились по домам. Японцы пытались посадить меня в такси, но я сумел отказаться и отправился в гостиницу на метро. Народу было совсем мало, и поезда ходили редко. В длинном туннеле перехода шедшая в пяти метрах позади меня молодая женщина вдруг без всякой видимой причины закричала. Памятуя инструкцию ЦК о невмешательстве в дела

граждан чужой страны, я мигом преодолел оставшуюся часть пути и выскочил на платформу. Крик женщины, видимо, донесся и сюда. Судить об этом я мог по реакции окружающих, смотревших на меня если не как на убийцу, то минимум как на насильника. Немая сцена длилась секунд десять, я был совершенно растерян. Разрядка наступила только после того, как переполошившая всех дама вышла из туннеля. Оказалось, что у нее сломался каблук и она подвернула ногу. Обвинение было с меня снято.

В Университете Васеда я с большой пользой провел еще три рабочих дня, а в субботу Дж. Кобаяси и его жена устроили мне поездку к Фудзияме. Жена у Дж. Кобаяси не просто внимательная и чуткая женщина, она как бы состоит исключительно из искренней любезности, предупредительности и доброжелательности. Более душевного и тонкого человека мне в Японии встретить не довелось. Всю поездку я был окружен заботой и комфортом, как японский император.

Фудзияма довольно далеко от Токио, и я смог в какой-то мере рассмотреть страну, воочию убедившись, как ничтожно мало у японцев пространства для жизни. Большая часть территории гористая, и буквально каждый метр ровной земли приходится отвоевывать. За городом рисовые поля подходят прямо к дороге и занимают все незастроенное пространство. Детям здесь даже негде побегать, а что уж говорить о городах? Один из сотрудников Кобаяси – И. Уэзу, ставший впоследствии моим другом, как-то сказал, что ему очень повезло, что их дом недалеко от кладбища и детям есть где погулять.

Склоны гор и холмов повсеместно покрыты густой растительностью, большей частью бамбуком. Однажды, уже в университете в Осаке, я поленился обходить небольшую бамбуковую рощицу, решив пересечь ее («скосить»!). В итоге я оттуда еле выбрался. Бамбук даже в своих мелких побегах как железный, и пробраться через него так же трудно, как и через колючие горные кусты. К слову сказать, японцы используют бамбук весьма широко и в быту, и в строительстве. Самым очевидным является изготовление из бамбука стаканов и кружек для воды и пива. При сооружении строительных лесов бамбук заменяет стальные трубы.

В январе вокруг Токио снега почти нет, в горах, однако, холодно и все озера покрыты льдом. Туристов нет, в местах летнего паломничества мы были практически одни. Фудзияма очень красива и величественна, она, безусловно, заслуживает того поклонения японцев, которым окружена. Склоны ее издалека выглядят совершенно ровными, однако подняться на вершину

далеко не просто.

После десятидневного пребывания в Токио я отправился в Нагою – достаточно крупный город в южном направлении. По соглашению об условиях обмена учеными все мои переезды оплачивала японская сторона, и поэтому ехал я на их знаменитом скоростном синкансене высшим (зеленым) классом. Поезд просто великолепен, как снаружи, так и внутри. Трогается и тормозит он так плавно, что не ощущаешь никакой болтанки и можно спокойно писать. Вкрадчивый женский голос предупреждает по-японски и по-английски об остановках и желает приятного пути. Трасса синкансена отгорожена от всего мира забором, и ничто не может помешать движению. Не удивительно, что расписание соблюдается с точностью до секунд. Зимой дорогу очищают от снега с помощью воды, для чего вдоль всей трассы смонтированы фонтанчики.

В Нагое принимающей стороной был профессор И. Исибаси, весьма деловой и американизированный. Убедился я в этом сразу по приезде. Уже на вокзале он предложил мне обменять билеты моего дальнейшего путешествия на второй класс, чтобы укрепить мое финансовое положение. Велико было его удивление, когда я, следуя наставлениям о необходимости поддержания престижа советского ученого за рубежом, отклонил его заманчивое предложение и, как потом выяснилось, не прогадал.

Неделя в Нагое прошла очень интересно и с большой пользой. Целыми днями я ходил по лабораториям и беседовал с профессорами, аспирантами и студентами. С каждым днем мой английский язык обогащался и становился свободнее. Слова, которые я прежде долго заучивал, вдруг стали совсем живыми помощниками. Они уже не путались в голове, а всегда были наготове.

Много интересного я узнал и вне стен университета. Каждый вечер мы проводили вместе с И. Исибаси или его сотрудниками. Однажды случился небольшой казус. И. Исибаси поручил своим студентам свозить меня в старинный храм, расположенный примерно в ста километрах от города. Доехали мы туда без происшествий. Памятуя о необходимости раздеваться в храмах во время чайной церемонии, мы оставили пальто в машине; хорошо еще не сняли ботинки, ибо студент тут же захлопнул внутри машины и ключи. Дело шло к вечеру. На улице было существенно ниже нуля. Открыть машину не удалось, и пришлось нам возвращаться на поезде. Бедного студента на следующий день чуть не лишили жизни.

Из Нагои я отправился в Осаку. Это огромный, шумный и неспокойный город еще дальше от Токио на юг. Университет

по размеру под стать городу. Для меня он оказался тематически очень интересен. Кроме университета в Осаке я посетил также исследовательскую лабораторию «Хитачи». Прием был не столь открытый, как в университете, но удалось узнать немало полезного и здесь. Мои доклады становились все более уверенными и содержательными, появилась раскованность и в дискуссиях. Стала понятной и привычной английская речь японцев.

Из Осаки обратная дорога в Токио была длинной даже в скоростном поезде. В своем зеленом классе я вообще долгое время ехал один, пока не появился еще один пассажир. Его место оказалось как раз напротив моего. Японец был совсем небольшого роста, достаточно пожилой, но подвижный и явно любопытный. Осмотревшись, он попытался со мной заговорить. Я ответил ему по-английски и убедился, что попутчик с этим языком не знаком. Тем не менее беседа постепенно завязалась. С помощью рисунка Кремля мне удалось объяснить ему, что я прибыл в Японию из Москвы. По тому, насколько сильно японец обрадовался, было понятно, что живого русского вблизи он видит впервые.

Со стороны наша беседа выглядела, наверное, весьма занимательно. На бумаге я нарисовал ему свою семью, а он представил таким же образом свою жену и детей. Затем мы приступили к выяснению специальностей, точнее, рода своей деятельности. Сначала я нарисовал ему атом с вращающимися электронами. Но то ли картинка получилась не слишком удачной, то ли попутчик был совершенно далек от физики, во всяком случае, на лице его не отразилось никакой ассоциации. Тогда я нарисовал гриб атомного взрыва. Этот символ он понял сразу, и уважение его ко мне многократно возросло.

Мне тоже пришлось попотеть над разгадкой его профессии. Он как бы что-то мял в руках, потом соединял и выравнивал. В конце концов, я заключил, что он скульптор по глине. Потом эта догадка полностью подтвердилась. Более того, он оказался человеком весьма знаменитым. Его фамилия – Тоширо – в Японии широко известна.

В Москве перед отъездом я среди прочих сувениров купил альбом о народном прикладном творчестве, в котором в изобилии были представлены свистульки, глиняные коровы и другие незатейливые поделки. Я решил показать книгу своему новому знакомому. Интерес японца к коровам оказался невероятным. Он тут же начал перерисовывать их себе в блокнот. Все это время во мне шла внутренняя борьба – подарить попутчику понравившуюся книгу или нет? С одной стороны, подарить было бы красиво и по-нашему. С другой – с подарками

у меня уже возникла серьезная напряженность из-за невероятного японского гостеприимства. В конце концов, я решил все же продемонстрировать широту русской души и передать альбом в безвозмездное пользование.

Объяснить суть принятого решения оказалось еще труднее, чем его принять. К тому же японец, видимо, никак не мог поверить в обрушившееся на него счастье. Тогда я пошел на крайнюю меру – расстегнул на нем пиджак, засунул под него книгу и опять застегнул. Японец на время окаменел, а потом пришел в крайне возбужденное состояние от переполнявшего его чувства глубокой благодарности. Было видно, что за всю жизнь он не получал более желанного и неожиданного подарка. Я же был горд как за свой красивый поступок, так и за весь наш трудолюбивый, талантливый и великодушный народ. Перед расставанием мы обменялись адресами, жестами пообещали друг другу поддерживать связи и тепло обнялись.

Следующая встреча с японцем произошла гораздо раньше, чем я мог предположить. Вечером того же дня у меня в номере раздался телефонный звонок, и на языке, отдаленно напоминающем английский, мне сообщили, что за мной приехали и ждут в холле. Это был скульптор со всей своей семьей. Его сын немного знал по-английски, это он и звонил. Я не стал ни о чем спрашивать, так как ни понять, ни тем более ответить он явно не мог. По лицам моих новых друзей было ясно, что меня ожидает что-то приятное, и я решил довериться судьбе.

Мы загрузились в шикарную машину и поехали в неизвестность. Это был целый круиз по крупнейшим отелям. В каждом из них имелись разнообразные украшения, автором которых был мой друг. В одних случаях работы представляли собой целые стены, украшенные причудливым рисунком из керамической плитки, в других – скульптуры, фонтаны и изделия более мелких художественных форм.

Наконец в последней, самой шикарной гостинице «Нью-Утаж» мы поднялись на самый верх в ресторан с прекрасным видом на ночной город, где был устроен торжественный ужин. Еду я даже не стану описывать, замечу только, что все предыдущие банкеты просто померкли по сравнению с этим. Изобилие и разнообразие блюд было столь велико, что казалось, нам не удастся съесть и половины, но качество пищи было еще выше, чем ее великолепный внешний вид, что и определило нашу победу.

После завершения ужина наступил особо торжественный момент. Я понял, что меня ожидает подарок. Скульптор достал сравнительно небольшую красиво упакованную коробочку

и принялся ее разворачивать. Его жена подставила руки, чтобы вещь случайно не упала. Мне стало совершенно ясно, что я не ошибся ни когда отказался менять билеты зеленого класса, ни когда дарил книгу с глиняными коровами.

Под бумагой оказался чудесный высокий ящичек из сандалового дерева, а в нем… глиняная чашка. Скорее даже стакан без ручки. Было видно, что это ручная работа, так как стакан был довольно неровным, хотя и неплохо стоял.

Радость моя, признаюсь, несколько поубавилась, но виду я не подал, рассыпался в благодарностях и восхищении от подарка. Настроение после приятной прогулки, великолепного ужина с изысканным французским вином было отличное, и я пригласил всех к себе в гостиницу, чтобы угостить русской водкой. Все было замечательно, вот только разговор никак не клеился. На счастье, я вспомнил о русско-японском разговорнике, что прихватил из Москвы. Пользы от него до сих пор не было никакой, так как издан он был военно-морским ведомством и касался в основной своей части вопросов швартовки судов и построения на палубе личного состава.

Японские фразы были написаны в разговорнике одновременно иероглифами и русскими буквами. Я стал зачитывать их подряд, а моим друзьям предстояло угадать выраженную мысль. Как я ни старался, понять они ничего не могли. Приходилось показывать им японский текст. Прочитав его, они просто покатывались со смеху от моего произношения, хотя мне казалось, оно вполне соответствовало тому, как произносили они сами. Игра так захватила японцев, что расстались мы только глубоко за полночь, убедившись в исключительной полезности разговорника, который я и подарил им на память.

Вернувшись в Москву, я первым делом скупил все книги о глиняных скульптурах и послал их в Японию, а подаренную чашку вместе с ящичком, несмотря на скептическое отношение родственников, поставил на самое видное место в серванте.

Примерно через год в Москву приехал И. Исибаси и, естественно, пришел к нам в гости. Чашку он заметил сразу и, прочитав бумаги из сандалового ящичка, стал интересоваться, где я раздобыл эту вещь. Я напомнил ему о несостоявшемся обмене билетов, коротко изложил историю получения подарка и в свою очередь поинтересовался его ценностью. Исибаси сказал, что чашка дороже всего остального, что есть у меня в доме, но при этом честно признался, что не сможет мне объяснить основания столь высокой оценки. Видимо, у японцев на глиняные чашки свой взгляд. Понял я только, что мой скульптор на родине

большой авторитет и дружбой с ним я могу гордиться. С тех пор я храню чашку особенно бережно как достояние японского народа и его древней, пока не вполне понятной мне культуры.

Закончилось мое путешествие в Японию на ее крайнем севере, в городе Саппоро на острове Хоккайдо. Попал я туда под самый конец всемирно известного снежного фестиваля. В центре города все было застроено ледяными замками, драконами и другими скульптурами. Несмотря на свои огромные размеры, все они были сделаны с удивительным изяществом и точностью. Вечером скульптуры искусно подсвечивались и выглядели еще более удивительно и таинственно, чем днем.

Через неделю вся эта красота начала таять, и ее порушили. В одно мгновение произведения искусства превратились в бесформенные груды льда. Видеть это было как-то очень грустно. Печалил не сам факт разрушения, а какое-то более глубокое философское чувство осознания хрупкости окружающего мира, в котором созидание требует больших творческих усилий, а разрушение столь примитивно в своей простоте.

Научная часть программы в Саппоро сложилась весьма удачно. В университете меня приняли с большим уважением и даже выделили для работы отдельный кабинет. Первую половину дня я ходил по лабораториям, а вторую проводил у себя или в библиотеке.

Все помещения в университете отапливаются только днем. Ночью батареи отключают, но зато днем топят так, что приходится открывать окна. Однажды я забыл их закрыть и вспомнил об этом упущении только поздно вечером в гостинице. Вернувшись в университет, я, к своему немалому удивлению, обнаружил там множество людей, в том числе и студентов. Оказывается, многие ночуют прямо в лабораториях, где для этого оборудованы специальные комнаты с двухъярусными кроватями. Для студентов это очень удобно и выгодно, ибо жилье и транспорт в Японии стоят чрезвычайно дорого.

Мой доклад в Саппоро собрал рекордное число слушателей, что связано было не столько с его темой, сколько с тем, что гости из России здесь были редкостью. После доклада было много вопросов. Впервые в жизни выступление на английском языке было для меня не только не трудным, но даже приятным. Сказался, во-первых, накопленный мною опыт, а во-вторых, тот факт, что ученые в Саппоро владеют заграничным языком не так активно, как, например, в Токио, что придает докладчику дополнительную уверенность и раскрепощенность.

После доклада в лаборатории была организована небольшая пирушка. У меня сохранился неприкосновенный запас: бутылка армянского коньяка и банка шпрот – все это оказалось как нельзя более кстати. Коньяк всем очень понравился, и особенно пригласившему меня профессору. Он пытался даже припрятать полбутылки, мотивируя это тем, что, кроме него, никто все равно не сможет оценить по достоинству такой замечательный напиток.

Не меньшее впечатление произвели и шпроты. Как выяснилось, мои приятели-японцы – лучшие знатоки рыбы в мире – никогда их не пробовали, а попробовав, пришли в полный восторг.

Гвоздем же программы оказались привезенные мною папиросы. Вот уж не думал, что и это для них диковинка, которую неизвестно каким концом брать в рот. Когда же я им показал, как надо папиросу смять гармошкой, чтобы удобно было ее лихо двигать языком, то даже некурящие не смогли отказать себе в удовольствии это попробовать.

Обстановка становилась все более душевной, в результате запасенное саке, к глубокому разочарованию всех собравшихся, кончилось в самый неподходящий момент. Вспомнив фиановскую практику, я поинтересовался, есть ли в лаборатории спирт. Оказалось, что есть, и притом много.

– Так в чем же дело? – спросил я.

По недоуменным лицам японцев было понятно, что они совершенно девственны в этом вопросе и не знают, что из спирта очень простым способом можно приготовить напиток, вполне способный решить возникшую проблему. Это поразившее меня открытие, видимо, столь явно отразилось на моем лице, что профессор, спасая честь нации, признался, что владеет данным секретом. На доске он нарисовал сосуд и открыл своим ученикам тонкости технологии, согласно которым в сосуд следует сначала налить спирт, а потом более тяжелую воду. Пропорцию, как выяснилось, он тоже знал. Изображенный им опыт немедленно был воспроизведен, и после апробации его результатов сотрудники лаборатории что-то долго возбужденно выговаривали своему наставнику.

Вечер завершился замечательно. Я пригласил всех в Москву, и все как один обещали приехать. Приехал, правда, только один, но зато самый ценный – профессор М. Токунага. Он нам сильно помог в интерпретации наших результатов и активно способствовал их признанию.

Токунага к тому же оказался очень открытым и душевным человеком. Он познакомил меня с японскими традициями и народным искусством, обучил национальным настольным

играм, которые при схожести названий с нашими в корне отличаются от них по сути.

Во время моего пребывания в Саппоро начались матчи за звание чемпиона мира по шахматам. Особенно волнующим тогда был поединок В. Корчного с Т. Петросяном. Однажды я поинтересовался у Токунаги его ходом. Он не сразу понял, о чем я говорю. Чтобы как-то подойти к теме, я поинтересовался: знает ли он Фишера.

– Да, – оживился Токунага, – мне нравятся его работы по фазовым переходам.

Вот и поговорили!

Выяснилось, что шахматные баталии здесь мало кого волнуют. Шахматы у них свои. Доска имеет 9 на 8 полей, фигуры двухсторонние, и в процессе игры их иногда можно переворачивать. Съеденные фигуры соперника можно потом использовать как свои. Уже только по этой игре, распространенной здесь повсеместно, видно, что Япония на протяжении многих веков была изолирована от остального мира и поэтому создала свою самобытную культуру и философию жизни.

Так совпало, что в один из дней моего пребывания в Саппоро после чемпионата мира приехали с показательными выступлениями фигуристы. Год этот был особенно удачным для наших спортсменов, и поэтому нашему консульству выделили столько билетов, что даже я получил приглашение.

Программа была замечательная и доставила всем большое удовольствие. В конце вместе с хорошо организованной консульской группой я впервые в своей жизни проник за кулисы в тот самый момент, когда все спортсмены выехали на лед проститься со зрителями. Мы стояли там, где кончается зона видимости телевизионных камер, а с ней и кураж спортсменов. Именно здесь лучезарная улыбка сменяется гримасой усталости, а вытянутое в струнку тело вдруг неряшливо обвисает. Трансформация эта занимает буквально доли секунды. Сверкающие задором кумиры публики превращаются в утомленных и измученных людей с больными коленками и разбитыми локтями.

Первыми вернулись со льда И. Роднина и А. Зайцев. Наши женщины кинулись их приветствовать так активно, что те от неожиданности встречи с соотечественниками в этом дальнем краю просто оторопели. Я стоял несколько поодаль, наблюдая происходящее, и тем самым настолько отличался от остальных, что И. Роднина обратилась за разъяснениями, откуда мы взялись, именно ко мне. Я ответил, что эти люди из консульства, а я

человек случайный. Удивленная, она остановилась, так что я смог рассмотреть ее вблизи.

– Как это можно оказаться в Саппоро случайно?

Чтобы не разочаровывать ее, я слегка повел глазами и загадочно улыбнулся. Нужный эффект был достигнут. В дальнейшей суматохе примерно по этой же методике я умудрился взять автограф на программке у любимицы жены – И. Моисеевой, чуть не перепутав ее сначала с Н. Линичук.

Из тренеров я сразу узнал Е. Чайковскую и Т. Тарасову. Первая была сдержанная и утомленная, а вторая – единственная во всей этой сутолоке веселая и общительная. Она раздавала всем нашим женщинам цветы и выглядела почти беззаботно.

Для меня эта встреча за кулисами оказалась более памятна, чем сама программа. Впервые удалось почувствовать, какое напряжение стоит за легкостью пятиминутного выступления фигуриста. Но при этом возникло чувство неловкости и даже стыда, как будто я подсмотрел в замочную скважину то, что ни при каких обстоятельствах не должны видеть зрители.

В Саппоро есть небольшой русский ресторан «Анна», в который японцы меня решили сводить на прощание. Убранство ресторана включает множество вещей, привезенных из России. Тут и самовар, и картины, расписные полотенца, подносы и, конечно, матрешки. Негромко звучат русские песни, некоторые в исполнении Ф. Шаляпина. В разговоре обнаружилось, что японцы считают, будто «Катюша» связана с романом Л. Толстого.

Угощение началось с шашлыка. Вдобавок к нему подали печенную в мундире картошку и почему-то сосиску. Затем последовал салат с рыбой и сало, в заключение принесли борщ с пирожками. Стоило мне только усомниться в правильности чередования блюд, как японцы тут же вызвали хозяина, чтобы он получил от меня указания. Хозяин был весь внимание, охотно кивал головой, но я уверен, что все у них и дальше будет по-прежнему.

Наибольшее удивление у сопровождавших меня вызвало сало. Оно для них было таким же диковинным, как для меня в свое время маленький краб. Чтобы развеять сомнения, я съел пару кусочков, после чего отважились и остальные. Оставшееся на тарелке японцы поделили между собой, чтобы угостить родственников. В своих ресторанах, в отличие от американцев, они этого обычно не делают.

Почти все принимавшие меня профессора приглашали к себе в гости, что опять же выгодно отличает их от западных европейцев. В большинстве своем они живут в небольших

домишках с полом, покрытым татами, почти без мебели, но зато с огромными телевизорами и высококлассными музыкальными системами.

Жены «традиционных» профессоров за стол с гостями не садятся, а лишь изредка по приглашению мужа могут подойти, чтобы выпить рюмочку саке.

Жизненный уклад ученых, поработавших за границей, уже совсем иной. В их доме сидишь не на полу, а в удобном кресле за столом, ешь вилкой. Но самое разительное отличие состоит в поведении жен. В некоторых домах они взяли власть, и теперь уже муж бегает на кухню. В общем, ясно, что Японии, к сожалению, не сохранить свою самобытность в нашем подвижном мире.

В Саппоро, завершив научную программу, я выкроил специальный день, чтобы купить подарки родственникам и друзьям. Самым трудным оказалось выполнить просьбу жены привезти ей что-нибудь нарядное из одежды. В Саппоро продавцы в магазинах по-английски не говорят, и, чтобы упростить процедуру общения, я нарисовал на бумажке сильно стилизованное изображение жены с указанием основных размеров. Рисунок удался не сразу. Первые варианты были недостаточно забавны, и только с третьего раза получилось смешно и убедительно. Лицо я сделал очень строгим, как у японского самурая, чтобы продавцы понимали всю лежащую на них и на мне ответственность.

Картинка действовала безотказно. Получив ее, продавщицы обычно сначала, собравшись в кучку, смеялись, а затем обслуживали меня с большим пониманием и сочувствием.

Денег у меня было много, и за день я накупил всякого добра целый чемодан. Вместе с подарками, полученными от гостеприимных японцев, вес моих вещей зашкалил далеко за пределы двадцати килограммов, разрешенных к перевозке «Аэрофлотом». А в Токио я собирался купить еще магнитофон. Помочь в этом мне взялся один из сотрудников нашего посольства. На Акихабаре, куда мы с ним приехали, предложений было так много, что я растерялся и готов был уже отказаться от покупки. Почувствовав это, мой наставник распорядился моими финансами сам. Его выбор пал на магнитолу с двумя отдельными колонками. Мои сомнения относительно трудностей в аэропорту были отвергнуты на том основании, что еще ни один русский не остался в Токио из-за излишнего веса багажа. Магнитофон в магазине нам не выдали, а обещали привезти в гостиницу.

На этот раз номер у меня был совсем маленький. Во время

путешествия я заметил, что номера мне заказывают в зависимости от срока проживания. Чем больше срок, тем комфортабельнее и номер. Сейчас в Токио мне предстояло пробыть всего два дня, поэтому номер напоминал узкую кладовку с кроватью и подвешенным над ней телевизором.

Ящик с магнитофоном грузчикам каким-то образом удалось протиснуть в комнату, но даже встать рядом с ним было уже невозможно. Проклиная себя за безответственное соглашательство, я просочился на кровать и долго не мог заснуть, представляя себя в аэропорту с чемоданом, огромной сумкой и ящиком невероятных размеров.

Утром ситуация еще усугубилась. Молодой друг Волкова Хосокава принес два компьютера – один в подарок Саше, второй – мне. Человек он исключительно душевный и одним компьютером для Саши ограничиться не мог. Тут уж я встал насмерть, приняв после долгих уговоров и переговоров только один ящик.

Я много раз отмечал для себя, что ожидаемые и как бы пережитые заранее неприятности обычно не происходят вовсе или происходят в ослабленном виде. Так случилось и в аэропорту. Мне предложили доплатить за багаж какую-то невероятно большую сумму, но, когда убедились, что денег у меня нет, посадили так.

Два месяца пребывания в Японии – это совершенно особые странички в календаре моей жизни. Я как губка впитал в себя такой объем впечатлений и научной информации, какой в Москве не получил бы и за годы. Научные контакты с японскими учеными оказались исключительно прочными и полезными. Даже сейчас, спустя двадцать лет, они не угасли.

Английский язык до этого я учил в школе, университете, аспирантуре, на специальных разговорных курсах, но говорить и понимать почти ничего не мог. Здесь же за два месяца все радикально изменилось. Я не узнал ни одного нового слова и ничего не открыл для себя в грамматике, но произошло большее – я научился понимать слитную речь и заговорил: английский язык стал необходимым и поэтому значительно более родным.

Интерес к России у японцев большой и неподдельный. Мы для них совершенно иной и во многом противоположный мир с огромными не заселенными просторами, богатейшими природными ресурсами, суровым климатом, богатырской удалью мужиков и необыкновенной красотой женщин. Многие из наших соотечественников, знакомые с Японией лишь по красочным календарям, считают, что это страна самых изящных и красивых девушек. Японские мужчины придерживаются прямо

противоположного мнения.

Однажды в Москве наш японский гость, увидев в цирке кордебалет, пришел в такое возбуждение, что отщелкал все свои запасенные фотопленки, опомнившись, только когда остался последний кадр. Этот кадр он долго берег, и под конец мы сняли его вместе с А. Прохоровым в кабинете на фоне развернутого специально для этого случая переходящего Красного знамени, полученного за победу в социалистическом соревновании.

Многие японцы перед поездкой к нам специально учат русский язык. Один профессор признался мне, что больше всего в занятиях нашим языком ему нравится наша дикторша, ведущая по телевизору уроки. Так красота наших женщин становится стратегическим фактором укрепления русско-японских отношений.

Во взаимоотношениях с японцами весьма большое значение имеет обмен сувенирами и подарками. Бывая в некоторых домах по несколько раз, я всегда поражался, как бережно они относятся к памяти о прежних встречах. Все мои сувениры обязательно выставлены на видном месте, причем в самом выгодном свете.

Первое время мы не всегда покупали нашим японским друзьям подходящие подарки, считая, что чем подарок крупнее, тем он и лучше. Помню, на конференции в Ленинграде одному нашему приятелю мы купили большое деревянное панно с изображением парусника. Подарок усугубили еще и процедурой вручения. Мы пригласили японского друга в наш номер, предварительно повесив панно на стену. По ходу разговора я поинтересовался, нравится ли ему парусник. Понятное дело, японец сказал, что панно великолепно и очень ему нравится. Тогда я снял его с гвоздя и подарил, что называется, от всего сердца. Японец просто не знал, куда деваться. Во-первых, он боялся, что его тут же арестует КГБ за то, что он взял казенную вещь, а во-вторых, это произведение искусства не помещалось в чемодан, из-за чего у него была масса мороки. Но как-то все обошлось, и в конце концов этот случай тоже вошел в число забавных приятных воспоминаний. Собственно, неприятных впечатлений от встреч с японцами у нас никогда и не было, в отличие от некоторых других иноземцев.

После первой поездки в Японии я бывал еще несколько раз и всегда с большой пользой и удовольствием, но ни одна из этих поездок не стоит перед глазами так отчетливо, как первая. От остальных сохранились лишь наиболее яркие эпизоды с расплывчатыми деталями и датами встреч. Что же касается первых впечатлений, то их яркость и отчетливость не теряются с годами: я помню даже лица всех, с кем довелось встречаться.

Глава тринадцатая
Путевые заметки

Поездки в другие страны, все без исключения, для меня тоже были интересными и полезными в научном плане. Хорошие знакомые появлялись повсеместно, но практически нигде они не становились друзьями, встречи с которыми волнительны. В силу этого остановлюсь только на некоторых наиболее примечательных, с моей точки зрения, эпизодах этих поездок.

Одна из самых красивых стран – это, безусловно, Италия. Чудесное побережье, горы, субтропическая растительность и дивные памятники истории человечества. Древний Рим великолепен, но на меня не меньшее впечатление произвела Флоренция и небольшие города типа Сиены. В Риме больше всего запомнился Колизей, я на него так засмотрелся, что подвергся нападению цыган. Особенность ситуации состояла в том, что перед самой поездкой я умудрился простудить правое плечо и сустав воспалился настолько, что правой рукой я практически не владел. Нападение произошло буквально у всех на глазах. В момент меня окружила цыганская детвора и стала просить деньги. Я не успел даже среагировать на них, как они дружно повисли у меня на руках, а шустрая девчонка лет двенадцати уже залезла ко мне во внутренний карман пиджака. Исчезла вся эта ватага так же мгновенно, как и появилась.

Ограбление не состоялось только потому, что бумажник с паспортом и деньгами я положил в правый карман, поскольку

мог пользоваться исключительно левой рукой. Я уже не раз отмечал, что горести имеют и свою положительную сторону; так произошло и на этот раз.

Поездки в чужие страны иной раз приводят к очень интересным встречам с соотечественниками. Так случилось, к примеру, на моем пути в Германию. Из Москвы я решил ехать поездом с тем, чтобы провести день в Праге со своими друзьями-коллегами. Вечером они сопроводили меня на вокзал. В купе, куда они меня определили, уже лежали чьи-то чемоданы. Перед самым отходом поезда появился и их хозяин. Им оказался Б. Окуджава. Разговор завязался тут же. Он глубоко уважал физиков, и мы без труда нашли общих знакомых. Булат Шалвович оказался очень интересным собеседником и нашел во мне благодарного слушателя. Мы так разговорились, что не заметили, как появился контролер.

Билеты Окуджавы и еще одного попутчика особенного интереса у него не вызвали, а мой билет ему явно не понравился, и он что-то стал объяснять мне по-чешски. Я, со своей стороны, убеждал его по-русски, что билет у меня замечательный, а его претензии мне не понятны. Контролер оказался, однако, довольно настырным, и наш бесполезный разговор продолжился еще какое-то время, пока третий пассажир, а это был чех, неплохо знавший русский, не объяснил, что билет мой второго класса, а это купе первого класса. В силу чего мне предстоит либо доплатить, либо пересесть в другое купе. Я и не подозревал до этого, что в одном вагоне могут быть купе разных классов. Ситуация меня озадачила, но ненадолго, так как Окуджава, поняв, в чем суть проблемы, спокойно достал из кармана второй билет и протянул его контролеру. Лицо последнего наполнилось изумлением, какого на нем не бывало, вероятно, с детства. Осмотрев билет со всех сторон, он вынужден был его принять и ретироваться.

Теперь уже настала моя очередь удивиться появлению второго билета. Все оказалось просто. Булат Шалвович в опасении неприятных попутчиков купил в Москве два билета. Теперь этот билет с теплым посвящением я храню среди своих особенно ценных реликвий. Ночь в поезде мы провели без сна. На примере жизни этого удивительного человека за одну ночь я узнал больше правды об истории нашей страны, чем за все предшествующее время ее изучения.

С предвкушением особой полезности и значимости я готовился к своей первой поездке в Париж, может быть, поэтому, как я уже отмечал, тут меня ждало скорее разочарование, чем восхищение. Во-первых, стояла промозглая зима. Во-вторых, в это время начались волнения в Польше, и Запад боялся, что мы

и там попытаемся навести порядок. Отношение официальных структур в Париже было ко мне, мягко говоря, прохладным. Они нарочно срывали мою программу, создавая нелепые проблемы, чтобы продемонстрировать свою жесткую политическую позицию по отношению к польским событиям. Сначала мне было объявлено, что о моем приезде у них не было никакой информации и для меня не заказан даже отель. Затем хамски был сорван мой визит в Новый Орлеан. Точнее, он состоялся, но весьма необычно. На перроне меня встретили коллеги из института, куда я направлялся, и сразу сообщили, что им запретили меня принимать. Это мне напомнило сцену из мультфильма с почтальоном Печкиным, который посылку приносил, но ее не вручал. Вместо научной программы мне предложили сходить в ресторан.

Я было отказался, но они упорствовали, и пришлось согласиться. После исполненного явно по указке политического протеста дальнейшее общение проходило вполне добросердечно. Стремление заполучить меня на обед объяснялось просто – они были не прочь выпить и закусить за счет института, поэтому встречали меня всей лабораторией. Впрочем, сотрудники эти практически не запомнились, а вот ресторан я не забуду.

Еда была изысканной и многообразной, вина высочайшей пробы. Сидели мы долго и обсудили все научные и политические проблемы. Когда дело подошло, как мне казалось, к завершению, к столу подкатили огромную этажерку в несколько полок, заполненную множеством сыров. Все сыры были разными. Я уже наелся, что называется, до отвала, однако интерес к дегустации невиданных прежде продуктов взял верх. Но и это был еще не конец. Вслед за сырами подкатили такую же этажерку с тортами и пирожными. Я уже смотреть не мог на всю эту красоту, а французы уминали за милую душу. Видимо, в Орлеан не часто наведываются иностранные визитеры.

Несмотря на фантастический обед, осадок от поездки в Орлеан остался неприятный. Меня пытались унизить как представителя страны.

Короче, не все мне понравилось в Париже в тот раз. Его красота открылась для меня в полной мере только в последующих поездках, когда удалось побродить по улицам, набережным Сены, паркам, кладбищам, заглянуть в магазины и рестораны. Дома в Париже красивы все без исключения. Маленькие балкончики с витыми металлическими решетками, уютные мансарды и многоскатные крыши придают каждому зданию изысканность и изящество. Особенно красивы круглые площади с выходящими на них многочисленными улицами.

Красочные кафе и магазины дополняют уют и неповторимое очарование города.

Пожалуй, лишь чуть-чуть уступит Парижу в своем великолепии Лондон. Англию я посетил уже после двух десятков других стран, и мой наметанный глаз сразу отметил, что это особая страна с очень высоким чувством собственного достоинства. Здесь даже на улицах англичане и приезжие ведут себя иначе, более сдержанно и предупредительно.

Все мы наслышаны о чопорности и церемонности англичан. Мой опыт говорит скорее об обратном. Сложилось так, что несколько дней нам с коллегой довелось прожить в семье пригласившего нас профессора. Кирпичный двухэтажный дом его, как и положено, зажат между похожими собратьями. За домом крошечный дворик с газоном. В семье трое детей: два парня и девочка.

Наше появление, как потом выяснилось, вызывало интерес далеко за пределами семьи. Все соседи обсуждали это событие. Хозяйка сначала чувствовала себя явно напряженно. Первыми с нами освоились дети, а через пару часов нас, как старых знакомых, принимала уже вся семья, включая пса.

Жизнь в доме организована на удивление просто и без всяких изысков. Поселили нас в маленькой комнате, принадлежавшей дочке. Все здесь, включая мебель и беспорядок, точно такое же, как и в наших квартирах. Так же, как у и нас, текут краны и засоряется канализация. Кухня служит одновременно и столовой, никаких церемоний с завтраком, обедом или ужином нет и в помине.

Наши незатейливые подарки вызвали в семье большой интерес, их даже показывали соседям. Слухи о том, что английские семьи живут очень обособленно, как мы убедились, сильно преувеличены.

Особый разговор – Америка. Это страна, уверенная в своем лидерстве. Страна небоскребов и высочайшей науки, богатейших людей и музеев, великолепных дорог и автомобилей, страна удивительного природного разнообразия. Про нее нельзя писать мимоходом и вскользь. В силу этого остановлюсь только на одном весьма волнительном для меня событии, имевшем место в США.

В 1995 году в Лос-Анджелесе меня угораздило попасть в землетрясение силой 6,5 балла. Немного потряхивало уже сразу, как я приехал. Заметные колебания ощущались в день по нескольку раз, и народ к ним вроде бы как и привык. Я тоже воспринял это как должное.

Жил я в небольшой старенькой трехэтажной гостинице

недалеко от Калифорнийского университета в номере на втором этаже. Землетрясение случилось уже на вторую ночь. В четыре тридцать утра из глубины Земли вырвался жуткий по своей угрожающей силе рев, за которым последовала вибрация такой мощи, что стены мгновенно потрескались, а перекрытия заходили, как говорится, ходуном. Грохот, стук и скрежет продолжались меньше минуты, потом все стихло, чтобы сразу же возобновиться вновь, но уже с меньшей мощью.

Естественно, проснулся я мгновенно и сразу понял, что происходит. По правилам безопасности следовало немедленно покинуть дом или занять место в дверном проеме капитальной стены. Но ни того, ни другого я делать почему-то не стал, а, доверившись судьбе, остался в кровати. Ни страх, ни ужас меня, на удивление, не охватили. Чувство бессилия противостоять разбушевавшейся стихии парализовало и силы, и страх. От каждого следующего толчка гостиница могла развалиться как карточный домик.

Через несколько мучительно долгих минут толчки и вибрации ушли обратно куда-то в глубь Земли и затихли. Теперь главным звуком, наполнявшим город, был разноголосый, бешеный и одновременно жалобный визг и свист сигнализаций тысяч машин, повсеместно стоящих на улицах. Звук этот был как-то особенно неприятен и трагичен. Но и он постепенно затих. Стала слышна суета обитателей гостиницы.

Разрушения в гостинице оказались по своему масштабу значительно меньшими, чем можно было ожидать. В номере не требовалось даже срочного ремонта. Все швы между плитами на потолке только обозначились узкими трещинами, и это притом, что перекрытия подпрыгивали, лязгали и стучали, как зубы у продрогшего человека. Мебель не завалилась, но с полок все попадало и частично разбилось. Со стены упала картина. Пол и мебель были покрыты слоем побелки и песка. Вот, собственно, и все последствия землетрясения, казавшегося несколько минут назад концом света.

Как только рассвело, я поспешил осмотреть город. По моим представлениям, основанным на амплитуде колебаний второго этажа гостиницы, все высотные дома должны были превратиться в руины. Но ничего подобного не случилось, ни одна высотка не только не завалилась, но внешне вроде бы и не пострадала. Замечу здесь, что, в отличие от Нью-Йорка или Чикаго, стоэтажных домов в Лос-Анджелесе нет, но двадцати– и тридцатиэтажные билдинги имеются.

Заметнее всего от землетрясения пострадали магазины. Все крупные витрины разбились, так что войти в любой магазин

можно было прямо через окно. Товары попадали с полок, и многое поломалось. Недалеко от гостиницы был магазин, торговавший китайскими вазами размером от крошечных до гигантских двухметровых. Теперь хозяева перебирали черепки в надежде найти хотя бы что-нибудь уцелевшее.

Особый интерес у меня вызывал художественный салон, в котором накануне я присмотрел пару альбомов, но покупку в силу высокой их стоимости отложил, чтобы утвердиться в своем намерении. Теперь, в условиях опасности утраты, мне захотелось иметь их настолько сильно, что, ругая себя за вчерашнюю нерешительность, я поспешил удостовериться, что магазин цел. Пришел я первым, ни хозяев, ни служащих еще не было. Как и повсюду, витрины разбиты, а внутри полный бедлам. Стало ясно, что «плакали» мои книги, ибо разборки здесь не на один день.

Город тем временем оживал. Появились аварийные машины по ремонту электрических, водопроводных и газовых сетей. Работы для них было много. Часть столбов попадала, а на улицах прямо сквозь асфальт тут и там били появившиеся ночью родники.

Большие промтоварные магазины свое открытие задержали, что, впрочем, мало кого расстроило, а вот у закрытых продовольственных супермаркетов народ толпился в недоумении и растерянности. Однако закрыты они были совсем недолго. В один из них, только что открывшийся, я зашел. Разобраны были лишь главные проходы, товар валялся преимущественно на полу, где его и отыскивали покупатели.

Через несколько часов, возвращаясь в отель, я снова прошел мимо художественного салона. Внутри продавцы неторопливо разбирали поваленные вещи. Я поинтересовался без особой надежды, когда магазин откроется. Мне сказали, что он уже открыт, и пригласили внутрь. Пробравшись с трудом на второй этаж, я довольно быстро отыскал свои альбомы. Поскольку я был первым и, вероятно, единственным в этот необычный день покупателем, обслужили меня как самого желанного гостя и даже угостили шоколадом.

Университет пострадал от землетрясения довольно сильно. Кирпичные стены нескольких факультетов дали трещины, и их пришлось капитально ремонтировать. Химический и биологический факультеты были вообще оцеплены, и к ним никого не подпускали. Люди в специальных скафандрах что-то вытаскивали из помещений и паковали в пластмассовые бочки.

На физическом факультете никаких особых мер безопасности не предпринималось. В офисе моего профессора все было вверх дном. Секретарь попыталась было навести порядок, но хозяин ее

остановил, желая сначала все заснять на видеокамеру. Беспорядок сохранялся несколько дней. Все слонялись из комнаты в комнату, сравнивая величину погрома. Каждый с какой-то особой гордостью доказывал, что у него тряхнуло сильнее, чем у других.

Землетрясение вообще как-то оживило американцев. Особенно встрепенулись газеты и телевидение, они теперь писали и говорили о случившемся с утра до ночи, явно переживая, что размер бедствия оказался не слишком большим. Жертв было совсем мало. Все строения в Лос-Анджелесе при проектировании были рассчитаны на землетрясение в семь баллов, и расчет оказался точным: при шести с половиной баллах они устояли. Разрушился мост на одном хайвее, да пара небольших домов сползла со склона горы. Если бы так тряхнуло где-нибудь у нас, то хоронить пришлось бы полгорода.

Через два дня, когда я улетал из Лос-Анджелеса, жизнь почти вошла в нормальную колею. О землетрясении напоминали разве что часы на башне, остановившиеся в половине пятого, хотя разговоров американцам хватило еще очень надолго.

В Европе и Америке для россиянина много удивительного как в окружающей действительности, так и нравах людей. Так, ни в городе, ни в деревне вообще нет вытоптанной земли – или чистый асфальт, или газон. Потому пыли мало. Чужую собственность уважают не меньше, чем свою. Сообщить о правонарушении или подозрительном деянии у них считается гражданским долгом, а не стукачеством. Полиции на улицах практически не видно (Нью-Йорк – исключение), но она тут же появляется, когда в этом возникает необходимость.

В небольшой немецкой гостинице мне дали номер с окнами на железную дорогу. Я не обрадовался, но спорить не стал, так как дорога была местного значения с малым движением. Первый поезд стал для меня полной неожиданностью, поскольку, появившись безо всякого шума, проплыл перед окнами как в немом кино. Я даже забеспокоился относительно своего слуха. Оказалось, что у них и железнодорожным составам шуметь не принято. Даже вагоны метро делают бесшумными – на резиновых колесах. У нас же пассажиры на станции слышат состав задолго до его появления, что помогает мобилизоваться для посадки, а те, что внутри, благодаря характерному скрипу и лязгу тормозов могут заранее приготовиться к выходу. Отличие и в том, что о прекращении посадки у нас объявляют не перед самым ее окончанием, а заблаговременно, когда народ еще даже не весь вышел из вагона. Это не только ускоряет посадку-высадку, но и развивает ловкость.

Иначе у них и с контролерами. Раз в той же Германии я сел в трамвай, купил у водителя билет и только расслабился, как явился контролер и потребовал с меня штраф, так как оказалось, что билет нужно было еще и закомпостировать. Штраф был настолько сумасшедший, что я бы не заплатил его даже под страхом смерти. Но и контролер оказался настырным и на все мои вежливые объяснения, извинения и заверения только отрицательно качал головой. Ничего не оставалось, как перейти в контрнаступление.

– Откуда я мог узнать, что билет следует компостировать?

– Да это же написано при входе.

– А где по-русски? – спросил я как на допросе.

Такой чисто российский прием сломил сопротивление контролера, и он отстал, но неприятный осадок у меня все равно остался. С нашими контролерами договориться гораздо легче.

По моим впечатлениям, более всего от других увиденных стран отличается Индия. Как только выходишь из самолета, сразу попадаешь в жуткую влажную жару, которая затем преследует повсюду. Второе крайне неприятное впечатление – нищие. Они живут на каждом пустыре целыми картонными городами. На ночь многие укладываются спать прямо на улице. Оборванные и покалеченные дети просто не дают иностранцам прохода.

Параллельно с этим существует и другая, очень обеспеченная и красивая жизнь. Столь разительное неравенство вроде никого особенно и не раздражает. Главная причина столь невозмутимого отношения к действительности уходит корнями в религию, которая убеждает человека в повторяемости жизни, причем следующая жизнь будет тем лучше, чем достойнее прожита предыдущая. Отсюда и очень спокойное отношение к смерти, как к переходу в новую, более приятную жизнь. Для пущей убедительности собираются и тщательно изучаются обнаруживающиеся воспоминания людей о прежней жизни. Сейчас их накопилось уже несколько сотен.

Для приезжих самая большая опасность таится в индийской воде. Достаточно выпить глоток из-под крана, и через час переполошится весь желудочно-кишечный тракт. Более сильного слабительного человечество, по-моему, не имеет. Считается, что защититься можно с помощью виски. Пить его нужно примерно по сто граммов несколько раз в день. И это в жару и на работе!

В еде приходится быть крайне осторожным. Подорваться можно на чем угодно. Стандартная ошибка состоит в использовании с прохладительными напитками льда. Официант будет уверять вас, что он (лед) сделан из дважды кипяченой воды,

но уже через час вы убедитесь в обратном. Я был в Индии три раза и каждый раз болел, несмотря на исключительную бдительность.

Многие считают главной достопримечательностью Индии коров, спокойно бродящих по улицам города. Они действительно тут попадаются, но скорее похожи на жалкие, чем на священные существа. Бродят они в поисках пищи по помойкам и свалкам. Едят все подряд, включая газеты и мусор. В центре Дели можно встретить не только коров, но также целые стаи обезьян, сидящих на газонах и бродящих по улицам.

За городом жизненные контрасты нивелируются. Здесь все выглядят почти одинаково бедными. На дорогах всегда многолюдно и шумно. По двухрядному шоссе жизненный поток течет как минимум в четыре ряда. По самой обочине движутся грузовые верблюды. В следующем ряду – велосипедисты и рикши, грузовые и пассажирские. На грузовых рикшах и велотележках перевозят все что угодно, например длиннющий швеллер, который при поворотах перегораживает всю улицу. Но самое страшное – это рикши с моторчиком. В них набивается людей, как у нас в автобус. Точнее сказать, люди не набиваются, а прицепляются, так как большая часть просто висит со всех сторон крошечной кабины. Пассажирами могут быть и школьники в синей униформе. В этом случае экипаж похож на гроздь винограда. Со всех сторон висит никак не меньше двадцати ребятишек, как мальчиков, так и девочек. Водитель на большой скорости проныривает между машинами и верблюдами практически без всякого зазора. Загадкой для меня остается то, что рикши не разваливаются от такой нагрузки. Впрочем, это относится и к остальным средствам передвижения, таким как автобусы и грузовики. Грузовики перевозят людей вне зависимости от того, нагружены они чем-либо или нет. Сплошь и рядом можно видеть самосвалы, плотно заполненные людьми. Автобусы – это вообще отдельный разговор. Народ в них не только набит внутри и висит снаружи, но еще и целая толпа сидит на крыше, вцепившись друг в друга.

Грузовики и автобусы формируют третий ряд на дороге. Едут они со скоростью около шестидесяти километров в час. Четвертый ряд – для легковых машин и для обгона. Он является общим для обоих направлений. Фактически это разделительная полоса на дороге. Здесь скорости уже под сто километров в час.

Обгоняют друг друга решительно все, исключая разве что верблюдов. Две несущиеся по разделительной полосе навстречу друг другу машины сигналят изо всех сил, но дорогу не уступают до последнего момента. Когда попадаешь в такую ситуацию

впервые, впечатление как на американских горках, с той лишь одной разницей, что там ты знаешь, что останешься жив, а здесь уверен скорее в обратном.

Аварии на дорогах случаются, и довольно часто, но нужно отдать должное водителям, они просто виртуозы. Причем гоняют они с бешеной скоростью совсем не потому, что спешат, просто им это очень нравится. Однажды мы всей делегацией ехали на трех машинах к мавзолею Тадж-Махал. Это километров двести от Дели. Всю дорогу между нашими водителями шли гонки, от которых первое время просто захватывало дух. Потом от длительного стрессового состояния стало почти безразлично, при каком обгоне произойдет авария.

Во время остановки в пути водители, как петухи, ходили друг перед другом, вспоминая ситуации на дороге. На обратном пути при въезде в Дели мы попали в такую жуткую пробку, что два часа практически не двигались. Тут водители вели себя, я бы сказал, более спокойно, чем наши.

В общем, движение на улицах и дорогах Индии я бы назвал чудом света, более впечатляющим, чем доисторический железный столб. Тот стоит себе, ничем не примечательный, разве что не ржавеет, а здесь каждый рикша и автобус несется вопреки всем представлениям о правилах и безопасности движения, но народу в стране от этого меньше не становится.

Если же говорить серьезно, то из всех чудес света на меня самое сильное впечатление произвел Тадж-Махал. Сам город Агра, где он расположен, такой же обшарпаный, как и многие другие. Но вот ты проходишь за каменную стену, и все мгновенно преображается. Мавзолей построен в форме храма на высоком берегу реки, так что весь виден на фоне совершенно открытого неба, и кажется, что стоит он на самом краю земли. Ведущие к нему аллеи украшены бассейнами с голубой водой, в которой отражается белоснежное строение. По мере приближения мавзолей становится все крупнее и величественнее. Весь он сделан из белого мрамора, богато украшенного неглубокой резьбой, и, будучи построенным двести лет назад, выглядит совершенно как новый, нигде нет даже следов пыли, не говоря уже об обветшалости.

По-своему удивителен и Китай. Мне удалось побывать там неоднократно, первый раз – в конце восьмидесятых годов. Тогда Китай только-только начал набирать обороты новой жизни.

Пекин открылся взору широтой своих проспектов и площадей. Повсеместно прокладывались новые улицы, строились великолепные гостиницы, спортивные комплексы и жилые районы. При расширении улиц сносились ветхие старые

двухэтажные бараки, которыми город был застроен ранее. Сносились они не целиком, а только то, что мешало новому строительству. В оставшихся частях домов люди продолжали жить даже в тех случаях, когда у комнаты отсутствовала одна из стен и жизнь протекала на виду у всей улицы, как в детском кукольном домике. Уже потом в Шанхае, проходя по старому району, я понял, что проживание большой семьи в одной комнатке для прежнего Китая типично. Жизнь, не помещаясь в этом крошечном объеме, выплескивается через постоянно открытую дверь, занимая прилегающую часть улицы. Прохожие, по сути, постоянно вторгаются в частную жизнь обитателей дома, никак на нее однако не влияя.

Изменения жизни китайцев происходят так стремительно, что не все успевают к ним привыкнуть. Это хорошо видно даже во время встреч с учеными. Наша делегация жила в совершенно новом, шикарном отеле, здесь же проходила и конференция. Приехавшие из провинции китайские ученые, попав в такую обстановку, чувствовали себя очень неуверенно и даже боязливо. Простота нравов, детали которой я не стану описывать, проявлявшаяся особенно откровенно во время обедов, просто ставила нас в тупик. Некоторые наиболее впечатлительные члены нашей делегации предпочитали просто избегать этих совместных обеденных церемоний.

Наука в Китае конца прошлого века была очень неоднородна, здесь можно было встретить и первоклассные лаборатории с новейшим оборудованием, и совершенно развалившиеся приборы прошлых столетий. При этом видно, что новая жизнь наступает очень уверенно и вытесняет убожество повсеместно шаг за шагом. Во всем чувствуется системность, отсутствие суеты и реформаторского зуда.

Ученые иной раз могут проявить скептическое отношение к своему институтскому партийному лидеру, но к руководству страны – никогда. Власть авторитетна и популярна, ее замыслы известны каждому и каждым приветствуются. Студенческие волнения на площади Тяньаньмэнь с иностранцами стараются не обсуждать, но совершенно ясно, что власти и народ извлекли из них серьезный урок. Также на задний план отошли и события «культурной революции». Мне доводилось общаться с учеными, которых посылали на перевоспитание в деревню. Вспоминают они то непростое время спокойно и даже с некоторой гордостью, что смогли выстоять.

Отношение к нам было повсеместно радушное. Период братской дружбы двух великих народов пожилые китайцы помнят и чтят.

Во время последующих визитов в Китай оставалось только удивляться, как же быстро преображается страна. Об этом много сказано и написано, так что нет необходимости повторять. Замечу только, что преобразились не только города и села, заводы и институты. Преобразились сами китайцы. Серая масса ехавших сплошным потоком велосипедистов превратилась в красивых, раскрепощенных мужчин и женщин. Они жизнерадостны и неспешны. Как грандиозность новых построек пришла на смену прежней убогости, так изменился и менталитет граждан. Но, главное, в них стала чувствоваться уверенность. В одной новой телекоммуникационной фирме хозяин заявил нам, что через пару лет обгонит известнейшую американскую компанию «Лусент». И что же? Через два года они ее не только обогнали, но и разорили.

Хотелось бы иметь подобные примеры инновационного развития и в нашей стране.

Глава четырнадцатая
Партия

В семидесятые годы вступление в партию для научного сотрудника было жизненно полезным, но не простым делом. Я удостоился этой чести в 1975 году в предельном для этого шага возрасте, в 31 год. До этого пару лет я провел в партийном резерве.

В первые годы после вступления я старался не высовываться, но ни партком, ни партбюро не упускали случая дать какое-нибудь поручение. Одно из них стало для меня поворотным этапом в партийном становлении, хотя проявилось это далеко не сразу. На институтском собрании планировалось обсудить вопросы, касающиеся повышения эффективности партийной работы, и потребовалось подготовить выступление по этой теме молодого коммуниста. Выбор пал на меня.

Я отнесся к поручению очень серьезно и решил взглянуть на проблему по существу. Главный мой тезис сводился к тому, что следует отказаться от всех дел и затей, которые не приносят людям конкретной пользы, а только отвлекают от работы и подрывают тем самым авторитет институтской партийной организации. Меня как-то не смущало, что в их число попали практически все основные мероприятия парткома, как то: политсеминары, праздничные митинги, торжественные встречи гостей на улицах города и даже субботники. В качестве критерия оценки полезности мероприятий я собирался предложить

желание людей участвовать в них добровольно. Среди прочего мне казалось важным изменить стиль работы с беспартийными, отказаться от вызова их с характеристиками на партком, а вместо этого секретарю самому приходить для обсуждения характеристик в трудовой коллектив.

За два дня до собрания меня пригласил один из членов парткома, для предварительной беседы. Убедительность подобранных доводов и тщательность проработки предложений вселяли в меня волнительное предчувствие успеха (как я теперь знаю, верный предвестник неудачи). Партийный руководитель выслушал меня не перебивая. К концу моего спича воцарилось тягостное молчание. Было видно, что он был просто потрясен и не знал, как реагировать. Уверенности в успехе у меня поубавилось еще более, когда он вызвал секретаря нашей лабораторной партийной организации, а меня попросил подождать в коридоре.

Секретарем партбюро у нас тогда был А. Щербаков, сын известного партийного деятеля, человек весьма прагматичный. Выйдя из парткома, он сказал мне, что выступать на собрании мне уже не нужно, а еще посоветовал не осложнять себе жизнь и держать свои взгляды при себе. После этого интерес ко мне со стороны руководящих партийных органов совершенно пропал.

Но прошло несколько лет, сменились наши местные партийные лидеры, и меня избрали в состав партбюро лаборатории. Медленно, но верно я начал продвигаться по партийной лестнице. Приход М. Горбачева застал меня в заместителях секретаря парткома. Новые веяния были созвучны моим взглядам, и через два года на отчетно-выборном собрании я был избран секретарем парткома института. Произошло это совершенно неожиданно как для меня, так и, что более существенно, для райкома партии. Даже по тем перестроечным временам это было вызовом, и мои отношения с Октябрьским райкомом КПСС с самого начала оказались натянутыми.

Отчетно-выборную кампанию венчала конференция районной партийной организации. Делегатом на нее меня, естественно, не избрали, но гостем пригласили. Конференция проходила в Детском музыкальном театре, и было на ней больше тысячи человек. Все здание и окрестности оцепила милиция, документы проверяли на входе несколько раз. В президиуме конференции сидели три десятка известных всей стране министров, ученых, деятелей искусства и, конечно, партийных руководителей. Каждое слово выступающих было четко продумано и взвешенно. Зал не пропускал без аплодисментов ни одной значимой

патетической фразы.

Уровень организации всех заседаний был настолько высок, что все шло без сучка и задоринки. Даже при выдвижении нового состава бюро райкома никто не решился добавить к списку дополнительные кандидатуры. Тут всегда был самый деликатный момент, ибо избыток претендентов сразу вносил в процедуру выборов элемент конкуренции, в результате которой при тайном голосовании обычно выбывал из состава секретарь райкома, набрав больше всех голосов «против» как наиболее известная фигура, имевшая не только друзей, но и недругов.

Предложения «от народа» по составу счетной комиссии поручили сделать члену бюро райкома академику Ю. Осипьяну. Как мы помним, и в дальнейшем он всегда был связан с подсчетом голосов на самых ответственных государственных мероприятиях, включая Съезды народных депутатов СССР. В этот раз он вышел на трибуну, поискал список, который там должен был его ждать, и, не найдя оного, вынужден был сказать об этом, поскольку попал в безвыходное положение. По залу сразу пронесся неуставной смешок. В президиуме возникло движение, все взоры обратились на третьего секретаря райкома, ответственного за организационную работу. Тот съежился и достал из-под стола толстенную папку, в которой уже под дружный смех зала отыскал нужную бумажку.

Эта папка была яркой демонстрацией уровня партийной демократии тех лет. Все до мелочей было расписано и предопределено заранее. Налицо был крупный организационный прокол. Виновником его, однако, оказался сам Осипьян, нашедший-таки на трибуне злосчастный список, правда после того, как ему дали копию. Это, я думаю, спасло жизнь третьего секретаря и его соратников.

Партийные дела захватили меня настолько, что я стал думать о них больше, чем об основной работе. В качестве первого шага на новом посту я предложил и осуществил новую систему приема в партию, предусматривавшую обсуждение претендентов на собрании трудового коллектива с целью определения путем рейтингового голосования очередности приема. Желающих вступить в КПСС в то время было еще достаточно, и эта инициатива вызвала большой интерес. Обсуждение каждого претендента проходило открыто и бурно, а голосование дало вполне разумные результаты, которыми мы в дальнейшем и руководствовались.

Самые интересные события стали происходить по мере приближения XXVIII съезда КПСС. В стране развернулась дискуссия о роли партии в обществе и ее внутреннем устройстве.

Здесь меня уже охватил просто какой-то зуд. Научная работа, к неудовольствию коллег, отошла на второй план, все мои мысли теперь были связаны с переустройством партии и общества. Я выступил с предложением провести специальную конференцию партийных организаций АН СССР для обсуждения этих вопросов.

Секретарем вышестоящего парткома Президиума АН СССР был в тот период М. Краюшкин – милейший человек, четко придерживающийся правила не создавать себе в жизни лишних проблем. Свою идею относительно конференции я протащил на совещании партийных секретарей академических институтов в его отсутствие. Будучи поставленным перед фактом, Краюшкин попытался меня отговорить, но, убедившись в моей упертости, решил обратиться в идеологический отдел ЦК КПСС за одобрением придуманного мною неуставного мероприятия, полагая, что там все поставят на свои места.

Сам факт похода в ЦК был для меня событием чрезвычайным. До этого и в райкоме-то я бывал всего несколько раз. Встретили нас приятные деловые люди. Идея конференции не только не вызвала у них отторжения, но, напротив, к полному удивлению Краюшкина, получила активное одобрение. Они предложили нам свою поддержку в ее реализации. Чтобы не упустить момент, я тут же попросил организовать нашу агитационную поездку по научным центрам АН СССР. В помощь нам выделили инструктора ЦК Н. Арзамасцева. Это было, как быстро выяснилось, для нас исключительной удачей, ибо он оказался человеком не только деловым, но и душевным.

Краюшкин был явно озадачен таким поворотом событий и со свойственным ему юмором заметил, что дела в ЦК, видимо, совсем плохи.

Одобрение ЦК придало всему нашему проекту новый, очень высокий статус.

В агитационную группу конференции вошли трое: Краюшкин, Арзамасцев и я. Арзамасцев и Краюшкин отвечали в нашей бригаде за организацию миссии, за взаимодействие с местными партийными органами и руководством научных центров АН СССР. На меня ложилась идейная нагрузка – выступать перед народом.

Маршрут наш пролегал через Владивосток, Хабаровск, Новосибирск и Свердловск. На поездку отводилось пять дней.

Впервые я путешествовал в ранге важной персоны. Повсеместно нас встречали представители обкомов на черных «Волгах» (по современным понятиям – «Bentley»), селили в лучшие гостиницы и окружали постоянным вниманием. В аэропортах мы не теснились в замусоренных, переполненных людьми залах ожидания, а были желанными гостями депутатских

залов. Об этом изобретении следует упомянуть особо. Ты заходишь в ничем не примечательную дверь и сразу оказываешься в другом мире. Здесь нет ни суеты, ни шума, ни грязи. Тебя ждут мягкие кресла, молодые симпатичные женщины окружают тебя предупредительной заботой, к твоим услугам бесплатный междугородний телефон и шикарный буфет со смехотворными ценами. Поразительно и печально, что привыкаешь к новому образу жизни очень быстро и к проблемам пассажиров, оставшихся за волшебной дверью, мысли как-то не возвращаются.

Во Владивостоке нас поселили в очень оригинальную гостиницу. Она как бы прислонена к обрывистому берегу океана, так что вход в нее с верхнего этажа, а лоджии нашего великолепного двухкомнатного номера выходили прямо на пляж, и был слышен шум океанского прибоя. Заходящее солнце играло на поверхности воды разноцветными бликами. Взволнованные перелетом, прекрасным видом и приятной компанией, в первую ночь мы вообще не заснули, как выяснилось зря – это была наша первая и последняя возможность нормально поспать, так как все остальные ночи мы провели в переездах и перелетах.

Каждый наш последующий день был расписан по минутам в соответствии с одной и той же схемой: беседа в обкоме, встреча с руководством научного центра, главное мероприятие – встреча с партийными организациями, пресс-конференция, торжественный обед, выступление по радио или телевидению, осмотр города, посещение памятных мест, прощальный ужин, проводы в аэропорт. Все шло успешно, идею конференции повсеместно поддерживали.

Уже на второй день я почувствовал, что выступать в таком ритме – занятие не из легких, а в каждом последующем городе было все сложнее и сложнее. Сначала опыт и усталость, накапливаясь параллельно, частично как бы компенсировали друг друга, но в Свердловске силы оказались совсем на исходе. На трибуне хотелось только к чему-нибудь прислониться и подремать, голос совсем пропал. Собравшиеся в зале смотрели на меня с искренним состраданием, что, впрочем, увеличивало сердечность нашего общения.

В Москву мы вернулись едва живыми. Хорошо, что Арзамасцева прямо у трапа самолета ждала цековская «Волга», и он завез меня домой. Неделю потом я проболел. Но, несмотря ни на что, вспоминаю эту поездку как один из самых ярких эпизодов своей жизни.

Через месяц в подмосковный пансионат под Звенигородом со всей страны съехался ученый люд, избранный в первичных

партийных организациях АН СССР для крайне ответственного дела – выработки новой линии партии в преддверии ее съезда. Конференцию своим вниманием удостоили секретарь ЦК КПСС по идеологии В. Медведев и президент АН СССР Г. Марчук.

После доклада оргкомитета сразу же разгорелась жаркая дискуссия, заставившая осторожного Гурия Ивановича Марчука немало поволноваться. В перерыве Медведев его успокоил, пообещав все расставить по местам в своем выступлении, в чем я вовсе не был уверен, поскольку лучше других знал настрой аудитории. Так и получилось. Выступление Медведева зал слушал молча только отведенные по регламенту двадцать минут, затем стал возбуждаться. Медведев, почувствовав это, заявил, что переходит к заключению. Таким приемом он выиграл еще минут пять, но теперь уже зал гудел явно агрессивно. Медведев и здесь нашел свой маневр:

– Заканчивая доклад, – сказал он, успокоив зал вторично, но уже только минуты на три.

Публика раскусила его приемы и, когда он сказал: «И последнее!» – Зал остро потребовал соблюдать регламент.

Медведев, на удивление, остался доволен собой и укатил сразу после доклада. Это было правильное решение, так как последующие выступающие открыто говорили, что нам вообще ничего не светит, пока во главе партии стоят подобные лидеры.

Гурий Иванович умолял нас с Краюшкиным сделать что-то, чтобы прекратить это безобразие. Тут меня порадовал Краюшкин, заявивший, что нам нечего особенно волноваться, так как в зале остался заместитель Медведева, пусть он все и расхлебывает. Тот действительно чувствовал ответственность за происходящее и кинулся в бой. Лучше бы он этого не делал. Его буквально сняли с трибуны уже через пять минут.

Второй день конференции прошел более спокойно и конструктивно, поскольку раздражающие факторы в виде партийного начальства отсутствовали. Мы пришли к разумным решениям по основным вопросам. Конференция всем понравилась, и нам поручили подготовить вторую непосредственно перед съездом.

На конференции присутствовало много прессы, было даже центральное телевидение. Планировался специальный репортаж в программе «Время», которого мы с нетерпением ждали всем оргкомитетом и который нас просто потряс. Репортаж был сделан так, что из главных действующих лиц на экран вообще никто не попал. Вместо этого все внимание было сосредоточено на двух делегатах, выступивших в прениях по второстепенным вопросам. С ними и вокруг них были якобы сосредоточены все основные

события. Ясно, что это произошло не случайно: у авторов передачи была своя определенная цель. Один из тех, кого здесь начали раскручивать, позже стал депутатом Думы.

Я был сражен таким цинизмом. Мое прежнее доверие к телевидению было подорвано на корню. Данное обстоятельство было, пожалуй, единственным неприятным моментом. Мы не жалели о потраченных силах, поскольку в поле нашего зрения появилось много новых интересных и инициативных людей из разных городов.

Я рассчитывал, что успех конференции улучшит и мои взаимоотношения с райкомом, но этого не случилось. Усиление моей позиции вызывало в райкоме определенные опасения. Основания для этого, надо сказать, были. Держал я себя с руководством совершенно независимо, так что ожидать от меня можно было чего угодно.

Обычно в Октябрьском райкоме КПСС секретари были достаточно сильными фигурами. В мой же звездный час ситуация оказалась несколько иной. Секретарь был совсем не плохим человеком, но своей должности не соответствовал по главным параметрам. Однажды он пригласил меня на разъяснительную беседу, сразу перешел на «ты», как это было принято у больших партийных руководителей, и быстро опустился до угроз. Состояние у меня от всего этого было настолько мерзким, что неожиданно для себя я вдруг ему отрезал:

– Молод еще учить меня!

Он так растерялся, что сдуру спросил, с какого я года. Выяснилось, что я на год старше его. Этим разговор и закончился. А через пару дней у нас началась внеплановая райкомовская проверка. В институт явился самый вредный инструктор, но охрана (сознаюсь, не без моего участия) его не пропустила. Разразился скандал, и на второй день уполномоченного райкома пришлось все же принять.

Мои опасения проверки, в первую очередь, были связаны с качеством протоколов партсобраний и заседаний парткома. Ими занимался мой «освобожденный» заместитель, считавший, что эти протоколы никому не нужны, и на этом основании оформлявший их как попало.

За выигранные сутки мы успели кое-как бумаги подправить, но все равно в них было много пробелов и небрежностей. Короче говоря, дело шло к неприятностям.

По итогам проверки меня вызвали с отчетом на бюро райкома, и это было очень плохим признаком. Песенка моя была бы спета, если бы проверявший нас инструктор не умудрился потерять протоколы собраний и заседаний, которые

считались секретными. Он сразу стал тише воды и ниже травы. Это не могло быть простой случайностью. В который раз в критический момент проявилась заботливая рука моей судьбы.

На бюро я шел как на бой, и бой не проиграл. Вместо заготовленных оргвыводов было принято решение распространить наш опыт в других партийных организациях. После чего я с удовольствием посетил многие из них, тем более что дело шло уже к выбору делегатов на очередной съезд КПСС.

Здесь я должен сделать некоторое отступление, чтобы объяснить читателю одну из особенностей партийной святыни – Устава КПСС. Этот важнейший документ предписывал избирать делегатов на съезды исключительно на районных партийных конференциях. Первичные организации имели право выдвигать кандидатов в любом количестве, но дальше райкомов их мнение не шло. Из этих выдвиженцев бюро райкома формировало по своему усмотрению список самых достойных. Список этот всегда имел столько кандидатов, сколько было мест по квоте, а значит, исключал какие-либо неожиданности для руководителей партии и страны.

В преддверии последнего съезда ситуация с выборами делегатов резко обострилась. Появились настойчивые требования низовых организаций проводить прямые выборы. Руководство партии готово было пойти на многие другие уступки, но в этом стояло насмерть. При прямых тайных выборах даже членов Политбюро могли прокатить.

В Московском городском комитете партии (МГК КПСС) была организована группа, что-то вроде клуба, секретарей первичных организаций оборонных предприятий, с тем чтобы она поискала компромиссное решение. Когда меня туда пригласили, эта неформальная структура уже сложилась и активно работала. Секретари в нее входили преимущественно молодые, но вполне уверенные и опытные в партийном строительстве. Я был старше их лет на пять – десять, но в своих суждениях более дерзок. Устав меня не гипнотизировал.

Первый секретарь МГК Ю. Прокофьев, сменивший на этом посту Б. Ельцина, старался поддерживать с секретарями первичек хорошие отношения, чтобы при случае было на кого опереться. Дело дошло до того, что нас стали приглашать на пленумы МГК. Попав туда первый раз, я был немало озадачен происходящим. Сначала мне казалось, что меня окружают очень серьезные и умные люди, которые бойко и уверенно говорят о мало мне понятных вещах, легко оперируя государственными и партийными документами. Но чем больше я силился понять смысл происходящего, тем больше меня охватывало

разочарование. Теперь выступающие представлялись мне инопланетянами с одними им известными проблемами. В таком состоянии меня и застало объявление о собственном выступлении.

Прокофьев просил меня рассказать о проведенной нами конференции, но вместо этого меня занесло и я стал излагать свои впечатления от увиденного. Верхние эшелоны власти я сравнил с сообществом жрецов, призванных занять своих подопечных бессмысленными партийными обрядами. Партия в целом в моем описании была войском, сосредоточенным исключительно на внутренних построениях и маневрах и стремившимся любыми способами избежать столкновения с действительностью. Закончил я предупреждением о том, что если дело пойдет так дальше, то все мы вылетим как пробка из бутылки. В запале я еще и оговорился, поменяв бутылку и пробку местами. Покидал я трибуну под бодрые аплодисменты одной части зала (весьма малочисленной) и недоуменное молчание другой.

На следующий день о моем выступлении написали газеты. С этого момента начался пик моей стремительной и краткосрочной партийной карьеры. Теперь я давал интервью, писал статьи, выступал в СМИ, мои портреты появлялись в газетах, и люди в метро стали узнавать во мне партийного активиста нового типа. Дело дошло до того, что кассирша в булочной приняла меня за артиста. Чтобы ее не разочаровывать, я с готовностью взял на себя и эту роль.

Позиции нашего клуба секретарей крепли с каждым днем. Мы притерлись друг к другу, сдружились и теперь уже представляли заметную силу. Нам удалось склонить Прокофьева к принятию идеи прямых выборов на съезд. К этому же под давлением масс пришли и другие обкомы, что вынудило ЦК пойти на уступку и в этом принципиальном вопросе. Дорога к прямым выборам была открыта.

Выдвижения происходили на первичных собраниях тайным голосованием, и уже это внесло в выборы острую интригу. Меня выдвинули в родном институте и поддержали в целом ряде других. Самая интересная ситуация сложилась в парторганизации Президиума АН СССР, одной из самых крупных и возглавляемой, как уже упоминалось, моим приятелем Краюшкиным.

Перед собранием в цеховых организациях Президиума АН СССР было выдвинуто с десяток кандидатур, в том числе и моя. Выдвинул меня очень энергичный отставной адмирал, с которым мы познакомились на звенигородской конференции. В списке были также президент АН СССР и некоторые вице-президенты.

Ставка райкома делалась на академика Осипьяна, который тогда был, кроме всего прочего, членом организованного Горбачевым Президентского совета.

Краюшкин по дружбе советовал мне свою кандидатуру снять, чтобы раньше времени не входить в прямую конфронтацию с уважаемым человеком. Он мне прямо объяснил, что в противном случае я могу навсегда закрыть себе дорогу в члены академии. Вопрос относительно выборов в академию в моих планах не значился, тем не менее я пообещал Краюшкину, что поступлю разумно.

Собрание в Президиуме АН СССР по выдвижению делегатов на съезд началось с большой задержкой из-за отсутствия кворума. Я уже стал нервничать, поскольку мне нужно было успеть еще на одно собрание. Выдвинутые на съезд кандидаты один за другим благодарили за доверие и просили самоотвод. Согласие на выдвижение, притом заочное, дал только Осипьян. После оглашения моей кандидатуры председательствующий сделал паузу, ожидая самоотвода и от меня. Но я молчал как партизан.

В полной растерянности он вынужден был приступить к процедуре обсуждения кандидатур, которых, к великому удовлетворению зала, осталось две. Пикантность положения состояла в том, что Осипьяна на собрании не было. Его срочно кинулись разыскивать, так как в возникшей ситуации результат мог оказаться более чем неожиданным.

В состоянии смятения председательствующий предоставил мне слово для выступления. Выступил я нормально, было много вопросов как выигрышных, так и трудных. В целом обстановка складывалась явно в мою пользу. Краюшкин, потрясенный моим коварством, сидел в зале бледнее смерти. Наступило время открыть карты. Я поблагодарил собрание за предоставленную возможность выступить и обратился с просьбой не включать меня в список для голосования, мотивируя это тем, что уже выдвинут в других парторганизациях и свое мнение все присутствующие смогут выразить прямо на выборах. Зал был явно разочарован, хотя и проводил меня дружески.

О дальнейшем развитии событий на собрании я узнал только на следующий день от еще не пришедшего в себя Краюшкина. Оказывается, после моего стремительного ухода адмирал при полной поддержке зала организовал двухчасовую дискуссию на тему: является ли моя просьба безусловным основанием для исключения из списка для голосования или я передал это на усмотрение собрания? В конце концов, все кое-как утряслось, кандидатура Осипьяна осталась в списке одна, и он был

выдвинут.

После собрания один из секретарей райкома партии пошел на отчаянный шаг, попросив А. Прохорова убедить меня отказаться от дальнейшей борьбы. Прохоров довел это до моего сведения, но никакого давления оказывать не стал, просто предложив все взвесить. Взвешивать же мне было нечего. Отказаться я мог только под угрозой смерти, ибо иначе никто из товарищей со мной не стал бы и здороваться.

Осипьян был во много раз опытнее меня, но я имел преимущество в силу того, что не был ничем связан в своих решениях и поступках. Я мог занимать самые резкие позиции по ключевым вопросам, таким как о совмещении Горбачевым постов президента и Генерального секретаря. Кроме того, Осипьян был человеком весьма занятым и не сразу включился в предвыборную борьбу. Я же побывал в каждой организации, входившей в округ. Существенно было и то, что у нас в институте на совершенно самодеятельных началах организовалась группа поддержки. Сотрудники взяли на себя заботы по организации встреч, возили меня на своих машинах, следили за реакцией аудитории и корректировали мои выступления. Самым главным было то, что я постоянно чувствовал живую заинтересованность окружающих, то есть боролся не за себя.

Результатом стала победа уже в первом туре, где я набрал две трети голосов. Чуть-чуть проиграл я в Президиуме АН СССР и в психиатрической больнице, что в дальнейшем стало хорошим поводом для шуток. К чести Осипьяна, поздравил он меня одним из первых, но «неприятный осадок» у него остался навсегда.

Успех членов нашего клуба секретарей на выборах был просто ошеломляющим – победили почти все, несмотря на то что противники повсеместно были самые серьезные. Воодушевленные этим, мы принялись за разработку программного послания к съезду – позиции Московской партийной организации. Впервые мне пришлось работать над таким, как тогда говорили, судьбоносным документом. Нужно было на нескольких страницах четко и ясно изложить задачи партии и принципы ее построения. Большую помощь мне оказал сотрудник нашего института В. Иванов. С ним за две недели мы сделали проект, который не стыдно было вынести на суд товарищей. Проект получил поддержку клуба секретарей и через пару дней нелегально был издан небольшим тиражом в типографии Метростроя.

Тем временем вокруг МГК начали «клубиться» и другие избранные на съезд делегаты. Все они были энергичные и уверенные в себе люди, прошедшие нелегкий путь первых прямых выборов. На одном из собраний мы устроили, как теперь

говорят, презентацию нашего программного документа. Результат был удручающий: нас раскритиковали, буквально втоптав в грязь. Несколько человек заявили, что готовы через неделю представить свои варианты позиции Московской делегации. Я их невольно зауважал. Особенно активна была моложавая женщина – преподаватель истории партии. От ее натиска, когда она стала выяснять мою специальность и основания, на которых я взялся не за свое дело, я даже оробел.

– Я же не лезу в вашу физику, – возмущалась она.

Мои доводы о том, что полез я в чужое дело не от хорошей жизни, услышаны не были.

Через неделю она принесла свой опус. Более убогой писанины мне не приходилось видеть ни до ни после. Не было даже основания для разговора. Ничем не порадовали и другие активисты. После нескольких встреч моя оценка некоторых партийных избранников изменилась от высшего балла до тройки с минусом. Первый раз меня посетило сомнение относительно эффективности демократической формы выборов, за которую мы бились почти полгода. Подчас преимущество на них совершенно незаслуженно получают безответственные крикуны и позеры.

Перед тем как перейти к описанию перипетий съезда, кратко напомню ситуацию, в которой происходило это действо.

Шел уже пятый год пребывания Горбачева у власти. Начатая им перестройка сильно пробуксовывала, положение в стране с каждым годом ухудшалось. Доверие общества к самому Горбачеву и партии падало. Ельцин снова вышел на политическую арену как Председатель Верховного Совета РСФСР. Россия встала на путь оформления своей государственности. Многие видные деятели открыто заявляли о своем выходе из КПСС. Внутри партии шла дискуссия по основополагающим вопросам. К их числу относился вопрос и о создании компартии России.

Горбачев понимал, что создание КП РСФСР ослабит позиции ЦК КПСС и его как Генерального секретаря. Кроме того, неизбежен был болезненный раздел партийной собственности. Все это тормозило организацию российской компартии. Процесс, однако, пошел снизу. В Ленинграде прошло два самостийных организационных съезда, на которых главенствовали крайне левые силы. Не замечать этого движения дальше было уже нельзя. ЦК принял решение провести перед XXVIII съездом Российскую партийную конференцию и решить на ней вопрос об организации российской компартии.

Открылась конференция 19 июня 1990 года. Собравшиеся в Кремлевском дворце съездов уже не были дисциплинированно-

безынициативными, как в прежние времена. Следуя опыту Съездов народных депутатов, они сразу вступили в острую дискуссию как по повестке дня, так и по регламенту.

В докладе Горбачева я с удивлением услышал упоминание о партийных конференциях АН СССР. Если бы такое произошло пятью годами раньше, мне можно было бы немедленно прокалывать дырочку на пиджаке. Сейчас же это был не повод для подобной суеты, но не скрою, что признание заслуг было приятно.

После Горбачева слово предоставили представителям трех наметившихся в партии основных движений, а именно: Демократической платформе, Марксистской платформе и Ленинградскому съезду. На фоне тусклого выступления Горбачева все они выглядели весьма выигрышно, так как стояли на четких позициях. Первые выступили за превращение КПСС в партию парламентского типа, вторые – за развитие в обществе власти трудящихся, а третьи – за отказ от ревизионизма, возвращение к ленинским нормам партийной жизни и скорейшее организационное оформление КП РСФСР. Последняя позиция была самая сильная, так как ее проводники имели конкретный план действий. Именно она и возобладала в вопросе создания российской партии.

20 июля конференция преобразовалась в Учредительный съезд КП РСФСР. Основная борьба на съезде развернулась при выборах первого секретаря провозглашенной партии. Горбачев и в этом вопросе, как оказалось, не имел позиции. Полностью подтвердилось прозорливое заключение Краюшкина о том, что дела в ЦК совсем плохи.

После долгих дебатов и первого тура выборов претендентов осталось двое. Один от левого крыла партии – Полозков Иван Кузьмич (или согласно татуировке на руке – просто Ваня), второй – выдвиженец Ельцина Лобов Олег Иванович. Иван Кузьмич был известен как борец за интересы русского народа. Олег Иванович получил известность во время восстановления Спитака после землетрясения.

Выступили оба претендента бледно. Было видно, что голосовать придется не за лучшего, а против худшего. Московская делегация поддержала Лобова, но победил Полозков.

Весь дальнейший ход конференции показал тщетность наших усилий по реформированию партии. Настроение у меня было отвратительное. В ночь перед последним днем конференции я не мог заснуть. Глубоко за полночь, поняв всю бесперспективность лежания, я решил излить душу, написав обращение к членам партии. Через час оно было готово, и я,

разбудив жену, попросил его напечатать. Когда она наконец поняла, что я от нее хочу в три часа ночи, то решила, что я совсем помутился рассудком, но обращение все-таки напечатала.

Утром товарищи по партии идею и текст обращения одобрили, мы быстро собрали сто подписей, дававших право на выступление. В секретариате нас заверили, что слово будет предоставлено.

Съезд между тем стремительно катился к завершению, а про нас никто и не вспоминал. Я не выдержал, пошел в президиум и обратился с претензией к Горбачеву. Он, не вникая в суть вопроса, попросил меня присесть. Я сказал, что уже приседал, но это не помогает. Тут он впервые обратил на меня внимание и попросил А. Манаенкова, председательствовавшего на заключительном заседании, разобраться. Было по всему видно, что они просто хотят «замотать» вопрос.

В качестве последней меры я направился к бравому полковнику, только что избранному председателем ревизионной комиссии и посаженному по этому случаю в президиум. Он оказался «на высоте». Во-первых, подтвердил, что требование наше совершенно законно. Во-вторых, пригласил меня уже завтра на прием в том случае, если слово не будет предоставлено.

Между тем, пока я метался по президиуму, съезд объявили закрытым. Грянула музыка, все встали и запели «Интернационал». Я оказался один на сцене между залом и президиумом, не зная, куда деваться. Конференция по созданию российской компартии закончилась.

На следующий день наше обращение напечатали в газете, что было слабым утешением, хотя несколько реабилитировало меня в глазах жены, почувствовавшей свою причастность к столь серьезному делу и даже некоторую ответственность за него.

Одним из главных уроков Российского съезда для меня стал вывод о бесперспективности борьбы против чего-либо при отсутствии конструктивной альтернативы. Поэтому за оставшиеся несколько дней до XXVIII съезда КПСС я решил активизировать своих партийных сотоварищей на поиск кандидатуры на пост Генерального секретаря. Все мы были едины в убеждении, что с Горбачевым ничего путного уже не выйдет.

В России у нас великое множество толковых и энергичных людей, но почему-то всегда оказывается крайне трудным найти среди них одного, подходящего для большого дела. Мы перебрали одного за другим всех более-менее известных партийных руководителей и ни на ком не смогли остановиться. Тогда я предложил подыскать кандидата в своем кругу, искренне считая, что несколько моих товарищей, секретарей крупных партийных

организаций, вполне подходят для этой роли в силу ясности их мышления, необремененности грузом ответственности за прежние ошибки, неизбалованности привилегиями и, главное, глубокого понимания ситуации в партийных организациях. На эту тему я даже выступил в печати и предложил конкретные кандидатуры.

К сожалению, дальше разговоров дело не пошло. Никто из них не отважился на такой шаг. В ответ на мои аргументы они задавали мне стандартный контрвопрос: почему бы мне не попробовать самому? Я и сам не раз задавал себе этот вопрос, и внутренний голос постоянно возражал. Причина была скорее не в отсутствии достаточной уверенности в своих силах, а в том, что вероятность реализации замысла выглядела недостаточной для включения в борьбу.

Съезд открылся 2 июля 1990 года. Горбачев вышел на сцену и обратился к делегатам по составу Президиума. Делегат от Магаданской области тут же предложил:

Объявить отставку ЦК КПСС во главе с Политбюро и не избирать их в члены руководящих органов съезда за развал работы… Персональную оценку каждому секретарю ЦК, члену Политбюро дать на съезде.

От такого запева, во многом предвосхитившего тональность съезда, растерялся даже видавший виды Горбачев. Его отчетный доклад длился два с половиной часа. Он не только не прерывался бурными аплодисментами, но не вызвал аплодисментов и по завершении. Общими рассуждениями все уже были сыты по горло.

Гораздо живее и интереснее проходила следующая часть – отчеты секретарей ЦК и членов Политбюро. Каждый из них получил десятки, а то и сотни острых вопросов. Более других досталось Е. Лигачеву, А. Яковлеву и Э. Шеварнадзе. Первого заклеймили за антиалкогольную кампанию, консерватизм и кадровые ошибки, второго – за предательство ленинских принципов, а третьего – за провалы международной политики. Справедливости ради следует признать, что все трое держать удар умеют. Ельцин сразу заявил о выходе из КПСС. Интересно, как бы он поступил в случае избрания Лобова Первым серетарем КП РСФСР? Могло ли это сказаться на судьбе компартии и страны?

Один день съезда был отведен для работы по секциям, На одной из них – идеологической – мне удалось пробиться на трибуну. Я постарался донести до аудитории все напутствия и замыслы, сформированные в период предвыборной кампании, но думаю, что это вообще не сыграло никакой заметной роли.

На идеологической секции собралась аудитория в основном из преподавателей, партийных функционеров и редакторов газет и журналов. Эта публика привыкла не столько слушать и реализовывать, сколько вещать и учить. Тем не менее интерес к докладу был, в перерыве несколько человек подошли с целью познакомиться и установить контакты. В целом я чувствовал определенное удовлетворение, так как поручение товарищей выполнил и нашу точку зрения до съезда довел.

Московская делегация была посажена на самом верхнем балконе с таким расчетом, чтобы нас не было ни видно, ни слышно. Решение, вероятно, было вызвано тем, что на предшествовавшей съезду партийной конференции мы сидели близко к трибуне и своей активностью сильно досаждали Горбачеву и всему президиуму. Но все же мне удалось разок выступить с балкона. Вот как это выглядит в стенограмме:

Козлов Г. В. – *заведующий лабораторией Института общей физики АН СССР, Москва. Я выступаю от себя, не от организации. Я предлагаю на пост Генерального секретаря Коммунистической партии кандидатуру молодого коммуниста Сысуева Олега Николаевича – город Куйбышев.*

По времени все это заняло меньше минуты, но имело большой резонанс и интересные последействия. Во-первых, большая часть нашей Московской организации решила, что я сошел с ума, и стала меня сторониться. Во-вторых, в Куйбышевской делегации началась нешуточная паника, а ее руководство и вовсе находилось в шоке. Кто-то из Москвы выдвинул без всякого согласования их делегата на пост генерального секретаря?! Это было действительно за пределами реальности.

Кандидатура О. Сысуева всплыла у меня в голове в последний момент, когда я уже совсем готов был сдаться. Настроение мое сразу изменилось, появилось предчувствие успеха, побуждающее к немедленным действиям.

Познакомились мы с Олегом за несколько дней до партийной конференции, когда делегаты из регионов пришли к нам в клуб секретарей первичек. Олег сразу обратил на себя внимание тем, что говорил очень четко и взвешенно. Некоторые его мысли были точнее моих. Такие люди у меня всегда вызывают интерес. За все время мы встретились с ним, может быть, раз пять-шесть, но у меня сформировалось о нем мнение как о человеке умном и интересном.

Кто-то, может, сочтет мои действия легкомысленными – выдвигать в генеральные секретари человека, с которым едва знаком, но другого варианта у меня не было, а бездействия я бы

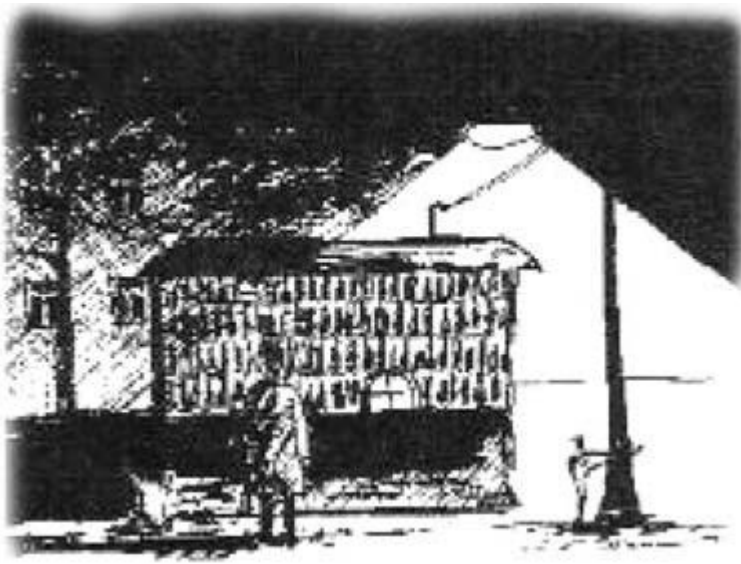
себе не простил. В качестве смягчающего обстоятельства могу отметить, что с Олегом я свое предложение согласовал, найдя его прямо во время заседания. Он слегка удивился, но не отказался, обозначив в качестве условия свою готовность бороться против Лигачева, но не против Горбачева.

При обсуждении кандидатур Сысуев выступил достойно, но, к сожалению, кандидатуру свою снял, так как Лигачева в списке для голосования не было.

Однако с моей легкой руки Олег Николаевич занял-таки кабинет Горбачева на Старой площади, хотя произошло это не сразу. На протяжении последующих лет я с интересом и некоторой гордостью наблюдал за развитием его карьеры сначала в Самаре, а затем и в Москве. Возможно, читатель помнит, что некоторое время Сысуев работал заместителем Председателя Правительства Российской Федерации, а затем первым заместителем Главы Администрации Президента Российской Федерации. В этой должности он и получил в пользование бывший кабинет генеральных секретарей ЦК КПСС. После описываемого съезда прошло семь лет.

На XXVIII съезде один из моих близких товарищей был избран членом ЦК и стал непосредственным участником драматических событий, которые мы и предсказывали. Действительно, вылетели все как пробка из бутылки! Но до этого оставалось еще больше года.

Глава пятнадцатая
Перестройка



С завершением съездов подошел к концу и период моей двухлетней политической активности. Товарищи по работе были откровенно рады, что я наконец вернулся к почти заброшенной мною лаборатории. Они не раз корили меня за бездарно упущенные научные возможности этих двух лет. Я же отнюдь не считал и не считаю сейчас «партийные» годы потерянными. Именно в этот период я научился размышлять об общих проблемах, выходящих за круг узкопрофессиональных интересов, приобрел опыт публичных политических выступлений, встретил много новых интересных людей. Было какое-то слабое предчувствие, что этот опыт еще может быть востребован.

Один из важных выводов, которые я для себя сделал, касается того, что на вершины власти как-то не попадают у нас мыслители и деятели, перед мнением которых следовало бы преклоняться. Теперь я мог без душевного трепета анализировать принимаемые властью решения и нередко заранее предвидел их печальные последствия. Комплекс неполноценности рядового гражданина перед власть имущими исчез у меня раз и навсегда.

Наука тем временем вместе со всем обществом вступила в период радикальных, но опрометчивых реформ. Начались они с приятного. Ученым в полтора раза повысили зарплату.

По существу, это было первое повышение довольствия деятелям науки со времен послевоенного успешного испытания ядерного оружия. Моя зарплата возросла до семисот рублей, так что извечная проблема экономии денег у жены сразу отошла на второй план.

К сожалению, продлилось это процветание совсем недолго. Финансовый кризис уже готовил свое «безумное пиршество». Гайдаровские реформы ударили по науке сразу с трех сторон. Во-первых, подскочили цены на товары, и вчерашние небывало высокие зарплаты ученых сразу превратились в нищенские. Во-вторых, резко сократилось бюджетное финансирование науки. В-третьих, и это, может быть, самое важное, в результате быстрого и весьма значительного падения экономики наука в одночасье стала никому не нужна. Пропали даже некогда щедрые военные заказы.

Стороннему наблюдателю за обнищанием ученых проще всего было проследить в нашей институтской столовой. В прежние застойные времена два ее просторных этажа работали с полной нагрузкой, и даже за комплексным обедом приходилось стоять в очереди. Но уже через год сотрудников, имевших деньги на обед, стало так мало, что в столовой осталась только одна раздача, а затем столовая и вовсе закрылась, превратившись в более «необходимое» народу отделение коммерческого банка.

Жизнь научного сообщества менялась прямо на глазах. Теперь главным ориентиром стали не научные результаты, а их коммерческая стоимость, реализуемая через контракты и гранты появившихся российских и международных фондов. Это изменило весь уклад научного общения. Стало неприлично обращаться к коллегам за безвозмездной помощью – каждый совет, прибор и даже деталь приобрели свою цену. Семинары постепенно перестали быть местом открытого и бескорыстного обмена идеями и мнениями.

Как грибы стали расти различного рода малые предприятия, с основными задачами добычи денег. В институтах желанными гостями стали предприниматели и посредники, готовые продать и перепродать все, начиная от научных результатов и кончая медной проволокой.

Самым удивительным было то, что и в этот период находились, хотя крайне редко, бескорыстные спонсоры. Так, волею судеб, к нам в лабораторию однажды «свалились» двое совсем молодых парней в зеленых шелковых брюках и белых носках. Это были самые настоящие «новые русские», только что сколотившие свои первые миллионы. Они были поражены, в каких условиях работают «выдающиеся российские ученые

мирового уровня» (так нас им рекомендовали). Решение было принято мгновенно – для нас будет построен отдельный институт, все разработки будут переданы на завод и незамедлительно реализованы. Кроме того, нам обещали квартиры, машины, а в дальнейшем и дачи.

Реализация плана началась буквально через несколько дней, когда в лаборатории появились двое конструкторов с оборонного завода. Перед ними была поставлена ответственная задача – наладить к концу года выпуск разработанных нами спектрометров.

Пришедшие конструкторы с самого начала заявили, что спектрометр им видится в виде металлической трубы, внутри которой будут смонтированы все его элементы (из этого мы безошибочно заключили, что в прежней жизни они строили ракеты). Воплотить в жизнь смелый замысел, однако, было не суждено, поскольку жизненный путь у «новых русских» оказался недолог. Одного из наших спонсоров вскоре убили, а другой попал в тяжелую автомобильную катастрофу. В память о них у нас остался подаренный лаборатории «жигуль».

За все время это был единственный пример действительно «нового» русского меценатства. Во всех остальных случаях нас постоянно пытались обхитрить и обмануть. После нескольких полученных уроков мы твердо усвоили истину, что бороться за жизнь нужно самостоятельно.

В России потребителей наших разработок не было, и мы решили искать свою нишу на «внешнем рынке». При этом были две возможные стратегии: торговать техникой или услугами. Естественно, нас больше устраивал второй вариант, поскольку он предполагал, что мы будем проводить те же измерения, что и раньше, но только за деньги.

Первый пробный заказ мы с коллегами из Праги получили от одной крупной японской фирмы. Цена была, по сегодняшним меркам, смехотворно низкой, но мы согласились, рассчитывая на крупную последующую работу.

Измерения для японцев мы осуществили и оформили с особой тщательностью, результаты получились обнадеживающими, но, на беду, японского профессора, заказавшего нам работу, отправили на пенсию, и дело застопорилось.

Второй заказ мы выполнили для швейцарского университета. В самом конце работы выяснилось, что университет заключить с нами официальный контракт не может и в качестве оплаты нам предложили командировать в Швейцарию пару наших сотрудников. Аналогичные трудности возникали и при работе

с университетами других стран. С каждым шагом нам становилось все очевиднее, что получить деньги на исследования от западных университетов практически невозможно. Тогда мы решили обратиться напрямую к фирмам.

С этой целью был изготовлен и разослан по сотне адресов небольшой буклет, повествующий о наших непревзойденных возможностях. В ожидании солидных заказчиков мы провели модернизацию оборудования и повысили его производительность. Как выяснилось, это был единственный положительный момент всего проекта. На наши предложения не откликнулся никто. Провал был абсолютным. Скорее всего, наши буклеты попадали непосредственно в мусорный ящик вместе с прочей обильно рассылаемой рекламой.

Зато по первому направлению удалось добиться некоторых успехов. Сразу два университета – американский и немецкий – заказали нам оборудование. Методом народной стройки удалось выполнить оба заказа. Приборы получились даже лучше, чем можно было ожидать, и стало жаль отдавать их в руки своих научных конкурентов. Последние опасения оказались, однако, совершенно напрасными – ни американцы, ни немцы без нашей помощи приобретенную аппаратуру использовать не смогли. Дело было не в том, что наша техника оказалась слишком сложной или ненадежной. Скорее она была совершенно необычной по своей сути и требовала специального опыта. Деятельность нашей лаборатории, образно говоря, являлась весьма своеобразной веточкой на древе науки, почти незнакомой западному миру по сути, но привлекающей своими плодами.

В американском университете дело еще усугублялось большой текучестью кадров. Только специалист мало-мальски осваивал работу на нашем спектрометре, как у него заканчивался контракт, и он с легким сердцем все бросал на полуслове.

В конце концов все свелось к тому, что каждый наш новый прибор сопровождался нашими же специалистами. Для молодежи такой вариант был чрезвычайно привлекательным. Вскоре многие наши молодые сотрудники стали вести кочевой образ жизни, а значительная часть бывших студентов и аспирантов и вовсе перебралась за рубеж. Это имело и положительную сторону, так как нам было полезно иметь по всему миру своих людей, поскольку они являлись проводниками нашего научного подхода и потенциальными заказчиками.

Потребность в постоянном притоке студентов стимулировала нас к преподавательской деятельности. Сначала я, а потом и Волков стали читать лекции на физическом факультете МГУ.

В своем первом спецкурсе я попытался в течение одного

семестра изложить студентам все, что сам узнал о субмиллиметровых волнах за двадцать лет работы. Во время лекций мне казалось, что аудитория вполне воспринимает предлагаемый материал. Прозрение пришло на зачете. У половины студентов вообще не удалось обнаружить следов прослушанного курса. Отчасти это было связано и с тем печальным обстоятельством, что уровень подготовки студентов за последние годы существенно снизился. В группе было всего несколько человек, способных хоть как-то поддержать разговор по сути обсуждаемых явлений. Все остальные в качестве причины, оправдывающей столь слабую подготовку, выставляли свою занятость побочными работами. Зачеты, экзамены, а тем более лекции для них были явно бременем, отрывающим от важных дел. Вместе с тем престижный диплом МГУ иметь хотелось. Уверенность этих молодых людей в том, что в силу своей занятости я капитулирую в любом случае, была просто поразительной, но, в конечном счете, они оказывались правы, хотя правота эта стоила им пяти – семи попыток. Больше я не выдерживал.

Я весьма сожалею, что не записывал наиболее «выдающиеся» ответы своих подопечных. Наверное, они бы украсили мое повествование не хуже приведенных выше «перлов», выдаваемых внуками. Для примера приведу лишь пару особенно запомнившихся экзаменационных моментов.

Есть несколько вопросов, которые традиционно задают на экзаменах студентам и аспирантам. На первый взгляд, они выглядят подкупающе простыми, но позволяют сразу оценить глубину и уровень знаний. В физике твердого тела один из подобных вопросов звучит так:

– Как отличить кусок металла от куска полупроводника?

Традиционно неверный ответ выглядит не менее лаконично:

– Металл проводит ток в обе стороны, а полупроводник в одну.

Тут сразу открывается возможность для продолжения дискуссии. Для начала целесообразно как бы одобрительно кивнуть головой или, что еще лучше, взять в руки зачетку, а затем уже вроде напоследок поинтересоваться:

– В какую?

Уловив признаки одобрения и предчувствуя близкий успех, студент никогда не сдаст «завоеванный плацдарм». С другой стороны, указать в какую сторону потечет ток, совершенно невозможно, ибо ни одно из направлений ничем не выделено. Вот тут и наступает «момент истины». Экзаменуемый начинает говорить все, что приходит в голову. Если запастись терпением

и слушать, не перебивая, то уже через пару минут перед вами полностью откроются закрома накопленных знаний, и можно будет безошибочно оценить его не только в рамках спецкурса, но и как будущего ученого.

Встречались, правда, и другие продолжения.

– Чтобы отличить, нужно пропустить через них ток.

– Ну и?..

– В полупроводнике появятся дырки.

Это тоже многообещающий дебют. Важно опять же не спугнуть и точно выбрать одобряющую интонацию уточняющего вопроса:

– Так… и как их можно зарегистрировать?

– Ну… по-разному…

– Они большие или маленькие? Палец, к примеру, в них можно просунуть?

– Нет, палец нельзя. Их только в микроскоп можно увидеть.

– Ну, хорошо (беру в руки зачетку). А если ток выключить, что будет с дырками?

– Они потом исчезнут.

– Как исчезнут? Исчезнуть может то, что есть. Но как может исчезнуть дырка – то, чего нет?

Это в дискуссии переломный момент. Дальше надо только слушать.

В каждой группе на физфаке бывает две-три девушки. Своими знаниями они редко выделяются в лучшую сторону. Существует два основных варианта их поведения на экзамене. Одни чувствуют себя очень уверенно и считают, что сам факт прихода уже является достаточным основанием для хорошей оценки. Какие-то еще вопросы их как бы даже обижают. Вторая категория, напротив, впадает на экзамене в полуобморочное состояние.

Одну из студенток первого типа я попросил, по неосторожности, разложить экспоненту в ряд.

– Да вы что? – возмутилась она настолько искренне, что мне сделалось как-то не по себе, и я даже растерялся:

– А что я такого сказал?

– Мы же это проходили на первом курсе. Что же я, пять лет должна все помнить?

Вернемся, однако, в институт. Авторитет нашей лаборатории как международного научного центра между тем возрастал год от года. Проекты, с которыми к нам обращались, становились все более разнообразными, и реализовывать их силами чисто научного коллектива стало весьма затруднительно. Было принято решение привлечь в лабораторию хотя бы парочку мастеров-рукоделов.

По первому объявлению в газете «Из рук в руки», приглашавшему «в научный коллектив для неспешной работы квалифицированного токаря», к нам обратилось около сотни человек, большая часть из которых вообще не удовлетворяла нашим запросам. Звонили экономисты, переводчики, конструкторы и учителя. Обратился даже один дипломат. Самыми активными оказались отставные офицеры. Такой шквал жаждущих найти работу явился ярким свидетельством отчаянного положения дел в обществе. Люди были просто брошены на произвол судьбы.

Токарей откликнулось только двое. Один проработал у нас недолго, а второй прижился и, когда мы заваливали его срочными заказами, всегда усмехался, вспоминая объявление о «неспешной работе».

Среди обратившихся по объявлению встречались очень любопытные личности. Одним их первых пришел на собеседование бравый подполковник. Здороваясь, он примерно на минуту задерживал руку и пристально вглядывался в глаза, после чего излагал диагноз. Мне он сообщил, что в организме есть внутренние проблемы, но они решаемы. Организм Волкова получил значительно более высокую оценку. Наши производственные задачи были ему так же ясны и понятны с первого взгляда. Мы были потрясены и взволнованы. Удовлетворившись произведенным впечатлением, подполковник покинул нас, как оказалось, насовсем.

Не менее оригинальным оказался и самый настоящий умелец, откликнувшийся на наш призыв. Это был, напротив, сдержанный человек. Осмотрев нашу технику, он без обиняков заявил, что наши задачи не соответствуют уровню его мастерства. В доказательство он достал из портфеля крошечную машинку, сделанную им по заказу Святослава Федорова (но неоплаченную) и предназначенную для вырезания помутневшей роговицы на зрачке. Испытывать ее мы не стали, постольку она и без того производила достаточное впечатление.

Работал умелец на дому. В двухкомнатной квартире он организовал себе мастерскую, в которой кроме всего прочего было два больших станка – токарный и фрезерный. Контакты с ним мы сохранили, и он сделал для нас пару устройств, которые хотя прямо в дело и не пошли из-за своей хитроумной неповторимости, но в упрощенном варианте оказались весьма полезными.

Самым ценным приобретением для лаборатории оказался другой мастер, неторопливый скромный человек, которому, оказалось, просто нет равных в изготовлении так необходимых

нам проволочных решеток. На металлическую оправку размером десять сантиметров нужно намотать и укрепить вольфрамовые проволочки толщиной в десять раз меньше человеческого волоса в количестве нескольких тысяч. Успех зависит от того, насколько точно выдержаны расстояния между ними.

Такие решетки делают в Англии и в Америке, но качество их много хуже наших. А секрет прост. Наш мастер после прецизионной механической намотки вручную корректировал положение проволочек под микроскопом. Иностранные коллеги просто не верят, что человек способен на такую кропотливую работу.

Выросшие в нерыночное время, мы поначалу считали, что главное – это сделать добротный товар, но вскоре жизнь убедила нас в известной всему миру аксиоме: еще важнее товар продать. Подчас это требует не меньшей изобретательности, чем сами научные исследования.

Большинство наших первых клиентов были друзьями-соавторами. Работать с ними было легко в силу доверительности отношений, но всегда возникала неловкость в определении цены поставки. Приходилось, кроме всего прочего, учитывать, что при всем своем достатке заграничные профессора были обычно очень ограничены в средствах для покупки приборов в России. Помню, в первой «ценовой» дискуссии я с трудом смог назвать сумму, вдвое превышающую наши прямые затраты. Мой «клиент» искренне удивился:

– Ты что?!

Я успел покраснеть до ушей за тот миг, пока он объяснил, что реальная цена нашего фильтра (небольшой приборчик) в десять раз больше. Но и обрадоваться как следует я не успел, ибо он тут же честно признался, что такими деньгами не располагает и заплатит только вдвое больше запрошенного. В качестве компенсации он дал совет больше за такие деньги никому фильтры не продавать. К сожалению, фильтры никто больше не заказал, но урок пошел на пользу, и в дальнейших торгах мы чувствовали себя более раскованно.

Вообще-то бизнес-уроков мы получили много. К примеру, один немец попросил нас сделать простенькое устройство для примерного измерения длины волны лазерного излучения. Как он сказал – массовый прибор для «бедных» ученых. Задача нас увлекла, мы выполнили целое исследование, разработали специальный материал. День ото дня измерители становились все лучше и лучше. Предвкушая большой коммерческий успех, мы заказали на заводе целую серию из ста штук. Клиент, на наше несчастье, к этому времени уже забыл о своем заказе, да и других

потребителей не нашлось. Видимо, «бедные» исследователи перевелись вовсе.

Новой формой нашей деятельности стало участие с рекламной целью в заграничных выставках, приуроченных к профильным конференциям. Крупные экспонаты, понятное дело, мы не вывозили, ограничиваясь картинками, а мелочь типа линз, зеркал, фильтров и т. д. демонстрировали «живьем». Все это можно было без труда провезти в портфеле.

Первые годы на таможне на такие мелочи вообще внимания никто не обращал, но постепенно правила ужесточались, и от нас стали требовать официального оформления «груза». Пришлось даже сделать специальный выставочный чемоданчик с пломбой. При возвращении в аэропорту обычно интересовались только фактом наличия груза (чемоданчика). С учетом этого упрощающего обстоятельства я решил после одной выставки оставить свой «товар» у знакомого профессора с тем, чтобы не таскаться с ним туда-обратно к следующей выставке. Чемоданчик на всякий случай нужно было заполнить какими-нибудь похожими железками.

Первое, чему мне предстояло удивиться, было полное отсутствие в американской физической лаборатории какого-либо неиспользуемого хлама. Нет даже старых приборов, которые можно разобрать на детали. Пораженный этим открытием, я попросил отвести меня в мастерскую, имея в виду отрезать на токарном станке пару металлических кругляшек. Второе открытие состояло в отсутствии самой мастерской. Точнее, мастерская была, но централизованная при факультете. Делать там что-либо самому запрещалось, а для заказа требовался полный чертеж с дюймовыми размерами. Поразила и стоимость моего предполагаемого заказа – несколько сотен долларов. Кончилось тем, что кто-то принес мне из дома старый трансформатор, который я и засунул в чемоданчик.

На таможне в Шереметьево в этот раз скопилось множество народу. Очередь в красном коридоре, предназначенном для пассажиров с валютой, была такой длинной, что я, отстояв в ней с полчаса, решил пробраться через зеленый, так как денег при мне было совсем немного. Но не тут-то было. Бдительный таможенник попросил показать бумажник и мгновенно наткнулся на незадекларированные две сотни долларов.

Меня провели в смотровую комнату, где провели досмотр и ощупывание, которые, к разочарованию сыщиков, новой контрабанды не выявили. Оставалось только оформить выставочный груз, для чего меня сопроводили в грузовую таможню, сориентировав скучавшую там женщину

на тщательность проверки. Такой поворот событий в мои планы не входил, и внутренне я метался со своим трансформатором как загнанный зверь, внешне сохраняя по возможности спокойствие и невозмутимость. Таможенница разложила тем временем на столе документы и взяла опись груза.

– Предъявляйте, – произнесла она казенным голосом.

Я засуетился вокруг чемоданчика, лихорадочно подыскивая версию, объясняющую чудесное превращение линз и зеркал в трансформатор. Не было не только идеи, но и намека на нее. В тот момент я в полной мере осознал ощущения упоминавшегося ранее студента, пытавшегося на экзамене объяснить мне однонаправленное протекание тока в полупроводнике.

Затянувшуюся паузу прервал телефонный звонок. Звонили, вероятно, по поручению Всевышнего, снизошедшего к моему отчаянному положению. Полученное сообщение о начале распродажи австрийских сапожек (дело было во время перестройки) круто изменило планы таможенницы.

– Ладно, не мучайтесь с чемоданом, давайте его просто взвесим.

Трансформатор не подвел, он оказался даже несколько тяжелее. На этом нас и отпустили с Богом.

Анализируя этот случай, я пришел к выводу, ставшему потом жизненным правилом: никогда не ловчить по мелочам, тем более – дважды кряду.

Ловчить, однако, научным сотрудникам приходилось с каждым годом все больше и больше. Я уже писал ранее о том, как много должен уметь экспериментатор для успешной работы. Теперь ко всему прочему добавились также навыки финансиста, экономиста, менеджера, рекламного агента и даже «бойца невидимого фронта». Сейчас опытный научный сотрудник практически без подготовки может занять почти любой пост в компании или в государственном учреждении. Наука, брошенная государством на самовыживание, стала своего рода кузницей универсальных кадров.

Далеко в небытие ушли счастливые и беззаботные времена неповторимого советского академизма. К старому возврата уже никогда не будет. Хотя и жаль. Наука (по крайней мере, естественная) в старой системе была, как мне кажется, тем небольшим островком, на котором всегда сохранялись относительная свобода творчества, разумная конкуренция и высокие идеалы истины.

Однако события и изменения в науке при всем своем драматизме не идут ни в какое сравнение с тем, что произошло за годы перестройки в обществе.

Неудобно признаваться, но я восторженно верил сначала Н. Хрущеву, затем ждал его смены, как в свое время запуска первого космонавта. Также было с Л. Брежневым, М. Горбачевым, Б. Ельциным. Мне всегда казалось, что изменения обязательно будут к лучшему и принесут нам скорый успех. В молодости я был воодушевленным сторонником грандиозных строек и фантастических замыслов. В зрелом возрасте был опьянен перестройкой и взволнован объявлением независимости России.

На рубеже 1990-х КПСС – проводник прежней идеологии – рухнула мгновенно. Партийная номенклатура, в своей массе, сумела «перестроиться» много быстрее других и отнюдь не бедствует. Но и она понесла значительный моральный ущерб. Любопытная встреча произошла у меня в 1992 году с последним секретарем Октябрьского райкома КПСС. Толпа в метро вынесла нас друг на друга, что называется, лоб в лоб. Прижатый ко мне функционер был просто сконфужен этой неожиданной и так унизившей его встречей. Единственное, что он смог из себя выдавить, – он в метро совершенно случайно. Обычно же – ездит на машине… Я с пониманием кивал и, чтобы облегчить его страдания, в свою очередь посетовал, что тоже езжу в метро крайне редко, обычно… хожу пешком:

– Дороговато все же.

Мое лукавое признание вернуло ему уверенность, расставив нас, как и прежде, по разным жизненным стратам.

Глава шестнадцатая
Министерство

В 1993 году один из моих «наставников» по партийной борьбе, Н. Арзамасцев, стал помощником министра науки и технической политики Российской Федерации Б. Салтыкова. Через него мы организовали визит министра к себе в лабораторию в расчете на поддержку проводимых работ. Визит имел, однако, несколько неожиданные последствия – через пару дней я получил приглашение от Б. Салтыкова занять место его зама.

Колебания мои были недолгими. Товарищи по работе на этот раз тоже единодушно высказались за мое отлучение от лаборатории. Так с 23 декабря 1993 в жизни моей неожиданно открылась еще одна интересная страница.

До этого момента в министерстве я никогда даже не бывал и не представлял толком, чем оно занимается. Но Арзамасцев, видимо, охарактеризовал меня как человека самостоятельного, так что министр не счел нужным мне что-либо разъяснять и вводить в курс дела.

Помощник, секретарь, кабинет и машина с водителем перешли мне по наследству от предшественника – И. Бортника. Он же, видя мою искреннюю растерянность, объяснил мне в общих чертах круг моих новых обязанностей и возможностей. При этом выяснилось, что и сам Бортник, проработавший в министерстве более пяти лет, не знает до конца, что он вправе

делать, а что нет. Каких-либо должностных инструкций для замминистра я никогда не видел и сомневаюсь, что они существуют вообще.

В нашем государстве, как я вижу, чем выше должность, тем меньше четкости в определении прав и обязанностей лица, ее замещающего. Удивительно и то, что для занятия должности замминистра в то время не требовалось проходить какую-либо переподготовку или аттестацию, достаточно было представления министра и положительного заключения «компетентных» органов.

Уже в первый день своей новой работы я получил какие-то бумаги из аппарата правительства и разных организаций; люди приходили с документами на подпись. Тонкости бюрократического языка мне не были знакомы вовсе. Наверное, правильно было бы обложиться соответствующими инструкциями или консультироваться по каждой бумаге, но я предпочел, как и в прежней жизни, учиться по ходу дела. Проще всего мне удалось освоиться в новой роли на многочисленных совещаниях, заседаниях и переговорах. Я лишь не сразу привык к повсеместной практике ведения протоколов и не сразу оценил их бюрократическую силу.

Участок работы мне достался довольно большой и беспокойный – это Российская академия наук (РАН), высшая школа, исследования и разработки в области физических наук, наук о Земле и океане, проблемы экологии и техногенной безопасности. Кроме того, был большой сектор международного сотрудничества, включающий организацию научных связей с Индией, Чехией, Словакией, Мексикой, Италией и рядом международных организаций. Не прошло и месяца после назначения, как мне пришлось представлять (целиком на свое усмотрение) Россию на крупном международном форуме в Париже.

Работать с Салтыковым было одно удовольствие, дело он вел неформально, четко и не дергал по пустякам. У него были сложные отношения с РАН, с которой он держал себя весьма независимо. За пять лет своего пребывания в должности министра Салтыков успел сделать многое. С его именем связаны создание государственных научных фондов, организация государственных научных центров, формирование новой федеральной целевой научно-технической программы.

Вместе с тем это был трудный период ежегодного урезания выделяемых на науку средств. Мы не могли выполнить наших планов и обязательств, в том числе международных.

Салтыков поддержал мое предложение разработать Доктрину развития российской науки с тем, чтобы на государственном

уровне определиться в вопросах о роли и месте науки в обществе, ее задачах, перспективах и объемах финансирования. Я взялся за дело с энтузиазмом и уже через неделю подготовил первую версию доктрины.

Мне казалось, что победа уже в кармане, но это было только началом трудного пути. Теперь требовалось провести согласование доктрины в министерствах и ведомствах, для чего прежде предстояло получить соответствующее поручение в правительстве. Вот где я прошел свой первый класс чиновничьей школы.

Самыми «страшными» министерствами являются Минфин, Минэкономики и Минюст. В каждом из них мы застревали надолго. Удары наносились всегда по самым существенным и важным смысловым местам. Больше года потребовалось на преодоление различных инстанций, прежде чем доктрина была одобрена Указом Президента Российской Федерации. За это время успело смениться правительство, министерство преобразовали в Государственный комитет по науке и технологиям, назначив председателем академика В. Фортова. Меня он сделал своим первым заместителем.

Фортов во многом был противоположностью Салтыкова. Совсем иным было к нему и отношение РАН. Хорошие связи на разных этажах власти и железная хватка были его сильными сторонами. В то же время, став министром, он не оставил, а, напротив, активизировал свою научную работу. Стиль научного поиска он спроецировал и на деятельность Комитета. Решения вопросов подолгу обсуждались на разных уровнях, договоренности иной раз неожиданно отменялись.

Главное, что удалось сделать Фортову, – это переломить тенденцию постоянного уменьшения финансирования науки. В 1997 году, в первую очередь благодаря его усилиям, оно существенно возросло. Был установлен абсолютный рекорд последних восьми лет. Фортов просто «брал за горло» всех, включая председателя правительства и министра финансов.

Вертикаль исполнительной власти устроена достаточно хитро. Вверху ее, понятное дело, находится председатель правительства. Вокруг него несколько «колец обороны». Во-первых, это секретариат, через который идут все бумаги, организуются визиты и приемы. Следующее «кольцо» – это вице-премьеры. На них замыкается подавляющее число дел, в первую очередь безнадежных.

По меткому выражению одного опытного наблюдателя, в правительстве есть несколько человек, которые делят деньги, а остальные объясняют, что денег нет.

У каждого вице-премьера свой секретариат. Самый главный «бастион» Правительства – это его аппарат, в котором имеется система департаментов по основным направлениям деятельности.

Бумага, направленная председателю правительства или его замам, проходит через все эти инстанции и очень редко поступает на стол адресату. Но и при этом почта руководителей правительства столь велика, что прочесть ее человеку не под силу, поэтому аппарат готовит к каждой бумаге короткую резолюцию, которую начальник при желании уже может прочесть и подписать. В этих резолюциях и кроется вся сила аппарата.

Министерства – это микроправительства в своей отрасли. Объем бумаг, который ежедневно сюда поступает, измеряется десятками килограммов. Это указы и распоряжения президента, документы правительства, Совета безопасности, Совета Федерации, Государственной думы, региональных властей, бумаги подведомственных организаций и, наконец, письма трудящихся.

Работа министерства строится по иерархическому принципу. Под каждым заместителем министра находятся департаменты, управления, отделы – большое число подчиненных. Но при этом заместители министра загружены работой больше всех и задерживаются вечерами дольше всех. Кроме того, по вечерам частенько бывают различного рода фуршеты и приемы, от которых устаешь особенно сильно. Всё как в старом анекдоте:

– Чем отличается замминистра от алкоголика?

– Утром алкоголик думает: «Как бы напиться?» А замминистра: «Как бы не напиться?»

Вечером же они не отличаются.

Сложнее, чем у замов, жизнь только у министра. Он вообще живет «в графике» совещаний, заседаний, приемов и встреч.

(Вышеприведенный анекдот подходит к министру в еще большей степени, чем к его замам.) Его всегда могут вызвать с докладом по любому вопросу на самый «верх», услать в срочную командировку и т. д.

Весь «негатив» министр вымещает на своих замах. Замы, однако, в известной мере защищены от его гнева. Министр не может сам их не только уволить, но даже наказать, так как назначаются замы постановлением правительства, подписанным его председателем.

Одной из главных обязанностей министра является присутствие на еженедельных заседаниях правительства. Там нужно быть готовым к любому вопросу и любой неожиданности. Мне в отсутствие министра не раз доводилось бывать на заседаниях правительства. В большинстве случаев они

производили унылое впечатление. Казалось бы, такая огромная правительственная машина должна была бы выносить на высший уровень принятия решений ключевые, стратегические вопросы. На деле, в большинстве случаев, это была обычная текучка. Показательно, что решения принимались не на основании каких-либо расчетов, оценок и прогнозов, а на уровне эмоциональных мнений и прямого лоббирования.

В период реформ первейшей задачей каждого министерства является борьба за выживание. При каждой смене правительства меняется структура органов исполнительной власти, и в ней вполне может не оказаться того или иного ведомства. Мало того, любая смена названия ведомства или его статуса немедленно приводит к полной его реорганизации. Весь штат назначается заново. Это касается и заместителей министра. Именно в этот момент и происходят самые серьезные кадровые изменения; вновь назначенный министр может привести с собой вообще новую команду. Так что смены вывесок чиновники боятся больше всего на свете.

В своей работе любое министерство существенно зависит от курирующего его вице-премьера. Самая напряженная ситуация сложилась, когда наше ведомство попало к В. Булгаку. У нас даже появилась шутка, что Миннауки стало у него «любимой женой». Дело было поставлено на плановую основу. Без совещаний не проходило ни одной недели, иной раз их было по три-четыре. Итогом каждого совещания был протокол с десятком поручений в наш адрес. Этими протоколами и поручениями мы были обложены, как волки красными флажками. Причем они так быстро множились, что мы уже не успевали их «разгребать». Дело дошло до того, что с вице-премьером мы, замы министра, общались чаще, чем с министром. К счастью, в это время подоспела новая смена правительства, и Булгака назначили министром… к нам же.

Сменил он Фортова. Характерно при этом то, что оба они узнали о своих перемещениях из сообщения по телевидению. Кадровые перестановки, надо сказать, и раньше происходили столь же «деликатным» образом. Салтыкову, к примеру, после аналогичного телевизионного сообщения позвонили из приемной В. Черномырдина и попросили не отлучаться, поскольку Виктор Степанович хочет с ним переговорить. Салтыков не отлучался целый день, но Виктор Степанович позвонить так и не собрался. Скорее всего, он просто не знал, что сказать, так как никаких претензий к бывшему министру у него не было и причину отставки он вразумительно мотивировать не мог. Аналогично было и с Фортовым.

Мы сильно опасались, что жизнь наша с Булгаком в должности министра будет еще «круче», чем прежде. Но все оказалось наоборот. Его подход был очень простым – деньги нужно не выпрашивать, а зарабатывать. Он сразу заявил, что попрошайничать и унижаться ни в правительстве, ни в Минфине не станет.

– Сколько денег дадут, столько и освоим, – сформулировал он свое кредо. С таким кредо науке оставалось жить недолго.

В 1998 году нашему министерству исполнилось пятьдесят лет. Для любой организации и работающих в ней на тот момент сотрудников это очень значимое событие. Подготовка к юбилею началась за три месяца. Фортов создал рабочую группу и назначил меня ее председателем.

Замыслов было много. Самым трудным оказалось написание брошюры о славном пути. У нас в то время работал человек, который стоял у истоков создания министерства в 1948 году. В свои восемьдесят шесть лет он был достаточно бодр и имел отличную память, особенно что касалось событий давних дней. В 1998 году был жив и В. Кириллин – легендарный руководитель Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ), всем хорошо известного предшественника министерства.

ГКНТ разрабатывал и претворял в жизнь государственную научно-техническую политику, он являлся важным звеном хозяйственного механизма страны. Здесь разрабатывались перспективные пятилетние планы научно-технического развития, распределялись средства по научно-техническим программам, координировались и контролировались международные связи, проводилась кадровая политика.

В ГКНТ трудилось более тысячи высококвалифицированных специалистов. Он размещался в специально построенном в центре Москвы монументальном здании, облик которого вполне соответствовал государственной значимости Комитета, возглавлявшегося заместителем председателя правительства.

Министерство науки России поначалу сохранило столь высокий статус и атрибуты власти, но постепенно стало терять средства, кадры, а с ними и управляющие функции. Неизменным оставалось лишь монументальное здание – Тверская, 11.

Очень непросто было отразить в одном юбилейном буклете все величие, успехи и сложности прежних замыслов, а также суетливые реалии сегодняшнего дня. Трудность была и в том, что за последние годы произошла переоценка ценностей, многое из того, что прежде казалось важным и грандиозным, не выдержало испытания временем. Мы, однако, понимали, что не нам давать критические оценки действиям прежних

руководителей. Описывать же все в восторженных тонах оснований тоже не было. В конце концов ограничились кратким изложением исторических фактов с упоминанием наиболее заметных участников событий.

Торжественная часть юбилея прошла на самом высоком уровне. Все выступавшие (включая руководство Федерального собрания, представителя президента, вице-премьера, президентов академий наук РФ, Белоруссии и Украины) говорили искренне и от души, что взволновало огромную аудиторию.

Апофеозом праздника явился концерт. Достаточно сказать, что в завершение вечера на сцене самозабвенным дуэтом пели З. Соткилава и А. Соловьяненко. Восторженный зал не отпускал их более получаса, да и они не торопились уходить, наслаждаясь радушным приемом и искусством друг друга.

В канун смены тысячелетий в 1999 году на нашего министра что-то нашло, и он совершил поступок, равного которому не было за всю пятидесятилетнюю историю министерства. Он пригласил на работу в качестве своего зама… женщину!!! От нас это тщательно скрывалось (наверное, чтобы не обрадовались раньше времени), но слухи все же просочились, и мы готовились к худшему. И вот случилось.

Женщина оказалась яркая и значительная. Было видно, что она умеет жить широко и красиво. Все мы ходили на работу, как правило, летом в одном костюме, зимой – в другом. Теперь же перед нами постоянно был пример изысканности, новая заместительница каждый день приходила в чем-то нарядном и безукоризненном.

За столом во время обеда вместо смачных анекдотов приходилось вести светскую беседу, тщательно следя за своей речью, особенно в части междометий и мелких связок, а также не брать котлеты руками. Давалось это нелегко. Дама между тем чувствовала себя в нашей полупарализованной компании вполне раскованно, поглядывая на нас с пониманием и терпеливой снисходительностью.

Наибольшие трудности выпали на мою долю, поскольку поселили И. Осокину – такая у нее фамилия – в кабинете напротив. С дамами из высшего света лично мне до того времени общаться не приходилось, поэтому в наших первых беседах с Ириной Евгеньевной – так звали мою новую соседку – я старался меньше говорить и больше слушать, чтобы казаться умнее (испытанный, между прочим, прием). Остальные замы общались с И. Осокиной меньше и за впечатлениями приходили ко мне. Увы, утешить их в то время я ничем не мог, так как и сам толком не представлял, что за «штучка» притаилась за соседней

дверью.

Примерно через пару месяцев после появления у нас Осокиной отмечали двухсотсемидесятипятилетие Академии наук, и по этому поводу был дан прием в Кремлевском дворце. Осокина попросила меня сопроводить ее на этот прием и быть с ней вместе, поскольку чувствовала она себя в этом новом сообществе не вполне уверенно.

Я, по неосмотрительности, с готовностью согласился. Возможные последствия своего простодушного поступка я не осознал ни после того, как увидел Осокину в невероятном платье с воротником из страусиных перьев, ни тогда, когда весь зал и особенно женщины обомлели от этого «страусиного вызова». Мне даже нравилось быть в центре внимания огромного зала, желавшего (мужской своей частью) познакомиться с моей необычной спутницей. Осознание глубины совершенной ошибки пришло через несколько дней, когда выяснилось, что я утратил свои устойчивые позиции у очень многих знакомых женщин. С тех пор я стал более осмотрительным и использовал близость с Осокиной исключительно в служебных целях.

Подводя итоги, следует признать с сожалением, что Министерство науки в целом и я в частности не так уж много смогли сделать для научной сферы. В большинстве своем наши действия в условиях неполноценного финансирования сводились к обеспечению выживания институтов и ученых. Принимавшиеся программы научно-исследовательских работ были правильными по своему замыслу, но совершенно не адекватными объемам финансирования. Не удалось создать сколь-нибудь значимых в масштабах государства научных комплексов, начатые строительные проекты тянулись годами. Про один из крупнейших – реактор «Пик» в Гатчине – даже появилась грустная шутка, сформулированная в виде утверждения: «До пуска реактора “Пик” осталось пять лет». Это утверждение оставалось справедливым на протяжении всех восьми лет моей работы в министерстве.

Получилось так, что в период реформ наука стала вовсе не нужна стране, а точнее, ее руководству. Ее финансирование рассматривалось как обуза бюджету. При столь низком финансировании требовать отдачи от ученых не было никаких оснований. Я неоднократно обращался к заместителям председателя правительства, курирующим научную сферу, с конкретными предложениями по повышению востребованности науки в системе государственного управления и в экономике. Но без толку.

А вот в плане международного научного сотрудничества дело

обстояло существенно лучше. Высокая квалификация российских ученых обеспечивала наше участие во всех самых крупных международных проектах при весьма скромном финансовом вкладе. Задача министерства состояла в решении правовых, организационных и финансовых вопросов. Последние были самыми сложными. Из года в год Минфин стремился сократить эту статью расходов под тем демагогическим предлогом, что нечего развивать науку за рубежом. Прервать международное сотрудничество в сложившихся условиях – это значит лишить наших ученых доступа на современные научные мегаустановки, которых в стране нет и в ближайшей перспективе не ожидается.

В целом сфера науки за годы реформ понесла большие потери. Министерство в своей деятельности смогло их минимизировать, но не предотвратить. Последнее было просто невозможно в рамках проводившейся в то время государственной политики.

Восемь лет работы в министерстве стали для меня важным отрезком жизненного пути. Придя в министерство из физической лаборатории, я год за годом добросовестно постигал тонкости бюрократической работы, но еще с большей тщательностью и интересом сам предмет – сферу науки. Самое главное, что дала мне работа в министерстве, – умение работать с людьми, безошибочно отличать настоящих ученых от деятелей науки, за красивыми словами которых не стоит ничего, кроме меркантильных интересов. Должен сказать, что число последних было не так велико, но в силу своей безудержной активности они доставляли немало проблем. Я могу зачесть себе в плюс, что ни разу не поддался на их уговоры. Это в значительной степени способствовало моему авторитету в научном сообществе, хотя породило и нескольких серьезных противников с высокими научными званиями. Без противостояний не обходится ни в одном большом деле, они вроде как бы и нужны, чтобы не расслабляться.

Глава семнадцатая
Чиновничья работа

Опытный чиновник – это профессиональный лоцман, который не только досконально знает свой маневр и маршрут любого документа, но заранее предвидит и устраняет возможные препятствия на его пути. После того как проблема проявилась, решить ее всегда намного сложнее. Успех дела обычно зависит от взаимоотношений людей. Чем больше у вас друзей, приятелей и знакомых в коридорах власти, тем больше ваш собственный вес и ваши возможности.

Чиновник, как правило, не несет ответственности за оптимальность решения порученной проблемы. Мотивированно взыскать за это достаточно трудно, а вот несоблюдение сроков – самое очевидное и крупное чиновничье нарушение. Соблюдение сроков легче всего контролировать и труднее всего оспорить. Это своего рода «контрольный выстрел» вышестоящей организации.

В чиновничьей работе для реализации замыслов очень важно уметь разыгрывать многоходовые комбинации. На первом этапе в какой-либо план или прогноз «забиваются» малозначимые, на первый взгляд, формулировки-колышки. Затем на них натягиваются ниточки и веревочки, формирующие цепочку, по которой начинается подъем к намеченной цели. Нередко

удается обставить дело так, что суть многоходового замысла становится понятна оппонентам только после того, как остановить бюрократический процесс уже невозможно, ибо предложение попало в документы самого высокого уровня.

В этом плане стратегическим моментом для чиновника является период подготовки «судьбоносных» выступлений первых лиц. Самый верх – это Послание Президента. Если повезет и удастся вставить в него хотя бы пару нужных строк, считай, больше половины дела сделано. В план реализации Послания, который в горячке готовит каждое ведомство, можно будет вписать несколько нужных мероприятий и получить по ним поручения правительства.

Приход нового правительства (а такое при Ельцине случалось нередко) требует от министерства новых идей, подходов и взглядов. Старые замыслы, еще вчера казавшиеся незыблемыми, быстро уходят в небытие. Новому начальнику, как воздух, требуются значимые начинания или, по крайней мере, «старые песни в новой аранжировке». Здесь на первое место выходят генераторы идей. Идея не обязательно должна быть реализуемой, но обязательно многообещающей и яркой. Далее следует процесс обсуждения и проработки замысла. При определенных навыках балансирования на этом можно продержаться до новой смены руководства.

Очень важной стороной деятельности министерства является освещение его работы в СМИ. Журналистов, как известно, больше всего интересуют скандалы, поэтому с ними приходится держать ухо востро. Не зря бывалые замы избегали любых интервью, как черт ладана. Мне деваться было некуда, и интервью за свою бытность я дал немало, а еще больше написал статей. Правило здесь одно – тщательно готовиться и не допускать резких суждений. Тем не менее разгромные рецензии на мои статьи подчас появлялись.

Самым жестким моим критиком был академик В. Страхов. Любопытно притом, что наши личные отношения оставались вполне добросердечными. При встрече он пожимал плечами и говорил:

– Ну, так уж получилось.

Впрочем, и я на его критику никогда не обижался. Его резкие, обычно спорные высказывания только привлекали больше внимания к моим статьям, которые иначе для многих остались бы просто незамеченными.

Написание статьи занимает у меня много времени. Приходится делать до десятка версий, пока материал начинает нравиться. Но работа эта очень полезная, в ее процессе находишь

массу точных формулировок, сам начинаешь глубже понимать проблему. Это касается и публичных выступлений в самых разных аудиториях, начиная от трибуны Государственной думы и кончая профсоюзными сходками. Выступления на последних, кстати, самые сложные.

Случались и неожиданности. Так, однажды академик Ю. Гуляев уговорил меня прийти на конференцию, посвященную юбилею В. Шухова. Проходила она при огромном стечении народа в здании мэрии Москвы. В президиуме я сидел рядом с Фортовым, который к тому времени уже не был министром, но как и прежде тщательно готовился к своему выступлению. Судя по многочисленным пометкам, он уже, наверное, в десятый раз правил свой текст; на данный момент – в свете доклада, который делал Ю. Лужков. Я даже подтрунивал над ним.

Доклад Лужкова аудитория встретила продолжительными аплодисментами. Когда зал затих, Гуляев предоставил слово для доклада от лица министерства… мне. Это была, мягко говоря, импровизация, в программе такого доклада не было и в помине. Потом Гуляев объяснил, что это был знак уважения к министерству и ко мне лично за поддержку конференции.

Я понимал, что отказаться от доклада теперь невозможно, но и вещать без подготовки перед тысячей человек после столь сильного выступления Лужкова – смертельный номер. От трибуны меня отделяло примерно сорок спасительных метров, то есть было около десяти секунд на размышление. Все, что я мог, это отыскать в памяти подходящую к случаю статью из ранее написанных и озвучить ее.

После нескольких общих приветственных слов я включил в голове «пластинку» и начал ее воспроизводить. Мозг мой в этой критической ситуации перешел как бы на двухпроцессорный режим работы. Такого со мной никогда не случалось ни до, ни после. Один, менее значительный человек был обособлен от меня и что-то жестикулируя говорил, причем ему для этого была выделена меньшая часть ресурсов. Основная же часть мозга принадлежала другому главному индивидууму, который смотрел на выступление со стороны, анализировал реакцию аудитории и лихорадочно подтаскивал дальнейший материал. В иные моменты запас подобранных слов у первой моей половины не превышал двух-трех.

В столь удивительном, раздвоенном состоянии я находился минут пять, пока, наконец, в голове не разложились странички по полочкам. Раздвоенность сразу прошла, я почувствовал огромное облегчение и завладел, наконец, аудиторией.

Говорил я минут двадцать. Фортов выступление похвалил,

надеюсь, искренне. Гуляева я от души поблагодарил за такую подставу. Он тоже рассыпался в уверениях, что все прошло замечательно. У меня было чувство как после труднейшего экзамена. Мозг погрузился в состояние глубокой апатии.

В публичных выступлениях «момент истины» наступает при ответах на вопросы. Это самое интересное и самое опасное. Главное не тушеваться, иначе будешь моментально повержен. Исключительно помогает контакт с аудиторией. Его готовить следует уже в ходе доклада. Нужно доверительно присматриваться к слушателям, обращаться непосредственно, глядя людям в глаза, и следить за их реакцией.

В ответах на вопросы возможны разные тактики, но всегда важно показать, что ты владеешь темой лучше, чем тот, кто ее поднял. Можно начать, например, так:

– Я категорически не согласен с такой постановкой вопроса!

Это очень выигрышно, сразу привлечет внимание, но допустимо только при наличии убедительных аргументов.

Второй путь – это согласиться, поблагодарить за вопрос и развить заложенную в вопросе мысль, дополнив ее новым содержанием.

Для разнообразия целесообразно использовать оба подхода.

Очень хорошо аудитория реагирует, когда на длинный, занудливый вопрос следует короткий ответ. Яркий случай был у меня во время думских слушаний. Первым с вопросом обратился какой-то самодеятельный религиозный философ. Он, похоже, хотел, воспользовавшись случаем, скорее выступить, нежели о чем-то спросить. Говорил долго, минуты две, вызывая постепенно раздражение аудитории, которой не терпелось поднять более злободневные и острые проблемы. Чтобы как-то подытожить свое выступление, он сформулировал, наконец, вопрос:

– Какое ваше мнение относительно роли сознания и веры в формировании цивилизационного пути, разделяете ли вы мою позицию?

– Нет, – сказал я.

Философ напрягся в ожидании аргументов. Аудитория тоже затихла. Я же спокойно держал паузу, подчеркивая своей невозмутимостью вопиющее несоответствие между витиеватостью вопроса и краткостью ответа. Тишина ожидания длилась несколько секунд, пока зал не понял, что ответ закончен, и разразился смехом. Философ еще какое-то время помешкал у микрофона, не зная, что делать с таким ответом. Я же с этого момента стал хозяином положения.

Удачная шутка вообще лучшая помощница при работе

с аудиторией. Самые каверзные вопросы следует принимать с улыбкой и никогда не злиться.

Очень хорошее впечатление производят искренние признания типа:

– К сожалению, я не могу исчерпывающе ответить на ваш вопрос, поскольку не владею данным направлением столь профессионально.

Важно, чтобы таких ответов было не более одного, и лучше этим приемом пользоваться после того, как вы уже продемонстрировали свою эрудицию и знания.

Для меня публичная часть работы в министерстве всегда была наиболее интересной. Много раз приходилось вести непростые совещания и заседания с активным противоборством. Решающее значение для перелома ситуации в свою пользу имеют новые, неожиданные для противника аргументы. Их следует готовить заранее и тщательно приберегать для критического момента. Достаточно самого бесцеремонного оппонента один раз публично поставить в тупик, чтобы он потерял уверенность и поубавил спеси.

Работа чиновника в Миннауки своеобразна и кое в чем схожа с научной деятельностью. Она требует определенного кругозора, чтобы на равных беседовать с посетителями и не попасться «на удочку» проходимцев от науки. Поддерживать «форму» можно несколькими способами. На первое место я бы поставил посещение научных организаций. Польза здесь двойная. Во-первых, ученым нравится, когда руководство оказывает внимание их работам и вникает в суть проблем. Во-вторых, неискаженное представление о ситуации в научной сфере, необходимое для принятия адекватных решений, можно получить только из первых рук на месте «боевых действий». За несколько часов иной раз узнаешь больше, чем за неделю изучения бумаг. К тому же зрительная память очень цепкая, и деловые впечатления и люди фиксируются в ней надолго.

На второе место по значимости для расширения научного кругозора я без колебаний ставлю действующий в министерстве семинар «Россия – XXI». Его идея родилась после первой одноименной конференции и оказалась плодотворной во многих отношениях. Приглашая с докладами ведущих специалистов из различных областей, можно за два-три часа войти в курс дела практически по любому вопросу. Семинар играет большую роль и в сближении министерства с научным сообществом. Многие известные деятели науки впервые попали в наши стены именно таким путем.

Важное отличие чиновника от научного сотрудника состоит

в том, что успехи, достигнутые в «прошлой жизни» (при прежнем руководстве), далеко не всегда идут в плюс. У чиновника накапливаются не результаты и достижения, а опыт, контакты и служебный стаж, который, в частности, определяет уровень его благополучия в «следующей жизни» (на пенсии). Поэтому и мотивация поступков у чиновника совсем иная – главное продержаться, пережить очередную реорганизацию.

Такое устройство аппарата стабилизирует систему власти, повышает исполнительность, но подавляет инициативу. Творческим людям в чиновничьем мундире бывает тесновато. Утешает то, что частые смены руководства дают несколько попыток для реализации нововведений. Нужно только запастись терпением и не лезть на рожон.

Взаимоотношения министерства с научным сообществом никогда не были простыми. Сфера науки всегда сильно сопротивляется административному реформированию и является весьма консервативной по своей сути – ученым не станешь в одночасье, каким бы высоким именем ни было освящено это желание.

При организации системы государственного управления сферой науки приходится решать весьма важный вопрос: кому виднее перспективы и приоритеты будущего развития – ученому или начальнику (чиновнику высокого ранга).

Мнение ученых по этому поводу совершенно однозначно. Оно основано на том, что каждый исследователь убежден в актуальности решаемой проблемы. Основа такой уверенности базируется на безусловной полезности любых новых научных знаний.

Требования к деловым качествам чиновников существенно иные, нежели к научным работникам. Чиновник работает не с образцами, аппаратурой и формулами, а с бумагами и людьми. Итогом работы является документ или организационное решение. Уровень документа варьируется от законопроекта до ответа на письмо из деревни, но при этом в любом случае документ должен быть мотивированным, корректным и юридически безупречным. Также и общаться приходится с людьми самого различного ранга. Мало кто обладает полным набором необходимых деловых качеств, обычно чиновников, как и ученых, можно подразделить на определенные категории.

Творцы. Они наполнены идеями и замыслами – от насущных до фантастических. Это впередсмотрящие, источники инициативной политики ведомства. Они редки, но их много и не требуется.

Знатоки. Это старожилы, наделенные монументальной

памятью. Они держат в уме всю уйму законов, указов, постановлений, распоряжений, приказов и инструкций. Они знают, что допустимо, а что нет, на что и как сослаться, чем защититься. Без таких специалистов нечего и браться за дело. Но на улице их не найдешь.

Писатели. Это не просто литературно одаренные люди. Они способны изложить документ грамотным и изящным бюрократическим языком с предвидением всех нюансов, возможных позитивных и негативных последствий.

Ораторы. Они могут убедительно выступить в любой аудитории, от заседания правительства до профсоюзного собрания.

Переговорщики. Это люди быстрого ума, психологи и даже артисты. Они могут виртуозно провести любое совещание от международного форума до планерки, умеют слушать, входить в доверие, быть гибкими и обаятельными, терпеливыми и изощренными.

Диспетчеры. Они сортируют входящие документы и должны обладать кругозором в сфере ответственности министерства, чтобы понять суть документа, и знать реальные возможности и полномочия сотрудников, чтобы правильно адресовать документ для исполнения. Именно они готовят резолюцию по документу для министра.

Согласователи. Они должны без комплексов звонить в любые инстанции, добиваться аудиенции, обладать настойчивостью и способностью подолгу ждать приема у начальства, спокойно выслушивать бесконечные замечания, находить компромиссы.

Чистильщики. Обладают способностью с первого взгляда заметить ошибки в любом читаном-перечитаном документе. Без их контроля нельзя отправлять ни один значимый документ.

Делопроизводители. Это четкие, несуетливые, хорошо организованные люди, не хватающие звезд с неба, но способные навести порядок в бушующем море бумаг. Без них бюрократический корабль в первый же день пойдет ко дну.

Хорошим чиновником не рождаются, им становятся, только «понюхав пороха» в реальном деле, пройдя школу человеческих взаимоотношений и набравшись опыта управления и житейской мудрости.

Все чиновники могут быть ранжированы по уровню деловой ответственности. В министерстве я застал специалистов старой формации, для которых работа была делом жизни. Они в принципе не могли подвести. Но были и обратные примеры.

Существует парадокс – чем лучше работает чиновник, тем меньше он заметен. Это как лифтер, о наличии которого мы вспоминаем только при остановке лифта и искренне благодарны ему за высвобождение из плена застрявшей между этажами кабины и последующий ремонт.

Аналогично в сфере науки. Пока вся система обеспечения сферы науки работает в отлаженном режиме, она как бы и не заметна. Но вот внесен в Думу новый законопроект, в котором ограничиваются экономические права субъектов научной сферы, и Министерство науки сразу попадает в центр внимания. Именно на него возлагаются надежды по защите интересов науки. Другой типичный пример – Минфин задерживает перечисление денег на заграничные командировки, срываются серьезные проекты. Опять Министерство науки становится «палочкой-выручалочкой».

Особенно возрастает роль чиновника в условиях сокращения объемов распределяемых средств. Это его звездный час. Чиновник не получит и устной благодарности, если обеспечит бесперебойное снабжение институтов деньгами. О нем вспоминают только тогда, когда начинаются сбои.

«Новые русские чиновники» убеждены в том, что их мастерство не в том, чтобы решать проблемы, а в том, чтобы умело их создавать таким образом, чтобы стать ключевым звеном в их разрешении. Это относится к чиновникам не только научной сферы, но в науке реализовать данный посыл особенно просто, так как велик фактор субъективности оценки результатов научной деятельности. Их не измеришь ни в киловаттах, ни в килограммах.

Глава восемнадцатая
Расу

Российское агентство по системам управления – РАСУ, как и еще три других оборонных агентства, было создано в 1999 году. С первым генеральным директором – В. Симоновым я был знаком со времен заключительного XXVIII съезда КПСС, на котором мы оба были делегатами. Это очень энергичный, умный и цепкий человек с пронзительным взглядом. За короткий срок он фактически с нуля организовал новую структуру, которой предстояло руководить огромным количеством НИИ, КБ и заводов, возглавляемых в прежние времена тремя министерствами: радиопромышленности, промышленности средств связи и электронной промышленности. Думаю, что он придумал и название агентству: не какая-нибудь там «радиоэлектроника», а «системы управления». Звучит красиво и очень солидно, убедительно. Это в его стиле. Другие агентства назывались буднично: по обычным вооружениям, по судостроению, по боеприпасам.

В. Симонов самым активным образом включился в процесс реформирования отрасли. Действовал он решительно, не слишком считаясь с интересами регионов и предприятий, создавая себе тем самым немало проблем. Итогом стало его освобождение в начале 2002 года от занимаемой должности.

Полгода шла борьба за вакантное место. Никак в ней не участвуя, я нежданно-негаданно в октябре 2002 года получил назначение на эту ответственную должность.

В РАСУ меня никто не знал, так же как и я видел своих новых сотрудников впервые, за исключением моего сотрудника по прежней работе, В. Биттера, который уже более полугода трудился в агентстве. Именно он и ввел меня в курс дела, подробно охарактеризовав пятерых моих замов и других начальников. Без его участия положение мое было бы чрезвычайно сложным.

Было понятно, что от моих первых шагов будет зависеть очень многое. Авторитарный стиль работы прежнего руководителя для меня был в принципе неприемлем. Я решил идти от противного – создать гибкую систему управления, опирающуюся на мнение директоров предприятий, относительно крутых нравов которых меня предостерег при назначении премьер.

В хорошем деле всегда найдется активист, способный взять на себя роль организатора. Так произошло и в этом случае. Уже в первый же день в мой кабинет вихрем ворвалась энергичная женщина – директор института повышения квалификации, и надолго завладела моим вниманием. Она знала все обо всех. Мне достаточно было только заикнуться о желании создать совет директоров отрасли, как идея была подхвачена, и через несколько дней я уже имел проект его состава и регламента. Вскоре совет был собран, и мне предстояло выступить с программной речью перед тремя десятками директоров самых крупных предприятий отрасли.

В прежние советские времена при вступлении в должность руководитель обычно говорил о необходимости мобилизовать все силы на выполнение напряженных планов. В 2002 году напряженных планов не было ни на одном предприятии. Напротив, директора не могли набрать заказов, чтобы загрузить производство. Так что выступление мне нужно было строить совсем в иной тональности. К тому же каких-либо конкретных задач премьер передо мной и новым ведомством также не поставил.

Приглашенные со всей необъятной страны директора прибыли на совещание все до единого. В большинстве своем это были солидные люди в возрасте около шестидесяти лет. Молодежь представляло только трое. Мы не без труда отыскали их при формировании совета среди семи сотен директоров подведомственных предприятий.

Свое выступление я начал без какого-либо пафоса. Его логика

была очень проста, а именно: в любом большом деле важно видеть и понимать не только конкретные задачи и проблемы, но также общие тенденции развития. Следующей темой стала коррупция и ее пагубная роль в нашем обществе. Этот вопрос мне не давал покоя уже несколько лет, и поэтому свою точку зрения я донес до аудитории вполне конкретно, предложив директорам исключить «откаты». Для собравшихся это было весьма неожиданно и привлекательно, так как каждый директор на себе испытал все «прелести» работы в реальных финансовых условиях. Следующий момент выступления был связан с необходимостью укрепления научного компонента отрасли. Здесь я также чувствовал себя вполне уверенно.

Директора слушали внимательно, видно было, что определенный авторитет я своим выступлением уже заработал. Теперь можно было честно признаться, что радиоэлектронная промышленность дело для меня новое, и я бы хотел в своих действиях опираться, прежде всего, на мудрость их директорского корпуса.

По опыту прежней работы я оценил отведенное мне время для реализации замыслов примерно в полтора года (как в воду глядел) и призвал всех к интенсивной работе без раскачки.

Вопросов ко мне было немного, все единодушно поддержали предложение о создании совета директоров отрасли, и после торжественного обеда я был радушно принят в сообщество радиоэлектронщиков.

Объем средств, проходящих через агентство, составлял совершенно незначительную по масштабам отрасли сумму – менее двух миллиардов рублей в год. При этом генеральному директору агентства, в отличие, например, от министра науки, вообще никаких резервных средств для оперативных нужд не предусматривалось. Основное финансирование предприятий шло по линии государственного оборонного заказа через Минобороны и по линии зарубежного военно-технического сотрудничества. Влиять на тематику заказов и распределение их по предприятиям агентство могло также в очень ограниченных пределах.

Следуя наставлениям Конфуция для руководителя – «Много наблюдать и оставлять в стороне опасное», я стал внимательно знакомиться с людьми и отраслью. Посещение предприятий стало одним из важнейших приоритетов, причем делал я это охотно, с искренним интересом. Начав с Московского региона и поднабравшись опыта, я приступил к дальним поездкам. Сначала ездил один, чем немало удивлял директоров и местное руководство. Без свиты московские начальники обычно не ездят.

Однако с приходом помощника свита в минимальном количестве появилась и у меня. Помощник осуществлял не только организацию визитов, но и четко отрабатывал их результаты, контролируя исполнение принятых решений. Он быстро завоевал авторитет как в агентстве, так и на местах.

С московскими организациями все было сравнительно просто. Пару часов знакомишься с руководством и предприятием, затем в активном режиме торжественно ужинаешь и едешь домой приходить в себя. В регионах все происходило примерно по такой же схеме, только за пару дней надо было посетить от пяти до десяти организаций. В первый день приходилось работать с самого утра и до поздней ночи. Директора при этом поочередно сменяли друг друга, но каждый считал своим долгом реализовать программу по максимуму. Как в испытаниях спецназовцев на краповый берет, когда в каждом раунде против претендента выходит свежий противник. В гостиницу попадаешь к ночи весьма утомленным как впечатлениями, так и, особенно, гостеприимством. А на следующий день с самого утра ждут своей очереди новые директора и новые акты гостеприимства. А в конце второго дня обычно встреча и ужин с губернатором, после чего проводы и «посошок» на вокзале, в аэропорту или на границе области в зависимости от используемого вида транспорта.

Впечатления от этих поездок до сих пор свежи в памяти. С одной стороны, за пару дней узнаешь массу удивительного, а с другой – сколько таких куммулятивных ударов может выдержать организм? За полтора года работы в РАСУ я выпил водки, виски и коньяка больше, чем за всю предыдущую и, надеюсь, последующую жизнь. Директора, надо признать, в этом деле люди весьма закаленные, и ни один обед, а тем более ужин не проходил без десятка тостов государственного значения, уклониться от которых было просто невозможно.

Заканчивая тему банкетов, должен сказать, что круче, чем в промышленности, они только у военных. Там все отработано до мелочей, а мелочи доведены до совершенства. Между тостами, в частности, не должна пролететь пуля, а после каждого тоста раздается громогласное троекратное «Ура! Ура! У-р-р-ра!». Должен признать, что это как-то завораживающе увлекает. Примерно с третьего тоста полноценно вливаешься в коллектив, а на следующий день с горечью и болью осознаешь степень своей неосмотрительности.

При взаимодействии с огромным числом директоров предприятий и генеральных конструкторов у меня сразу обнаружилось серьезное затруднение, связанное с тем, что запомнить их имена и отчества я не мог в принципе. Когда

встречи имели неожиданный характер, приходилось извиняться и просить напомнить, а чтобы выйти из неудобной ситуации, я даже придумал специальную шутку. После напоминания я радостно восклицал:

– А-а, как и раньше!

Такой простой прием неизменно вызывал улыбку и сразу снимал неловкость.

За полтора года работы в РАСУ я посетил около полутора сотен предприятий в тридцати городах. Впечатлений масса. Во-первых, от былого величия отрасли. Численность некоторых предприятий в лучшие времена достигала 10 и более тысяч человек. Некоторые цеха по размерам как на авиационных заводах. Объемы выпуска радиоэлектронной продукции характеризует уже тот факт, что один только завод «Рефлектор» в Саратове выпустил миллиард радиоламп – больше, чем осветительных ламп во всей стране.

Положение же дел на большинстве предприятий было далеким от благополучия. Все пытались выжить и найти себе место в новых условиях, что было непросто. Гражданская электроника не выдержала конкуренции с Западом и Востоком. Слабая загруженность предприятий привела к крайне низкой заработной плате и, как следствие, к потере наиболее квалифицированных кадров.

Главной проблемой директоров теперь стало не столько выполнение заказов, сколько выплата заработной платы. Нужно отдать должное, что в большинстве своем они делали и сделали все возможное для спасения предприятий от банкротства и разорения.

Имея в своем распоряжении очень ограниченные финансовые ресурсы, я решил по максимуму использовать моральные стимулы. В этом плане были реализованы два замысла. Во-первых, утверждены четыре именные медали прежних министров отрасли: В. Калмыкова, А. Шокина, В. Шимко и Э. Первышина, которые ежегодно по решению Совета директоров присуждались наиболее заслуженным специалистам. Во-вторых, издана биографическая энциклопедия отрасли, в которой собраны материалы об ученых, конструкторах, инженерах, рабочих и руководителях предприятий, чей труд был отмечен премиями государственного уровня и званиями Героев Социалистического Труда. Благо на местах еще сохранились люди, которые смогли собрать нужные сведения об истории предприятия. Число лауреатов в отрасли оказалось столь велико (1500 человек), что потребовалось издавать три тома энциклопедии. И это притом, что такого уровня награды тогда давались лишь

за выдающиеся заслуги!

Рабочий день в РАСУ у меня не был слишком напряженным и обычно длился около 10 часов. В семь часов вечера я отправлялся домой с чувством выполненного долга. Я вообще не любитель засиживаться до глубокой ночи. В этом, на мой взгляд, больше показухи, чем пользы. Во-первых, усталость притупляет ум, а во-вторых, переутомившись вечером, плохо работаешь и утром. Для умственного труда отдых исключительно важен. Я заметил, что самые хорошие идеи приходят в понедельник, важно только поставить мозгу задачу в пятницу и не вмешиваться в его работу в выходные.

Встречи с директорами предприятий занимали более половины моего рабочего времени. Каждый из них обычно излагал свои проблемы и достижения, а также общее видение ситуации. Частенько информация от разных директоров находилась в явном противоречии. Выяснить истинное положение дел в приватных разговорах оказывалось непросто. Поэтому я решил перейти к практике публичного обсуждения ключевых проблем.

Было определено несколько тем и сроки совещаний. Подготовка каждого совещания обычно занимала около месяца. Кроме основного доклада намечались выступления представителей конкурирующих организаций, независимых экспертов и заказчиков. Совещания проводились в формате коллегии и занимали целый день.

Итоги полностью оправдали ожидания. Одно дело что-то говорить и обещать мне с глазу на глаз в кабинете и совсем другое – в профессионально подготовленной аудитории, включающей явных оппонентов. Дискуссии носили весьма острый характер и давали точную картину происходящего в отрасли. За год удалось подготовить и провести три таких совещания и принять ответственные коллегиальные решения.

Другой важной формой обмена мнениями и общения стали отраслевые конференции. В 2003 году конференцию организовали в Саратове. Она собрала несколько сотен человек со всех крупных предприятий и имела высокий уровень представительства других ведомств: начальник вооружений со стороны военных, заместители министров, руководители целого ряда главков, центров и академий, в первую очередь РАН. Со стороны РАН самым активным союзником РАСУ был академик Ю. Гуляев, директор Института радиотехники и электроники. Он поддерживал меня в самых сложных ситуациях.

Конференция в Саратове прошла на высоком научном уровне. Фактически это была первая отраслевая конференция. Было

принято решение сделать такие конференции регулярными и проводить их раз в год в регионах. Но, как это часто бывает, на последующих конференциях научная часть стала постепенно сжиматься, уступая место неформальному общению. Все больший размах приобретали вечерние мероприятия. В Саратове они тоже были организованы на самом высоком уровне, но оставались при этом все же дополнением к основной программе.

Апофеоза культурная программа достигла в Санкт-Петербурге в 2008 году. Организаторы среди прочих грандиозных мероприятий организовали вечернюю экскурсию в Петергоф. Дело было в конце сентября. Сезон фонтанов закончился, но не для всех. Для нас их должны были вновь включить во всем великолепии с цветомузыкальным сопровождением. Понятно, что был заказан ресторан с артистами, а примчаться в Петергоф мы должны были на быстроходных катерах.

Все бы, вероятно, так замечательно и случилось, если бы на одном из катеров капитан не был, по-видимому, пьян и не посадил судно на мель. В результате культурное мероприятие превратилось сначала в спасательную операцию с участием сил МЧС, затем в сюжет телевизионных новостей и, в конце концов, в медицинские проблемы для двух десятков человек, в числе которых было суждено оказаться и мне.

К чести организаторов конференции следует признать, что они сделали все, чтобы минимизировать последствия катастрофы. С самой лучшей стороны проявил себя председатель оргкомитета. Видно было, что за его плечами серьезная армейская школа. В его действиях не было и тени паники. Буквально за несколько минут он организовал эвакуацию людей, а затем и лечение пострадавших в лучшей клинике города. Это притом, что и сам он серьезно пострадал, а позже перенес сложнейшую операцию.

Надеюсь, что из этого драматического события организаторы конференций извлекут соответствующий урок.

Еженедельные планерки являлись важным моментом в системе управления РАСУ. Школу по их проведению я прошел в свое время у вице-премьера В. Булгака. Главное, чтобы каждый заместитель получал конкретные задания, срок исполнения которых фиксировался в протоколе. Обычно это срабатывает, и дела продвигаются достаточно динамично. Правда, однажды и здесь мне был преподнесен небольшой новый урок. Один из замов отвечал за организацию конференции. Срок ее приближался, а число заявленных участников было совсем незначительным. Я потребовал интенсифицировать работу. Он заявил, что через неделю все будет решено. Я выразил

сомнение, что это реально при его подходе к делу, и получил очередные заверения. Когда через неделю результата не было, спрашиваю:

– Как же так?

Ответ прозвучал более чем достойный:

– Но вы же сами сказали, что сделать это не удастся. И как всегда оказались правы!

После этого сомнений в реальности выполнения поручений я уже никогда не выражал.

Во время работы в РАСУ одной из моих навязчивых идей было изжить коррупцию. Уже на первом заседании конкурсной комиссии по выбору директоров я обратил внимание, что перед голосованием ее члены застыли в ожидании моего мнения, рассматривая результаты голосования как предрешенное дело. Я высказал свою точку зрения относительно всех кандидатов, не акцентируясь ни на ком конкретно. В результате директором избрали явно не того, кому это было обещано сотрудниками агентства, готовившими данный вопрос, что сильно удивило как избранного, так и неизбранного. Кстати говоря, выбор оказался весьма удачным, хотя новый директор еще с год не мог оправиться от удивления и все благодарил за оказанное доверие.

После этого случая ситуация с выбором директоров нормализовалась, и члены комиссии, почувствовав свою роль, стали более активными и требовательными к участникам конкурса.

Одной из важнейших проблем оборонной промышленности являлась и остается по сей день устаревшая электронная компонентная база. РАСУ выходило с предложениями по этому поводу в правительство не раз, но только в 2003 году удалось добиться целевого финансирования в размере 300 млн руб. на решение этих задач. Деньги, однако, были выделены агентству не напрямую, а через Министерство промышленности, которое расставаться с ними никак не хотело. Бюрократическая борьба длилась несколько месяцев. Исчерпав все свои возможности вплоть до обращения в правительство и вконец испортив отношения с руководством Минпрома, я от безысходности решил обратиться за помощью к всемогущим олигархам. Один из них имел прямую заинтересованность в развитии микроэлектроники и взялся решить проблему. Его звонка министру финансов оказалось достаточно, чтобы деньги были незамедлительно переведены в РАСУ (вот и подумаешь, кто у нас в стране главный!). К сожалению, произошло это уже в конце лета и, чтобы освоить средства до конца года, делать все пришлось наспех.

Больше всего времени занимала деятельность по созданию

интегрированных структур. На момент моего вступления в должность в разной степени готовности находился с десяток проектов. Большей бюрократической неразберихи, чем при прохождении согласования документов по интегрированным структурам, я в жизни не встречал. На каждом этапе все подвергалось сомнению и заново пересматривалось. Только отстоишь позицию на одной комиссии, как все начинается сначала на другой. Документы мы переделывали десятки раз, организации включались и исключались. В этом процессе участвовали губернаторы, сенаторы, депутаты Думы, сотрудники десятка ведомств, аппарата Правительства и Администрации Президента. В общем, все руководство страны. Можно только удивляться, что за полтора года по двум проектам все же удалось пройти весь этот путь.

Особое отношение в РАСУ было к Концерну ПВО «Алмаз – Антей». Этот первенец был создан вопреки позиции прежнего руководства и потому не очень-то им поддерживался. Такое отношение передалось и нижестоящим сотрудникам. На этапе становления у концернов множество проблем, и осложнить им жизнь с позиции агентства довольно легко.

У меня никаких личных счетов с концерном ПВО не было, более того, я прекрасно понимал, что именно в нем сосредоточен основной потенциал радиоэлектронной отрасли. Однако сломить сопротивление подчиненных было не так просто. По многим вопросам (например, по выдаче лицензий головной компании) чинились формальные препятствия, связанные с неразвитостью нормативно-правовой базы вновь созданных структур. Хотя постепенно ситуация менялась в лучшую сторону.

Тут, однако, случилось непредвиденное. И. о. генерального директора концерна ПВО был убит. Встал вопрос о новой кандидатуре. У меня на примете никого не было, и я решил посоветоваться с заказчиками и директорами головных предприятий концерна. Список предложений был невелик, и в нем не было явного фаворита. Между тем оказалось, что вопросы о подобных назначениях находятся вне компетенции руководителя агентства, хотя формально именно он должен представлять кандидатуру в правительство.

Мне намекнули, что такая кандидатура уже есть и мне остается ее только поддержать. С одной стороны, это было для меня облегчением, поскольку снимало бóльшую часть ответственности, но с другой – я не мог «терять лицо», представляя человека, которого не знал. В конце концов встреча с кандидатом была организована. Им оказался В. Меньщиков –

достаточно молодой человек приятной внешности, работавший заместителем руководителя Росрезерва. Он имел подходящее образование. Мы с ним быстро нашли общий язык и договорились, что до представления на новую должность он в течение месяца войдет в курс дел с тем, чтобы все было пристойно.

Мои осторожность и предусмотрительность были связаны, в частности, с пониманием того, что сразу после назначения нового директора концерна сбегутся корреспонденты и станут «вынимать из меня кишки», пытаясь выудить что-либо сенсационное.

В Миннауки у меня был кое-какой опыт общения с журналистами. Как правило, это были корреспонденты газеты «Поиск», финансируемой министерством. Всех их я хорошо знал, и каждое интервью перед опубликованием мне давали для прочтения, поэтому при общении с ними не было необходимости особо тщательно подбирать и взвешивать каждое слово.

В РАСУ приходили корреспонденты совершенно иного склада. Они уже после первой встречи обучили меня новому стилю общения. Их вовсе не интересовали мои рассуждения о проблемах и достижениях отрасли. Все вопросы в основном касались двух тем: увольнения и назначения директоров и связанных с этим интриг, а также особенностей зарубежных контрактов. Одно мое неосторожное слово не просто ставилось в центр публикации, но вырывалось из контекста и выносилось в заголовок статьи. После нескольких таких уроков мои высказывания сделались столь аккуратными, что корреспонденты стали появляться в РАСУ от случая к случаю.

Это имело свои негативные последствия, поскольку в статьях стала появляться «отсебятина». Так, после неудачного запуска ракеты «Булава», происходившего на глазах у президента, в «Московском комсомольце» появилось сообщение, что, согласно заключению комиссии, ракета сбилась с курса из-за отказа элементной базы, произведенной на предприятиях РАСУ. Я тут же позвонил председателю этой комиссии – заместителю министра обороны А. Московскому. Оказалось, что комиссия еще даже не приступила к работе. В такой ситуации можно было требовать опровержения и даже подавать на газету в суд. Однако предыдущий опыт убеждал меня в бесполезности таких действий. Даже если газета и принесет извинения, то рано или поздно редакция отыграется вдвойне. Поэтому я ограничился звонком главному редактору и попросил его более внимательно проверять публикуемый материал. Он обещал в порядке компенсации

опубликовать о РАСУ «что-нибудь теплое» и, надо сказать, слово сдержал.

В конце февраля 2004 года грянула административная реформа. Правительство отправили в отставку. Случилось это в день заседания Госсовета в Кремле. Новость принесли журналисты. Показательно, что ни один министр и даже заместители премьера не знали о готовящейся отставке. Кремль умеет хранить секреты.

О приближении административной реформы было известно. Более того, полгода назад была создана специальная комиссия по ее подготовке. Участвуя в ее работе, я вскоре понял, что данная комиссия является направлением «отвлекающего удара», а реальная программа реформы готовится совсем в другом месте за закрытыми дверями. Так оно и вышло.

Административная реформа началась 24 февраля 2004 года, как раз накануне моего шестидесятилетия. Фактически это был мой первый юбилей, который предстояло отметить по всей форме. Предыдущий пришелся на момент перехода из института в министерство и по этой причине прошел без особых торжеств. В этот раз ситуация была иной. В промышленности юбилеи начальства всегда отмечались с размахом.

Суета началась примерно за месяц до самого события. По косвенным признакам я понимал, что готовится нечто грандиозное. Список гостей согласовывался и уточнялся несколько раз. Я постарался сделать так, чтобы в нем были только те люди, с которыми у меня действительно были хорошие искренние отношения и которые не восприняли бы приглашение как неприятную обязанность. В результате все прошло наилучшим образом, без слащавого чинопочитания и восхваления.

Указ об упразднении оборонных агентств вышел в марте 2004 года. Два месяца было отведено сотрудникам для трудоустройства. Процесс ликвидации ведомства оказался делом замысловатым и трудоемким. К тому же он проходил в условиях хаоса, вызванного одновременным преобразованием всех органов исполнительной власти.

До пятилетнего юбилея оборонные агентства не дотянули всего два месяца. Пять лет – это примерно тот срок, за который новая структура федеральной исполнительной власти выходит на режим эффективного функционирования: складывается аппарат, формируются связи по внешним взаимодействиям, отрабатываются регламенты работы, устанавливаются рабочие отношения с подведомственными предприятиями. Ликвидировать структуру в такой момент – все равно что спилить яблоню,

вступившую в период плодоношения.

Полтора года работы в РАСУ явились для меня хотя и короткой, но, пожалуй, самой величественной страницей жизни, когда я мог действовать в масштабах огромной отрасли в полной мере самостоятельно на свой страх и риск. Получилось так, что попал я на эту работу, будучи подготовленным учебой в МГУ, работой в Академии наук и, конечно, в Миннауки. В РАСУ передо мной раскрылись впечатляющие горизонты оборонной отрасли со всеми достижениями и проблемами. Я был восхищен грандиозными результатами труда нескольких поколений создателей уникальной военной техники и до сих пор испытываю двойственное чувство гордости за достижения отрасли и горечи утраты былого величия.

Глава девятнадцатая
Концерн

После ликвидации РАСУ вопрос жизнеустройства не стоял для меня так остро, как при увольнении из министерства. Во-первых, я уже достиг пенсионного возраста, а во-вторых, сразу получил приглашение В. Меньщикова прийти на работу в Концерн ПВО «Алмаз – Антей» на должность по своему выбору. Я без колебаний согласился, выбрав должность советника генерального директора, как наиболее гармонично отвечающую моим темпераменту и возрасту, и ни разу о своем выборе не пожалел.

К тому времени концерну с момента образования было два года. Он объединял около пятидесяти заводов, институтов и КБ, рассредоточенных по всей стране. Среди них были предприятия с вековой историей, такие как основанный в 1863 году Государственный Обуховский завод в Санкт-Петербурге или Уральское производственное предприятие «Вектор», отсчитывающее свое рождение от указа императора Александра I 1812 года по созданию механической мастерской Генерального штаба, или основанный в 1911 году Новосибирский завод имени Коминтерна.

Техника противовоздушной обороны получила интенсивное развитие в нашей стране вскоре после Великой Отечественной

войны. В 1950 году Сталин, озабоченный возможностью атомной бомбардировки, дал указание надежно защитить столицу от налетов вражеской авиации. Для решения этой сложнейшей технической задачи было создано особо секретное КБ-1, получившее впоследствии широкую мировую известность, как КБ «Алмаз». Со всей страны в КБ были собраны самые талантливые ученые, конструкторы и рабочие. В кратчайшие сроки на развилке Ленинградского и Волоколамского шоссе было построено величественное тринадцатиэтажное здание.

Основу ПВО Москвы должны были составить зенитные ракетные комплексы (ЗРК), окружающие столицу двумя кольцами с радиусами 50 и 90 км. Благодаря этому замыслу Подмосковье получило две бетонные кольцевые дороги и несколько ТЭЦ. Генеральным конструктором проекта С-25 был назначен С. Берия, которого вскоре сменил А. Расплетин – выдающийся ученый, академик. Его столетний юбилей торжественно отмечался в 2008 году.

Работы велись практически «с нуля», но уже через четыре года ЗРК прошел государственные испытания, а в мае 1955 года грандиозная по своему размаху и возможностям система С-25 была принята на вооружение.

Через два года был разработан мобильный комплекс С-75. Это именно его ракетами были сбиты и американский шпион Пауэрс, и 421 американский самолет, в том числе 51 бомбардировщик Б-52, во Вьетнаме.

Сложилось так, что в МГУ на военной кафедре мы самым детальным образом изучали именно этот комплекс. Тогда я представить не мог, что когда-то буду связан с организацией и людьми, его создавшими. А. Расплетина, к сожалению, я не застал, а вот с его преемником – академиком Б. Бункиным довелось познакомиться близко.

В 1961 году была создана и принята на вооружение система С-125, предназначенная для поражения низколетящих самолетов и самолетов-снарядов. Она показала свои превосходные качества в войнах на Ближнем Востоке. Более шестисот комплексов было экспортировано в разные страны.

В 1958 году перед Расплетиным была поставлена задача создания системы ПВО дальнего действия (до 200 км). В 1967 году задача была решена, и система С-200 была принята на вооружение. Боевые испытания комплекс успешно прошел в Ливии. Печально признать, что в результате неумелого использования комплекса С-200 на Украине в 2001 году над Черным морем был сбит российский пассажирский самолет ТУ-154.

В 1969 году была поставлена новая, еще более амбициозная задача – создать систему, способную бороться с эшелонированными налетами летательных аппаратов всех типов. Первая система С-300П была принята на вооружение в 1979 году. С этого момента началось ее триумфальное использование и совершенствование. До сих пор системы С-300 обеспечивают надежную оборону нашей страны и высоко котируются на мировом рынке вооружений.

Средства ПВО требуются не только для защиты городов и стратегических объектов, не менее важны они и для прикрытия войсковых подразделений на поле боя. Войсковые комплексы ПВО должны сопровождать войска в любых природных и погодных условиях, иметь броню и быстро приводиться в боевое состояние. Если первый мобильный комплекс ПВО С-75 имел время развертывания несколько часов, то в данном случае это время потребовалось сократить в пятьдесят раз. Полк С-300В – это целая армада гусеничных машин, весом по пятьдесят тонн каждая, с высокой скоростью преодолевающих любое бездорожье и готовых поражать воздушные цели уже через несколько минут после остановки.

Большая часть войсковых комплексов и систем ПВО была разработана в Научно-исследовательском электромеханическом институте под руководством выдающегося конструктора академика В. Ефремова: комплексы средней и малой дальности и система большой дальности – С-300В. В Научно-исследовательском институте приборостроения имени В. В. Тихомирова были созданы войсковые комплексы средней дальности.

Все послевоенные парады на Красной площади не обходятся без техники ПВО. Прежде мимо трибун с гордостью провозили ракеты комплекса С-75 с торжественным напоминанием диктора о сбитом американском разведчике. Теперь – целая кавалькада. Сначала едут комплексы малой дальности – «Торы», у них на единой машине все хозяйство, включая локатор, систему управления и 8 ракет. Дальше – больше: комплексы средней дальности «Бук». Здесь уже ракеты покрупнее, и расположены они на отдельной машине. В заключение тягачи везут пусковые установки системы С-400 с четырьмя контейнерами для ракет. Они всего раза в два уступают по размеру въезжающим вслед за ними стратегическим ракетам, что не удивительно, так как они предназначены для поражения целей на расстоянии до 400 км.

Как не велики ракеты системы С-400, но на фоне высоченных радиолокационных вышек, установленных на боевой позиции ПВО, они выглядят скромно. Антенны радиолокаторов подняты

высоко над землей для того, чтобы видеть не только то, что в заоблачной выси, но и низколетящие крылатые ракеты, крадущиеся буквально в нескольких метрах от поверхности земли. Локаторы решают сразу несколько важнейших задач: обнаруживают цель, передают команды управления на ракету и подсвечивают цель, причем все это они могут делать одновременно со множеством целей, в результате система С-400 способна бороться с массированными налетами противника как с воздуха, так и из космоса.

Локаторы первых систем ПВО имели металлические антенны сложной изогнутой формы, наподобие звуковой трубы граммофонов. Габаритные и тяжелые, они неспешно поворачивались, осматривая небо. Сейчас антенны на вид совсем простые – плоские пластины с множеством излучателей и приемников. Но за этой простотой стоит сложнейшая электроника, которая позволяет мгновенно перекидывать луч локатора в любую точку пространства – отсюда и возможность воевать сразу против множества атакующих ракет и самолетов.

Многие войсковые комплексы прошли боевые испытания в горячих точках нашей планеты. В частности, в арабо-израильской войне комплексами «Квадрат» 95 ракетами было сбито 64 самолета. Такую эффективность не демонстрировал ни один другой комплекс. Под их точный огонь в Югославии попал и считавшийся неуязвимым американский самолет-невидимка Ф-117А.

Читая воспоминания непосредственных участников работ по созданию систем ПВО, невольно завидуешь энтузиазму и творческому накалу, позволявшим в невероятно сжатые сроки решать сложнейшие технические задачи, проводить бесконечные испытания, доработки и усовершенствования. Большинство из этих людей получили высокие государственные премии и награды. Труд их действительно был подобен подвигу. Значительную часть жизни они проводили не в городских условиях, а на полигонах, месяцами испытывая и сдавая заказчику созданную технику. Полигоны располагаются в самых безлюдных, непригодных для жизни местах, где летом стоит невыносимая жара, нет питьевой воды, а зимой – промозглая стужа.

Научно-технический задел техники ПВО, созданный за четыре десятилетия после окончания Второй мировой войны, оказался столь существенным, что до сих пор разработки 70-х и 80-х годов высоко котируются на мировом рынке. Только это и спасло оборонные предприятия концерна в наши тяжкие мирные годы от гибели. Однако потери оказались очень серьезными. Во-

первых, образовался разрыв поколений разработчиков, во-вторых, упущено время, а с ним и инициатива, в-третьих, возникло ужасное технологическое отставание предприятий от мирового уровня.

К моменту вхождения в концерн значительная часть предприятий находилась в критическом финансовом положении и требовала принятия срочных мер по спасению от банкротства. Проблемы возникали на каждом шагу, как при организации концерна, так и в ходе его становления. В ходе их решения руководству концерна была предопределена роль первопроходцев.

В физике чем сложнее задача, тем она интереснее. В экономике это правило далеко не всегда работает. Задачи высокой сложности подчас вообще не имеют красивого решения. В условиях резкого ограничения финансовых ресурсов приходится перекладывать деньги из одного полупустого кармана в другой для того, чтобы решить сиюминутные задачи, такие как выплата заработной платы, погашение процентов по кредитам, покупка необходимых комплектующих и т. д. и т. п.

Работа генерального директора концерна в условиях финансовой неустойчивости предприятий сложна до предела. Серьезные проблемы, возникшие на дочерних предприятиях, требовали принятия срочных мер. Их решение было непросто совмещать с разработкой и реализацией стратегической линии развития. Но именно здесь лежит ключ к грядущим успехам концерна.

Директорский корпус дочерних предприятий концерна состоит преимущественно из людей, многое повидавших на своем посту и способных организовать работу предприятия в условиях многих неопределенностей современной ситуации в оборонной отрасли, как то: с заказами, ресурсами, поставщиками, кадрами и т. д. и т. п. Издержки при этом неизбежно присутствуют: сроки новых разработок увеличились, да и с качеством продукции бывают проблемы. Оборонная техника столь сложна по своей сути, что и в идеальных-то условиях ее создавать далеко не просто.

Объединение предприятий в концерн является не завершающим этапом их преобразований, а скорее началом. Сплошь и рядом на предприятиях – дублирующие производства с малой загрузкой. Для того чтобы оптимизировать производственный процесс и снизить затраты, приходится идти по пути слияния как заводов, так и КБ. Процесс этот очень болезненный как для работников, так и, особенно, для руководства.

Самым крупным примером явилось объединение пяти дочерних предприятий в Санкт-Петербурге, находящихся на одной площадке в рамках единого технопарка. Проект удалось осуществить прежде всего благодаря правильному назначению директора, который оказался руководителем талантливым и очень решительным. Вообще я заметил, что наибольших успехов добиваются предприятия, во главе которых стоят требовательные и даже жесткие люди. Видимо, у русского народа уважение к силе и решительности является одной из основополагающих черт характера.

Кризис 2008 года вернул страну в пучину девяностых со всеми «прелестями» секвестирования бюджета и сворачивания программ. В те памятные годы я был вовлечен в решение тяжелейших проблем, возникших в научных организациях при сокращении финансирования. Сейчас вижу, что для промышленности экономический кризис еще страшнее. Спасение от разорения дочерних предприятий становится каждодневной заботой головной компании. Огромные сложности возникли из-за одновременного действия четырех негативных факторов: задержки финансирования государственного оборонного заказа; падения спроса на продукцию гражданского назначения; нестабильность контрактов по линии международного военно-технического сотрудничества; резкое увеличение ставок кредитования.

В условиях кризиса экономические риски выросли настолько, что горизонты финансового планирования сократились до уровня месяца и даже недели. В такой ситуации трудно работать даже малым предприятиям, а что уж говорить об огромных концернах.

Исторический опыт показывает, что в оборонной промышленности периоды активного роста рано или поздно сменяются периодами спада. Эта периодичность напрямую связана с изменениями уровня геополитических опасностей государства. Причем чем продолжительнее период спада, тем больше ресурсов требуется для вывода оборонной промышленности на уровень, отвечающий вновь возникшим угрозам.

Одной из примет нашего времени стала высокая активность общественных организаций по прославлению деятельности видных людей Отечества. На имя генерального директора концерна поступало множество поздравлений в связи с номинацией его кандидатуры на множество премий и наград, а также с включением в почетные энциклопедии. А именно:

I. *Почетные звания и премии:*

«Лидеры экономического развития России»

«Предприятие года»
«Лучшая компания России»
«Лучший руководитель года»
«Руководитель года»
«Лучший руководитель России»
«Лучшая компания СНГ»
«Лучший работодатель года»
«Новые технологии России»
«Элита российского бизнеса»
«Заслуженный предприниматель»
«Кремлевский грандъ»
«Гордость России»
«Лидер отрасли»
«За Обустройство Земли Российской»
«За вклад в удвоение ВВП»
«Меценат и благотворитель мира»
«Лучшая компания года»
«Директор Года»

«Российский Национальный Олимп», включая «Национальный Герой», «Президент Года», «Спикер Года», «Депутат года», «Ученый России», «Выдающийся деятель науки», «Кавалер Ордена Гражданской Чести» и др.

II. *Ордена и медали:*

Орден «Русь Державная»

Золотая медаль «За вклад в укрепление обороноспособности России» Орден «Президентская звезда»

Орден «Элита России»

Высший орден общественного признания «Почетный гражданин России» Знак Почета «Лидер национальной экономики» Звезда ордена «Гордость Нации»

Медаль Петра Великого «За трудовую доблесть» I и II степени Орден «За обустройство Земли Российской» I степени Орден «Ивана Калиты» Орден «Владимира Мономаха» Золотой орден «Меценат» III. *Биографические энциклопедии:*

«Выдающиеся руководители предприятий и организаций России» «Лучшие люди России» «Выдающиеся деятели России». Не умаляя заслуг генерального директора – В. Меньщикова, можно, тем не менее, удивиться такому разнообразию предложенных форм признания. Каждое номинирование было аргументировано результатами глубокой экспертизы и мнением самых авторитетных комиссий типа: Всероссийский комитет по общественным наградам и званиям, Российская общественная наградная комиссия, Международный деловой совет. О глубине подобных «экспертиз» можно судить по тому, что в предлагаемых

к заполнению анкетах требуется указать (на всякий случай): не является ли предприятие банкротом.

Присуждение происходит, конечно, совершенно бесплатно, но кое-какие суммы номинант все же должен отстегнуть, так, мелочь, не более 30 тыс. евро. При этом награждение происходит в самой торжественной обстановке: в Москве это – «Президент Отель», храм Христа Спасителя, Исторический музей, в Санкт-Петербурге – Исаакиевский собор, Таврический дворец, две награды вручаются в Сочи и в Париже.

Большое внимание уделяется и изданию дорогих фолиантов по ключевым проблемам современности и истории. Предложений по участию в них так же немало. Цены здесь доходят до пяти сотен тысяч рублей за одну страницу.

Таким образом, потратив 10–20 млн руб., можно себя простотаки увековечить в истории. А наш генеральный директор на эти предложения почему-то не откликнулся ни разу, хотя давление на него «от имени и по поручению» очень крупных руководителей шло постоянно.

Такая вакханалия является очевидным признаком нездоровья общества. Можно только удивляться, что руководители государства фактически попустительствовали ее расцвету. Какие-то меры были приняты только тогда, когда дело дошло до незаконного присвоения генеральских званий и званий Героев России. Аналогичная ситуация и с игорным бизнесом. Нужно ли было позволять развиться ему в столь грандиозных масштабах по всей стране, чтобы затем закрывать в суровой борьбе?

С оборонной промышленностью получилось с точностью до наоборот: сначала бросили на произвол судьбы, а теперь возрождаем. Но в отличие от игрового бизнеса, здесь обратный процесс во сто крат труднее, затратнее и продолжительнее. Потерянные десятилетия не вернешь никакими решениями, законами и даже деньгами. В государственных делах нужно сначала крепко думать, а лишь потом делать.

Глава двадцатая
Генералы

Генерал – это звучит как торжественная музыка и в народе отождествляется с высшей степенью признания, превосходящей статус министра или академика. На судьбоносных торжествах, свадьбах и т. п. именно генерал главный гость. Поэтому обойти в повествовании этих «баловней» судьбы было бы несправедливо.

Начальником Генштаба во время начала моей работы в РАСУ был генерал армии Анатолий Васильевич Квашнин. С ним я познакомился сразу, как только вступил в должность. Он охотно согласился меня принять. Так я впервые попал в кабинет столь крупного военачальника. Главной приметой кабинетов командиров такого уровня является глобус. Чем выше ранг командира, тем больше размер глобуса. У Квашнина он был в человеческий рост. У начальников без глобуса на стене обязательно висит карта. Ее размеры и качество оформления тоже соответствуют рангу.

Квашнин был настоящим командиром. Без всяких разговоров и предисловий он усадил меня за стол, достал несколько листов бумаги большого формата и начал объяснять, как устроено руководство вооруженными силами и организовано взаимодействие различных родов войск. При этом он пользовался авторучкой с широким пером, так что все схемы получались очень

впечатляющими. За час Квашнин разрисовал четыре листа и, удовлетворившись произведенным эффектом, передал их мне для дальнейшего изучения.

На этом «курс молодого бойца» был завершен. Должен честно признаться, что первая лекция для меня была весьма информативна, так как я узнал все обозначения частей и подразделений, а также их место в военной иерархии. Второй лекции, к сожалению, не случилось, но с Квашниным встречаться и дискутировать по ряду вопросов приходилось еще не раз.

Квашнин вообще любил общаться «с народом». По субботам он проводил большие совещания, человек на двести. На них присутствовали все его подчиненные в звании генералов, а также руководители агентств. Я, по глупости, на первое совещание не пошел, послав своего зама. Это не осталось незамеченным и вызвало серьезное неудовольствие Квашнина. На второе совещание я прибыл (как говорят военные) заранее и занял место в первом ряду. Квашнин меня сразу заметил и погрозил пальцем.

То, что происходило дальше, трудно назвать совещанием. Это был монолог Квашнина, длившийся около двух часов и оставивший во мне неизгладимое впечатление. Я нисколько не пожалел о потраченной субботе.

Квашнин оказался очень хорошим оратором и весьма эрудированным человеком. Речь его ветвилась, неожиданно распространяясь на все новые и новые сферы жизни страны и общества. Больше других досталось средствам массовой информации и олигархам. Возвращаясь от такого рода отступлений, занявших не менее половины времени, к военной тематике, Квашнин периодически поднимал в зале своих подчиненных, мгновенно замиравших по стойке «смирно», и задавал им различные вопросы. Вне зависимости от полученных ответов он упрекал их в бездеятельности, неосведомленности, объявлял им замечания и обещал понизить в звании. Они принимали это с преданной готовностью – «Есть!».

В какой-то момент дело дошло и до руководителей агентств. Он назвал нас «серыми генералами» и велел одному из своих замов выдать нам военную форму (к сожалению, это поручение выполнено не было, поскольку Квашнина вскоре перевели на другую работу).

По окончании своего выступления Квашнин спросил, все ли всем ясно и есть ли к нему вопросы? Поскольку я был на совещании в первый раз и не знал заведенного порядка, то решил задать вопрос по сути обсуждаемой проблемы и поднял руку.

«Так, руководитель РАСУ что-то не понял? Какой у тебя

вопрос?»

Такой переход на «ты» для меня был неожиданным и я на всякий случай все же решил обратиться к начальнику Генштаба на «вы». Мой вопрос ему не понравился, (как потом мне пояснили, неожиданно для себя я попал в самую больную точку). Тем не менее Квашнин не растерялся и ответил мне по всей строгости. Больше вопросов не было.

На следующем совещании с докладом выступал один из замов Квашнина, но недолго. Буквально через пару минут Квашнин его резко прервал, усадил на место, и далее все пошло почти как в прошлый раз. Вопросов, правда, я уже не задавал, хотя Квашнин специально спросил меня об этом. Уроки первого совещания не пропали даром. Правда, потом знакомый генерал сказал, что покачать головой в ответ на поставленный генералом армии вопрос было не по форме. Нужно было встать и громко сказать: «Никак нет!» Применить эту правильную форму ответа, однако, было уже не суждено, так как совещание оказалось последним.

Пожалуй, Квашнин был одной из самых ярких военных фигур, встретившихся мне на жизненном пути. Последующие начальники Генерального штаба столь харизматичными не были.

Следующего уважаемого генерала называть не стану, поскольку речь пойдет не о его бесспорных заслугах, а об одной особенности армейского менталитета. С генерал-лейтенантом (а впоследствии генерал-полковником) мы поехали на предприятия РАСУ в Тамбов. Утром нас торжественно встретили на вокзале и отвезли в дом приемов, чтобы мы могли привести себя в порядок с дороги. У меня это не заняло много времени, и я стал дожидаться генерала в холле, а его все не было. Только адъютант сновал взад-вперед чем-то сильно озабоченный. Оказалось, что в номере не оказалось пива и раков, так что ему было поручено срочно устранить эту недоработку. Бутылку пива удалось найти сравнительно быстро, а вот раков не было ну нигде. Адъютанту, судя по всему, за это крепко досталось.

Оборонных предприятий в Тамбове много, и нам пришлось работать в хорошем темпе. Проблема раков отодвинулась, как мне казалось, на второй план. Но не тут-то было. Примерно каждый час адъютант докладывал о ситуации, и несколько раз появлялись очень деловые озабоченные люди (специалисты по ракам) для демонстрации образцов. Однако все образцы генералом были отвергнуты из-за неудовлетворительных размеров.

В обед ситуация обострилась до предела. Достойных раков не было. Губернатор понимал, что на карту поставлена честь

региона. «Раковая» бригада была усилена новыми бойцами. Все директора предприятий были предупреждены о возникшей проблеме и тоже бросили лучшие силы на ее преодоление. Оперативная деятельность по добыче раков протекала вне моего поля зрения, но отлов, видимо, шел во всех местных водоемах. Были также обследованы рынки в Тамбове и близлежащих населенных пунктах, но тоже без явных успехов. Во второй половине дня подключилась воинская часть, в которой генерал проходил службу ранее. На измученного адъютанта к вечеру было больно смотреть.

Я сначала пытался отвлечь генерала, потом просил отменить приказ. Но оказалось, что в армии этого делать категорически нельзя. Приказ непременно должен быть выполнен. И это случилось.

Вечером на вокзале нас встречала группа людей с мешками и сумками. Судя по их размерам, были изловлены и сварены все тамбовские раки. Однако экземпляров нужных размеров среди них так и не оказалось, за что адъютант получил второе серьезное порицание. В поезде генерал до полуночи чистил раков и объяснял мне, какого размера они были во время его службы в Тамбове.

Впервые с подобной особенностью генеральского менталитета я столкнулся, еще работая в Институте общей физики. Помнится, я писал о своей привычке ходить на работу пешком через Ленинские (теперь Воробьевы) горы. Так вот, однажды на моем пути в снегу застряла черная «Волга». На ней генерал-лейтенант приехал на утреннюю прогулку. Ситуация выглядела довольно комично: за рулем сидит солдат, а генерал тужится вытолкнуть машину из сугроба, что явно не соответствовало ни армейским канонам, ни его физическим возможностям.

Завидев меня, генерал велел подключиться. Я по воинскому званию был всего лишь старшим лейтенантом и просто обязан был выполнить приказ столь высокого командира.

Машину удалось раскачать, и водитель ловко вырулил на дорогу. Не успел я отряхнуться, как последовала вторая команда:

– В машину!

Она относилась именно ко мне. Я пытался вежливо уклониться.

– Ты куда идешь?

– На работу.

– Так садись, мы тебя подвезем.

– Да не нужно, я специально хожу пешком.

– Послушай, ты мне помог, и я должен тебя отблагодарить. Садись!

Дискуссия в этом ключе, наверное, продолжилась бы далее, но мое упорство стало раздражать генерала, и он приказал солдату усадить меня в машину. Солдат зашел ко мне с тыла и вкрадчиво попросил подчиниться. Я понял, что дальнейшее сопротивление бесполезно.

По дороге генерал, весьма довольный своим великодушным поступком, расспросил меня о месте работы, должности и научной тематике. Затем велел записать свой телефон и обещал оказать содействие в продвижении по службе. Не зная точно, что стоит за этими словами и какую службу он имел в виду, я искушать судьбу не стал.

Четыре года моей работы в концерне прошли в условиях совместного «проживания» в кабинете с отставным генералом Панченко Анатолием Ивановичем. Он пришел в концерн на два года раньше меня, то есть был старожилом и знал в концерне всех и вся. К моему «подселению» он отнесся очень доброжелательно, сразу окружив меня всяческой заботой.

Внешне он был мало похож на военного, тем более генерала, которые мне всегда представлялись грубоватыми бравыми молодцами. Панченко же скорее можно было принять за ученого интеллигента. Невысокий, с умном взглядом лукавых глаз, чистой речью, без нецензурных выражений. Вскоре я, однако, понял, что это первое впечатление несколько неполно. Многолетняя служба в войсках наложила и на него свой отпечаток. Это проявилось сразу, как только он снял телефонную трубку. Говорил генерал громким командным голосом, слова «есть» и «так точно» были самыми ходовыми. Шутки тоже носили сугубо армейский характер: «Разрешите разговаривать сидя?», «Разрешите бегом?», «Разрешите повесить трубку?»

Как оказалось, научная составляющая в биографии генерала тоже присутствовала. Он был кандидатом военных наук и несколько лет преподавал в Академии Генерального штаба. Благодаря своей общительности и доброжелательности он завел среди слушателей множество друзей, которые по окончании академии разъехались по всем республикам и вновь образовавшимся государствам бывшего Союза, заняв там весьма высокие посты.

Круг знакомых у него был необычно широк и простирался от руководства Генерального штаба до начальников академий, училищ и военкоматов. Это очень помогало и в работе, и в решении иных проблем, иногда столь сложных, что никто другой за них бы и не взялся. К нему постоянно обращались с просьбами

о трудоустройстве, а больше всего с непростыми проблемами детей в период призыва и прохождения воинской службы. Я не слышал, чтобы он к кому-то отнесся невнимательно, поэтому, видимо, и просьбы с его стороны не встречали отказа, что обеспечивало высокую эффективность и востребованность генерала, при постоянном расширении круга его полезных знакомств.

При всем при том генерал считает себя человеком невезучим. Хотя, согласно классическому армейскому анекдоту, «лейтенант – это кличка, полковник – звание, генерал – это счастье». Проблемы и трудности у него действительно возникают нередко. Возможно, это связано с тем, что, во-первых, он одновременно ведет всякого рода дел на порядок больше, чем доступно обычному человеку, поэтому и срывов больше. А во-вторых, он, как правило, находится на острие всех проблем, возникающих на работе и в его обширном окружении. Не было, однако, случая, чтобы генерал надолго сник или опустил руки. Он всегда в гуще событий, в первых рядах преодолевает любые барьеры.

К примеру, из Москвы он организовал госпитализацию в городскую больницу неходящей матери, живущей в далекой белорусской деревне. В этой операции было задействовано несколько человек, включая представителей армии и МВД. По ходу дела все они докладывали о сложившейся обстановке и возникающих проблемах, которые решались в оперативном режиме опять же из Москвы.

Другой не менее показательный случай был с телевизионной антенной, которая некогда была установлена генералом лично на высоком еловом шесте. Во время сильного ветра шест, подгнивший от старости, сломало. Мама тут же требовательно сообщила сыну, что телевизор перестал работать, а без него какая в деревне жизнь?

Генерала известие огорчило своей безысходностью – не ехать же из-за антенны в Беларусь. Но уже через пару дней у него, на удачу, подвернулся разговор с начальником Генерального штаба Беларуси, и тот, как обычно бывает, из вежливости осведомился о жизни. Вместо адекватного ответа – «Все нормально» генерал сообщил с напускной и явно преувеличенной грустью о возникшей проблеме. Белорусскому начальнику ничего не оставалось, как пообещать помощь.

Прошла примерно неделя, и опять служебные дела свели их в телефонном разговоре. Генерал не стал напоминать про антенну, но начальник штаба о своем обещании вспомнил и поинтересовался положением дел. Генерал ответил с прежней нескрываемой грустью. Разговор прервался на несколько часов,

а когда возобновился, то начальник штаба строго порекомендовал генералу почаще звонить маме. Генерал тут же позвонил, и мама сурово отчитала его за то, что он переполошил всю белорусскую армию – сам командир бригады приезжал проверять отремонтированную днями ранее антенну, которая была теперь установлена в соответствии с требованиями уставов и ГОСТа на металлической мачте с системой ориентации.

В этом примере, как в капле воды, отразилась разница в исполнительской дисциплине в армии двух братских стран. Российский опыт не позволял генералу даже надеяться, что подобное обещание столь высокого командира вообще не будет тут же забыто, а будет реализовано столь быстро и столь обстоятельно.

Особый период наступил, когда генерал решил построить дачу. Один из друзей организовал ему шикарный участок под Москвой на месте стоявшей в лесу воинской части. Собственная дача была давней мечтой генерала. Моя дача, на которой мы провели немало приятных минут, естественно, стала для него ориентиром, а я его главным советчиком.

Следуя моему примеру, генерал начал с покупки хорошего щитового домика-бытовки с прихожей и комнатой и начал его обживать. Я с готовностью передал ему с трудом сохраненную от постоянных попыток уничтожения со стороны дочери и жены утварь, которая осталась от периода освоения нашего участка.

Все родственники генерала были воодушевлены открывшимися перспективами дачной жизни и стали строить планы по строительству дома. Генерал был счастлив и взволнован. Он говорил, что так повезло ему впервые в жизни.

Но безоблачное счастье оказалось недолгим. Буквально через пару недель его домик вдруг исчез. Сказать, что генерал был удручен, это не сказать ничего. Он был просто сломлен и подавлен, поскольку это событие действительно подтверждало тезис о его фатальной невезучести. У кого еще мог бесследно исчезнуть домик с территории изолированного и охраняемого дачного кооператива. Милиция в решение этого бесперспективного вопроса отказалась вмешиваться сразу, так что генералу предстояло вести расследование собственными силами. Выяснилось, что домик увезла в неизвестном направлении грузовая машина, снабженная краном. Охранник кооператива вывозу не препятствовал, но бдительность проявил и записал номер машины и данные водителя. Последний был из Тверской области.

Неискушенный человек поехал бы в Тверь на розыск пропажи. Но генерал все решил, не выходя из кабинета. Через друзей

в МВД он нашел адрес водителя и направил к нему знакомого офицера-юриста из Тверской военной академии. Водитель был так удивлен такому визиту, что сразу во всем сознался и сообщил, что его подрядили доставить бытовку на стройку в Дмитров. Стало ясно, что бытовку он перепутал. Путем опять же длительных телефонных переговоров удалось найти под Дмитровом прораба соответствующей стройки. Прораб тоже не стал отпираться и сознался, что сомнения о подмене бытовки у него возникли сразу, так как домик был совершенно новый и к тому же хорошо оснащенный. Строители в полной мере воспользовались его бытовым оборудованием и инструментом, который был закуплен генералом.

Вскоре бытовку вернули и водрузили на прежнее место. Внешне от этих злоключений она практически не пострадала, но внутри была полная разруха. Ничего полезного не осталось. Генерал пережил утрату стоически, требовать компенсации не стал, понимая всю безнадежность ситуации.

Прежде чем приступить к реализации основного дачного замысла, генерал стал изучать вопрос и советоваться со всеми подряд. Ежедневные дискуссии по выбору проекта, фундамента, забора и подъездных дорожек длились бесконечно долго. Каждый вечер генерал принимал очередное окончательное решение, но уже на следующее утро все начиналось сначала. Через пару месяцев, когда это занятие всем всерьез надоело, генерал все же остановился на конкретном проекте.

Наступил этап реализации. О лесоматериалах и строителях он договорился в Белоруссии. Дело, естественно, обросло многими проблемами, несколько раз откладывалось и срывалось, но, в конце концов, красивые цилиндрованные бревна доставили вместе с опытным мастером, который генералу сразу понравился своей обстоятельностью и аккуратностью. Он создал ему все бытовые условия, и работа закипела.

Генерал был окрылен ожиданием быстрого успеха. Первое время донесения, приходившие со стройки, были действительно обнадеживающими, но постепенно темпы строительства начали спадать, а затем и вовсе все застопорилось. Поступило сообщение, что белорус беспробудно запил. Генерал провел инспекцию и обнаружил мастера в непотребном виде в окружении 12 пустых водочных бутылок. Наступила очередная черная полоса. Мастера отправили на родину, а стройка остановилась. Но и эта трудность была преодолена, и за год дом был построен и полностью оборудован.

Таким образом опыт воинской службы при правильном его использовании имеет большое значение в нашей непростой

гражданской жизни.

Глава двадцать первая
Уникальная наука

В шестидесятые и семидесятые годы прошлого века физики были в большом почете, и физическая наука в нашей стране бурно развивалась, привлекая к себе самую способную молодежь. Государство щедро финансировало грандиозные проекты ускорителей, ядерных реакторов, токамаков, научных кораблей, космических станций, мощных лазеров, оптических, нейтринных, и радиотелескопов и т. д. По долгу министерской службы (и из любопытства тоже) я посетил многие из них и познакомился с образом жизни работающих на них ученых, подчас не менее экзотическим, чем сами установки и решаемые на них физические проблемы. Для полноты картины, думаю, стоит предвосхитить эти впечатления небольшим экскурсом в саму физику. Это целесообразно и для придания убедительности следующей главе, посвященной антинауке.

У большинства людей представление о физике ассоциируется преимущественно со школьными задачками про движение грузиков на блоке, нежели с фундаментальной наукой, занимающейся закономерностями возникновения, существования и превращения пространства, времени, материи и энергии.

На пути первооткрывателей законов физического мироустройства многократно возникали гносеологические барьеры, когда приходилось делать выводы, противоречащие

совершенно очевидным убеждениям, типа отказа от плоской модели Земли. Насколько устойчивы во времени были такие заблуждения, можно заключить по изумительному рассказу А. Чехова «Письмо к ученому соседу», в котором предельно четко сформулирован основной довод догматика:

– Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда.

Подобные ситуации возникали во всех областях физической науки. Легко ли поверить, что в солнечном свете есть излучение, невидимое человеческим глазом, допустить существование электромагнитного поля в вакууме, понять, как электрон может бесконечно долго вращаться вокруг ядра атома, не теряя энергии, осмыслить квантовые явления и четвертое временное измерение пространства.

Любопытно, что даже выдающиеся умы, совершившие грандиозные открытия, оказывались подчас в лагере консерваторов, решительно отрицая смелые прозрения своих коллег. Так было с Ньютоном – величайшим физиком всех времен, не признававшим, однако, волновую теорию света, Лоренцом, долго не соглашавшимся с теорией относительности, в основе которой лежали его знаменитые формулы, и Эйнштейном, не жаловавшим квантовую механику.

На ранних этапах развития физической науки целый ряд фундаментальных открытий был сделан не профессионалами физиками, а в первую очередь врачами. Так, Юнг провел уникальные опыты по дифракции света и оценил длину волн разных цветов, а Гальвани открыл источник электрического тока. Дорожный инженер-строитель Френель поставил убедительные опыты по дифракции и построил математическую модель, объясняющую важнейшие свойства света – интерференцию, дифракцию и преломление. Их имена навеки вписаны в анналы физической науки.

Подобных примеров не встретишь в наше время. Современный дилетант не способен даже представить себе уровень задач, решаемых современной физикой. Все уже изучено глубоко и досконально.

Физические законы удивительно точны, строги и взаимосвязаны. Они не допускают даже малейших отклонений. К примеру, если вдруг по какой-то причине слегка нарушится закон преломления света, то тут же рухнет вся оптическая наука, за ней – электродинамика, квантовая механика, специальная и общая теория относительности и даже не устоит закон Архимеда. В физической науке нет малейшего места потусторонним силам.

Физики детально изучили все виды взаимодействия в природе – гравитационное, электромагнитное и ядерные, сумели найти им детальное теоретическое описание, полностью удовлетворяющее все земные потребности. Теперь ставится вопрос создания «теории всего», способной на единой основе построить математическую модель природы. Пока не удается. Возможно, это связано с ограниченностью наших материалистических представлений.

Астрофизикам интересно не только, как устроена Вселенная, но и то, как она образовалась и какое ее будущее. При этом они оперируют временными масштабами в миллиарды и триллионы лет, в которых существование нашей цивилизации превращается в мгновение. О Вселенной физики узнали уже очень много, но в ее динамике все еще остаются некоторые неясности. Для их объяснения появились гипотезы о «темной энергии» и «темной материи» – непонятных субстанциях, как-то влияющих на скорость расширения Вселенной.

Для прояснения вопроса силами международной коллаборации построен Большой адронный коллайдер в Швейцарии стоимостью более 7 миллиардов долларов.

Казалось бы, кому и зачем все это нужно? С позиции обывателя – никому от этого нет никакой пользы. С позиции мыслителя, прояснение вселенского устройства имеет решающее значение для формирования мировоззрения – основы бытия. К тому же даже такие громадные вложения в фундаментальную науку окупятся с лихвой, причем не только за счет получения новых физических знаний. При решении задач подобной сложности всегда возникают нетривиальные технические решения, находящие впоследствии применение в практически важных областях. Убедительный пример дала американская лунная программа, затраты на которую (25 млрд долл.) не раз окупились в рамках земных военных и гражданских приложений.

Среди неисчислимого множества открытий физической науки можно выделить несколько судьбоносных, обеспечивших последовательность технических революций, предопределивших пути развития всей цивилизации. Это:

– создание паровой машины и двигателя внутреннего сгорания;

– освоение электромагнетизма;

– освоение атомной энергии;

– создание вакуумной электроники;

– создание полупроводниковой микроэлектроники;

– изобретение лазеров.

Практически все технические достижения сегодняшнего дня

базируются на этих и многих других фундаментальных работах физиков, таких как открытие рентгеновских лучей, создание радио, обнаружение явления сверхпроводимости и т. д.

На прошедший век приходятся четыре из обозначенных открытия революционного характера, последнему из которых, изобретению лазера, мне довелось быть свидетелем во время учебы в МГУ и работы у нобелевского лауреата А. Прохорова.

Перспективы практического использования лазеров были столь очевидны, что начало 1970-х годов породило лазерный бум во всем цивилизованном мире. В СССР было принято специальное постановление ЦК КПСС и Совета Министров о развертывании работ по созданию и практическому использованию лазеров. Были созданы новые институты и производства. Обещания ученых не просто оправдались, но и превзошли самые смелые прогнозы. Сейчас лазеры вошли в нашу жизнь повсеместно, начиная с медицины и кончая «звездными войнами». За пятьдесят прошедших лет лазеры освоили не только оптический диапазон, но и широко шагнули за его пределы. Они бывают крошечными, с булавочную головку, и гигантскими, с мощностью излучения, достаточной для поражения военной техники на космических расстояниях.

Проводниками лазерной техники в большей степени оказались, как ни странно, не оптики, а радиофизики, для которых работа с когерентным излучением была привычней. К примеру, оптики были поражены и даже озадачены первыми опытами по преобразованию красного лазерного света в зеленый, тогда как радиофизики еще в начале века владели искусством удвоения радиочастоты.

Лазерное научное сообщество сейчас является в науке самым многочисленным и представительным, оно превзошло некогда всемогущественное ядерное. Лазерные конференции собирают наибольшее число участников и ежегодно удивляют мир новыми достижениями. А ведь всего пятьдесят лет назад ничего этого не было.

Вторым событием в физике второй половины прошлого века, претендовавшим на революционность, явилось открытие так называемой высокотемпературной сверхпроводимости – ВТСП. В отличие от лазеров, оно по своей сути было не столь новаторским, но при этом наделало не меньше шума, нежели лазеры. Сверхпроводники – материалы с уникальными свойствами. Они не оказывают сопротивления электрическому току, который может существовать в них сколь угодно долго без всякой подпитки. На их основе можно строить мощные магниты, практически не потребляющие энергию.

Сверхпроводники известны с начала XX века, однако их рабочие температуры были очень низкими, вблизи абсолютного нуля (–273° С), что ограничивало их применение рамками физических лабораторий. Все изменилось в одночасье после публикации статьи швейцарских исследователей Дж. Бернорца и А. Мюллера, сообщившей об обнаружении новых сверхпроводников с рабочими температурами на сто градусов выше. Хорошо организованное сообщество ученых, работающих в области сверхпроводимости, сумело придать этому открытию такую значимость, что творцам тут же присудили Нобелевскую премию. Подобного не случалось ни до, ни после.

Силами академика Ю. Осипьяна важность открытия была доведена до руководства страны. Рисовались такие перспективы, что члены Политбюро ЦК КПСС для изучения вопроса специально выезжали в Институт физики твердого тела в г. Черноголовку. Было принято решение о выделении невиданных по тем временам средств для закупки оборудования и организации специальных программ исследований. Если бы лишь половина проектов реализовалась, у нас все было бы на сверхпроводниках: и линии электропередач, и транспорт, и связь, и компьютеры, не говоря уже о военной и специальной технике.

Возникший ажиотаж порушил весь размеренный уклад научной работы, внеся невероятную суматоху и даже авантюризм. Международные конференции по ВТСП шли одна за другой и собирали тысячи участников. Горячка была такая, что докладчики показывали совершенно сырые экспериментальные результаты, иной раз только что полученные из лаборатории по факсу.

При оформлении нашей делегации на первую международную конференцию сотрудник МИДа попросил меня разъяснить, в чем смысл перехода на провода линий электропередачи из этих так называемых высокотемпературных сверхпроводников:

– Если провода придется нагревать, то это же потребует больших энергетических затрат и очень неудобно.

– Да нет. Провода придется охлаждать до минус 200 градусов.

– Какая же она, к черту, высокотемпературная?

Это наглядная иллюстрация того, как умеют ученые давать названия своим детищам.

По прошествии двадцати пяти лет ажиотаж спал совершенно. Научные знания серьезно продвинулись, но ожидаемой революции в технике не случилось. Новые материалы оказались технологически неудобными. Завистники (ученые других

специальностей) иной раз пеняют инициаторам бума ВТСП. В общем-то, зря, выделенные средства тогда были потрачены весьма рационально, особенно по теперешним меркам.

Современная физика – это разветвленная область исследований, простирающаяся от микромира элементарных частиц до глубин космоса, от биофизики до геофизики, от физики твердого тела до физики плазмы, от технической физики до математической физики. Усилиями физиков были созданы самые совершенные приборы, ставшие на вооружение современной биологии, химии, геологии, медицины, материаловедения и других научных дисциплин.

Больше всего грандиозного было создано в области ядерной физики и физики высоких энергий. Именно здесь не прекращаются попытки раскрыть некоторые тайны строения материи и процессов образования миров. Тайны эти природа запрятала так глубоко, что приблизиться к ним можно только путем создания огромных и дорогущих ускорителей заряженных частиц.

Первый советский ускоритель – синхроциклотрон был построен по инициативе И. Курчатова в Дубне в конце 1949 года в условиях особой секретности, поскольку большие надежды на него возлагали военные. Но, в отличие от ученых, тут их ждало скорее разочарование. Результаты проведенных исследований дали важные знания о строении материи, но не привели к созданию нового оружия. Подозреваю, что Курчатов и тогда понимал это, впрочем, как и то, что иным путем добиться строительства такой важной для научных исследований установки было невозможно.

Огромный ускоритель, имеющий электромагнит объемом с целый зал, был разработан и сооружен за два года – сроки, рекордные для того времени и совершенно нереальные для нашего. Сорвать их было самоубийством, поскольку запуск ускорителя был приурочен к семидесятилетию Иосифа Виссарионовича. Но при этом делалось все весьма основательно, так что ускоритель исправно работает и сейчас. Подобных долгожителей в мировой практике нет и, думаю, никогда не будет. Это относится и к другим уникальным дубненским установкам, поэтому и не счесть открытий, сделанных в Объединенном институте ядерных исследований (ОИЯИ) – крупнейшем международном научном центре на российской земле.

Пятидесятые годы прошлого века были для советской экономики не самыми простыми, но и в этих условиях подобные грандиозные объекты строились не без изысков, вспомнить

хотя бы метрополитен. Особенно красив дубнинский синхрофазотрон, расположенный в величественном здании круглой формы с колоннадой и сферическим куполом, ставшим символом ОИЯИ.

Синхрофазотрон гораздо больше и мощнее синхроциклотрона, но при этом и его конструкция не лишена изящества и строгости линий. Магнит ускорителя вошел в Книгу рекордов Гиннесса как самый тяжелый в мире. Его вес 36 тыс. тонн – более пятисот груженых вагонов. Просторный двухъярусный зал управления синхрофазотроном заполнен большими металлическими шкафами и пультами с множеством регистрирующих устройств, стрелочных приборов, сигнальных лампочек, ручек, кнопок и клавиш. Не случайно именно здесь снимался фильм «Девять дней одного года». Раньше все блоки систем управления делались на электровакуумных лампах, что существенно усиливало производимое ими впечатление. Те, кому доводилось видеть старинные физические приборы, наверняка обращали внимание и на их изысканное оформление.

В дальнейшем систему управления ускорителя переоборудовали на современный компьютерный лад, так что от производимого впечатления мало что осталось, и для «киношников» он утратил всякую ценность. К счастью, мудрые руководители института сохранили старый зал в неприкосновенности для истории.

Сегодня рядом со старым ускорителем работает новый, со сверхпроводящим магнитом. Он войдет в состав амбициозного научного проекта NICA, едва ли не единственного в современной России.

В шестидесятые годы ускорители появились в ряде физических институтов Москвы и других городов. Для реализации самых грандиозных проектов был специально организован Институт физики высоких энергий в Протвине. Сначала здесь был построен самый большой в то время ускоритель У-70, а в восьмидесятые годы началось строительство суперколлайдера. Так красиво называется установка с двумя ускорителями, приводящими в столкновение встречные пучки заряженных частиц.

Ускорители являются мощными источниками радиации и обычно располагаются в помещениях с толстенными бетонными стенами, предназначенными для защиты персонала. Для особо крупных ускорителей и этого недостаточно, их строят глубоко под землей. Под суперколлайдер был вырыт кольцевой тоннель длиною более двадцати километров с двумя залами, намного превосходящими по высоте обычные станции метро. Эти залы

предназначались для размещения детекторов элементарных частиц, возникающих при соударениях ускоренных протонов.

Кризис начала девяностых годов загубил этот проект. Для его завершения не хватило буквально пары лет. Ставший ненужным тоннель так и остается памятником перестройки советской науки.

Коллайдер еще большего масштаба построен в ЦЕРНе (Женева) при активном участии наших ученых и специалистов. По моим представлениям, это самое сложное в техническом плане сооружение, которое когда-либо создавалось людьми. Больше всего поражают детекторы – циклопические установки, способные детально зарегистрировать каждое из невероятно большого числа событий, происходящих при столкновении двух встречных пучков протонов, ускоренных до энергий в 7ТэВ. Буковка Т (тера) означает, что семерку нужно умножить на десять в двенадцатой степени, чтобы получить энергию в электрон-вольтах.

Частиц с такой огромной энергией в распоряжении исследователей никогда не было. Потребовались они для поиска бозона Хиггса – неуловимой и загадочной субстанции – «темной материи», гравитационные силы которой предположительно «скрепляют» Вселенную и задают массу всем остальным элементарным частицам. Физики зашли так далеко в своих изысканиях, что возникли опасения, как бы это не привело к непредсказуемым катастрофическим последствиям при запуске ускорителя. Возможно, правда, что эти страхи спровоцированы специально, чтобы привлечь внимание общественности к данному проекту, обошедшемуся в 7 млрд долларов.

Недавно мир облетела весть о регистрации неуловимого бозона Хиггса. Физики могут торжествовать – предсказания выстраданной ими «стандартной» модели мироустройства подтвердились. Теперь можно и отдохнуть. Проблем подобного уровня вроде бы больше и не осталось.

Ускоренные частицы создаются не только в рукотворных установках. В глубинах космоса протекают мощнейшие естественные процессы. Но они очень далеки от Земли, и частицы с предельно высокими энергиями залетают к нам чрезвычайно редко, в то время как космические частицы с меньшими энергиями или, как их называют, космические лучи регистрируются постоянно. Земля достаточно хорошо защищена от космического излучения магнитным полем и атмосферой. Поэтому станции для их регистрации и изучения строятся в высокогорных районах. Статистику нужных событий приходится накапливать годами. Эта методика совсем дешевая по сравнению с ускорителями, но уж больно медленная. С учетом условий

работы и проживания на высокогорных станциях, судьбе физиков этой специальности не позавидуешь. К тому же успех их дела зависит не только от усердия и навыков, но и от счастливого случая.

Среди множества открытых к настоящему времени элементарных частиц есть одна, практически не взаимодействующая с другими, это – нейтрино. Нейтрино свободно пролетает не только через атмосферу, но и через всю толщу Земли. Интерес к их регистрации связан с тем, что они рождаются при термоядерном синтезе и несут в себе недоступную для иных способов наблюдения информацию о процессах, протекающих в самом центре Солнца. В жизни почти всегда так – до самого интересного труднее всего добраться.

В России есть два уникальных нейтринных телескопа Института ядерных исследований Российской академии наук: один в Приэльбрусье – подземный, второй на Байкале – подводный.

Подземная нейтринная лаборатории расположена в одном из самых живописных месте Северного Кавказа – Баксанском ущелье. До Эльбруса рукой подать. Физики умели выбирать места для своих стойбищ. В прежние годы это была Мекка альпинистов. До сих пор сохранились следы их баз. Здесь буквально за несколько часов можно подняться из теплого, раскрашенного во все цвета лета в суровый край холода и вечных льдов. При этом на пути один за другим открываются чарующие горные горизонты. Удивительно, насколько все горы неповторимы и прекрасны в своем величии. Природа вообще мало что создает небрежно, а уж в своих грандиозных творениях она достигла вершин мастерства.

Нейтринная станция находится в шахте под огромной крутой горой. Гора служит экраном, закрывающим доступ к сердцу телескопа всех других космических частиц, кроме нейтрино. Попасть на станцию можно по узкому мрачному тоннелю, проехав три с половиной километра в вагонетке к центру горы. За массивными воротами открывается довольно хорошо оборудованное помещение площадью 700 кв. метров. Большую часть места в нем занимают объемные резервуары необычного и даже загадочного вида. В них содержится шестьдесят тонн жидкого галлия.

Галлий – это металл, который плавится при необычно низкой температуре – уже в руках. Но не это его свойство в данном случае главное. При пролете нейтрино через галлий случаются (чрезвычайно редко) превращения атома галлия в изотоп германия. Если подождать дней десять, то в шестидесяти тоннах

галлия образуется 10–20 атомов германия (в зависимости от интенсивности нейтринного потока). Эти-то атомы и нужно отыскать ученым, чтобы потом судить о внутренней жизни Солнца.

Несравненно проще найти иголку в стоге сена. Говоря образно, но не преувеличивая, в данном случае речь идет об отыскании капельки слегка подкрашенной воды в Мировом океане. Задача дополнительно осложняется тем, что изотоп германия нестабилен и через пару недель превращается обратно в галлий.

В это невозможно поверить, но методами химического разделения все до одного атомы германия в шестидесяти тоннах галлия удается оперативно зарегистрировать. Детали метода я не стану описывать и лишь приглашаю читателя восхититься подобными успехами физико-химической науки.

До поры до времени нейтринный телескоп работал в штатном режиме, сообщая обнадеживающую информацию о солнечной активности. Но в лихие 90-е беда пришла, откуда не ждали. Дело в том, что галлий довольно редкий и дорогой металл, находящий применение в микроэлектронике. Как мы помним, в конце прошлого века предприимчивость определенной части россиян, вульгарно воспринявших условия рыночной экономики, возросла настолько, что обрезались и сдавались в утиль провода с линий электропередач. Не удивительно, что в поле зрения попал и галлий.

Методы бандитского захвата галлия, не давшие результатов в силу героизма, стойкости и сплоченности коллектива телескопа, были дополнены более цивилизованными, но от того не менее опасными приемами административного характера. Дело дошло до того, что на правительственном уровне было принято решение об изъятии значительной части галлия с телескопа. Естественно, в интересах народа (не всего, конечно, а определенной его части). В результате битвы (по-другому не скажешь), длившейся несколько лет, галлий удалось отстоять, и нейтринный телескоп продолжает нести службу. Это был тот случай, когда стоять насмерть нужно было уже не только сотрудникам лаборатории, но и руководству Министерства науки. Если бы мы проиграли, это стало бы национальным позором в глазах мирового научного сообщества.

Байкальский телескоп устроен совершенно иначе. Принцип его действия основан на еще одном свойстве нейтрино – вызывать (опять же чрезвычайно редко) в воде слабое оптическое свечение. Подобный эффект возникает и от множества других космических лучей. Для того чтобы распознать именно нейтрино, нужно

погрузиться глубоко, более чем на километр, в воду. На такую глубину иные космические частицы и солнечный свет уже не проникают.

Подводный телескоп представляет собой систему из 192 стеклянных шаров, погруженных в озеро на расстоянии трех с половиной километров от берега, где глубина достигает полутора километров. Внутри каждого шара диаметром около полуметра установлены особо чувствительные датчики света. Каждое событие (свечение) регистрируется несколькими шарами, и затем по времени задержки сигналов судят о направлении движения нейтрино. Все шары соединены проводами с береговой приемной станцией, аппаратура которой принимает и обрабатывает поступающую информацию.

Благодаря тому что вода в озере исключительно чистая, даже слабое свечение в ней можно «увидеть» издалека. Однако для того, чтобы зарегистрировать и распознать нужные события, потребовалось решить множество сложнейших технических проблем. К примеру, положение всех шаров нужно знать и контролировать с огромной точностью, что на километровой глубине осуществить весьма непросто. Ежегодно приходится доставать все шары для профилактики. Делается это зимой со льда.

Лед на Байкале такое же чудо, как и само озеро. Он достигает двух метров толщины и при этом совершенно прозрачен. Изменения температуры вызывают в нем внутренние трещины, которые создают неповторимый многомерный узор. Но эта красота завораживает лишь туристов. Физикам приходится долбить его толщу в жуткую стужу, чтобы с большой осторожностью достать с помощью лебедок и трактора свои «игрушки» – заякоренные на дне озера гирлянды шаров. Зимняя экспедиция длится несколько месяцев, и к концу изнурительной работы большинству ее участников уже не до красот Байкала. Другое дело летом – и работа легче, и красот больше. В общем, и здесь физики с выбором места работы не промахнулись.

Большой оптический телескоп Специальной астрономической лаборатории расположен в горах Карачаево-Черкесии в Нижнем Архызе, что в сорока километрах от станицы Зеленчукская, на высоте 2100 метров. Место это было выбрано с учетом астроклимата. Для наблюдения важно, чтобы воздух был чистым, а место сухим с большим количеством ясных дней. Точнее ночей. Телескоп следует строить на самой вершине горы, с тем чтобы обозревать всю полусферу неба и подняться над низкой облачностью.

Возможности телескопа напрямую зависят от размеров его

зеркала. В данном случае его диаметр 6 метров. Сделано оно из стекла толщиной в один метр. Такая вот громадина с исключительной точностью сферической поверхности была изготовлена под Москвой, затем с большими предосторожностями отвезена на Кавказ и поднята на гору, для чего пришлось построить специальную дорогу, расширить тоннель и укрепить мосты. Трудности возникали не только из-за веса и размеров зеркала. При таких габаритах стеклянного слитка даже небольшая (в доли градуса) температурная неоднородность могла привести к его растрескиванию, подобно льду на Байкале. Только в данном случае возникший узор никого бы не порадовал, поскольку двухлетний труд мастеров – стекловаров и полировщиков пошел бы насмарку, а физики надолго остались бы без работы.

Здание телескопа очень красиво и снаружи, и внутри. Ночью куполообразная крыша раздвигается, и взору открываются далекие миры. Наблюдения ведутся только глубокой ночью, когда не создает помех свечение атмосферы.

Прогноз погоды для астрономов предопределяет образ жизни. К сожалению, получилось так, что астрономический микроклимат меняется здесь год от года, и не в лучшую сторону. Ясную ночь приходится ждать и ждать. Малейшая облачность срывает работу.

Драматизм ситуации продемонстрирую на примере американцев. Их ученые пошли еще дальше, установив инфракрасный телескоп на горе в Антарктиде. Однако долго там не поживешь, поэтому работы ведут вахтовым методом. Когда прибыла первая научная экспедиция, погода резко испортилась и наладилась лишь через месяц, но к тому времени испарился весь запас жидкого гелия, привезенного для охлаждения приемника. Степень разочарования ученых описать не берусь, поскольку свидетелем не был, хотя можно вообразить.

Чтобы представить себе возможности телескопа с диаметром зеркала шесть метров, приведу еще один пример. В Зеленчукской обсерватории есть телескопы и меньших размеров. Посетителям обычно дают заглянуть в космос с помощью метрового зеркала. Я поинтересовался:

– Можно ли взглянуть через него на Луну?

– Можно… но только один раз.

– А что так?

– Потерять второй глаз обычно никто не соглашается.

Представляете, холодный, призрачный лунный свет, будучи сфокусированным метровым зеркалом, обретает такую яркость, что может повредить сетчатку глаза. Так вот, шестиметровое зеркало обеспечит интенсивность сфокусированного света

в 36 раз большую, достаточную, чтобы вызвать пожар в обсерватории.

Вторым по важности элементом телескопа является приемник. Наблюдение на современных телескопах ведется не глазом, а сверхчувствительной полупроводниковой матрицей. Она регистрирует каждый пришедший квант. Это тоже чудо техники.

Несколько ниже по ущелью построен радиотелескоп РАТАН, предназначенный для изучения реликтового излучения Вселенной. Обычно радиотелескопы имеют антенны в виде металлической чаши, обращенной в небо вогнутой стороной. Это циклопические сооружения с диаметром антенн под сотню метров, что обеспечивает сверхвысокую чувствительность телескопов. При этом зеркала должны свободно поворачиваться в любую точку неба и строго сохранять свою форму в самых сложных метеоусловиях (при сильном ветре, дожде и снеге, жаре и холоде).

РАТАН своим размахом превосходит традиционные радиотелескопы в несколько раз. По кругу диаметром 576 метров установлено 895 металлических зеркал, каждое площадью 25 кв. метров. Их ориентация контролируется электродвигателями с таким расчетом, чтобы все они фокусировали излучение на единый приемник. Такая оригинальная конструкция дает некоторые преимущества перед обычными однозеркальными приборами, но одновременно имеет и особенности, осложняющие и без того непростую работу радиоастрономов.

В отличие от нейтринных телескопов, в Зеленчуке работа ведется не вахтовым методом, а стационарно. Для исследователей и обслуживающего персонала был построен в горах уютный поселок на тысячу жителей. Тридцать пять лет тому назад поселок заселили молодые, полные энтузиазма люди, которые успешно совмещали работу с туризмом, альпинизмом и горными лыжами. Сейчас многое изменилось. Повзрослели не только первопроходцы, но и их дети. Возникли проблемы со здравоохранением, образованием и трудоустройством. Социальные трудности усугубились резким сокращением финансирования науки и старением научного оборудования. Значительная часть работников покинула обсерваторию, продав свои квартиры. В результате в научном поселке появились «чужаки», которые не приняли сложившиеся правила жизни и культурные устои. В общем, все осложнилось сразу, и трудные судьбы сотрудников научных учреждений Москвы кажутся на этом фоне почти благополучными.

Примеров уникальных физических комплексов можно

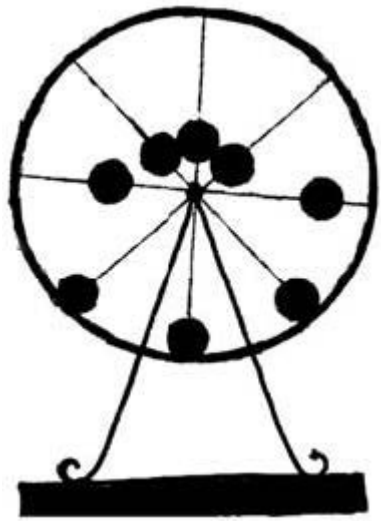
было бы привести еще много. Они были построены в разных регионах, в том числе в Сибири, в частности в Якутии, где природные условия оптимальны для наблюдений, но не для наблюдателей.

Труд физиков на мегаустановках имеет свою специфику. С одной стороны, они причастны к работам вселенского масштаба, что не может не вызывать душевного подъема. С другой же стороны, события здесь развиваются очень медленно, от проекта комплекса до получения первых научных результатов проходят многие годы, и бывает до слез обидно, когда заграничные конкуренты, кои почти всегда имеются, опередят всего на месяц-другой и успеют «снять сливки».

Еще более драматические ситуации возникают подчас при реализации космических проектов. Так, амбициозный проект «Фобос – Грунт», предполагавший посадку станции на спутник Марса и возвращение на Землю, был утвержден в 1998 году и планировался к запуску в 2004 году. Реально запуск состоялся в 2011 году и был неудачным. Не знаю, с чем сравнить разочарование и огорчение исследователей, потративших более 10 лет усилий впустую.

В прежние годы что в космосе, что в физике шло постоянное соревнование между СССР и США. Это придавало динамизм научным исследованиям и способствовало полноценному финансированию амбициозных проектов. Теперь все больший упор делается на международные суперпроекты. По-видимому, это разумно. Чем скорее человечество осознает необходимость единения, тем дольше оно (в том числе и мы!) просуществует.

Глава двадцать вторая
Подделки под науку



Однажды в министерстве я, по неопытности, ввязался в борьбу со лженаукой. Началось с того, что на глаза попалась статья в «Российской газете» (замечу, органе правительства Российской Федерации) о так называемых торсионных полях.

Написана статья была броско и безапелляционно. В ней сообщалось, что торсионные поля якобы являются выдающимся открытием российской науки, они способны творить чудеса: с их помощью можно просвечи вать глубины Земли и получать точную информацию обо всех по лезных ископаемых; распространяются торсионные поля в тысячу раз быстрее света, что подтверждено исследованиями на Лубянке; новые поля меняют к лучшему свойства всех материалов, но самое главное – это безграничные возможности приложения их в медици не, где они способны бороться со всеми болезнями, не приводя ни к каким нежелательным побочным явлениям. Небольшие вложения средств в разработки по торсионным полям способны, по глубокому убеждению автора, мгновенно решить все экономические проблемы России. Дело лишь упирается в нерадивых чиновников, которые препятствуют но вовведениям из каких-то своих корыстных соображений.

Прочитав весь этот бред, я немедленно позвонил главному редактору газеты и потребовал объяснений. Он прислал ко мне

начальника отдела, освещающего науку и технику, А. Валентинова. Беседовали мы с ним долго, я подробно разъяснил всю антинаучную сущность и опасность опубликованного материала и попросил опубликовать опровержение. Валентинов благодарил и обещал.

Через неделю это случилось. Статья Валентинова начиналась с того, что после опубликования предыдущей статьи редакция получи ла много заинтересованных звонков от студентов геологоразведочного института, специалистов связи и т. д. Но был в этом потоке и звонок матерого бюрократа, первого заместителя министра науки профессора Г. Козлова, который устроил буквально разнос главному редактору. Дальше в статье брались под защиту проводники всего нового в науке, на пути у которых неизменно стоят злобные консерваторы, отрав ляющие гениям жизнь и творчество.

К борьбе с Валентиновым подключилась РАН, которая тоже была возмущена подобными выходками. Но и в таком усиленном составе серьезного успеха мы не добились. Главный редактор газеты во время разборки, порученной мне Аппаратом Правительства, объяснил, что времена, когда прессе можно было диктовать и навязывать свое мнение, безвозвратно ушли в прошлое, а «чернуху» они печатали и будут печатать, поскольку она самое эффективное и дешевое средство для повышения тиража и обеспечения достойной зарплаты сотрудникам редакции.

Это было мое самое крупное и очевидное поражение за все годы работы в министерстве, и я решил излить переполнявшее меня чувство досады и горечи читателю, посвятив околонаучным проблемам специальную главу.

Существует ли граница между наукой и ее искаженным преломлением – лженаукой? Многие склонны считать, что нет, исходя в своем суждении из ряда исторических фактов, когда смелые научные воззрения гениальных провидцев отвергались (подчас в недопустимо резкой форме) их современниками как противоречащие устоявшимся представлениям. Такие примеры действительно очень убедительны, не удивительно, что за века их накопилось предостаточно, и потому нередко приходится слушать, что лженаука бывает полезна.

Мое мнение на этот счет существенно иное: по мере накопления объективных знаний об устройстве природы и ее законах граница между наукой и лженаукой становится все более отчетливой. Причин здесь по крайней мере две: с одной стороны, вырабатывается четкая система критериев, по которым может быть верифицировано то или иное утверждение; с другой, и это

главное, в научном поиске, до стигшем к настоящему времени фантастических высот, все меньше места остается прозрению гения-неспециалиста. Специалист же, преодолевший труднейший путь познания, практически никогда не скатится до лженауки в области своих профессиональных знаний. Он может заблуждаться в своих суждениях и взглядах, допускать ошибки, но ни то ни другое не имеет ничего общего со лженаукой, всегда примитивной и наглой в своей безапелляционности и агрессивности.

Самая высокая плотность околонаучных «специалистов» и их разработок наблюдается вблизи медицины. Было это, как я вижу, во все времена. Возьмите любую газету столетней давности – и вы наверняка найдете в ней многочисленную рекламу самых надежных и исключительно эффективных средств от облысения, ожирения и полового бессилия. О «правдивости» этих объявлений наглядно свидетельствует сегодняшнее не лучшее состояние этих проблем, позволяющее по-прежнему навязчиво рекламировать чудодей ственные эликсиры. Я подозреваю, что если бы кто действительно нашел средство, кардинально меняющее положение дел, то был бы немедленно уничтожен конкурентами, лишившимися такого прекрасного бизнеса.

Просто поразительно, каким образом на протяжении столетий удается водить человечество за нос. Первая причина, видимо, в сменяемости поколений. Вторая – в удивительной доверчивости лысых, толстых и ослабевших индивидуумов. Третья в том, что авантюристы от науки с удивительным проворством берут на вооружение современные научные открытия, точнее их лексику.

На одной солидной международной конференции по миллиметровым волнам мне довелось быть свидетелем доклада о медицине будущего. С докладом выступал дотоле мне неизвестный, но очень солидный ученый из Киева. На трибуну он вышел в клубном пиджаке с большим красивым орде ном на груди. Замечу сразу, что это уже настораживающий признак, так как настоящий ученый никогда не выйдет на научный доклад декорированным орденами и медалями. Такое просто не принято. Исключением может быть только особо крупный юбилей, типа сто летнего.

Броское название доклада – «Квантовая медицина» – вызвало у участников конференции большой интерес. Обычно полупустой зал был забит до отказа. Свое выступление докладчик начал с глубокомысленных сентенций о квантово-механической природе организма человека, затем он, не мудрствуя, огласил характерную энергию кванта человека. Она пришлась как раз

на область миллиметровых волн.

Определившись таким образом в главном, докладчик за несколько минут очертил пути преодоления самых серьезных и опасных болезней, которые должны были неминуемо пасть под действием квантов различных частот миллиметрового диапазона.

Апофеозом стало завершение доклада. Автор заявил, что с помощью своего метода он уже вылечил два дцать миллионов человек на Украине и дал впечатляющую оценку достигнутого таким образом экономического эффекта.

Аудитория из ученых, собравшихся со всего света в Англии (именно там проходила конференция), была просто шоки рована. Не было ни вопросов, ни комментариев. Это все равно что на конкурсе П. И. Чайковского членам жюри пришлось бы слушать игру на рояле пьяного мужика, необученного музыкальной грамоте. Вся наша (тогда советская) немногочисленная делегация сидела как оплеванная.

Пример этот весьма показателен во многих деталях. Во-первых, излюбленным местом для зарождения и паразитирования шарлатанов являются стыки наук. В данном случае медицины, квантовой механики и мил лиметровой радиофизики. Привлекательность такого «стыка» понят на – медикам можно убедительно морочить голову квантовой механикой, а физикам с не меньшим успехом медициной.

Что касается миллиметровых волн, то в силу трудностей технического характера этот диапазон долгое вре мя оставался малоизученным и оттого казался таинственным. Кроме того, по некоторым, замечу, довольно примитивным прикидкам, энергия миллиметровых квантов якобы соответствует характерным частотам возбуждения биомолекул, имеющих в своем составе огром ное число атомов. Вот и разыгра лась фантазия у ряда «исследователей». Человек, по их представлениям, при определенных условиях может быть хорошей антенной для передачи и приема сообщений с помощью миллиметровых волн (научные основы телепа тии).

О чудотворных свойствах миллиметровых волн мы еще погово рим, а сейчас вернемся к докладу о квантовой медицине. Важным атрибутом шарлатана является факт его якобы признания в определенных кругах. В данном случае ставка была сделана на орден, как выяснилось бельгийский. Он был действительно то, что надо, крупный, да к тому же еще и с яркой лентой. Более десяти лет для меня оставалось загадкой, как это удалось нашему бывшему земляку заполучить столь замечательную награду. Разгадка пришла совсем неожиданно,

когда на выставке изобретений в Брюсселе мне самому ни с того ни с сего вручили подобный орден.

Остается вопрос: как попал этот «выдающийся ученый» на конференцию мирового уровня? Да очень просто. Никакого отбора докладов на многих заграничных конференциях не производится во все, поскольку организаторы материально заинтересованы в увеличе нии числа участников. Этим с успехом пользуются «ученые» обсуждаемого типа.

Публикацию короткого сообщения в сборнике тезисов международной конференции можно представить на Родине как весомое подтверждение признания; а это уже важный пункт в «научной биографии» автора и пропуск в больницы и клиники с платным лечением, что не менее ценно, нежели бельгийский орден. А там, после серии таких публикаций, и до защиты диссертации недалеко…

Помню, во время болезни жены один приятель настойчиво рекомендовал «кремлевскую» таблетку. Многим наверняка встречалась ее реклама. Это такая металлическая капсула, которая после заглатывания автоматически включается в организме и своим электрическим полем очища ет, корректирует и активизирует пищевод, желудок и весь кишечник до самого выхода. Таблетка в прежние годы была засекречена (!) и использовалась (понятно, с большим успехом) для продления жизни членам Политбюро. Согласно последним исследованиям, оказалось, что таблетка, кроме всего прочего, способна существенно повысить эффективность химиотерапии, о чем свидетельствовало заключение Онкоцентра, заверенное подписью и печатью.

Я показал это заключение лечащему врачу из того же центра. Он, прочитав заключение, не проявил к таблетке ни малейшего интереса, поскольку в нем не были указаны ни тип болезни, ни методика химио терапии. Таблетка как бы годилась сразу для всех случаев. Это обна деживает больных, но у специалиста не вызывает ничего, кроме раз дражения.

Однако не льзя не восхититься изощренностью замысла «создателей» «кремлевской таблетки», включающего все необходимые компоненты успеха. Во-первых, звучность, таинственность и элитарность названия. «Кремлевская» – это не для кого попало. Во-вто рых, ссылка на новейшие технологии военно-промышленного комплекса. Та блетка сама включается и выключается, содержит внутри себя источ ник энергии, который с помощью микроэлектроники создает полез ное для организма электромагнитное поле. В-третьих, абсолютная закрытость принципа действия, чувствуется, что это государственная тайна.

В-четвертых – высокая цена, что, по мнению мно гих, важно для эффективности лечения. И наконец, возможность многоразового использования таблетки, если удастся отыскать ее после выхода из организма.

Слабым местом является только отсутствие побочных эффек тов. Хотя создатели «царской настойки», отмечу опять же звучность названия (не какой-нибудь там «норсулфазол»), рекомендуемой для повышения иммунитета и потенции, учли и это. В качестве возможного нежелательного побочного эффекта приводится чрезмерное повышение сексуальной потреб ности. Теперь уж даже у закоренелого скептика отпадают всякие сомнения в целе сообразности покупки.

Фантазия деятелей околонаучной медицины просто неисчерпае ма. Однажды мне порекомендовали одну научную группу, ко торая открыла новый метод лечения – «спектральную медицину». Класс названия сразу говорит о многом, но поскольку рекомен дация исходила от уважаемого человека, якобы испытавшего на себе эффективность метода, я дал согласие на личный контакт с твор цами.

Буквально на следующий день ко мне явилось несколько человек во главе с очень активной женщиной настораживающей наружности. Через несколько минут после начала разговора я уже имел полный набор признаков, подтвердивший мои опасения, но решил запастись терпением и дослушать их до конца.

Все развивалось по классическому сценарию. Сначала мне были предъ явлены доказательства в виде тезисов выступлений на конференциях, в которых упоминалось о том, как новый метод помог при лечении болез ней печени и других органов (эффект всеохватывающий!). Оказалось, что в данном случае мы «впереди планеты всей»; весь мир нам дико завидует, но авторы – патриоты и никому секретов не раскрывают (этого действительно делать не стоило).

Дальнейшую дискуссию попробую воспроизвести близко к тексту.

– А почему вы называете метод «спектральным»?

– Потому что мы лечим каждый орган по его спектру. Мы мо жем, таким образом, его включать и выключать.

– Подождите, не так сразу. О каких конкретно спектрах вы го ворите? Они же бывают самые разные – оптические, инфракрасные, рентгеновские, ЭПР, ЯМР и так далее.

– Мы говорим о спектрах различных органов, каждый из кото рых имеет свою энергию, а значит, и частоту.

– Откуда это следует?

– Ну, начнем с Эйнштейна. Он доказал, что масса связана

с энергией: «е» равняется «эм си» квадрат. Кроме того, вы, конечно, знаете, что мы окружены лептонными полями…

– Секундочку, дайте передохнуть. А как вы узнаете спектр каждого органа?

– Эту информацию мы получаем от наших коллег из Германии.

– А как вы превращаете полученный спектр в команду для управления органами?

– Вот именно в этом и состоит наше главное достижение!

– Ну, так как это делается?

– Мы пригласили на работу двоих очень способных молодых электронщиков, и они сделали компактный прибор, который превра щает спектры в электрические сигналы, которые и воздействуют на человека.

– А как формируются-то эти сигналы?

– Ну, этого я не знаю. Мы поставили перед ребятами задачу, а они ее решили. Ребята исключительно способные. Прибор получился очень удобный и эффективный. Я сама без него из дома надолго не выхожу.

– А как он работает?

– Очень просто. Его нужно включить, вставить спектр органа, подлежащего лечению, и подключить электрод к пациенту. Мы спасли уже несколько безнадежно больных людей. Наши организмы от излишнего употребления антибиотиков внутри просто заросли грибами на микроскопическом уровне. Кроме как с помощью нашего метода, от них уже не избавиться. Лечение дорогое, но зато эффек тивное.

– А побочные эффекты?

– Только самые положительные.

Больше я не выдержал; любезное предложение испытать прибор на себе или на родственниках вежливо, но твердо отклонил. Не ис ключаю, однако, что на этом мое знакомство со спектральной меди циной не закончилось, и мы еще услышим о ней из телевизионной рекламы. Аппарат «квантовой» медицины уже на этот уровень вы шел. Особенно он рекомендуется пенсионерам. Правда, для его приобретения пенсию им придется копить целый год. Но на что не пойдешь ради здоровья?

Заканчивая благодатную медицинскую тему, еще немного о моих любимых миллиметровых волнах. Я был начинающим научным сотрудником, когда состоялась первая крупная презентация результатов исследований биологического действия миллиметровых волн. В торжественной обстановке, как и подобает событию подоб ного уровня, докладчики сообщили, что в нашей стране с большим опережением Запада обнаружено

нетепловое воздействие миллиметровых волн на биологические объекты различного типа. Так, облуче ние колонии дрожжей приводило к тому, что она начинала расти каким-то причудливым образом; что-то хорошее (конкретно уже не по мню) происходило при облучении с человеческой кровью; быстро заживали раны и многое другое.

Перспективы, которые открывались перед исследователями, были просто грандиозными. Даже мне, совершенно неискушенному научному сотруднику, все это показалось несколько сомнительным.

Но дело шло, и вскоре был сделан прибор, который с помощью тех же миллиметровых волн массово успешно лечил людей, причем от целого ряда болезней, в первую очередь – желудочно-яз венных. Разработчиков я хорошо знал. В Киеве в НИИ «Сатурн» они мне с гордостью показали промышленные образцы изделий.

Я поинтересовался:

– А сами-то вы лечитесь? Или уже никто не болеет?

– Да нет. Оказалось, что людям, которые постоянно работают с миллиметровыми волнами, прибор не помогает; у них уже выработался какой-то иммунитет.

Думаю, в этих словах и таится разгадка. У меня нет ни малейшего сомнения, что методом психологиче ского воздействия от таинственного миллиметрового излучения можно вылечить многие болезни, поскольку организм человека – уникальная биохимическая фабрика, по своему уровню превосходящая всю фармацевтическую промышленность. По себе знаю, что здоровье улучшается только от самого факта посещения врача, если к этому не прибегать излишне часто. Медики отмечают, что на больных лучше действуют дорогие и горькие лекарства – это тоже чисто психологический эффект. Так и с миллиметровыми волнами: если воздействовать ими с умом и за приличную плату, эффект может быть очень значительным. По крайней мере, для одной из вовлеченных в процесс сторон (чаще – это не сам больной).

Психологический фактор, неизменно присутствующий во всех медицинских начинаниях, не позволяет провести четкую границу между «наивными лжеучеными» и их алчными собратьями. В физике ситуация несколько проще. Здесь «наивные изобретатели» в своей массе бескорыстны. Их ряды пополняются из числа способных к твор честву людей, не получивших, однако, должного образования. Я бы даже не стал называть их лжеучеными. Придумав очередной веч ный двигатель, они тут же пишут письмо президенту Российской Федерации, предлагают

использовать свое изобретение на благо страны.

Вот классический пример. Слесарь из Калмыкии обратил внима ние на вечный двигатель в виде колеса со спицами и движущимися по ним грузиками, изображенный на обложке школьного учебника физики. Приведенные в учебнике разъяснения на этот счет он читать не стал, а сразу приступил к усовершенствованию конструкции (это типично, как я вижу, для изобретательных по своей натуре россиян). В основу предложенной им идеи положены «нехитрые прижимное и откидное устройства» для переключения спиц и грузиков.

«Теоретически такое колесо способно заменить все двигатели земного шара, занятые выработкой электроэнергии. Такое колесо – прямое подобие рычага, которым Архимед хотел перевернуть весь земной шар».

«Мне самому следовало бы сделать образец такого устройства и выставить его напоказ, но у меня плоховато со здоровьем. Да и денег нет что-то купить и кому-то заплатить за работу».

К автору этого письма у меня не возникает ника ких чувств, кроме снисходительной симпатии. Единственная проблема состоит в написании от вета – очень не хочется разочаровать и обидеть этого пожилого человека, с нетерпением ожидающего от президента признания и скорейшего воплощения своей идеи.

К сожалению, часто бывает так, что изобретатели вечных двига телей, получив отрицательное заключение, отказываются признать очевидное и вступают в бескомпромиссную борьбу со «злобными чи новниками от науки». Это происходит почти всегда в тех случаях, когда в замысел автора входило получение государственных средств на реализацию идеи.

Для ускорения продвижения своих проектов изобретатели часто обращаются к средствам массовой информации. Там они желанные гости.

К примеру, в краевой газете «Приморские вести» (г. Владивосток) помещен очерк о покинувшем родину изобретателе О. Грицкевиче. Он изобрел и опробовал в действии «ге нератор электростатической энергии (схема устройства не дана, ви димо, по соображениям коммерческой тайны), компактный и с наи меньшей мощностью в 1 мегаватт, с возможностью иметь другие установки с еще большей мощностью. КПД этой установки оказался удивительно высоким, около 100 процентов!».

«Этот вид энергии имеется в любом месте Земли и не нуждается в транспортировке ее носителя и не дает вредных отходов при эксплуа тации, то есть экологически чист!

Считаю открытие и изобретение О. В. Грицкевича делом государственной и престижной важности. Попросил бы Вас

пояснить, нет ли возможности вернуть лабораторию О. В. Грицкевича на Родину? Если нет этой возможности, то будут ли параллельно с работами в США в этом направлении развернуты и работы у нас, в России? Очень беспокоит возможность использования этого изобретения США в военных целях помимо желания самого О. В. Грицкевича. Это будут те же НЛО, о которых сейчас так много сообщается в печати».

Смотрите, тема другая, далекая от медицины, а признаки «открытия» те же:

– мы и здесь «впереди планеты всей»;

– принцип действия неясен – коммерческая тайна;

– метод универсальный, работает в любой точке Земли;

– нет никаких вредных отходов;

– за державу обидно.

Если же посмотреть на ситуацию с практической точки зрения, то вряд ли стоит возвращать лабора торию обратно в Россию. Более того, направление в США группы таких хорошо подготовленных изобретателей могло бы стать «нашим» асимметричным ответом на многие «ихние» экономические и политические вызовы.

Нельзя обойти вниманием еще один популярный объект потусторонней «науки», коим являются пирамиды. Впервые с их творцами и исследователями я столкнулся во время посещения одного крупного оборонного НИИ. Долго мы ходили по предприятию, где разрабатывались самые ответственные узлы для авиационной и космической аппаратуры, а в конце, уже за обеденным столом, директор предложил мне попробовать воды из пирамиды.

– Какой пирамиды? – спросил я, продемонстрировав тем са мым свою полную некомпетентность.

– Бетонной, мы построили ее в точных пропорциях с египет скими пирамидами.

– С какой целью?

– Да вы что, не знаете о свойствах пирамид?

– Нет.

– Вода, например, выдержанная в пирамиде несколько часов, становится целебной, повышает работоспособность и жиз ненные силы.

– А как это установить объективно?

– Спросите у моей секретарши, она подтвердит! – сказал директор под двусмысленный смех присутствующих. – Но есть и более объективные критерии. Так, сопротивление металлов уменьшается на порядок после их выдерживания в пирамиде.

– Вы что, разыгрываете меня?

– Нет, мы это точно установили. Меняется и структура металла, улучшаются его механические качества.

– Если это все правда, то зачем вы мучаетесь со всеми традиционными научными подходами? И вообще, как одно совместимо с другим?

– Я думаю, что пирамиды скоро станут нашим главным методом.

Я был просто потрясен услышанным. Вокруг же спокойно сидели маститые ученые. Мне хотелось спросить у них, как они терпят весь этот бред, но ставить их в неудобное положение перед директором я не решился, а ограничился только своим заявлением, отрицающим всю эту чушь. На что директор не обиделся, а снисходительно парировал:

– Время рассудит.

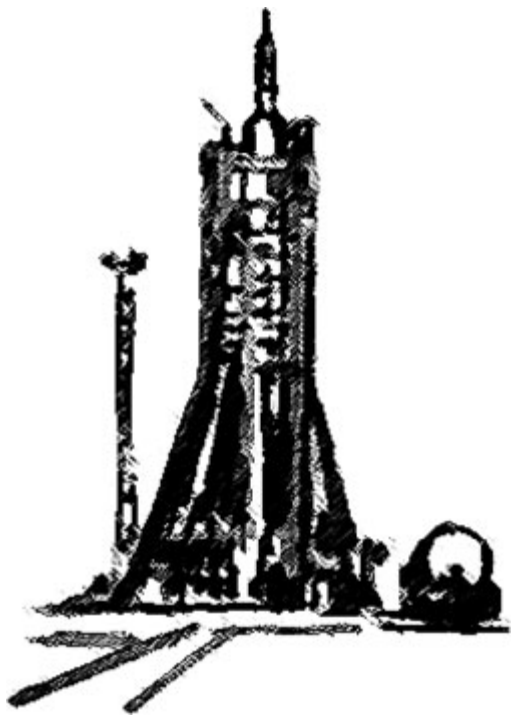
И что же вы думаете? Пирамиды шагают по жизни. Под Москвой уже построены пирамиды высотой одиннадцать метров, а на Селигере – в двадцать два. С их помощью вовсю лечат, готовят пищу, синтезируют новые материалы, улучшают климат и экологию, устраняют межнациональные конфликты и т. д. и т. п. «Исследователями» установлено, что в пирамиде: изменяются свойства воды; ювелирные изделия и монеты сами собой очищаются; с волос при мытье головы пирамидальной водой исчезает седина; дешевые сигареты облагораживаются; срезанные цветы в пирамидальной воде сохраняются до 32 дней; молоко превращается в доброкачественную простоквашу; пирамидальная вода избавляет от потливости ног» (*в это верю!*). Борьба с пирамидами напоминает атаку на ветряные мельницы. Правильно умные люди говорят, что бороться со лженаукой можно, но победить ее нельзя.

Часть третья
Размышления и заключение

Глава двадцать третья
Чудеса России

Слава в руках труда.

Леонардо да Винчи



Из семи классических чудес света, сотворенных до нашей эры, сохранились только египетские пирамиды. По критериям древних обитателей планеты чудеса света в нашей теперешней жизни трудно пересчитать. К ним может быть отнесено фактически все, что создано творческим трудом человечества за последние столетия: электричество, радио, телевидение, автомобили, авиация, космонавтика, компьютеры… Мы же ко всему этому привыкли и воспринимаем без особого восхищения. Тем не менее неоклассический список чудес света в том или ином виде существует.

Сейчас к числу уникальных творений человека и природы, по разным версиям, относят до тысячи объектов, таких как Великая Китайская стена, храм Тадж-Махал в Индии, пирамиды майя в Мексике, терракотовое войско в Китае, туннель

под Ла-Маншем, статуи острова Пасхи, Колизей и римские акведуки, пещерные города в Турции, Ниагарский водопад, Великий каньон в Аризоне, озеро Байкал, гейзеры Исландии и т. д. и т. п.

В каждой стране есть свой перечень чудес света. Не обделена ими и Россия. Понятно, что на такой огромной территории есть немало уникальных творений природы, а богатая история предопределила и наличие большого числа выдающихся рукотворных сооружений. Чудеса света нужны не только для того, чтобы привлекать туристов, они вдохновляют на новые масштабные свершения и одновременно предостерегают от необдуманных действий в общении с природой. Утрата уникальных творений вызывает в обществе большой резонанс. Именно с этой целью я хочу поделиться впечатлениями от некоторых увиденных чудес.

На одном из первых мест стоит озеро Байкал. Благодаря активной позиции ученых и общественности оно все еще находится в приличном состоянии, не утратив своей чистоты и природного очарования. Следующие поколения не раз поблагодарят предшественников за то, что они сохранили ценнейший запас пресной воды на Земле. Простой расчет показывает, что 25 тысяч кубокилометров байкальской воды при цене 1 рубль за литр превышает ВВП страны в тысячу раз. Реально вода уже сейчас продается в десять раз дороже, и можно уверенно прогнозировать, что ее стоимость будет возрастать быстрее нефти и газа, поскольку без чистой воды жизнь человека невозможна.

Озеро Байкал воспето в песнях, стихах и прозе, и было бы очень самонадеянно пытаться дополнить его образ своими впечатлениями.

Богата на природные чудеса Камчатка. Самым известным из них является долина гейзеров. Своей необычной красотой она поражает всех посетителей без исключения.

Гейзеры – горячие фонтаны, фаза извержения которых сменяется обычно намного более длительной фазой покоя. Каждый из гейзеров неповторим по своей мощи, периодичности и облику. Гейзер Великан – самый крупный и мощный. Вокруг поляна площадью несколько соток. Его небольшая ванна примечательна своей бездонной глубиной. Ровная гладь ее прозрачной воды ничем не настораживает. Но горе тому, кто, не заметив признаков приближающегося извержения, окажется рядом. Мощная струя пара выбрасывает из ванны двадцать тонн кипятка, который быстро заполоняет поляну. Извержение длится всего минуту, и вот уже целая река кипящей воды устремляется

с поляны вниз к горному ручью – Гейзерной реке.

Вода в гейзерах обычно минерализована. Судить об этом можно по скелету большой березы, которая, некогда залюбовавшись мощью Великана, не удержалась на склоне и скользнула к нему на поляну. За несколько лет вся она покрылась белым соляным панцирем и в таком торжественном свадебном наряде теперь навсегда осталась вместе со своим избранником.

С другой стороны от Великана высокая каменная стена, за которой множество других полноводных гейзеров. Они образуют целую систему кулис, где вода и пар «пляшут» за большими каменными ширмами, над которыми, как в кукольном театре, возвышаются только самые сильные струи и верхушки особо крупных водяных всплесков. Все это великолепие на вершине стены дополняет гейзер Фонтан с красивым и геометрически ровным очертанием водяного столба.

Воды каждого гейзера, стекая по стене, придают ей сначала свою индивидуальную окраску, а затем, перемешиваясь, образуют многоцветную палитру. Будучи освещенной солнцем, стена превращается в яркое панно причудливой формы и расцветки, играющее тысячами пестрых зайчиков.

Над стеной располагается небольшое плоскогорье. Здесь тоже множество источников и гейзеров, но они уже совершенно иного типа и значительно спокойнее. Первым делом обращают на себя внимание булькающие глиняные котлы размером от метра до десятка метров в диаметре. Старые, умудренные жизнью, они имеют красивые гладкие очертания и правильную форму. В сухую погоду, когда котлы не заполнены водой, их стены украшаются богатой росписью – глубокими трещинами-морщинами.

В противоположность им, недавно образовавшийся «молодой» котел как хулиган нарушает всю эту сложившуюся веками гармонию. Он подобен грязному неряхе: из дыры с неровными краями глина выплевывается куда попало. Этот «хулиган» замусорил всю окружающую его зеленую лужайку.

Ниже по течению в Гейзерную речку вливается протекающий по своему ущелью ручей Водопадный. Название его неслучайное – водопадов на нем несколько, а заключительный – самый высокий, метров в тридцать. Еще ниже по течению река проходит через двое каменных ворот, нижние из которых, Триумфальные, особенно величественны. За ними открывается прекрасная горная панорама соединения трех ущелий и слияния трех рек – Гейзерной, Сестренки и самой полноводной – Шумной. Она падает сюда с большой высоты из кратера давно остывшего

вулкана.

Дальше река Шумная, вобрав воды притоков, через пороги и огромные камни мчится к океану. До него по прямой всего два десятка километров.

Все это казавшееся вечным великолепное творение природы в 2008 году чуть было не загублено полностью сорвавшимся с горы селевым потоком. Он прошел по ущелью ручья Водопадного и запрудил реку насыпью шестидесятиметровой высоты. В результате на месте долины гейзеров образовалось озеро. Хорошо еще, что не все гейзеры погибли (из крупных остались Великан и Изумрудный), а то бы одним чудом света стало меньше. Будем надеяться, что природа сумеет воссоздать утраченное.

Рядом с долиной гейзеров расположена огромная чаша очень древнего вулкана. Его извержение, случившееся по историческим меркам совсем недавно – 40 тысяч лет тому назад, было столь мощным и активным, что выбросило наружу все внутреннее содержимое. Стенки погасшего великана рухнули, и образовалась обширная долина, неровно окаймленная бывшими склонами, получившая название Кольдера Узон.

Здесь нет мощных гейзеров, но по всему видно, что под верхним покровом идут активные тепловые и химические процессы. На это указывают необычно яркая и пестрая раскраска поверхности земли, многочисленные теплые озерца и болотца с водой разного цвета и запаха, выходы пара и различных газов.

Все это производит настораживающее впечатление чего-то неземного и навевает тревожное ощущение конца света, когда биологическая природная среда превратится в химическую, совершенно не пригодную для существования людей. Однако в данном случае все с точностью до наоборот – здесь жизнь в процессе развития. Вулканы сыграли, как известно, важную роль в биологическом развитии Земли, поскольку в их кольдерах содержится полный набор химических элементов, необходимых для создания органических соединений.

Биологическая система обладает удивительной силой для освоения самых непригодных, на первый взгляд, территорий. Кольдера Узон – наглядный тому пример. Совсем рядом с отравленными сероводородом и купоросом озерами растут мхи и лишайники, которые по мере удаления переходят в мелкий кустарник, сменяющийся высокими сочными травами. Здесь множество птиц и даже встречаются медведи.

К нашим чудесам света я бы также отнес великие сибирские реки. Об их могуществе можно судить по многим параметрам: длине, ширине, полноводности. Меня же больше всего поразили

глыбы льда толщиной больше метра, оставшиеся после половодья на берегу Лены в районе Якутска. Многотонные громадины были небрежно свалены бушующей рекой друг на друга, образовав белоснежную стену, отделяющую воды реки от суши.

Сам Якутск тоже своего рода чудо. Дома здесь стоят на сваях, все коммуникации проложены по поверхности, что, кстати, город не украшает, делая как бы вывернутыми наизнанку его потроха. Условия жизни на вечной мерзлоте экстремальны. Здесь очень сложно даже проложить дорогу. И тем не менее люди привыкли, живут и не жалуются. Более того, летом они умудряются выращивать на пригородных участках овощи, включая огурцы и помидоры, почти как под Москвой.

Недалеко, по сибирским меркам, от Якутска расположен город Мирный со знаменитой алмазной Трубкой Мира, открытой в 1955 году. Трубка – это огромный котлован конической формы с наземным диаметром 1200 и глубиной 500 метров. В силу таких габаритов циркуляция воздуха в карьере создает над ним воздушные потоки, опасные для воздухоплавателей. Вертолетам летать над карьером запрещено.

Котлован предстает совершенно неожиданно, когда земля под ногами вдруг кончается без всяких предупреждений и ограждений. Ночью тут запросто можно свалиться в бездну. С небольшой смотровой площадки открывается грандиозный по своей масштабности вид. На дне трубки едва различимы экскаваторы и грузовики, об их реальных размерах можно судить, когда видишь этих двадцатипятитонных гигантов – «четвертаков», как их мило называют, на выезде из карьера. Тяжело груженные, они медленно друг за другом ползут вверх по спиральному серпантину дороги длиной 8 километров, постепенно увеличиваясь в размерах. В былые времена грузовики шли сплошным потоком с минутным интервалом.

В кузове каждого грузовика с десяток алмазов. На обогатительной фабрике их выискивают, размывая привезенный грунт. Найденные алмазы сортируют по размерам и оптическому совершенству. Выглядит все это совершенно обыденно – несколько женщин в белых халатах раскладывают алмазы в эмалированные кастрюли. Такой вот супчик на несколько миллионов рублей.

В прежние годы добыча алмазов давала стране ежегодно более миллиарда долларов прибыли. Но чем глубже становился котлован, тем алмазы обходились дороже. Добытчики спустились практически до дна Трубки Мира. Открытая добыча подходит к концу, а шахтный метод не столь производителен. Когда и он себя исчерпает, добыча будет прекращена, и карьер заполнится

водой, на его месте будет глубоченное озеро в память о подвиге первооткрывателей и тяжелом труде нескольких поколений алмазодобытчиков.

Рукотворным чудом света нашей бывшей страны является космодром Байконур. Его начали строить в то же самое время, что и Мирный, а именно в 1955 году, и уже в 1957 году с него был запущен первый искусственный спутник Земли, ставший знаковой вехой в развитии всей цивилизации. Строительство космодрома, как и полагалось в то время, было делом исключительно секретным. Почти никто из строителей не знал истинного назначения грандиозной стройки в далекой безлюдной казахстанской пустыне. Говорят, что проект освоения целинных земель одной из своих целей имел маскировку масштабного движения грузов для космодрома. Меры секретности были такими строгими, что при приближении к космодрому проходящего пассажирского поезда в городке, расположенном в нескольких километрах от станции, выключалось все освещение.

Размеры космодрома впечатляют: 125 км на 85 км – половина Бельгии. Место полигона было выбрано с учетом множества требований: близость к экватору (для упрощения запуска спутников), безлюдность (падение ступеней ракеты), большое число ясных дней, близость железной дороги и реки. Кроме городка, расположенного на берегу Сырдарьи, космодром имеет с десяток пусковых установок для различного вида ракет, крупные комплексы для сборки и испытания ракет и запускаемых аппаратов, а также многочисленные установки для оптического и радионаблюдения, телеметрии и связи. Все это соединено коммуникациями, включая шоссейные и железные дороги.

В середине прошлого века космос стал ареной эпохальной технологической битвы СССР и США. Битва эта велась в сферах военного и мирного противостояния. И если относительно первой можно было судить лишь по предупреждающим сообщениям ТАСС о планируемых запусках ракет в некоторые области акватории Мирового океана, куда судам не рекомендовалось заходить, то вторая, сразу после запуска в 1957 году первого искусственного спутника, стала центром всеобщего внимания.

Это историческое событие буквально огорошило самоуверенную Америку и воочию продемонстрировало, что многолетние системные усилия СССР по борьбе с безграмотностью и развитию образования дали свои плоды. Чтобы сравняться с нами в уровне инженерной подготовки, американцы вынуждены были предпринять экстраординарные меры. И все равно такую задачу невозможно было решить

мгновенно. В результате и второй раунд космической эпопеи – запуск первого космонавта – остался за СССР.

После Победы 1945 года не было в нашей стране другого такого всенародного ликования, как в день полета Ю. Гагарина. Этого события страна ждала с нарастающим волнением, и, когда оно произошло, в Москве и других городах люди, оставив работу и учебу, в едином порыве вышли на улицы. Вдохновение и счастье было на лицах у всех.

Мы шли по Ленинградскому проспекту к центру Москвы, перегородив всякое движение. Стихийный людской поток набирал силу, пополняясь с каждой впадающей улочки, пока, заполнив все пространство, не остановился. Радость каждого многократно преумножалась единым порывом тысяч собравшихся. По радио периодически транслировали историческое сообщение ТАСС, играли марши и исполняли патриотические песни. Душа просто ликовала.

Дата старта Ю. Гагарина хранилась в тайне, никакой официальной информации о подготовке полета и существовании космонавтов не было вообще, но все знали, что работы ведутся и запуск человека в космос должен был произойти вот-вот. Собачки-то уже не раз слетали. Слухи из разных источников более полугода будоражили воображение. Таинственность была не случайной, соревнование за первенство в космосе достигло в тот момент невиданного напряжения. Это стало ясно после суборбитального полета первого американского астронавта, состоявшегося спустя всего 23 дня, и орбитального через три месяца.

Полет Ю. Гагарина стал самой крупной и зримой демонстрацией успехов советской науки и техники. Американцы вторично уступили. Это был не просто сильный удар по самолюбию. Фактически под сомнением оказались их претензии на мировую гегемонию. На поддержание престижа была брошена вся американская финансовая, экономическая и техническая мощь. Через восемь лет они взяли реванш, вступив на поверхность Луны. Проиграв этот раунд, бесспорное космическое лидерство СССР сохранить уже не смог, но завоеванных позиций не утратил.

Пусковая установка ракеты «Союз», с помощью которой был выведен на орбиту корабль с Ю. Гагариным, – одна из самых мелких на космодроме, поскольку высота снаряженной ракеты всего 40 метров. Но и она с близкого расстояния выглядит впечатляюще. Еще большее уважение к конструкции испытываешь, когда увидишь, что находится под ракетой. В огромном забетонированном котловане, предназначенном

для отвода продуктов горения во время старта, сооружено многоэтажное здание для подготовки и обслуживания пуска. О его масштабах можно судить по количеству специалистов, работающих на старте, – около 200 человек. При сооружении стартового комплекса было вынуто около миллиона кубометров грунта и уложено 30 тысяч кубометров бетона.

Пуск ракеты – зрелище захватывающее. Волнение нарастает уже за несколько минут до старта, когда из динамика поступают команды:

– Ключ на старт!

– Дренаж!

– Готовность 5 минут!

– Продувка!

– 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1.

– ПУСК!

Из-под ракеты вырывается стремительное алое пламя, и по земле прокатывается волна вибрации. Трехсоттонная ракета медленно, как бы нехотя, приподнимается, освобождается от последней мачты и взмывает ввысь. На старте включаются сразу четыре боковых двигателя первой ступени и расположенный по оси ракеты двигатель второй ступени. Уже через полминуты с земли виден только быстро уменьшающийся в размере светящийся крест их факелов. Проходит еще минута, и боковые двигатели, отделившись, гаснут. Они упадут на землю где-то в семистах километрах от старта. Ракета к этому моменту, выйдя за пределы атмосферы, сбросит головной обтекатель, защищающий спутник от перегрева. Потеряв половину своего веса, ракета становится еще стремительней и вскоре скрывается из виду. Через три минуты отделяется вторая ступень и включается третья. Она работает всего пять минут. Для космонавтов это наиболее трудный участок, сопряженный с самыми большими перегрузками.

За десять минут спутник весом около 5 тонн выводится на орбиту высотой больше 200 километров. А подготовка пуска заняла два года и стоила около 1,5 млрд рублей. Вот такие масштабы характерны для космонавтики.

Стартовая установка для самой мощной советской ракеты «Энергия» в разы превосходит гагаринский стартовый комплекс, а по цене их вообще смешно сравнивать. Для сборки и испытания «Энергии» и «Бурана» были построены гигантские помещения, а для приземления космического челнока – уникальная посадочная полоса. Она не имеет себе равных по габаритам и гладкости. Отклонения в установке бетонных плит измеряются долями миллиметра.

Драматизм ситуации состоит в том, что все это сработало лишь единожды в 1988 году, а маленькие «Союзы» вывели на орбиту более тысячи спутников. Судьба проекта «Буран» вообще печальна. После успешного полета работы были прекращены, а сам корабль, поставленный в помещение испытательного комплекса, через несколько лет оказался погребенным бетонными блоками обрушившейся крыши. В конце прошлого века казалось, что судьбу последнего чуда советской космонавтики разделит и сам Байконур. К счастью, этого не произошло, хотя потери весьма заметны.

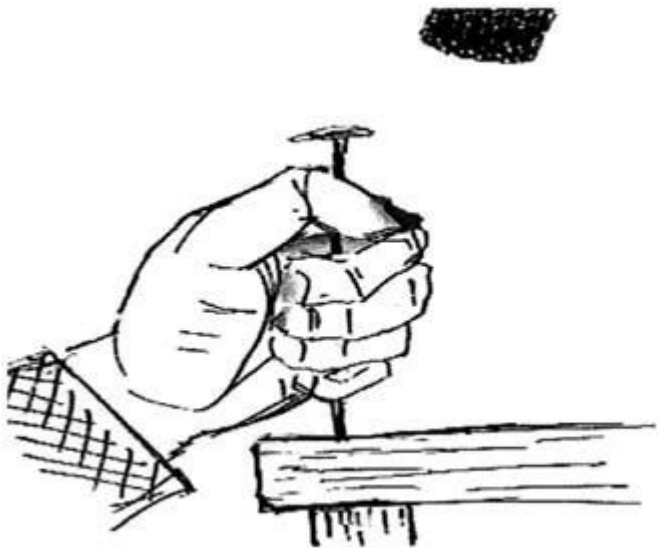
На космодроме сохранился маленький щитовой домик, в котором жил С. Королев. Размерами и скромностью убранства этот домик резко контрастирует с величием итогов труда этого уникального человека. Говоря о советской космической эре, нельзя не упомянуть и других генеральных конструкторов, внесших весомый вклад в грандиозное дело, таких как академики М. Янгель, В. Челомей, В. Бармин, В. Глушко, В. Кузнецов, Н. Пилюгин, Н. Рязанский. Поистине время великих свершений рождает великих творцов.

Чудеса современной России имеют иное – сатирически-ироническое – звучание. В Книгу рекордов Гиннесса можно занести разве что небывалые темпы обогащения «новых русских» миллиардеров в условиях мирового кризиса. Не будем вдаваться, за счет чего это уникальное обогащение произошло, и в масштабы их «затей», которые остро контрастируют с материальным положением остальных граждан и весьма неоднозначно сказываются на имидже страны.

Если пойдет так и дальше, то судьба нашей страны будет подобна алмазной Трубке Мира, сошедшейся внизу к своему пределу. Мы уже использовали (в значительной степени разбазарив) многие природные богатства, а красивые разговоры о переходе на инновационный путь развития подкрепляются строительством все новых нефте– и газопроводов, идущих из нашей страны на восток, на запад, на север и на юг. По главному показателю инновационного развития экономики – доле нашего высокотехнологического продукта в мировом объеме – мы никак не выходим за 0,5 % и даже не демонстрируем положительной динамики. На этом пути стоят некие непреодолимые преграды.

Очень хотелось бы их преодолеть.

Глава двадцать четвертая
Уроки жизни



От поживших людей иной раз можно слышать:

– Вот бы начать жизнь сначала!

Хорошо, что это невозможно и человеку для самореализации дана единственная попытка. Это и ответственно и волнительно, поскольку не дает права на ошибку. Для реализации выводов из уроков жизни не обязательно возвращаться к самому началу. «Новую жизнь» можно начинать если не с сегодняшнего, то с завтрашнего дня или с понедельника. Важно лишь осмыслить прожитое, понять истоки возникших проблем и поставить реальную и достойную цель. Последнее особенно важно.

Возможно, уроки моей жизни (в общем-то, совсем простые) для кого-то окажутся полезными. В явном виде я их пытаюсь сформулировать только сейчас, хотя интуитивно в той или иной степени следовал им с раннего возраста. Привожу основные, причем не в порядке важности, поскольку не берусь их сопоставить.

1. ПО ДЕЛУ.

Не терять попусту время, исходить из того, что его осталось не так много, а порой неизвестно как мало.

На мой взгляд, самый простой способ приучить себя

к рациональному использованию отведенного Всевышним времени – это ежедневно вкратце подводить итоги прожитого дня. Если вы ровным счетом ничего не сделали для бессмертия, считайте, что день прожит зря. Под «бессмертием» я подразумеваю то полезное, что останется после вас.

В большинстве случаев основную пользу (обществу, семье и себе любимому) человек приносит на работе, где проходит больше половины его активной жизни, поэтому крайне важно, чтобы работа соответствовала его возможностям, склонностям и интересам. Не всем везет стать научными сотрудниками или артистами, но практически в любом деле можно найти себя. Показателен в этом плане пример солженицынского Ивана Денисовича. Казалось бы, какая радость может быть от подневольного труда каменщика, да еще в зимнюю стужу? Но Иван Денисович любил свое дело и получал удовольствие от его качественного исполнения, что в условиях зоны было серьезным фактором выживания. Самый худший вариант – когда работа воспринимается как повинность и ждешь лишь окончания рабочего дня. Халтурить, то есть делать «тяп-ляп», – это прямой путь в неудачники. Уважение к своему труду является непременным условием успеха.

Дома тоже желательно делать что-то конкретное. Не обязательно большое и через силу. Главное системность. Я уже упоминал, что достаточно в день написать страничку, чтобы за жизнь накопилось собрание сочинений. По телевизору изредка показывают людей, увлеченных созданием вечных двигателей, махолетов, вездеходов, строительством домов из бутылок и т. д. Подчас они доходят до крайности и выглядят, что называется, «не от мира сего», но в любом случае смотреть на них приятнее, чем на мужика, который весь вечер валяется на диване перед телевизором.

Одну не лучшую нашу черту точно подметил И. Тургенев: «Пока мечтаешь о работе, так и паришь орлом: землю, кажется, сдвинул бы с места – а в исполнении тотчас слабеешь и устаешь».

У женщин проблемы безделья нет, поскольку домашние заботы всегда присутствуют в изобилии. Рутинная домашняя работа женщин вроде бы далека от вклада в бессмертие, но, родив детей, обеспечив им и мужу возможность, не задумываясь о мелочах, штурмовать вершины, они являются полноправными соавторами всех наших достижений.

Мужчины, помните об ответственности перед ними!

Выбирать дела соразмерно силам. Это весьма непросто. Мало кто оценивает себя адекватно, отсюда и множество проблем. Недооценка опасна тем, что, ставя перед собой

не слишком сложные задачи, робкий скромняга лишает себя перспективы роста. Не станешь математиком, решив даже тысячу задач для начальной школы, и не станешь бегуном, пробежав тысячу раз стометровку трусцой.

Серьезная переоценка чревата разочарованиями, поскольку сопровождается систематическими неудачами и в итоге может привести к депрессии и ощущению собственной ущербности. Почувствовав свое несоответствие уровню требований, лучше самому признать, что это не твое, сменить область деятельности. Когда дело спорится, то и работа в радость. А это чрезвычайно важно.

В Америке – стране бизнесменов многочисленные наставления о жизни призывают сограждан к постановке сверхзадач, полной самоотдаче для достижения поставленной цели без опасения рисков. При этом приводятся примеры невероятных успехов людей, следовавших данному завету. Фактически такая установка отражает ментальность жителей этой страны, в которой под нее ориентировано все, включая развитую инфраструктуру и законодательство. Существенно, однако, что за неудачи в бизнесе, которых гораздо больше, чем невероятных успехов, американские предприниматели не расплачиваются жизнью, поскольку риски делятся между многими соучастниками бизнес-процесса. У нас, к сожалению, ситуация значительно более жесткая. Предприниматель бьется за свое дело практически в одиночку, а за невыплаченные долги может круто поплатиться. Поэтому рядовым российским гражданам пока приходится в своих замыслах быть много более сдержанными и осмотрительными.

Завершать начатое. Незаконченное дело – не просто потеря времени и вложенных средств, это еще и упущенные возможности привнести что-то новое в этот мир и освоить что-то новое самому. Оно всегда становится укором начинателю. В науке это результаты не доведенных до публикации исследований, которые оказываются фактически потерянными; в живописи – незаконченные картины; в литературе – незавершенные рукописи и т. д. Впрочем, «незавершенка» отнюдь не «привилегия» творчества, она встречается в любом деле, большом и малом. Сам термин, между прочим, заимствован у строителей.

У нас во дворе на субботнике один сугубо городской энтузиаст решил спилить тополь, неправомерно росший на спортплощадке. Дошел до середины, пилу стало заедать, он удивился и оставил свой замысел. Нетрудно догадаться, чем все это могло закончиться. Конечно, это крайний случай. Не любое брошенное на полпути дело столь же чревато

печальными последствиями. И все же, чтобы не допускать подобного, при возникновении первых трудностей ставьте себя в положение хирурга, начавшего операцию. Это поможет мобилизоваться и «допилить».

Умение заставить себя упорно преодолевать барьеры является очень важным в жизни. В науке именно оно ведет к открытиям и выводит исследователя на новый уровень.

Чувство ответственности за начатое дело воспитывается с детства и является важной задачей родителей. Процесс воспитания идет не столько через наставления, сколько через совместную работу, поэтому она должна завершаться неукоснительно.

Готовиться к делу. В молодые годы я не поднимался выше наполеоновской тактики: ввязаться в бой, а там видно будет. В ряде случаев это приводило к интересным результатам, но издержек и ошибок было немало. Для молодости ошибки простительны и даже полезны, если извлекать из них правильные уроки. Сейчас, помудрев, я перешел на стратегический уровень: одно дело делаю, второе готовлю, третье обдумываю. Поспешность уступила место предусмотрительности, в результате производительность падает не так быстро, как работоспособность.

Каждому возрасту – свой стиль жизни, но точно определить цель и пути ее достижения никогда не вредно. Если вы идете, не зная точно куда, то, скорее всего, попадете куда вовсе и не рассчитывали попасть.

Не бахвалиться. Желание показать себя в выгодном свете вполне естественно для любого из нас, но делать это нужно очень тонко. Публичные заявления для этого не подходят вовсе. Когда появляется желание поделиться своими успехами, нет хуже способа, как начать это напрямую со слов: я придумал (сделал) такую замечательную штуку… Надо скромнее: мне тут в голову пришла одна небольшая мыслишка… Разница не столь велика, но в первом случае у вашего собеседника сразу возникнет желание доказать, что ваша идея ничего не стоит, тогда как во втором – внимание будет доброжелательным, может быть, даже с элементами содействия. Когда человек сильно самовозвышается, у собеседника невольно возникает желание его приземлить, при этом как бы приподнявшись самому, и наоборот. К тому же в случае неприятия идеи не произойдет потери лица. Особенно опасно расхваливать свою работу до ее завершения, почти всегда это становится предвестником неудачи.

Излишняя бравада часто находит воплощение в легковесных обещаниях, которые, будучи неисполненными, серьезно подрывают доверие. Обязательность исключительно важна

в производственных и личных взаимоотношениях.

Аккуратнее с выпивкой. Среди множества мотивов выпивки остановимся только на одном, прямо отвечающем теме повествования, – для вдохновения. Алкоголь действительно раскрепощает человека. К примеру, у художника мазок становится уверенным и широким. При наличии таланта это может дать уникальный результат.

Несколько раз я сам под действием алкоголя впадал в состояние необычайной удали, невероятной находчивости и поразительного остроумия. Последний раз это было лет пятнадцать назад, когда я руководил застольем с острой, хотя и шутливой полемикой физиков и химиков. Химиков было множество, а физиков – я один. На каждый их выпад у меня мгновенно находился ответ, причем его даже не приходилось формулировать в мозгу, речь просто лилась, приходя неизвестно откуда. У меня явно был великолепный суфлер. Причем шутки его были одна удачней другой. В литературе я встречал мнение о том, что Пушкину многие провидческие мысли были посланы свыше, но как-то сомневался, убежденный в гениальности самого поэта. В моем случае оснований для таких сомнений нет.

Так или иначе, после этого случая многие меня зауважали и в дальнейшем на подобных мероприятиях просили показать класс. Я тоже проникся некоторой уверенностью, но вот беда, подобное вдохновение не посетило меня больше ни разу, несмотря на самые разные объемы принимаемого допинга. Постепенно и слава сошла на нет. Я вынужден был признать, что талант тамады у меня одноразовый и попытки его дальнейшего стимулирования алкоголем могут привести к нежелательным последствиям.

Я также замечал, что еще лучше, чем выпивка, снять закомплексованность и суетливость помогает физическая нагрузка.

Простой пример. Я не умею кататься на велосипеде «без рук». Но после пятидесятикилометрового велопробега такая способность неожиданно появляется: в усталом состоянии организм уже не так остро реагирует на внешние обстоятельства и не делает лишних движений, мешающих равновесию.

Таким образом, влияние алкоголя и физической усталости могут повышать некоторые способности, снимая волнение и закомплексованность. К сожалению, одновременное воздействие этих факторов эффект не усиливает, а лишь снижает способности.

Короче говоря, не отрицая полностью положительного влияния алкоголя на творчество, могу уверенно утверждать,

что желательный эффект возникает далеко не всегда, гораздо чаще алкоголь приводит лишь к потере работоспособности.

Причин для склонности россиян к выпивке немало. Наиболее существенным, на мой взгляд, является отсутствие интересного досуга, приводящее к безделью. Пьянство и безделье идут рука об руку, инициируя друг друга. В этом плане удивительно, что органы законодательной власти, призывая граждан к трезвому образу жизни, упорствуют в своем нежелании отменить зимние рождественские каникулы, в течение которых большинство граждан не находят другого достойного занятия, кроме выпивки.

Принимать ли бой? Одной из злободневных тем стала гражданская позиция людей в отношении расплодившихся хулиганов и насильников. Позиций на этот счет две: вступаться за обижаемых или быстренько проходить мимо. Второе мнение сейчас разделяет абсолютное большинство наших граждан. Активными сторонниками первой позиции являются два героя моего повествования, А. Волков и В. Иванов.

Первый занимался боксом, что и легло в основу его спокойной уверенности в критических ситуациях, коих было немало. Первый серьезный случай произошел в г. Королеве, где он прежде проживал и куда возвращался с работы обычно поздним вечером. Нападение на него произошло из-за меховой шапки. Развязка, однако, оказалась довольно неожиданной для нападавшего – одним ударом он был повержен, причем, упав, разбил голову о бордюрный камень. Мало того что Саше пришлось вызывать «скорую помощь», так на него еще собирались завести уголовное дело, поскольку травма оказалась весьма серьезной. К счастью, нападавший выжил и все обошлось.

Второй опаснейший случай произошел уже в Москве в день получки. Недалеко от метро «Академическая» его встретили три рослых слегка подвыпивших парня и стали ощупывать карманы. Чувствуя свое явное преимущество, они были вальяжны и несколько расслаблены, играя с потенциальной жертвой, как кошка с мышью. Это их и сгубило. Уже через миг один получил удар в челюсть и рухнул наземь, второй последовал за ним, удостоившись удара в солнечное сплетение. Третий успел изготовиться и попробовал ударить ногой, но попасть в бывшего боксера оказалось не так просто, и, промахнувшись, он присоединился к братанам, скучающим на асфальте. Буквально за пару секунд ситуация изменилась столь круто, что, не дожидаясь дальнейшего выяснения отношений, Саша стремительно покинул место незапланированной встречи. Жаль, что за кадром остались впечатления братанов от скоротечной

концовки.

Слава Иванов не боксер, но боец по характеру. Горячие точки просто притягивали его, так что он постоянно носил с собой что-либо для рукопашного боя. Ножи и кастеты не годились, поскольку разборки могли закончиться и в милиции. С учетом этого обычно у него в портфеле лежал кусок толстенного электрического кабеля. В милиции его можно было выдать за необходимый в домашнем хозяйстве соединительный провод, а в бою он оказывался настоящим оружием.

Показательный случай произошел ночью в электричке, когда трое парней прицепились к девушке. Слава вежливо попросил их этого не делать, они в свою очередь пригласили его переговорить в тамбур. В тамбуре на вопрос, обычно предвосхищающий драку, – а ты кто такой? – он сообщил им, что является мастером спорта по самбо и намерен продемонстрировать им свое мастерство, конкретизировав, кому что повредит и сломает. Удовлетворенные ответом парни ретировались.

Анализируя эти случаи, приходим к выводу, что для успешной реализации гражданской позиции нужно либо иметь хорошие навыки силовых единоборств или тренированную отвагу. Не располагая ни тем ни другим, я открыл еще один способ противостояния хулиганам, который основан на полном невнимании к их угрозам.

Первый раз я его применил в длинной очереди за пропитанием. Это было в то время, когда денег у народа было больше, чем товаров в магазинах. Одного добра молодца очередь явно не устраивала, и он, расталкивая публику, ломанулся прямо к прилавку. Я, как и другие, не стал бы возникать, но получилось так, что он буквально затоптал пожилую женщину, стоявшую передо мной, и занял ее место. Неожиданно для себя, а тем более для него, я схватил парня сзади за руки выше локтей. Я уже не раз отмечал, что в критических ситуациях организм не только сам принимает молниеносные решения, но мобилизует одному ему известные резервы. Вот и здесь кисти рук превратились в настоящие клещи, из которых все попытки вырваться были тщетны, и парень «попросил» его отпустить. Почувствовав в его голосе слабину, я разжал пальцы. Парень окинул меня удивленно-злым взглядом и метнулся к выходу, вновь растолкав притихшую очередь. Через витрину было видно, что он остался кого-то дожидаться у входа.

Завершив покупки, я вышел на улицу с недобрым предчувствием. Парень тут же подскочил ко мне с вопросом: что тебе надо? Мне, в общем-то, ничего от него не было нужно. Да и руки были заняты молочными продуктами, в силу чего

тональность вопроса мне сразу не понравилась. Организм на всякий случай напрягся, но решил никак не реагировать на новый вызов. Парень, как назойливая муха, кружил вокруг со своими угрозами и сжатыми кулаками, я же его просто не замечал. Публика, коей было на проспекте немало, смотрела на это действо с нескрываемым удивлением и интересом. Длилось представление недолго. Парень от такого оскорбительного невнимания как-то стушевался и ретировался.

Второй раз случай был более серьезным и ответственным. Поздно вечером я возвращался в метро из гостей в самом распрекрасном настроении. В вагоне напротив одиноко сидела девушка. На остановке к нам присоединились два серьезно выпивших парня, вернее не к нам, а только к девушке. Окружив ее на лавке с двух сторон, тут же полезли обниматься. Девушка сумела выскользнуть и мигом очутилась рядом со мной, причем удачно – с одной стороны ее защищал ограничивающий лавку поручень, с другой я. Парни незамедлительно последовали за ней и небрежным жестом руки показали мне передвинуться. Мысль предать доверившуюся мне девушку я отбросил сразу. С другой стороны, ввязываться в драку с превосходящим противником, да еще после гостей было опрометчиво. Организм и на этот раз принял единственно правильное решение и превратился в статую, никак не реагируя на угрозы и мелькающие в опасной близости лица кулаки. Парней это так обозлило и озадачило, что девушку, выпорхнувшую на следующей станции, они упустили. Ко мне же интерес быстро остыл.

Итак, варианты проявления гражданской позиции в экстремальных ситуациях есть, но ни один из них не гарантирует победы и безопасности. Каждый волен сам принять решение, но постоять за себя и заступиться за слабых все же по-мужски.

В порядке шутки приведу еще пример смелого поведения без малейшего риска. В электричке возникла серьезная драка в тамбуре. Такое не редкость. Народ в вагоне насторожился и притих. Я ехал с женой, а рядом сидели еще две женщины. Все они устремили взоры в близлежащий тамбур и с напряженным испугом наблюдали за дерущимися. Я сидел спиной к происходящему, не проявляя ни малейшего интереса. Когда драка приняла совсем крутой оборот и женщины разволновались не на шутку, я спросил совершенно буднично:

– Разнять?

И жена, и обе соседки схватили меня за руки:

– Ты что, с ума сошел! Сиди и не вмешивайся.

Что я и продолжил делать, но теперь уже в ином качестве.

Почувствовав защиту, женщины успокоились.

2. ПО ЖИЗНИ.

Не завидовать. Легко посоветовать, но как трудно осуществить. Зависть неконструктивна и безысходна, она делает человека несчастным и оттого чрезвычайно вредна для здоровья. Это неприятное чувство свойственно практически всем, но в разной степени. Совсем избавиться от зависти трудно, однако бороться можно. Я рекомендую для начала задаться двумя вопросами. Во-первых, стало ли мне хуже от того, что сосед купил новую машину или выиграл в лотерее? В 99 случаях из 100 ответ будет отрицательным. Это уже облегчит переживания. Во-вторых, что мне самому нужно сделать, чтобы догнать соседа? А это уже конструктивный подход к вопросу и не уводит мысли в безысходный тупик. Соседа же первым делом нужно поздравить, еще лучше «обмыть» удачу. При этом как бы становишься ее соучастником, пусть в самой малой степени. Народные традиции рождаются не на пустом месте.

Не унижаться и не унижать. Чувство достоинства очень важно в общественной и семейной жизни.

У М. Булгакова Воланд советует Маргарите ни у кого ничего не просить. Я с детства старался придерживаться этого правила, однако, учитывая реалии нашей жизни, рекомендовать его для широко применения не могу. На примере многих знакомых вижу, что именно умелые настойчивые просьбы приносили им немалые материальные выгоды без какого-либо морального ущерба. Подтверждения можно найти в любых воспоминаниях о больших начальниках и великих людях. Некоторые статьи целиком посвящены благодарности за их отзывчивость на просьбы о новой квартире, машине, устройстве в больницу или освобождении от воинской службы. Их авторам даже не приходит в голову, что в результате кто-то (возможно, более достойный и скромный) окажется ущемленным.

К великому сожалению, современная жизнь резко поделила нас на категории, возвысив одних и принизив других. Социальное неравенство очень пагубно, особенно для детей и молодежи. Отсюда берут начало многие пороки. Унижение больно ранит душу и может быть причиной весьма экстравагантных поступков, вплоть до преступлений. Через унижение подавляется воля человека, и он становится управляемым.

Особую деликатность следует соблюдать начальникам. Чем ниже человек по служебной лестнице, тем более внимательным и терпеливым нужно быть к нему. Недопустимо, когда начальник, прочитав не удовлетворивший его документ,

говорит подчиненному:

– Что за галиматью ты подсовываешь? Когда ты, наконец, научишься работать?

У подчиненного при этом возникает чувство неприязни к начальнику, нервное напряжение и «опускаются» руки. Скажи иначе:

– В качестве первого приближения неплохо. Но, как известно, нет предела совершенству.

Теперь уже подчиненный выслушает с вниманием любые замечания и оперативно переделает документ, а в следующий раз не повторит ошибок.

И последний, самый простой совет: чаще говорите людям приятное.

У нас в институте работала очень деловая женщина. Здороваясь с ней при встрече и желая вызвать улыбку на ее серьезном лице, я неизменно добавлял:

– Рита, ты отлично выглядишь.

Это действовало, но однажды она мне заявляет:

– Козлов, прекрати. Ты говоришь это просто так, вне зависимости от того, как я выгляжу.

На следующий раз:

– Здравствуй, Рита.

– И это все?

– Ты же запретила мне говорить больше.

– Я передумала. Хоть ты и врешь, но все равно приятно.

Все вернулось на круги своя, и у меня настолько вошло в привычку, что частенько фраза стала слетать с языка и при встрече с другими женщинами. Однажды в МГУ я с трудом узнал свою сильно изменившуюся сокурсницу и после короткого замешательства все же смог сказать, что она неплохо выглядит.

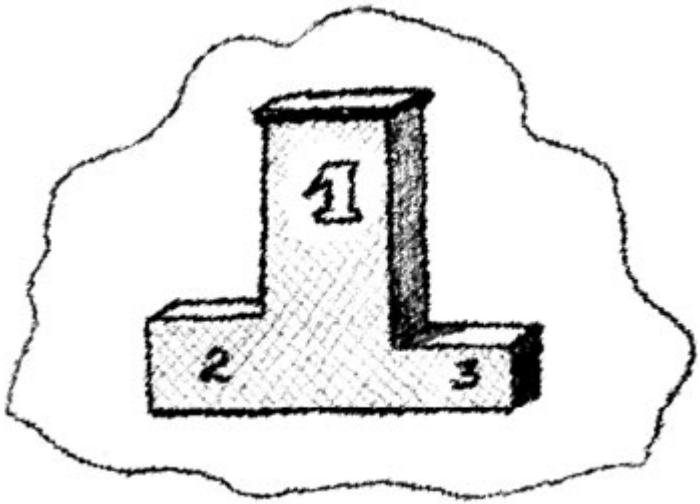
– Спасибо тебе большое. За последние десять лет мне никто этого не говорил.

В Библии, в Моральном кодексе строителя коммунизма и многочисленных наставлениях заграничных авторов легко найти и другие рекомендации и советы. Однако не стоит слишком уж зацикливаться на теории. Эти простые, понятные каждому правила нужно не выучивать, а по возможности применять, может и не все сразу. Тогда они постепенно войдут в привычку. Не ждать и тем более не создавать ситуацию, чтобы кому-нибудь помочь, а быть душой готовым действовать.

О душе вообще следует заботиться больше, чем даже о физическом здоровье. Чем меньше на ней царапин и ссадин, тем полноценнее и гармоничнее жизнь. Душа настолько сокровенна… не надо ее никому изливать словами. Достаточно,

чтобы чувства и поступки были естественны и искренни.

Глава двадцать пятая
О смысле жизни



Вопрос о смысле жизни рано или поздно задает себе каждый, а некоторые, наиболее любознательные, и окружающим. В одном из непринужденных разговоров, отвечая на мой вопрос, высокопоставленный немецкий чиновник уверенно заявил, что смысл жизни людей состоит в том, чтобы вернуть на Землю Христа.

Я высказал крайнее сомнение в справедливости этого тезиса, мотивируя тем, что ни он, ни другие немцы, являясь людьми чрезвычайно практичными, ровным счетом ничего не сделали для достижения цели своей жизни. Не потратили ни марки на то, чтобы исследовать возможные пути и методы возвращения Христа, не организовали для этой цели какой-либо программы, не определили ни место, ни время. Кроме того, возвращение Христа было бы большой ошибкой, поскольку верующим не принесло бы ничего, кроме разочарования, а церковь лишилась бы основ веры. Ему просто нет места в нашей суете. Б. Шоу, Ф. Достоевский и другие авторитетные писатели и философы вообще были убеждены, что в случае возвращения Христос снова был бы замучен. Церковь же считает, что Христос сам вернется, чтобы нас судить, когда придет срок.

Немец признал весомость моих аргументов и задал мне ответный вопрос: известен ли в России смысл жизни? Понятное

дело, что я не мог уронить честь Родины и брякнул первое, что пришло в голову, связав смысл жизни человека с познанием судьбы (подчас неожиданно в голову приходят нетривиальные мысли, но об этом позже). Когда собеседник в свою очередь потребовал пояснений, я сказал, что априорное знание судьбы лишило бы человека интереса к жизни, а значит, сделало ее бессмысленной. Показательно, что у профессиональных астрологов существует запрет на вычисление даты собственной смерти, ибо это знание подрывает жизненную силу. Немец признал логичность моих доводов, хотя полной уверенности я в него не вселил. Честно говоря, у меня самого ее тоже не было.

С тех пор я не раз возвращался в мыслях к этой теме и даже пролистал некоторые умные книги. Но и в них среди множества мнений не отыскал убедительного ответа. Сравнительно легко говорить о цели жизни или какого-то ее этапа, ее итоге, но вот вопрос о смысле жизни с точки зрения рафинированной науки следует отнести к категории не вполне корректных, поскольку вся Природа, включая человека, не является предметом какого-то доступного нам умысла, хотя и развивается по определенным законам, которые могут быть изучены.

И тем не менее отмахнуться от вопроса о смысле жизни в данном повествовании никак нельзя. Существующие на этот счет позиции можно распределить по четырем группам.

Смысл жизни в достижении лидерства. В обществе, в бизнесе, в науке, в искусстве, в спорте… вообще в жизни.

В обществе человек постоянно находится в условиях соревнования. Уровень его удовлетворенности жизнью определяется не столько в абсолютных единицах достигнутого, сколько в относительных. Важна динамика во времени и изменение положения в своем кругу.

Стремление к победе, славе и признанию является очень серьезной жизненной мотивацией, мобилизующей человека на каждодневный, подчас изнурительный труд и полную самоотдачу. Чтобы стать чемпионом мира, приходится все подчинить этой цели, идя подчас даже на недозволенные и опасные ухищрения. Под стать спорту и научная работа. Исключительно приятно непринужденно докладывать коллегам на крупных международных конференциях о результатах, к которым многие стремились, но ты пришел первым (потратив на это, может быть, лучшие годы).

Спорт и наука – это две области, где первенство представлено в явном виде и даже регистрируется. Однако лидеры есть практически в любом деле. В бизнесе успех исчисляется суммой дохода. Путь к рекордам здесь бывает еще труднее и опаснее,

чем в спорте. Риски подстерегают на каждом шагу, расслабляться никак нельзя.

Лидерство в обществе определяется популярностью, по современным понятиям – рейтингом. Мы видим воочию, как за него бьются политические деятели и разного рода претенденты и как легко в одночасье потерять накопленный рейтинг, если вдруг вскроются совсем уж неблаговидные факты и поступки, коих у современной российской элиты хватает. Оттого так немного в нашем обществе лидеров мирового и национального уровня. Бывает, что и выбирать-то не из кого.

Стремление к лидерству развито у людей в разной степени. Немало таких, которые стараются не высовываться, одни из-за пассивности, другие в силу иных комплексов и причин. Достигнув лидерства, люди также ведут себя по-разному. Для одних это очередная ступенька к новым победам, для других – завершение карьеры. Попав в центр внимания общества и испытав славу, далеко не каждый способен сосредоточиться для дальнейшей полноценной активной деятельности. Цель как бы достигнута, и смысла в дальнейшей жизни почти и не осталось.

Смысл жизни в получении удовольствия. Так считают последователи эпикурейцев. Мысль соблазнительная, но вряд ли верная, хотя в ее пользу опосредованно свидетельствует то, что о смысле жизни чаще задумываются люди, живущие в стесненных условиях. Не удивительно, что в России именно в период революционного лихолетья и гражданской войны были выполнены наиболее основательные и глубокомысленные философские работы на эту тему (*см.,* к примеру, С. Франк «Смысл жизни», 1925 г.).

И все же получение удовольствия – это скорее механизм стимулирования нашего развития, чем его цель. Природа организовала жизненные стимулы подобно дрессировщику, побуждающему животных к определенным действиям вкусной пищей.

Наряду с простыми обыденными удовольствиями особое место занимают половой инстинкт и радость материнства и отцовства. Они могут пересилить даже опасность смерти. И это, с точки зрения Природы, тоже вполне логично, ибо в интересах выживания вида потомство важнее уже живущих, которые скоро покинут этот мир.

Гораздо более высокой и тонкой категорией, чем удовольствие, является счастье. Мне представляется, что, с одной стороны, оно является самым сокровенным и особенно важным, а с другой – само понятие счастья формируется в процессе развития мировоззрения личности и находится

под влиянием общества.

Новые русские имеют решительно все и живут в условиях невиданной роскоши и доступности удовольствий. Но непрерывное сплошное удовольствие через какое-то время приедается и счастья не гарантирует. В радости тоже должны быть перерывы (например, на работу). Могут очень украсить жизнь приятные неожиданности, а не только дорогие приобретения и сексуальная вседозволенность (кстати, получившая определенное распространение в обществе нетрадиционная сексуальная ориентация идет не через бедные круги). Подчас неограниченность денежных ресурсов в сочетании со стремлением к превосходству приводит к абсурдным замыслам типа строительства бронированной яхты размером с крейсер, снабженной оружием, подводной лодкой и вертолетной площадкой. Трудно предположить, что все это сделано для удовлетворения реальных потребностей жизни и отдыха. Скорее это демонстрация того, что жизнь удалась. Но когда всего через край, то и до края недалеко, а скатиться вниз можно ой как быстро.

Любопытно, что индикаторы счастья у олигархов устойчивы в своем примитивизме. Вот слова Т. Эдисона из XIX века: «Мне не нужны обычные утехи богачей. Мне не нужно ни лошадей, ни яхт, на все это у меня нет времени. Мне нужна мастерская!»

Счастлив не тот, у кого много, а тот, кому хватает, у кого есть путеводная звезда.

Смысл жизни в продолжении рода. То есть смысл жизни в самоподдержании жизни. Мысль замкнутая, но неплохая. Действительно, для человека очень важно вырастить потомство. Некоторые живут исключительно ради детей (от чего последние далеко не всегда счастливы). Большинство людей за свою жизнь что-то накапливают, и чем ближе к концу, тем острее встает вопрос, кому все это передать? Не будь у меня детей и внуков, я бы не стал тратить на даче все свободное время, стараясь сделать все на век и пытаясь вырастить сад на неподходящей для того почве.

Очевидно, что стиль жизни был бы иным, а часть ее смысла осталась бы нереализованной.

Все это так, но только до тех пор, пока мы имеем в виду лишь материальные накопления. С духовными и интеллектуальными ценностями дело обстоит по-другому. Здесь уже иная мотивация, о которой говорилось выше. Над книгой, например, можно увлеченно работать, не имея наследников, ориентируясь на совершенно незнакомых читателей.

Таким образом, продление жизни (своей в частности и общества в целом), безусловно, имеет для человека смысловую нагрузку, но не исчерпывающую.

Смысл жизни в служении обществу. Этот лозунг строителя коммунизма. И он совсем неплох. Одинокая жизнь человека вне общества – это скорее борьба за существование. Человек по своей природе социален и поэтому кровно заинтересован в развитии своего общества. Все мы испытываем сильные патриотические чувства при победах Родины в военных сражениях, первенстве в науке, технике, спорте, искусстве. Также мы гордимся достижениями своего города, района, школы, семьи. Таким образом, если толковать обсуждаемый тезис в широком смысле, включая в понятие «общество» окружение человека разной степени близости, то он становится вполне полноценным. Вот только одна незадача – «вне кадра» остаются конкретные интересы самой личности. И именно в этом слабость данного лозунга. Правда, его можно несколько перефразировать, не уклоняясь сильно от первоначально смысла, – жить **достойно**.

В обществе представления граждан о смысле жизни ориентируются и подравниваются господствующей идеологией. Так, при прежнем строе внушению смысловой нагрузки жизни человека придавалось большое значение. Сейчас при отсутствии общепринятой идеологии об этом даже и разговоров-то нет. В этом, вероятно, кроется одна из серьезных слабостей нашего современного общества.

Некоторым смысл жизни открывается в критических ситуациях. Поворотные моменты судьбы чаще связаны с невзгодами, потерей близких и тяжелыми болезнями. Многое сразу может быть перечеркнуто. Но именно в эти моменты ярче всего и проявляется сила духа. Слабые на вид и необласканные судьбой подчас оказываются много более стойкими, нежели признанные «победители на море и на суше». Не каждый может возвыситься над грустными мыслями и собраться для борьбы и деятельности. Но хуже нет, когда человек начинает перекладывать свои проблемы на окружающих и добиваться жалости, повышенного внимания и уважения к себе.

Удивительной особенностью человека является то, что, в отличие от других обитателей планеты, при рождении в его мозг закладываются не знания и жизненные навыки, а огромная способность к обучению. В природе все устроено так, что чем примитивнее существо, тем выше предопределенность образа его существования. Паука никто не учит плести паутину, все нужные для этого навыки заложены в него от природы, и ничего другого постичь ему не дано. Человек же изначально снабжен лишь

навыками, касающимися его основных физиологических потребностей, но даже и при этом не обучен отличать съедобные продукты от ядовитых.

Природа не взяла на себя ответственность за специализацию индивидуумов, предоставив им свободу выбора смысла и цели жизни, а также жизненного пути. При этом для защиты от неправильных действий она наделила людей душой как высшей направляющей силой. Исторически душу человека связывают с сердцем, поскольку оно наиболее остро реагирует на душевные переживания, а в экстремальных ситуациях может вообще остановиться с соответствующими последствиями.

Такой поэтизированный образ сердца попал, однако, под сомнение с созданием его искусственного механического аналога, живя с которым человек не теряет способности к переживаниям. Остается заключить, что ответственным за духовное начало является все же мозг (очень не скоро удастся проверить данное утверждение экспериментально, поскольку заменить мозг искусственным аналогом гораздо труднее, чем сердце). Но и сердце не пассивный орган проявления чувств, оно, как и весь организм, находится в гармонической связи с мозгом, существенно влияя через возникающие сердечные ощущения на принятие решений.

Очевидно, что у человека на Земле особая миссия, каждый из нас предназначен не для решения какой-то конкретной задачи, а является вольным творцом. Возможности реализации творческих сил и одновременно ограничения накладываются как духовным началом, так и окружающей действительностью – природной средой и обществом. Этим конкретизируется наш жизненный путь и формируется специализация каждого человека.

Все это вкупе привело к исключительному многообразию индивидуумов. Не вызывает сомнения, что и понятие смысла жизни не стандартизовано для всех людей. Оно напрямую зависит от способностей и характера.

Я думаю, что смысл жизни человека не сводится к конкретным целям и действиям, а связан с полноценной реализацией заложенных в него природой возможностей. Коротко говоря, смысл жизни в наилучшем воплощении судьбы. При этом в той или иной степени реализуются все четыре описанных его компонента.

К сожалению, определить, в чем твое призвание, удается далеко не всем. Каждый человек от рождения наделен определенными способностями и склонностями, но реализуются они в зависимости как от нашего выбора и усердия, так и от внешних условий. В том случае, когда одна из способностей

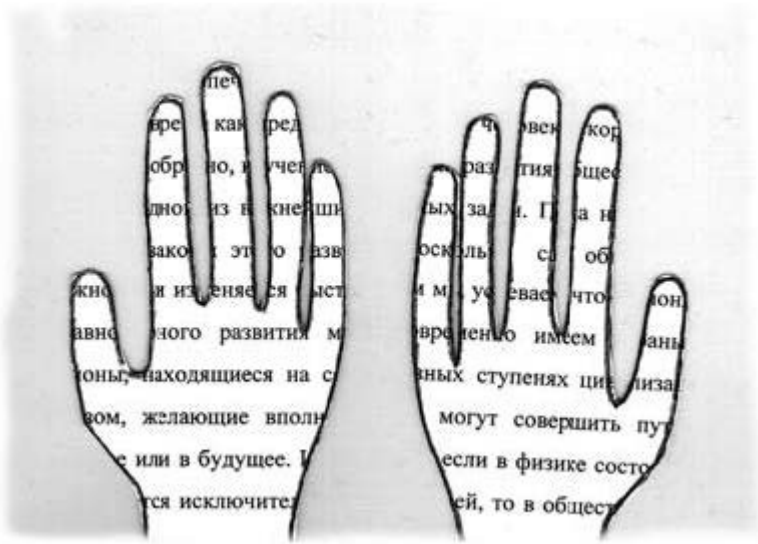
индивидуума выражена явно ярче других и к тому же востребована обществом, разумно на ее развитии и сосредоточиться. Успешных примеров реализации такой стратегии множество, тут выдающиеся ученые, писатели, художники, политические деятели, врачи, архитекторы и т. д. Это люди, поднявшиеся за счет каждодневного сосредоточенного труда и таланта на вершины человеческих возможностей и достигшие мировой славы. Но сколько на этом пути разочаровавшихся, никому не известных неудачников? Дело не только в том, что их талант оказался недостаточным, слишком многое зависит от внешних обстоятельств. Этот путь для немногих отважных, упорных и по-настоящему талантливых людей, перед которыми только остается снять шляпу (в случае их успеха).

Суть другой стратегии состоит в многогранности жизненных устремлений. Достижение заоблачных вершин таким путем менее вероятно, но и горьких разочарований, приводящих к духовному опустошению и расстройству, меньше. К тому же испытать себя в разных жанрах небезынтересно само по себе. Я однозначно отношусь ко второй категории. Поскольку никакими сверхспособностями не обладаю, то, пойдя по первому варианту, полагаю, обеднил бы себя.

Глава двадцать шестая
О судьбе человека

Нельзя уйти от своей судьбы; другими словами, нельзя уйти от неизбежных последствий своих собственных действий.

Ф. Энгельс



В последние годы невесть откуда появилось множество предсказателей судеб. Одни вооружены картами, другие лупами, третьи компьютерами. Стоят предсказания сравнительно недорого, и клиентов хватает. Я подозреваю, что связано это прежде всего с правильной постановкой дела, ориентированной на максимальный учет чаяний клиента и обнадеживающий характер пророчеств.

Стоит ли ко всему этому относиться всерьез?

Гадание на картах можно было бы сразу отмести, как метод явно антинаучный. Однако не будем торопиться, так как суть метода, видимо, не столько в картах, сколько в общении с клиентом, а это уже более надежная основа для предсказания. Посмотрев внимательно на человека, да еще и поговорив с ним о его проблемах, можно сделать определенные заключения о его прошлом и перспективах на будущее. Представители

медицинской науки установили, к примеру, что состояние внутренних органов человека достаточно четко отражается на иридооболочке глаза и мочке уха.

Про мочку сказать точно не могу, а вот иридодиагностику, по неосторожности, испытал на себе во время одной из выставок новой медицинской техники. Буквально через пару минут после фиксации глаза компьютер распечатал мне длиннющий список болезней, который поверг в замешательство даже творцов прибора, меньше всего рассчитывавших на такой результат. Они развели руками и рекомендовали мне незамедлительно обратиться к врачу.

Я последовал их совету и прошел обстоятельную диспансеризацию, заключение которой было, тем не менее, вполне обнадеживающим. На приеме у терапевта я достал выводы иридодиагностики и попросил врача прокомментировать их. Врач стал с интересом сравнивать все в деталях. Оказалось, что, действительно, в каждом моем органе и каждой системе, отмеченных иридодиагностикой, проведенные исследования нашли некоторую патологию, но ни одна из них, к счастью, не была несовместимой с жизнью. На основании этого я с удовлетворением заключил, что старение организма протекает гармонично, то есть изнашивается постепенно все, и «здоровеньким» умереть мне не грозит.

Таким образом, специалисту, может быть, достаточно посмотреть вам в глаза, чтобы раскрылись некие таинства внутреннего устройства, а это, как вы понимаете, уже немаловажные сведения для предсказания судьбы. Сейчас ясно, что не только глаз, ухо или рука несут удивительную информацию о человеке. Многое говорят походка, мимика, позы, жесты, интонации. По волоску методом генного анализа можно узнать о его владельце больше, чем из автобиографии.

Доказать предопределенность судьбы конкретного человека, строго говоря, невозможно, поскольку реализуется она не в обязательном порядке, а лишь преимущественно. В любой день и даже любой миг могут сложиться обстоятельства (не обязательно трагические), которые самым серьезным и непредсказуемым образом все в жизни изменят. Да у нас нет и критериев, по которым мы могли бы четко разделить жизненные события на случайные и закономерные.

Пожалуй, самые убедительные доводы в пользу биологической предопределенности судьбы человека дают наблюдения за жизнью однояйцовых близнецов. Они рождаются, как мы знаем, генетически идентичными и настолько похожими, что и родители не всегда могут их различить, то есть начальные

условия вступления в жизнь у них можно считать совпадающими.

Удивительное сходство близнецов сохраняется и в дальнейшем. Проявляется оно не только в росте, лице, прическе и одежде, но и в выборе друзей, работы, в интересах и увлечениях. Выясняется, что близнецы склонны к одним и тем же заболеваниям, более того, жизнь их имеет, как правило, одинаковую продолжительность, подчас с точностью до месяца, а то и нескольких дней. Это ли не довод для торжества философии фатализма?

Многочисленные подтверждения фатальности людских судеб дают классические литературные произведения, начиная со «Слова о полку Игореве».

Предопределенность судьбы – особенность жизнеустройства, явно выпадающая из общих представлений современного естествознания. Второй, не меньшей загадкой природы человека является телепатия, насчет существования которой у меня (воспитанника материализма) уже также не осталось сомнений. Простейшее проявление телепатии, знакомое почти всем, состоит в том, что частенько непосредственно перед телефонным звонком от кого-нибудь из родственников или близких в голове всплывает мысль о нем. Как это происходит, совершенно непонятно. Пять основных органов чувств человека имеют четкую физическую основу, а тут мгновенная передача мыслей на огромное расстояние, механизм которой лежит вне известных физических полей. Оказывается, что это возможно даже между разноязычными люди, которые не смогли бы обменяться мыслями традиционным образом. Исследователей феномена передачи мыслей на большие расстояния было множество, но все их усилия оказались безрезультатными.

В обществе взгляды на экстрасенсов имеют две крайности: полное отрицание и бесспорное принятие. Отрицание базируется на многочисленных фактах разоблачения паранормальных способностей предприимчивых шарлатанов. Дискредитируют экстрасенсов и провидцев многочисленные предсказания конца света, ни одно из которых, к счастью, пока не сбылось. Объясняют это изменением в положении звезд и планет. Тем самым рубят сук, на котором сидят: что же это за основа для предсказания, которая в любой момент может радикально измениться в своих выводах? На фоне интригующих, но несбывающихся прогнозов сегодняшнего дня предсказатели находят множество подтверждений своим прошлым (обычно малоизвестным) пророчествам. Когда пророчеств море, то какие-то могут и сбыться.

Множество вскрытых надувательств связано с телекинезом –

перемещением предметов якобы с помощью биополя. Их можно вовсе не проверять, так как заранее ясно, что никакие экстрасенсорные способности не могут нарушить проверенные и перепроверенные законы механики, электродинамики и квантовой механики. Малейшие возмущения сразу бы разрушили все стройное здание физической науки.

Так что благодатным полем деятельности для экстрасенсов является информатика (включая психотерапию). Здесь не действуют законы сохранения материального мира. На телевидении сейчас идет цикл передач «Битва экстрасенсов». Хотелось бы верить, что, в отличие от «филиппинской медицины», эта передача обходится без постановочных трюков и надувательства (хотя сомнения есть, поскольку на раскрученных таким образом экстрасенсах потом делают неплохие деньги). Среди десятка отобранных из сотни претендентов двое-трое демонстрируют настоящие чудеса: по фотографиям, личным вещам, а то и просто месту происшествия они восстанавливают события подчас далекого прошлого, во всех деталях, с невероятной точностью. Никакого научного объяснения этому явлению дать невозможно.

Люди с паранормальными способностями во все времена вызывали в обществе повышенный интерес. В Средние века они считались опасными и подвергались истреблению. Церковь и сейчас большей частью относит их к антихристам, считая недозволенным ставить себя на уровень пророка (притом, что среди святых и угодников немало чудотворцев и прорицателей). Официальная наука пытается их не замечать или разоблачать, поскольку абсолютно не способна этого объяснить. Что-то сверхъестественное, безусловно, существует, но оно никак не пересекается с материальным миром и оттого пока не доступно исследователям с самыми совершенными приборами.

Труднообъяснимые природные явления существуют и помимо человека. К их числу я бы отнес способность ориентации птиц при сезонных миграциях, рыб, идущих на нерест из океана в строго определенные реки, собак и кошек, возвращающихся домой через огромные расстояния, муравьев и пчел-разведчиков, обладающих способностью передать информацию о местонахождении обнаруженных пастбищ.

Подчас объяснения этих явлений встречаются в популярных научных трудах. Так, утверждается, что механизм передачи информации пчелами осуществляется путем их «танца» в улье – ориентация плоскости полета говорит об азимуте, а число витков о расстоянии. Все понятно, но вот только при этом нужно

допустить, что пчелы имеют систему исчисления. Так же и с ориентацией птиц по магнитному полю Земли. Если это так просто, то зачем строить дорогущие спутниковые системы навигации?

Не менее удивительно и то, что животные дают прогноз погоды более надежный и долговременный, нежели Гидрометцентр. Они как-то заранее оповещаются о крупных стихийных бедствиях, таких как землетрясения. Крысы своевременно покидают обреченный корабль.

Остается заключить, что в устройстве мира есть руководящая сила, непонятная и недоступная для понимания. Напрашивается аналогия с военной техникой, в которой системы управления и передачи информации всегда наиболее засекречены. Но и они по степени защищенности не идут ни в какое сравнение с обсуждаемыми тайнами природы.

Религия дала свое объяснение управляющей силы, отведя эту роль Всевышнему. Хотя фактически это не столько объяснение, сколько красиво оформленная подмена одного вопроса другим. Впрочем, для многих этого оказывается вполне достаточно.

Гипотезы о наличии у человека некоего биополя, обеспечивающего нашу связь с Космосом, тоже ничего не проясняют. Кроме того, идея биополя «загрязнена» невероятными домыслами о возможности его наблюдения, коррекции и совсем нелепыми утверждениями о физическом воздействии на окружающие предметы.

Вот такие дела. Науке, проникшей в самые глубины микромира и Вселенной, приходится мириться с наличием сверхъестественных явлений в нашей обыденной жизни. Скорее всего, люди никогда не разгадают природу таинственной силы, эта загадка дана нам как бы для того, чтобы ограничить гордыню всезнайства.

Вернемся, однако, непосредственно к теме повествования.

Вера в судьбу тоже может быть различной. Абсолютный фатализм чреват подавлением творческого начала и пассивностью, крайние проявления которой представляют картину удручающую.

Судьба – это как путешествие из точки А в точку Б. Для преодоления намеченного судьбой пути существует множество вариантов и способов. Можно пробежать маршрут, сосредоточенно глядя себе под ноги и не обращая внимания на окружающую действительность, а можно идти не торопясь, задерживаться в красивых местах и задумываться. По неосмотрительности можно провалиться в болото, сломать ногу или простудиться. По ночам можно спать в уютной постели

или петь песни у костра. Вариантов прохождения жизненного пути много. Выбор их зависит от самого путешественника, тех, кто идет с ним рядом, и условий, в которых мы совершаем свой путь.

Разделение людей по образу жизни легче всего наблюдать в электричке. В первом вагоне едут самые спешные и энергичные, они встают с мест и толпятся в тамбуре задолго до остановки, чтобы всюду быть первыми. Во втором люди тоже энергичные, но более степенные. В середине электрички люди, не склонные к суете, большей частью пожившие. Прежде я всегда садился в первый вагон, сейчас уже нет, там шумновато, толчея. Да и торопиться особенно некуда.

Душевная гармония – это главный критерий для выбора пути. Кто-то из мудрецов заметил: «Гармония – когда идешь по линии судьбы».

Я не сомневаюсь, что каждый из нас может самым радикальным образом повлиять на ход своей жизни. Особенно легко это сделать в сторону ухудшения – ломать не строить. Верно и то, что многое в нашей жизни детерминировано. Против наследственности, как говорится, «не попрешь». Если нет у человека музыкального слуха, то музыкантом ему не быть. Тут морганисты-вейсманисты совершенно правы. Но и наш доморощенный оппонент генетиков не зря говорил про влияние условий существования и воспитания. Ошибка его заключалась в том, что относил он это к материальной субстанции, тогда как следовало говорить скорее о духовной.

История дает множество случаев удивительных предсказаний судеб исторических личностей, в истинности которых не приходится сомневаться (канва жизни Наполеона, предсказанная задолго до его рождения, тому яркий пример). Для меня не менее убедителен и случай с дедом, описанный в первой главе. Ошибка предсказателя в дате смерти не ставит под сомнение предопределенность судьбы, а лишь свидетельствует о возможности ее коррекции.

Большая часть жизненного маршрута закладывается в самом молодом возрасте. Именно здесь определяется главное направление движения – «на юг, север, восток или запад». Потом по жизни встречается еще множество всяких развилок с указателями, предостережениями и без них, но мало кто отваживается на радикальное изменение направления движения. Чем дальше идет по жизни человек, тем больше он обрастает обязательствами, связями и «поклажей», тем меньше он свободен в своем выборе. В конце же пути «развилки» встречаются совсем редко, и отличаются разные дороги только тем, с «какой стороны

обойти холмик или болотце». На смертном одре вариантов нет вовсе.

Глава двадцать седьмая
О своей судьбе

Пришло время бросить общий взгляд на свой пройденный путь и попытаться выявить в цепи событий признаки направляющей линии судьбы.

В пятидесятые – шестидесятые годы прошлого века в стране царил энтузиазм под знаменем боевых и трудовых побед. Впервые за всю многовековую историю страны удалось добиться мирового приоритета в сложнейшей технологической области – освоении космоса.

Понятно, что все мы с детства мечтали о всенародной славе.

Для реализации этой мечты я пытался обнаружить в себе и развить потенциальные способности, но их оказалось не так-то много. К примеру, выяснилось, что ни для одного из видов спорта я не представляю интереса, являясь по физическим данным человеком сугубо среднестатистическим. Музыкальным слухом или другими талантами для искусства тоже не наделен. Оставалось надеяться на трудовые успехи. Определенные способности к математике и физике явно были, да и учителя подобрались хорошие, что и предопределило направление пути.

Поступление на физический факультет МГУ не случилось бы без знакомства с отцом моего приятеля профессором Я. Терлецким. Это можно отнести как к случайному стечению обстоятельств, так и к проявлению руки судьбы.

Второй развилкой стало избрание научной специализации. В данном случае мне пришлось впервые воспротивиться естественному ходу событий и из теоретиков перейти в экспериментаторы. Решение было трудным, но правильным. Оно пришло ко мне после нескольких месяцев мучительных и болезненных усилий в борьбе с поставленной научной задачей. Слава богу, что она оказалась по-настоящему трудной, и я, как следует обломав об нее зубы, убедился, что профессия теоретика выше моего уровня способностей. Убедился настолько, что нашел в себе силы вернуться к развилке, где на одном из указателей под написанным крупными буквами красивым словом «ТЕОРЕТИК» мелким шрифтом было приписано – «неудачник». Как я не рассмотрел эту подсказку судьбы?

Следующая серьезная веха – создание семьи. Помню, однажды Н. Ирисова спросила меня:

– Как это вы выбрали такую замечательную жену? Мои наблюдения показывают, что умные мужики всегда женятся на самых стервах.

– А почему вы решили, что это я выбирал? Меня выбрали. И это было действительно так. Я даже и предложения не делал, все сложилось как бы само собой. Никакой развилки здесь просто не было, поскольку ни с одной другой женщиной я вообще не был связан. Судьба здесь очень строго проконтролировала ситуацию и многое предусмотрела. За это ей от меня большая и искренняя благодарность.

Следующий момент «истины» – устройство на работу. Фактически, оно тоже прошло безальтернативно: придя в лабораторию колебаний студентом на практику – там и остался. За это, однако, пришлось как следует побороться, что явилось весьма серьезным испытанием на прочность.

Далее двадцать лет все развивалось по стандартной схеме научного роста в Академии наук со всеми предписанными радостями, успехами, неудачами, интригами и борьбой. Перекрестков на этом пути не было, встречались только светофоры, предупредительные и запретительные знаки.

Не могу еще раз не отметить заботливую руку судьбы. Во-первых, это содействие в выборе самой интересной профессии. Как шутил академик Арцимович, наука – это удовлетворение своего любопытства за государственный счет. Во-вторых, волей судьбы я попал в один из самых лучших физических институтов страны в период его расцвета и бурного роста. Немаловажно и то, что судьба свела меня с А. Прохоровым, Н. Ирисовой и А. Волковым. О Прохорове повторяться не буду. Ирисова сыграла двоякую роль. С одной стороны, она обеспечила для меня

благоприятные условия в начале пути, а с другой – создала жесткие условия выживания на этапе самостоятельного развития. В конечном счете, последнее тоже сыграло мне на руку.

Особое место занимает в моей судьбе многолетняя работа и дружба с Александром Волковым. Как я уже писал, судьба предоставила мне выбор напарника из двух выпускников МИФИ, и я, слава богу, не ошибся, остановившись на Саше. Он не только оказался человеком многогранно одаренным, но, что самое главное, – преданным. На него можно было положиться в любом деле, не раз он спасал нас в самых безнадежных ситуациях. Мы с ним хорошо дополняем друг друга. Я могу одновременно заниматься многими вещами, в то время как он находился обычно в состоянии глубокой сосредоточенности на чем-то одном. Его высокая требовательность к каждой мелочи казалась мне подчас чрезмерной, но именно она заставляла мобилизоваться и способствовала достижению успеха. Сашу я, без сомнения, отношу к первой тройке людей, сыгравших в моей судьбе ключевую роль.

Любопытно, что судьба не только целеустремленно сводила меня с одними людьми (как правило, приятными), но и тщательно оберегала от близости с некоторыми другими. Оглядываясь назад, я прихожу к заключению, что некоторым моим особенно коварным недругам не очень везло со здоровьем в дальнейшей жизни. Троим так и вовсе. Я даже стал ставить в известность о такой особенности вновь появляющихся противников. Правда, на пространственно отдаленных «врагах» подобная порча не наблюдалась. Это обстоятельство несколько снижает степень общности моего заключения, а то и вовсе переводит в разряд случайных совпадений.

Крутой поворот на моем жизненном пути случился при Горбачеве, когда чарующий аромат перемен увлек меня в сторону партийного реформирования. Впрочем, далеко от основного маршрута я не ушел и вскоре на него вернулся, не соблазнившись дальнейшим продвижением по партийной линии в составе ЦК. Здесь можно отметить то обстоятельство, что я долго без всяких видимых на то причин не вступал в ряды КПСС, хотя подвергался агитации. В итоге стал членом партии (уже с трудом) в зрелом возрасте со сложившимися убеждениями, что оказалось существенным и во многом предопределило дальнейший партийный и жизненный путь.

Переход на работу в Министерство науки и технической политики стал масштабным событием, тщательно подготовленным судьбой за предыдущие три года политической активности. Все началось со случайного (на первый взгляд)

выдвижения меня на партийном собрании в секретари парткома института, а завершилось весьма широкой известностью далеко за пределами Академии наук. С точки зрения карьерного роста такое выдвижение было чрезвычайным везением: из начальника отдела – в заместители министра! Вопрос мог быть в другом – по плечу ли такой взлет? Как ни странно, сомнений на этот счет у меня практически не было. Предшествующая «партийная разминка» убедила меня в том, что «наверху» сидят люди, в основном не имеющие особо выдающихся качеств и достоинств. Отсутствие опыта бюрократической, чиновничьей работы пошло мне только на пользу, поскольку позволило взглянуть на проблемы свежим взглядом и сделать кое-что нестандартное и полезное (как мне кажется).

Следующая развилка встретилась при ликвидации Миннауки. Почти все сотрудники впали в тоску, и было от чего: любого, вне зависимотси от прежних заслуг и деловых качеств, могли не взять во вновь формируемое министерство – и живи как хочешь. Мне было не столь волнительно, поскольку жил я один, а как писателю (позволю себе такую нескромность) было даже интересно посмотреть, во что все это выльется. А посмотреть было на что.

Когда возникли проблемы, связанные с резким сокращением числа замов (с семи до двух-трех), я не колеблясь согласился на должность руководителя департамента. Не было никакого желания бороться, так как я видел, сколь недолговечны были эти новые должности и структуры. Кроме того, переход по служебной лесенке вниз интересен был для меня сам по себе, как с точки зрения изучения своих ощущений, так и реакции окружающих. Да и в запасе всегда был вариант оставить службу вообще, так как из-за ничтожно малого к тому времени чиновничьего стажа не было главного стимула – пенсии госслужащего и соответствующих пенсионных льгот.

В 2001 году произошла новая перетряска кадров министерства. Тут изменения приняли более крутой оборот. Через несколько месяцев в результате целой череды малозначимых, на первый взгляд, событий, предопределивших, в конечном счете, конфликтную ситуацию, я был уволен из министерства по сокращению штатов. Сейчас, анализируя эти мелкие события, я вижу, что они цеплялись друг за друга, как колесики в хорошо организованном часовом механизме, и в них также прослеживается единый замысел судьбы.

Финал моей министерской карьеры пришелся как раз на пик профессиональной квалификации. У меня была абсолютная внутренняя уверенность в незыблемости своих позиций, в силу

чего я не предпринимал никаких действий, чтобы сохранить должность, полагаясь на то, что новое руководство в своих кадровых решениях будет исходить из интересов порученного дела. Это оказалось совсем не так.

Тут я ясно понял, что легкость такого немотивированного увольнения связана с тем, что вошел я в систему государственной власти как одиночка и так в ней и остался без команды и какой-либо поддержки. В романтический период начала реформ это было возможно. Сейчас все изменилось радикально. Как правило, руководитель принадлежит к какому-нибудь клану, землячеству или промышленно-финансовой группе. Он занимает в структуре определенное место, выполняет нужные функции и пользуется серьезной системной поддержкой.

Думаю, что при желании я тоже мог к кому-то примкнуть. Однако по характеру я склонен к независимости. К примеру, мне много раз настойчиво предлагали стать членом различных академий. Но я отклонил все предложения, самым заманчивым из которых были выборы в РАН. Среди физиков, в отличие от некоторых других специальностей, чиновников не принято избирать в свои ряды, и не в моих правилах ставить себя в ложное положение.

Были попытки вовлечь меня и в некоторые неформальные «деловые» объединения, но они с самого начала были направлены на весьма специфическое использование служебного положения и потому не казались мне привлекательными.

Наблюдая за некоторыми своими коллегами, я восхищался, например, их целенаправленной активностью на поприще различного рода поздравлений. У них на учете было каждое знаменательное событие близких и отдаленных начальников, а также просто полезных людей. Для приобретения или изготовления подарков обычно использовались ресурсы подведомственных предприятий. Здесь я опять выглядел настолько скромно, что один чиновник из аппарата правительства не постеснялся позвонить и посетовать, что РАСУ поздравило его с Новым годом недостаточно убедительно. Подарок усилили, но это не поспособствовало укреплению моих позиций. Понятно, что при таком отношении к нужным людям я едва ли мог рассчитывать на их благосклонность. Правда, надо признать, что и бескорыстных симпатичных руководителей различного ранга за десять лет чиновничьей работы встретилось немало. Большинство из них стали моими приятелями, но не более того.

Я был явно не адекватен новой системе власти. Нужно было либо меняться самому, либо менять место работы, на что

решиться было непросто. Судьба помогла, передав дело в чужие руки, которые проделали все легко и непринужденно. Ясно, что в тот момент особой благодарности судьбе я не испытывал, но зато потом оценил глубину замысла в полной мере. Расскажу обо всем подробно и по порядку, поскольку рука судьбы проявилась здесь в явном виде.

При увольнении начальник должен решить вопросы трудоустройства сотрудников из своего ближайшего окружения. Заместитель у меня был молодой и очень энергичный – В. Биттер. Я его порекомендовал своему знакомому В. Симонову – руководителю Российского агентства по системам управления (РАСУ). Впоследствии выяснилось, что и этот шаг был звеном общего замысла судьбы, для меня, впрочем, неясного.

Два месяца, положенные на трудоустройство, я по назначению не использовал, занявшись оформлением материала по курсу лекций, которые читал на физфаке МГУ. Прежде до этого просто руки не доходили. Теперь же я был отстранен от всех дел и полностью предоставлен самому себе. Новое положение было настолько непривычным, что возникло ощущение, будто я попал в какой-то иной мир. Внешне вроде бы все шло по-прежнему, но отношения вдруг стали совершенно иными. Хуже всего было сочувствие многих хороших знакомых, заходивших выразить поддержку. Настроение эти разговоры не поднимали, скорее наоборот. Конкретной помощи никто не предлагал. Да и что они могли предложить? Максимум – должность заместителя директора своего института. Но это им и в голову не приходило. В их глазах я все еще оставался могущественным начальником.

Получив на руки трудовую книжку, я почувствовал себя человеком, не только не обремененным никакими обязательствами, но и никому не нужным. Мне было почти 58 лет, жил я один, причем жил по-спартански, не имея развитых материальных потребностей. Никаких особых планов на будущее не было, так что можно было рассматривать любые варианты.

Я понимал, что на жизненном пути обозначилась одна из последних развилок. Хотелось, конечно, чтобы избранный маршрут был нетривиальным и открыл какие-то новые возможности. Диапазон рассматриваемых вариантов простирался от активной политической деятельности до размеренной деревенской жизни с философским подтекстом на родине предков.

Принять сразу столь ответственное решение было трудно, и для начала, чтобы не быть тунеядцем и получать пособие, я решил зарегистрироваться в качестве безработного на бирже

труда. Там были немало удивлены, приняв документы от бывшего первого заместителя министра, определили мне максимально возможное пособие в 4 тыс. рублей и вручили удостоверение и памятку безработного.

В памятке меня ждали два непредвиденных момента: во-первых, я не имел права заниматься никакой оплачиваемой деятельностью и, следовательно, должен был оставить чтение лекций в МГУ, а, во-вторых, каждые две недели надо было приходить отмечаться на бирже. Это резко ограничивало, точнее, практически разрушало мои творческие замыслы.

Впервые на сердце нахлынула какая-то безысходная тоска и даже растерянность. Стало ясно, что действительность более конкретна и сурова, нежели мои планы. Необходимость устройства на работу стала очевидной, и я стал уже искать варианты более целенаправленно.

Можно было вернуться в свой институт. Но за восемь лет много воды утекло, а начинать все заново я был уже староват. Возможность устроиться в институте на административную должность после уровня министерства выглядела мелковато. Кроме того, положение института было незавидным, и взять на себя ответственность за судьбы людей в отсутствие видимых перспектив я не мог.

Сосредоточиться исключительно на преподавании в МГУ или в МГТУ им. Н. Э. Баумана, с ректорами которых у меня были отличные отношения, казалось бы неплохо, но душа к этому тоже не лежала.

Заняться живописью в коммерческих целях? Сделать приличные работы я мог, но выгодно продать их не сумел бы точно. Достаточно сходить на вернисаж в Измайлово, чтобы убедиться в бесперспективности конкуренции в этом грандиозном по масштабу бизнесе.

Посвятить остаток жизни политической деятельности? Опыт успешной партийной работы был. Читая программные документы тогдашних партий, я видел их несовершенство и вполне мог быть полезным при их доработке. То же относилось и к уровню выступлений большинства партийных лидеров. Я знал многих из них и думаю, что по крайней мере некоторые приняли бы меня в свои ряды. Но и в этом было что-то ненастоящее.

Оставалось уехать в родную деревню, благо дом там еще сохранился, и жить здоровой крестьянской жизнью, пописывая книжонки и рисуя картинки. В этом была своя привлекательность, но и очевидная сюрреальность.

Глядя на себя со стороны, я отчетливо понимал, что главная моя профессиональная квалификация – это навыки и опыт

руководителя. Вспомнился классический анекдот: «С неруководящей работой не справлюсь!»

Именно в тот момент, когда я перебрал и отклонил все варианты, раздался телефонный звонок и мне предложили стать помощником депутата Госдумы. Если бы это предложение поступило днем или даже часом раньше, я бы точно отказался, но теперь сразу согласился. Судьбой все было предопределено с точностью до минуты.

Депутатом оказалась молодая привлекательная женщина с огнем в глазах и неженской хваткой. Она решила проявить себя на поприще инноваций, и я ей был как нельзя кстати.

Оформили меня в тот же день, а к вечеру я уже успел сняться с учета на бирже труда, официально пробыв безработным всего несколько часов.

Главная задача моего депутата была сформулирована предельно просто: постоянно быть на виду и в центре событий. Для этого нужно как можно чаще выступать с броскими заявлениями, давать интервью, мелькать на телевидении и в тусовках. Поначалу я никак не мог подняться до требуемого уровня полета фантазии и смелости мысли, пока мне не объяснили главное: депутат отличается от чиновника тем, что его задача нечто провозгласить, но никак не отвечать за последствия. Дальше все как в анекдоте про игру в очко с джентльменами. Карта сразу «поперла»!

За короткий срок я собрал вокруг своего депутата лучших инноваторов страны, объединив их в специально создаваемый думский совет по инновационной политике. Началась подготовка очередной программы инновационного развития страны. Дело шло вполне успешно, не требуя от меня особых усилий и затрат времени.

Но тут на меня совершенно неожиданно свалилось новое назначение, подготовленное судьбой с особой тщательностью. Исходной точкой стало увольнение уже упоминавшегося генерального директора РАСУ Симонова. На эту должность претендовал первый заместитель Симонова, но его кандидатура не нашла поддержки в правительстве, и вопрос завис на несколько месяцев.

Во время одной из заграничных поездок судьба свела в самолете премьер-министра и нобелевского лауреата академика Ж. Алферова. Алферов, пользуясь случаем, изложил премьеру свои взгляды на бедственное положение российской микроэлектроники и стал убеждать в необходимости принятия срочных мер по восстановлению отрасли. В ответ премьер предложил академику подобрать на должность генерального

директора РАСУ, отвечающего за всю радиопромышленность в целом и микроэлектронику в частности, адекватного руководителя, способного улучшить положение дел.

– Кого вы предложите, того и назначу, – заключил премьер.

Ж. Алферов остановился на моей кандидатуре. Я согласился, и соответствующее рекомендательное письмо тут же было направлено в правительство.

Через три недели документы на назначение прошли через аппарат, и я был вызван на прием к премьеру. Он не был глубоко погружен в деятельность радиоэлектронного комплекса страны, но был в курсе основных проблем. Разговор длился около получаса. Премьера больше всего заботил вопрос о том, смогу ли я, не имея опыта взаимодействия с промышленностью, управиться с директорами предприятий, которые в большинстве своем являются крупными «волчарами». Задач по существу предстоящей деятельности передо мной поставлено не было, мы договорились обсудить их позже, когда я войду в курс дела. Забегая вперед, скажу, что до этого так и не дошло.

На первый взгляд, новая должность досталась мне в результате цепи случайных событий, без малейших усилий с моей стороны. Однако цепь этих случайностей столь длинна и взаимоувязана, что в их совокупности можно усмотреть и некий объединяющий замысел, перст судьбы.

Первым «случайным» моментом, ставшим точкой отсчета, явилось увольнение из министерства. Как я уже отмечал, оно не было результатом служебных упущений.

Второй «случайный» момент состоял в том, что я не стал оспаривать по суду своего увольнения, хотя на то были все основания. За время работы в министерстве я имел немало благодарностей, включая благодарность президента РФ, и даже был награжден орденом. Мой преемник явно уступал мне и по научному, и по общественному статусу. Такое немотивированное увольнение за два года до пенсии судом не могло быть оправдано. И тем не менее я не стал требовать сатисфакции.

Третий «случайный» момент – освобождение от должности генерального директора РАСУ В. Симонова.

Четвертый момент – отклонение премьером кандидатуры заместителя Симонова на освободившуюся должность.

Пятый момент – разговор между Алферовым и премьером и выданный премьером полный карт-бланш. Не знаю, случалось ли подобное когда-либо еще.

Шестой момент – мой тесный контакт с Алферовым при работе в министерстве.

И наконец, седьмой «случайный» момент, сыгравший важную

роль уже при работе в новой должности: в РАСУ я, не имея никаких далекоидущих замыслов, заблаговременно «внедрил» своего зама Биттера. В дальнейшем он стал для меня важной опорой, будучи хорошо осведомленным в делах агентства.

Это только узловые «случайные» моменты, было еще немало и более мелких сопутствовавших успеху обстоятельств.

В жизни у меня было несколько случаев, когда я находился на волосок от роковых опасностей. Дважды это случалось при поездках на велосипеде. Однажды я почти угодил на столбе под электричество. Попадал в кораблекрушение, автомобильную аварию и сильное землетрясение. Беда себя обозначала, но щадила, так что подтвердился древний афоризм: «В моей жизни было много неудач, большинство из которых так и не случилось».

Я не считаю себя верующим человеком, хотя и соблюдаю большинство библейских заповедей. Вместе с тем мой жизненный опыт убедительно подтверждает наличие некой направляющей силы. Я точно знаю, что мне нельзя грешить даже в малом, наказание последует незамедлительно. С другой стороны, в тех случаях, когда без вины в силу обстоятельств или по чьей-то недоброй воле я попадал в трудные ситуации, обычно неожиданно, как по волшебству, находился вполне достойный выход. Я уверен, что каждый в своей жизни не раз получал подобную помощь свыше, может, не каждый был внимателен, чтобы отметить, или не был готов, чтобы воспользоваться. Понятно, что необразованному человеку не уловить законы Ньютона под яблоней даже с самыми крупными плодами. Польза от подарков бывает только тогда, когда человек подготовил себя к тому, чтобы с ее помощью приумножить усилия, работая на совесть. Приходит на ум старый анекдот, в котором еврей просит у Бога послать ему выигрыш в лотерее. Всевышний готов помочь, но дело застопорилось из-за того, что еврей не купил лотерейный билет.

Однажды уважаемый священник из Афона предложил мне исповедаться, чтобы снять грехи и облегчить душу. Я вежливо отклонил предложение, поскольку стараюсь не грешить, хотя в молодости были поступки, за которые мне неловко, но и от них не считаю целесообразным отказываться. Они для меня как назидание и предупредительные знаки. Я понял, что вообще против исповеди, как-то уж больно просто – покаялся и спокойно живи и греши дальше.

Человек выделяется в природе, прежде всего, способностью к творчеству. Именно творчество преимущественно и поощряется Всевышним. Через вдохновение. Без него многие творящие

буквально выбиваются из сил, но без успеха. Обычно они пеняют на неблагоприятные обстоятельства, но скорее просто недостаточно талантливы, чтобы услышать Всевышнего, или слишком амбициозны и поспешны в своем стремлении к признанию и славе. В любом случае важна гармония труда и таланта. Именно гармония жизни поощряется подарками судьбы. Но не гордыня.

Похоже, что помощь Всевышнего носит исключительно индивидуальный, не общественный характер. То есть нам не стоит ждать содействия в решении накопившихся глобальных проблем. Сами создали – сами и решайте. Установка, видимо, такая.

Помогающая и направляющая сила не требует поклонения, но предполагает жизненное благоразумие и стремление скорее к духовному благополучию, чем к материальному изобилию. Счастье и удачу нельзя купить, но можно предопределить стилем жизни. По моим представлениям, это сосредоточенность и настойчивость в делах, честность замыслов и поступков. Жизнь не надо торопить, но всегда следует избегать праздности.

Итак, развилка 2002 года была пройдена под неусыпным надзором судьбы. Варианты ухода в политику или в затворничество не реализовались, о чем я не сильно сожалею, тем более что по крайней мере для второго впереди еще, надеюсь, есть время. Первая альтернатива меня теперь не привлекает вовсе.

Вот, пожалуй, и все развилки. По существу, их как пальцев на одной руке. Вероятно, в жизни других людей многое иначе.

Одним из основных проводников судьбы является «внутренний голос», который, если к нему прислушиваться, способен решительно повлиять на принятие ответственных решений. Я уже отмечал, что не раз неожиданно для себя не задумываясь отвергал весьма заманчивые предложения и потом удивлялся своим скоропалительным решениям, пришедшим неизвестно откуда. Чувствую в себе и ограничитель стремления к собственности. Судьба как-то старалась оградить меня от проблем, связанных с владением ею. И я, в общем-то, за это не в претензии. Во всяком случае, имею моральное право говорить о необходимости ограничений потребления и агитировать за лозунг: создавать больше, чем потреблять. В этом, на мой взгляд, основа гармонии жизни.

Я не причисляю себя к «зеленым», просто сторонник рационального использования природных ресурсов. К сожалению, молодое поколение «оторвано» от земли, не умеет и не стремится вырастить что-то полезное. Это печально еще и потому, что оно

лишает себя радости созерцания плодов совместного с землей труда, чувства единства с природой. Красивые газоны и цветы радуют глаз, но не могут заменить на столе ни салат из сочных овощей, только что сорванных с грядки, ни квашеной капусты, выращенной своими руками, ни варенья из ароматных ягод и фруктов с заботливо ухоженных деревьев и кустов. Видимо, время самодеятельных садоводов и огородников уходит в прошлое. Индустрия повсеместно наступает и диктует людям свои правила. В результате вроде бы открываются новые возможности, но при этом творчество все больше концентрируется на одном – добыче денег. Не случайно в этом деле появились виртуозы мирового класса. Да что мирового, гораздо выше, где еще в период финансового кризиса за год удваивалось количество миллиардных состояний!

Но это я опять отвлекся. Подводя промежуточный итог, могу уверенно утверждать, что рука судьбы сыграла немаловажную роль в моей жизни. Я ей искренне благодарен за явные и тайные знаки, которые я не всегда понимал, но чувствовал интуитивно. Только однажды (в очень важный момент) она не пришла на помощь. Как жаль.

Не знаю, насколько полноценно я исполнил предначертания судьбы, но я старался не лениться и занимать в жизни активную позицию. Сейчас, когда большая часть пути пройдена, хочется успеть сделать что-либо значащее, воплотить накопленный опыт и знания. Горизонты планирования, конечно, сократились, но финишная черта все же где-то впереди.

Моему поколению, я считаю, во многом повезло больше других. Нас минула година военных испытаний, мы застали природу почти в первозданной красоте и одновременно явились участниками головокружительного технологического взлета, открывшего невероятные доселе возможности. Насыщенными событиями выдались и последние десятилетия, открывшие глаза на разные стороны демократии и капитализма.

Глава двадцать восьмая
О судьбе землян

Обсуждению этапов развития жизни на Земле и дальнейшей судьбе ее обитателей посвящено много мудреных работ философов и естествоиспытателей, но при этом дискуссионными остаются такие основополагающие вопросы, как зарождение жизни, преобразование неживой материи в живую и даже само понятие живой материи. Немало неясностей и в вопросе происхождения человека. При таких неопределенностях в начальных условиях трудно рассчитывать на достоверность выводов о дальнейших перспективах жизни.

Появление на Земле жизни такой, какая она есть, явилось результатом стечения огромного числа благоприятных обстоятельств. К решающим факторам следует отнести температуру поверхности Солнца. Если бы она была ниже, то стал бы малопродуктивен фотосинтез – основной созидательный ресурс природы. А если бы выше – погибали бы из-за жесткого ультрафиолета органические молекулы.

Оптимальным является и баланс между размерами Солнца и расстоянием от него до Земли, он обеспечивает тепловой поток, поддерживающий температуру на поверхности нашей планеты в интервале, пригодном для существования органических веществ – вблизи точки фазового превращения «вода – лед». На более далеком от Солнца Марсе средняя температура минус 50,

а на Венере, которая на треть ближе к Солнцу, чем Земля, уже плюс 500. Посчастливилось, что орбита Земли почти круговая, тогда как у соседнего Марса – эллиптическая, из-за чего расстояние от Марса до Солнца меняется и возникают губительные для жизни перепады поступающей на планету солнечной энергии (около 40 %).

Скорость вращения Земли вокруг оси создает оптимальную продолжительность дня и ночи. На Венере сутки в 240 раз длиннее. При подобной ситуации на Земле за ночь все бы вымерзло.

Оптимальна и масса Земли. За счет гравитационных сил она удерживает атмосферу и обеспечивает устойчивость обитателей. Размеры Земли пока тоже вполне нас удовлетворяют.

Невозможно переоценить роль атмосферы и магнитного поля Земли как факторов защиты от опасных видов излучения Солнца и Вселенной. Хорошо сбалансирован для жизни химический состав атмосферы. Атмосферное давление на поверхности Земли соответствует достаточной для дыхания плотности воздуха и в то же время не слишком сильно сжимает обитателей. У наших соседей и с атмосферой дела гораздо хуже – на Марсе давление в сто раз меньше, а на Венере в сто раз больше.

Разогретое ядро Земли поддерживает окружающую его магму в расплавленном состоянии. Круговые токи магмы формируют магнитное поле Земли. На Марсе магма остыла, поэтому и нет магнитного поля. Есть гипотеза, что это привело к гибели марсианской жизни и подобная участь уготована и нашей планете. Но не скоро. Хотя некоторые проблемы с магнитным полем уже наметились.

Повезло нам и с Луной. По астрономическим нормам она является слишком большим спутником (ее масса превышает 1 % массы Земли, тогда как этот параметр для самых крупных спутников других планет Солнечной системы гораздо меньше). И от этого тоже есть реальная польза. Во-первых, Луна дает неплохую ночную подсветку Земли. Во-вторых, вызывает приливы и отливы океанов, очень благоприятные для развития жизни. В-третьих (это главное), влияние Луны стабилизирует ось вращения Земли, не позволяя ей повернуться в плоскость орбиты. Случись такое, и жизнь землян стала бы невозможной из-за многомесячного переохлаждения без солнечного света одних территорий и перегрева других.

Оказывается, что даже далекий Юпитер играет свою роль в поддержании земной жизни. Благодаря большой массе он отклоняет от Земли непрошеных космических пришельцев – крупные метеориты и кометы. Благоприятен для землян и возраст

Вселенной. В ее ранний период звезды не наработали химических элементов, необходимых биологии. В будущем, когда звезды угаснут, не будет света и энергии, а значит, и жизни.

Недра Земли богато наделены полезными ископаемыми – полная таблица Менделеева. При этом очень существенное значение имеет зрелый возраст нашей планеты – 4,5 млрд лет. За это время произошел естественный распад имевшихся радиоактивных элементов, и теперешний радиоактивный фон не представляет опасности для жизни.

Всем известна жизненно важная роль воды. К счастью для нас, запасы ее на Земле вполне достаточны. Но не все, я думаю, знают, что и сами свойства воды уникальным образом подходят для зарождения и поддержания жизни. Вода является прекрасным теплоносителем, так как имеет огромную теплоемкость, теплоту парообразования и широкий температурный интервал жидкой фазы. Существенно и то, что вода оптически прозрачна, а снег белого цвета. Будь снег темным, он бы таял, поглощая солнечный свет, и не создавал бы теплозащитного слоя Земли. Если бы вода поглощала оптическое излучение (а именно так обстоит дело с соседними областями спектра), то свет не проникал бы вглубь морей и океанов и там не был бы возможен фотосинтез, а значит, и жизнь. Крайне важно, что лед легче воды и, оставаясь на поверхности, защищает в зимнее время водоемы от промерзания (практически у всех других веществ твердая фаза плотнее жидкой). А наибольшую плотность вода имеет при плюс 4 градусах Цельсия, так что на дне оказываются сравнительно теплые слои, где и зимуют обитатели водоемов.

Вода – идеальный растворитель, именно она создает необходимые условия для таинства жизнепревращения. Об этом пока мало известно.

Площадь поверхности Мирового океана достаточна, чтобы за счет испарения обеспечивать дождями сушу и поддерживать влажность воздуха. Круговорот воды, кроме всего прочего, обеспечивает очистку земной поверхности, унося по рекам в моря и океаны массу солей и органических веществ, где они частично аккумулируются, повышая соленость, и перерабатываются.

В эпоху голоцена (последние 11 тыс. лет, в течение которых развилась цивилизация) на Земле все сложилось удивительно благоприятным образом, все параметры стабильны и оптимизированы настолько, что лучшего трудно и пожелать. При этом изменение любого из них всего на несколько процентов может иметь трагические последствия. Так, повышение средней летней температуры Среднерусской возвышенности всего на 4 %

(в абсолютных значениях шкалы Кельвина) привело в 2010 году к двукратному росту смертности в Москве. То есть жизнь на Земле, по крайней мере ее высокоорганизованные формы, весьма уязвима.

Есть ли жизнь где-нибудь во Вселенной еще? Вероятность столь оптимального, как на Земле, стечения огромного числа факторов на планетах других звезд исключительно мала. Но, с другой стороны, число звезд невероятно велико – на каждого землянина их приходится больше миллиарда. Искомую вероятность существования внеземной цивилизации дает произведение этих двух величин. Согласно началам высшей математики, результат умножения бесконечно малой величины на бесконечно большую приводит к неопределенности. Именно эта неопределенность и волнует умы ученых и мечтателей вот уже тысячи лет и вряд ли вообще будет раскрыта землянами.

Я думаю, что мы не уникальны во Вселенной, но это не значит, что не одиноки. Дело в том, что цивилизации живут по космическим меркам совсем недолго – порядка миллиона лет, в Вселенная – десятки миллиардов лет. Так что разным цивилизациям крайне трудно совпасть по времени. К тому же признаки наличия на планете цивилизации становятся заметны из космоса только в последний период ее существования, а это уже порядка тысячи лет. Выходит, что связаться с инопланетянами не получится.

Недавно открытая американскими астрономами ближайшая к нам планета другой звездной системы, похожая на Землю (всего втрое больше и на 50 градусов холоднее), находится на расстоянии 20 световых лет. С третьей космической скоростью до нее пришлось бы лететь 300 тысяч лет. Чего стоят в такой ситуации проекты космического переселения землян?

До появления человека события на Земле разворачивались довольно медленно, экосистема находилась в равновесии. Человек, появившись на Земле позже других животных, быстро взял власть и, став «царем природы», достиг такой мощи, что и для матери-природы представляет угрозу.

К настоящему времени наиболее ценные кладовые природных ресурсов заметно опустошены; количество свалок, в том числе ядовитых и особо опасных, превысило все мыслимые пределы. Теперь природа уже не способна в полной мере компенсировать потери таких важнейших возобновляемых ресурсов, как чистые вода и воздух, животный мир, пахотные земли и леса.

Истощение природных ресурсов идет рука об руку с серьезным изменением природной среды за счет высокотехнологичной антропогенной деятельности.

Искусственная среда стала нашей повседневной реальностью. Продукты теперь очень красиво упакованы, не портятся, почти не пахнут едой. Мясо научились делать из сои путем вытяжки белковых волокон, склейки, пропитки вкусовыми и ароматическими добавками, консервантами и красителями.

С запахами вообще творится что-то непонятное – исчезли многие приятные природные ароматы. Так, почти перестали пахнуть хвоей подмосковные новогодние ели, нет нежного запаха свежести постельного белья, высушенного на морозе, да и вообще запаха снега. Выходя из электрички, не ощущаешь аромата сельского приволья. Подозреваю, что ослабление природных ароматов – плохой признак, тем более что плохие запахи никуда не делись. Может, отсюда и аллергия распространилась сверх всякой меры.

Создаваемый новый, рукотворный мир может принести людям очень серьезные проблемы, поскольку приспособление человека к новым условиям требует времени много больше, чем происходящее на глазах изменение окружающей среды, а то может быть и вообще невозможным. У нас нет необходимых органов чувств, способных обнаруживать новые опасности, такие как радиация, электромагнитные поля, синтетические органические вещества, генно-модифицированные продукты.

Но при всем этом самым грубым вмешательством в экосистему явилось аномальное увеличение численности землян, которое долгое время происходило по гиперболическому закону с особой точкой в конце двадцатого века.

Зададимся вопросом: чем, собственно, человек выделяется в природе, откуда у него такая власть? Принципиальное отличие только одно – способность к абстрактному, аналитическому мышлению. Казалось бы, какой пустяк и какие последствия!

Зачем Природе понадобился свободно мыслящий человек? Возможно, это была ее ошибка, а возможно – самоуверенное испытание на прочность? Не знаю, но, думаю, главное «сражение» Человека и Природы еще впереди.

Наблюдаемое сейчас стремительное технологическое развитие ориентировано в большей степени на удовлетворение вторичных, а не первичных потребностей человека. Это может привести цивилизацию к неустойчивости, при которой нас будет окружать техника, способная обеспечить наслаждение жизнью, но не саму жизнь.

Человек будет, безусловно, вытеснен автоматами из большинства производств и сферы обслуживания. Взять хотя бы ту же медицину. Уже сейчас легко представить себе, что автомат может провести обследование всех систем и органов

человека, поставить диагноз и осуществить лечение, включая хирургию. Это будет безошибочно, быстро и оптимально с точки зрения затрат. Совсем скоро автоматы будут способны заменить водителей автомобилей. Самолетами и ракетами они уже управляют безошибочно.

Надо ли стремиться человеку заменить себя повсеместно автоматами – большой вопрос, ибо если человека создал труд, то его отсутствие человека и погубит. Безработные, как известно, страдают не только от нехватки средств, но и от ненужности.

Первобытные люди, пожалуй, были не менее счастливы в своем примитивизме, чем наши современники в перегруженном эмоциями, информацией и техникой обществе. Ясно одно – процесс развития искусственно не остановить. Предать забвению все достижения науки и вернуться в пещеры может лишь ничтожная часть землян – отшельников. Причем после того, как у них заболят зубы, случится приступ аппендицита или воспаление легких, число отшельников быстро поубавится как по причине естественного убытия (последние две болезни смертельны без медицинской помощи), так и ослабления силы воли.

Физиологически человек может жить в одиночестве, а духовно нет. Религиозные отшельники не в счет, они живут с Богом. Человеку требуется, как минимум, реакция окружающих на результаты его деятельности. По-настоящему счастливым в одиночестве не станешь. Даже пьянствуют в одиночку только совсем уже больные люди.

Человек привязан к обществу многими нитями. Их можно подразделить на три категории: материальные, правовые и нравственно-духовные. По мере развития цивилизации связи укрепляются, а их соотношение и значимость видоизменяются. Обусловлено это урбанизацией, нарастающим разделением труда, повышением благосостояния и развитием средств связи.

Урбанизация, с одной стороны, приводит к расширению круга общения, а с другой – к обособлению человека. Противоречия здесь нет. Деревенские устои коллективной работы, взаимопомощи и совместных празднеств уступают в городе место другим формам общения человека в нескольких стратах: по месту работы, учебы и увлечений. Круг знакомых сильно расширяется, и на поддержание тесных контактов уже нет ни времени, ни сил. Ситуация усугубляется гигантскими потоками информации с телевизионного экрана и Интернета. В большинстве своем мы ничего не знаем о своих соседях и не стремимся к общению с ними в силу самодостаточности покупаемого жизнеобеспечения. Даже родственные взаимоотношения меняются в сторону индивидуализации. Люди стали менее зависимы друг от друга,

при этом попали в полную зависимость от общества. Все это неизбежно отражается на духовном состоянии человека. Мы утратили душевную близость, нам уже нет дела до чужих проблем, мы спокойно проходим мимо лежащего на улице человека, считая, что забота о нем лежит на специальных службах города.

Коренные изменения в образ жизни внес домашний компьютер, переведя многое в виртуальный мир. Детям для игры уже не обязательны товарищи, общение тоже приобрело электронную форму. Мобильные телефоны лишили человека права на таинство личной жизни, волнения неизвестности, связанной с задержкой передачи информации. Теперь все житейские подробности даже при разлуке стали доступны в реальном времени. Чувству волнения за близких людей, очень важному для консолидации семьи и общества в целом, остается все менее места и времени.

Приостановить эволюционный процесс, запретив директивно научные исследования и разработки, ни у кого уже не получится, ибо наука стала мощной производительной силой, определяющей уровень конкурентоспособности продукции, предприятий и даже стран. Остается включать более тонкие механизмы регулирования, учитывающие в равной мере интересы современников и следующих поколений. Жизнь только в интересах будущего, к которой нас призывали раньше, так же негуманна, как и жизнь без его учета.

Пытаясь определить критерии качества жизни, мы, во-первых, сразу обнаруживаем многомерность этого понятия, а во-вторых, огромный диапазон возможных изменений каждого из параметров. Об этом писал еще А. Солженицын. Как бы ни были велики ограничения и лишения человека в условиях заключения, всегда его жизнь может еще более ухудшиться из-за сокращения питания, понижения температур содержания, ограничения пространства и т. д.

Безграничны и потребности человека. Казалось бы, зачем миллиардерам, рискуя, приумножать свои богатства? Стремление к непокоренным вершинам – двигатель эволюции. Сейчас нет для нас, людей, задачи более важной, чем правильно обозначить эти манящие вершины, чтобы не сорваться в пропасть небытия.

В общем виде главное направление движения было известно еще много веков назад – это гармонизация с природой и повышение роли духовного компонента жизни. Интересно было бы проанализировать, как менялся с веками процент людей, для которых полноценная духовная жизнь была важнее мирских благ. К сожалению, не уверен, что здесь есть прямая связь

с уровнем благосостояния общества, культуры и науки.

Вместе с тем если мы сравним современников с людьми, жившими на Земле тысячу лет назад, то по физиологическим признакам не найдем качественных отличий. Все различия сосредоточены в развитии интеллекта. Стремительный эволюционный процесс пошел именно в этом направлении и открыл здесь потрясающие возможности. Это вдохновляет и позволяет надеяться, что философия гармонизации успеет восторжествовать до того момента, как станет безнадежно поздно.

Любимым занятием человечества во все времена было самопознание. Сейчас мы углубились в него особенно самозабвенно, так что это стало чуть ли не смыслом жизни. Самоуверенно утвердившись в познании тайны собственного устройства, человек неминуемо попытается себя усовершенствовать и, как слон в посудной лавке, может порушить хрустальную основу собственного бытия.

Человек действительно является венцом творения и уже пытается превзойти Творца. Однако при всех удивительных успехах науки и техники достигнутые результаты пока сильно не дотягивают до рекордов природы. Да, научили компьютер обыгрывать человека в шахматы, можно сделать робота сильнее человека, создать оптические приборы, которые улавливают лучи, невидимые человеческим глазом, и т. д. Но при этом мы не можем реализовать все это сразу в единой системе с такой высокой степенью обучаемости, автономности и всеядности, гибкости и устойчивости, а главное, восстановительной способности, как у человека (не говоря уж о духовном начале).

Сейчас мы восторгаемся достижениями микроэлектроники типа крошечной флешки на сотню гигабайт памяти, но не забудем, что весь проект человека природа записала в одном сперматозоиде микронных размеров. При такой плотности информации в одном кубическом сантиметре можно уместить подробнейшие сведения обо всех жителях Земли. Причем не только о физиологическом устройстве, но также о характере, склонностях и даже о линии судьбы.

Нет сомнения, что природа, конструируя человека, поработала добросовестно и на очень высоком научном уровне, использовав по максимуму возможности биологического материала и достигнув уникальных рекордов. Однако в каждом конкретном индивидууме набор рекордов представлен не в полном объеме. Одни красивые, другие сильные, третьи умные, четвертые любвеобильные, пятые быстрые и т. д. У одних нос (или что-то еще) маленький, у других слишком большой. Понятно, что на первом этапе специалисты по генной инженерии

будут пытаться устранить в человеке отдельные слабости, ориентируясь на лучшие образцы. Приведет это к тому, что люди станут если и не совсем одинаковыми, то очень схожими. Но вот беда: если не будет некрасивых, то и красота утратит свою ценность. Аналогично с остальным. Стандартизованные суперчеловеки потеряют главное, что их выделяет в природе, – индивидуальность. Ни к чему хорошему это не приведет. Как бы не подтвердилась народная мудрость: «Умная голова, да досталась дураку». Жизнь (биологическая и духовная) базируется именно на многообразии форм.

Исследуя Мир и самого себя, человек поставил нетривиальную и даже логически противоречивую задачу, в которой отдельный элемент пытается возвыситься над всей системой, включая себя самого.

Вернемся, однако, к более конкретному, но не менее важному вопросу об увеличении числа землян. Во второй половине прошлого века народонаселение нарастало просто бешеными темпами. Так, общее число землян за десятки миллионов лет составляет несколько десятков миллиардов, а сейчас живет больше семи.

Почему это произошло? Обратимся к истории России. В конце XIX века средняя продолжительность жизни у нас была всего тридцать лет. К середине XX века она увеличилась более чем в два раза. Связано это во многом с тем, что удалось преодолеть детскую смертность и инфекционные болезни, которые косили людей в расцвете сил. Отошли в прошлое эпидемии чумы, оспы, холеры и др. Аналогичные изменения произошли и в других развитых странах. Процесс этот имеет насыщение, история развитых стран тому свидетельство. В этих странах теперь основные причины смерти – сердечно-сосудистые и онкологические заболевания. Эти болезни, так или иначе, связаны с ухудшением экосферы и с процессами старения самого организма, поэтому их преодоление не представляется столь же быстрым, как в случае с инфекциями. Кстати, и вирусы не сидят сложа руки, каждый год появляется что-нибудь новенькое – то от кур, то от поросят, с угрозой эпидемий и даже пандемий.

Побеждая болезни и продлевая людям жизнь, медицина создает тем самым человечеству и немалую проблему, вызванную нарушением естественного отбора – главного инструмента процесса биологического развития. Заплатить за это придется большую цену. Патологий новорожденных с каждым годом становится больше. Очень скоро медицине предстоит заняться анализом каждого человеческого плода на ранних стадиях, для того чтобы искусственно отбраковывать при наличии опасных

наследственных болезней или пытаться их устранять.

Может ли людское сообщество стать мудрым и спокойным? Надеюсь, что да! Но сегодня мы, скорее, жадны, суетны и нетерпеливы. Человечеству предстоит изменить жизненную парадигму, соизмерив свои силы и возможности с «возрастом», и воздержаться от необузданных страстей и перенапряжений. Тогда вполне можно рассчитывать на то, что внуки и правнуки не будут корить нас за недальновидность, воспримут новую парадигму как естественную норму и станут более рачительными хозяевами на Земле. На словах мы уже давно отказались от лозунга: «Нечего ждать милостей от Природы!», хотя на деле значительная часть наших деяний до сих пор осуществляется именно под этим флагом.

Хотелось бы, чтобы народы, осознав все эти и многие другие опасности, договорились между собой о новых правилах жизни на Земле. Боюсь только, что произойдет это лишь после еще более серьезной встряски, когда договариваться придется уже совсем при других, более суровых начальных условиях. Как говорят на Руси: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится».

Глава двадцать девятая
О судьбе цивилизации

Современная цивилизация: обмен ценностей на удобства.

Станислав Лем

Существующие предсказания будущего нашей цивилизации можно подразделить на три типа: фантастические, пессимистические и оптимистические.

Фантастические. Бессмертный человек, вселенский разум, неограниченная энергия из вакуума, управление физическими законами, промышленное освоение планет, телепортация в космос и т. п.

Пессимистические. Деградация среды обитания, мутация генома человека, истощение природных ресурсов, ядерная (химическая, бактериологическая) война, столкновение с крупным астероидом, техногенные и глобальные катастрофы и конец света.

Оптимистические. Термоядерная энергетика, дальновидное мировое правительство, киборг – усовершенствованный человек, полностью автоматизированные производства, освоение Луны,

человек – творец, лишенный тягот и забот.

Предсказания первой группы настолько же захватывающие, насколько и несбыточные, так что нет смысла их комментировать.

Пессимистические предсказания в основной своей массе вполне реализуемы. Это как с судьбой человека – ухудшить ситуацию гораздо легче, чем улучшить. Следуя далее этой аналогии, можно заключить, что цивилизация, как и человек, стареет. Деструктивные изменения уже налицо. Современная медицина научилась замедлять у человека эти процессы, в обществе такого инструмента пока нет. На эту же мельницу льют воду и участившиеся землетрясения, пробуждающиеся вулканы и природные аномалии последних лет.

Оптимистические предсказания исходят из успехов научно-технического прогресса, которые действительно впечатляют. В первую очередь это микроэлектроника, обеспечившая прогресс техники связи и мультимедиа, а также компьютерной техники, совершивших революционные преобразования в военной и бытовой технике, промышленности, сельском хозяйстве, медицине и почти во всем остальном. Микроэлектронике удалось не только продвинуться по пути миниатюризации всех устройств, но сделать их исключительно экономичными. Кто бы мог себе представить еще десять лет тому назад, что можно создать электронную книгу размером с блокнот, включающую сотни произведений, имеющую возможность входить в фонды мировых библиотек и работающую больше месяца от крошечного аккумулятора.

Подобные достижения позволяют прогнозировать возможность создания искусственного интеллекта, способного взять на себя функции управления уже не только производственными процессами, но странами и даже цивилизацией в целом.

Нередко в популярных книгах можно встретить упование на то, что грядет новая научная революция, которая, как уже бывало в прежние века, радикально пересмотрит установленные к настоящему времени физические законы и откроет путь к использованию неисчерпаемой энергии вакуума. Однако наши сегодняшние знания законов природы коренным образом отличаются от наивных античных представлений о мироустройстве, основанных на простейших наблюдениях и опытах. Нет сомнения в том, что научно-технический прогресс приведет ко многим открытиям и выдающимся изобретениям, которые сейчас даже нельзя предвидеть, но они не опровергнут накопленных научных знаний. Получение энергии из вакуума так же невозможно, как и создание вечного двигателя, поскольку

противоречит закону сохранения энергии.

Установленные к настоящему времени физические закономерности не могут быть отвергнуты, они могут быть лишь уточнены и углублены. Ждущие своего решения основополагающие физические проблемы касаются преимущественно космологических вопросов. Их прояснение наверняка окажет влияние на наше мировоззрение, но с меньшей вероятностью поспособствует решению конкретных земных задач.

Теперь о сырьевых и энергетических проблемах. То, что запасы Земли уже в исторической перспективе иссякнут, не вызывает сомнения. Ежегодно для каждого жителя Земли из ее недр добывается более десяти тонн различной породы. Замена нефти, газа и угля как источников энергии виделась в атомной энергетике. Однако сейчас оптимизма поубавилось, уж слишком серьезны последствия катастроф на атомных электростанциях. Управляемый термоядерный синтез обещает решить энергетическую проблему без подобных рисков и без могильников отработанного топлива. Вопрос лишь в том, подоспеет ли он вовремя? Обещания разработчиков не сбываются уже так давно… а вера в успех с годами отнюдь не повышается.

Перспективы использования сырьевой базы Луны, Марса и Венеры, о которых говорится в предсказаниях, также не столь убедительны. Нет сомнения, что Луна пригодится людям не только как ночное светило. Она станет обитаемой для землян, подобно современным космическим станциям. Однако возить с нее на Землю будет рентабельно разве что алмазы, некоторые редкоземельные металлы и гелий-3 для термоядерных реакторов, но никак не уголь, железную руду или глинозем. В принципе возможно создать на Луне солнечную электростанцию и осуществить беспроводную передачу энергии на Землю, но цена вопроса астрономически высока.

Сейчас активно обсуждаются и даже почти готовятся проекты полета на Марс. Подчас это рассматривается как сверхзадача для земной цивилизации и национальная идея государств-лидеров. Ведутся разговоры о ресурсном обеспечении землян за счет Марса и даже о переселении на Марс в «случае чего».

Насколько реалистичны все эти планы?

Как известно, Земля и Марс вращаются вокруг Солнца с разной угловой скоростью. В результате расстояние между ними циклически меняется с периодом около полутора лет. Изредка (раз в 15 лет) они ненадолго сближаются на минимальное расстояние – 55 млн км. Самое большое расстояние составляет 400 млн км. Понятно, что лететь на Марс лучше всего во время сближения. Со второй космической скоростью для этого

потребуется больше полугода (в одну сторону). Для того чтобы вернуться на Землю, придется подождать нового сближения. В результате полет в лучшем случае займет около трех лет. Согласно самым скромным и сугубо предварительным американским оценкам, стоимость такого полета составит около 400 млрд долл. Что он может дать в случае своей реализации? Высадка астронавтов на Луну стала триумфом заокеанской науки, техники и, что еще важнее для американцев, – их образа жизни. С точки зрения изучения Луны прогресс тоже был, но он не носил первооткрывательского значения, так как автоматические станции уже засняли и изъездили Луну и доставили на Землю лунный грунт.

Марс тоже подвергся исследованию автоматическими станциями. Совсем недавно на него успешно спустилась хорошо оборудованная научная станция «Кьюриосити» (любопытство). Вот это дело! И цена пониже – 2,5 млрд долл. Скорее всего, станция передаст на Землю много интересного. Так что человеку опять же не быть первооткрывателем.

Конечно, реализация проекта полета на Марс стимулирует решение многих сложнейших научных и технологических задач и в этом смысле полезна. Однако является ли это оптимальным вложением сил и ресурсов в период приближающегося глобального кризиса цивилизации – большой вопрос. Можно уверенно утверждать, что полеты на Марс не смогут решить наших ресурсных проблем, а о переселении на Марс вообще нет смысла говорить.

По большому счету, все обсуждаемые предсказания нашего будущего являются скорее догадками, чем результатами научных исследований перспектив цивилизации. Гораздо важнее разобраться в закономерностях развития многогранного эволюционного процесса. Современная ситуация ознаменовалась появлением двух качественно новых фундаментальных параметров – техносферы и информсферы. Очевидным результатом их влияния стало ускорение цивилизационных процессов, при этом остается непонятным, смогут ли новые открывшиеся возможности компенсировать издержки такого ускорения. Это центральный вопрос для предсказания перспектив землян. Причем касается он не только ресурсов, но и более тонких материй, таких как возможность мозга человека приспособиться к возникшим информационным и эмоциональным перегрузкам, способности биосферы адаптироваться к последствиям возросшей антропогенной деятельности.

Цивилизационная система является столь сложной,

что построить ее адекватную математическую модель пока не удается, ибо слишком много неопределенности. О сложности прогнозирования в многопараметрических системах можно судить по предсказаниям погоды. Пятьдесят лет назад служба погоды получала информацию только с наземных станций наблюдения, оснащенных простейшими измерительными приборами и аэрозондами. В настоящее время на службе у гидрометцентров метеолокаторы, спутниковые системы наблюдений за атмосферой Земли, быстродействующие средства передачи информации и мощные суперкомпьютеры. Подобные качественные технические усовершенствования позволили повысить точность краткосрочных прогнозов и несколько расширить их горизонт, но не решили проблемы долгосрочного прогнозирования. Каждый следующий день достоверного прогноза стоит дороже всех предшествующих.

Другой пример – игра на бирже. Информационные системы могут учесть тренды котирующихся на бирже предприятий, а именно: динамику производства, сбыта, выручки, прибыли, научного потенциала, квалификации кадров и т. д. и т. п. Может быть проанализирована динамика всех рынков сбыта, доступность сырьевых ресурсов и даже политическая устойчивость стран. Но оказывается, что всего этого мало. Ключевое значение имеет психология игроков, учесть которую не могут даже суперЭВМ. Заметим, что если компьютеры все-таки смогут решить обсуждаемую задачу, то это будет означать гибель биржевой системы, базирующейся именно на неопределенности позиций игроков.

Между биржей и нашей жизнью несомненно есть что-то общее. Может, и нам не стоить стремиться к излишней определенности?

В природе все устроено так, что части целого живут меньше целого. У человека клетки находятся в круговороте рождения и смерти. То же и для цивилизации, теперь роль клетки выполняет сам человек. В планетарной эволюции все еще более укрупняется, и современная цивилизация становится лишь ее этапом. Новый уровень может наступить эволюционным путем. Есть предположения, что на смену нам придет техносфера во главе с искусственным разумом. Но возможен и другой сценарий, при котором изменения произойдут быстро и не в сторону усовершенствования.

Судьба цивилизации, на мой взгляд, самым существенным образом зависит от уровня наших познаний природы. Простой пример. В прежние времена падание на Землю крупных метеоритов было событием неожиданным. Сейчас же астрономы

могут заметить опасные объекты на далеких подступах к Земле, а математики рассчитать траекторию их движения. В результате появляется возможность подготовиться и даже предотвратить катастрофу. Я думаю, что если бы сейчас над нами такая опасность нависла, то это объединило бы усилия всех стран на предотвращении беды, все разногласия стали бы ничтожной мелочью.

Ключевой вопрос в предсказании будущего землян – насколько люди могут влиять на планетарную эволюцию. Здесь многое схоже с судьбой человека – есть общие тренды развития, но многое и в наших руках. За последние два столетия негативные результаты антропогенной деятельности стали заметны на Земле невооруженным взором, более того, они уже изменили даже космический облик планеты. Пока получается так, что чем сильнее становится человек, тем он опаснее для природы. Главный парадокс развития состоит в том, что в поисках счастья мы идем к гибели, захватив с собой биосферу. К счастью, путь этот достаточно длинен.

В технике новый технологический передел приходит обычно путем отрицания предыдущего. Что может прийти нам на смену? Искусственный разум? Но кто наделит его душевной силой, необходимой для самостоятельной жизни?

До сих пор главной мотивацией общества и стран в деле развития науки было стремление к первенству, мировому господству. Именно так обстояло дело с разработкой атомной бомбы в США. Глупо винить в этом ученых, изучивших устройство атома. Результаты научных работ сами по себе не могут причинить никакого вреда людям. Все дело в пользователях. Это прекрасно можно видеть на примере лазеров, у которых тысячи мирных профессий и одна разрушительная – военная. Сейчас мировому сообществу желательно сообща определить перспективные направления науки, ориентированные на длительное сохранение цивилизации.

Невероятных успехов в развитии цивилизации человек добился путем формирования новой системы положительных обратных связей, например в сфере товарно-денежных отношений. Вложив начальный капитал, предприниматель организует производство товара, сбывает его, возвращает вложенные деньги плюс прибыль. Если обратная связь в этой цепочке оказывается отрицательной, бизнес быстро «загибается», а развитие стопорится. В России мы это знаем не понаслышке.

Обсуждаемая экономическая обратная связь является мощным механизмом развития. Именно она дифференцирует общество и целые страны на бедных и богатых, поскольку

благодаря ей богатые богатеют, а бедные беднеют.

На первый взгляд, стремительное развитие цивилизации целиком ориентировано на интересы людей. Однако не все так просто. С одной стороны, человек в современном обществе живет несравненно комфортнее, чем в прежние времена. Он защищен от многих катаклизмов и невзгод. На охране его здоровья стоит медицина, оснащенная оборудованием с невероятными возможностями и лекарственными препаратами в умопомрачительном ассортименте. Но зададимся вопросом: медицинская индустрия развивается в интересах потребителя или производителя? Может показаться, что эти интересы совпадают. Но вот заинтересована ли медицина в укреплении здоровья населения? Ответ ясен – бизнес всеми силами расширяет рынок сбыта своей продукции. Для этого люди нужны, и как можно в большем количестве, но желательно не в полном здравии. То есть нужно создавать препараты, которые дают положительный эффект. Это в плюс. Но сколько лекарств нам навязывается почем зря врачами и особенно рекламой? В прежние недалекие времена аптек в Москве было много меньше, чем продовольственных магазинов, а теперь наоборот. И что, мы стали дольше жить или меньше болеть?

В условиях неуправляемого рынка подобное противоречие между интересами общества и производителями имеет место и в других отраслях, производящих продукцию, влияющую на здоровье, такие как табак и водка. Ясно, что государство просто обязано принимать действенные меры по защите граждан от «невидимой руки рынка».

Возможно ли сменить стимул конкурентного развития стимулом коллективного самосохранения? Думаю, да. Но, скорее всего, это произойдет, когда угроза вымирания обозначит себя еще более конкретно. Общий враг – лучший стимул объединения усилий.

Не вызывает сомнения, что жизнь на Земле подчиняется общему закону развития систем и рано или поздно наступит конец. Скорее всего, заключительная фаза развития цивилизации, в которую мы смело вступили, будет достаточно продолжительной, она будет протекать на фоне обеднения и деградации природных условий, а также истощения генофонда человека. Первыми на этот путь встанут крупные города, дольше других просуществуют 1,5 млрд человек, находящихся на низком уровне цивилизационного развития и даже не знающих электричества.

Ни по одному параметру природа в целом не стала лучше за счет антропогенной деятельности. Это заключение

не противоречит тому факту, что в любом ограниченном месте – доме или даже городе – могут быть созданы идеальные для жизни условия. Здесь работает принцип холодильника – для того чтобы остудить одно место, приходится нагревать другое, причем коэффициент полезного действия всегда существенно меньше 100 %.

Увеличение народонаселения ставит перед человечеством множество проблем: социальных, энергетических, экономических и экологических. Все они хорошо известны и уже многократно обсуждены. Самая главная может быть, однако, связана с большой неравномерностью развития территорий. В одних регионах повышается качество жизни людей, в других – увеличивается количество жителей. Слаборазвитые страны с огромным населением настолько отстали по темпам экономического развития от стран-лидеров, что самостоятельно никогда не смогут догнать и даже приблизиться к ним. В результате появляется серьезная неустойчивость, способная дестабилизировать всю систему в целом.

На повестку дня встал вопрос о принятии человечеством программы скоординированных действий по выработке альтернативной «обществу потребления» концепции развития цивилизации. Для этих целей, на мой взгляд, может пригодиться идея Мирового правительства. Эта идея встречает стойкое сомнение одних и убежденность других, что такое правительство тайно уже существует и особо опасно. Не пора ли перейти к открытой его форме без контроля со стороны финансовых воротил? Организация Объединенных Наций, созданная после Второй мировой войны, играет в мире заметную роль. Одновременно она же обнажила и многие проблемы, стоящие на пути выработки и реализации управленческих решений глобального масштаба.

Совершенно понятно, что становление глобальной системы власти будет происходить поэтапно. Уже сейчас имеются кластерные организации, координирующие деятельность руководства входящих в них стран. Постепенно они будут укрупняться и расширяться по кругу своих полномочий.

В силу огромных и все обостряющихся экономических противоречий идея Открытого мирового правительства может показаться утопичной. Но думается, что она будет находить все больше сторонников по мере быстро протекающего сужения зоны устойчивости цивилизации и лавинообразного обострения экологических проблем.

В современном мире уже появились многие технологические предпосылки для координации взаимных усилий мирового

сообщества и их оперативного мониторинга и контроля. Совсем скоро можно будет строить глобальные системы управления, имея индикаторы в реальном масштабе времени. Математики научились моделировать сложнейшие экономические, социальные и политические процессы. Это позволяет предсказать с большой достоверностью последствия предполагаемых управленческих решений. Иными словами, наступил момент перехода от интуитивного управления, базировавшегося, прежде всего, на аппарате обученного человеческого мозга, к управлению, дополненному компьютеризированными системами, использующими всю мощь современной математики и информационных технологий.

Такой переход, кроме всего прочего, имеет то важное последствие, что теперь прогноз приобретает объективный и верифицированный характер и имеет оценку доверительности. Это важная основа для принятия коллективных решений многими странами.

По мнению бесспорного авторитета в области систем управления Н. Винера, масштабы стран и интеграционных образований, имеющих единое управление, ограничиваются радиусом действия широкодоступных систем связи. Созданные и успешно функционирующие глобальные быстродействующие средства коммуникаций «делают “мировое государство” неизбежным».

Глава тридцатая
О нашей судьбе

И всюду страсти роковые, И от судеб защиты нет.

А. Пушкин

По большому счету, перспективы страны изначально зависят от трех основных факторов, а именно: территории и природных условий, особенностей народа и качества системы управления. Про нашу природу уже достаточно сказано и пересказано. Повторяться не будем, тем более что и улучшить ее пока не в наших силах. А вот про народ и власть поговорить стоит.

Начнем с системы управления. Возможно, историки со мной не согласятся, но, на мой непрофессиональный взгляд, оптимального руководства Россия до сих пор не имела. Всегда власть была с загибами и перегибами: то совсем вялая, то чрезмерно жесткая, то слишком жадная, то загульная, то некомпетентная. Не из-за этого ли за рубежом утвердилось мнение о нетрадиционном пути России, являющем предостережение остальному миру?

Печально, но приходится признать, что доля правды в этом утверждении есть. Наша история имеет ту существенную

особенность, что государственное устройство не раз радикально и стремительно видоизменялось, принимая весьма нетрадиционные, а подчас и крайние формы. Неудивительно, что многие граждане не желали или не успевали приспособиться к вновь сложившимся условиям жизни. Одним из итогов становились волны эмиграции, захватывавшие наиболее искушенные в государственном управлении верхние слои прежних формаций, а также творческую интеллигенцию. Такие события неоднократно имели место в прошлом столетии, не обошли они стороной и новый век. Сейчас особенно остро стоит проблема массовой утечки за рубеж научных кадров. Из года в год мы теряем свой научно-технический потенциал как за счет старения научных кадров, так и их переселения. Страна с более низким жизненным уровнем ученого и инженера в открытом обществе всегда будет проигравшей в научно-техническом соревновании, как бы много усилий она ни тратила на подготовку новых специалистов. Это все равно как подливать воду в дырявый бак. Поскольку современная экономика все больше основывается на знаниях, то потеря подготовленных ученых наносит стране огромный урон.

В историческом развитии мы не ищем проторенных путей – то забегаем вперед, то несемся вспять. Так, социалистическая идея пришла в Россию раньше срока, когда страна еще не вышла из феодализма. Для того чтобы ликвидировать это несоответствие и одновременно противостоять мировому капиталу, пришлось прибегнуть к экстраординарным мерам и запредельно напрячь страну и общество. Фактически вся история СССР была сплошной погоней за лидером, имевшим колоссальную фору. Не лишне будет напомнить ретивым критикам социализма, что цена на нефть в те годы была большей частью около 10 долларов за баррель и лишь в период с 1970 по 1980 год поднялась до 40, снизившись затем к концу века до 25. При этом в 1985 году мы экспортировали 20 % добычи, а сейчас – почти 70 %.

Плановая система хозяйствования в СССР, в определенном смысле, тоже была преждевременной, поскольку не могла быть обеспечена в должной мере оперативным мониторингом и надлежащим информационным сопровождением. В результате этого обратная связь плана и факта замыкалась со значительным временным лагом. В такой ситуации руководить так же трудно, как вести автомобиль, видя перед собой лишь картинку пройденной дороги через стекло заднего вида.

История последнего столетия нашей страны позволяет выделить для анализа два качественно различных варианта кадрового формирования системы государственного управления.

Один относится к периоду строительства социализма, другой – ко времени его демонтажа.

В прежнее советское время путь по номенклатурной лестнице к политической власти был продолжительным и лежал, как правило, через комсомольские и партийные структуры. Неподготовленные кадры на руководящие должности попадали редко. Не обходилось, разумеется, без влияния «кумовства» и «землячества». Но в масштабах страны этот фактор не был доминирующим. Система продвижения по служебной лестнице не просто отбирала людей, но и формировала их определенным образом. В результате руководители оказывались адекватными системе. Особенно это характерно для позднего социализма. На его ранней стадии высшее руководство страны чаще шло на смелые шаги по выдвижению на руководящие посты неординарных личностей.

По мере того как критерии подготовки и отбора кадров трансформировалась в направлении от профессионализма к лояльности, система управления стала все более замыкаться на себя. В результате цепь грандиозных государственных проектов типа электрификации, всеобщего образования, индустриализации, освоения атомной энергии и космоса фактически прервалась во второй половине прошлого века.

Снижение эффективности руководства привело к тому, что страна слабела, постепенно скатываясь к порогу неустойчивости. В определенный момент этим умело воспользовались наши «западные друзья», мобилизовав на решение далекоидущих замыслов свои немалые возможности, не последнее место среди которых заняли манипуляции с ценой на нефть, а также наработки в области социальной психологии. В результате демонтаж любимой Родины многие ее граждане встретили с восторгом.

Если в социализм Россия вошла раньше срока, то в капитализм, наоборот, слишком поздно. В развитых странах капитализм уже практически себя исчерпал и, как и предсказывали классики, вступил в свою завершающую фазу. Производительность труда достигла такого уровня, что для сбыта все увеличивающегося объема товаров приходится искусственно сокращать время их жизни за счет целенаправленного ускорения физического и морального старения и даже использовать методы принудительного обновления (компьютерная техника и особенно программное обеспечение тому пример).

Основной принцип капитализма – получение максимальной прибыли любой ценой – стал править бал в России в тот момент, когда в мире наметился переход на новую парадигму планового

и рационального природопользования. В который раз мы оказываемся в противофазе тенденциям мирового развития. Казалось бы, можно было бы воспользоваться опытом впереди идущих и избежать ряда проблем, но этого не произошло.

С распадом СССР федеральные органы управления в одночасье оказались ненужными. Статус имевшихся республиканских министерств и ведомств РСФСР, не игравших в прежние годы существенной роли, сразу повысился, и начался их кадровый рост. Ряд министерств организовывался заново. На образовавшиеся вакансии всех ветвей и уровней государственной власти хлынул «активный люд», умеющий быстро ориентироваться, красиво говорить и нравиться народу своей простецкой демократичностью и исключительной преданностью. Народ с восторгом принял новых вождей.

Дела между тем на поправку пошли не сразу и не у всех. Новые слуги народа, подобно Пастеру, смелые опыты по переходу к капиталистической экономике ставили на себе. Результаты оказались практически повсеместно хорошими, и даже очень. Однако до тиражирования их в более широких масштабах, к сожалению, дело не дошло из-за недостатка бюджетных средств и иностранных кредитов.

Когда у народа прошло радостное возбуждение от нахлынувшей демократизации и наступило прозрение, многие выдвиженцы первых лет реформаторства уже успели сложить с себя полномочия, а наиболее дальновидные сложили и вещички, сменив страну пребывания.

Таким образом, практика стремительной возгонки лидеров оказалась полезной преимущественно для самих лидеров. Зацикливание системы управления на своих интересах произошло необычайно быстро.

Драматизм ситуации состоял в том, что предстоящие коренные преобразования страны были сложны до чрезвычайности, не имели исторических аналогий и требовали от руководства исключительного профессионализма. В отсутствие среди «демократических» новобранцев необходимых специалистов пригласили многочисленных консультантов даже не из Европы, а из США – нашего главного противника. Вот и разберись теперь, кто ответственен за колоссальные издержки политического, идеологического, демографического, экономического и социального характера, которые понесла страна в период реформ.

Главной задачей, решавшейся в это время руководством страны, было создание условий, исключающих возврат к прежней социалистической системе. Под этим лозунгом можно было

проводить любые, в том числе самые губительные антигосударственные реформы. Понятно, что в первую очередь удар был нанесен по КПСС. Теперь уже членство в этой партии не только не давало преимуществ, но и вредило карьере.

Народ в результате шоковой терапии сильно разочаровался в своих избранниках, но было поздно, его мнение перестало быть для власти существенным даже во время выборов президента.

С новым веком в Россию пришла новая власть – трезвая, энергичная, владеющая западными языками, спортивного телосложения, с питерской пропиской и специальной подготовкой. Контраст с первым президентом был столь разителен, что народ вновь обрел надежду. За эту власть не стыдно на международной арене, ей удалось предотвратить намечавшийся распад страны, пригасить пожар на Северном Кавказе. Но случилась другая беда – страну захлестнула выпестованная предшественниками коррупция. Не берущий взятки начальник стал исключением, причем бесперспективным. Власть денег стала сильнее власти закона. Скорость роста числа олигархов с миллиардными состояниями в этот период в России побила все мировые рекорды. Большая часть населения, однако, на этом празднике жизни опять оказалась лишней и вновь сильно разочаровалась.

Гаишник, берущий взятки, не заинтересован в снижении уровня нарушений правил дорожного движения. Чем больше нарушителей, тем выше его благосостояние. Для врача, живущего на подношения больных, чем хуже медицинское обслуживание в стране – тем лучше. Так же обстоит дело и с коррумпированными инспекторами налоговой, миграционной, таможенной служб, пожарными, военными и т. д. и т. п. Во всех коррумпированных сферах формируются устойчивые извращенные обратные связи, ведущие страну к неустойчивости: чем хуже положение в отрасли – тем лучше ее сотрудникам. Предвестниками такой неустойчивости являются многочисленные пожары в социальных учреждениях (и не только), крупные аварии на транспорте, включая космический, гидроэлектростанциях, взрывы на шахтах и арсеналах, захваты собственности, взвинчивание цен на жилье, недобор призывников, заказные убийства и многое другое, о чем даже не хочется писать.

Коррупция снижает и возможности маневра власти. Речь уже не о предупреждении и профилактике трагических событий, а лишь о ликвидации их тяжелых последствий. Возникающие при этом огромные издержки ложатся на плечи граждан.

В условиях развитой коррупции представители власти в большинстве своем не свободны в принимаемых решениях,

а проводят в жизнь интересы продвинувших их политических, экономических и финансовых групп. Это часто приводит к назначению некомпетентных руководителей и препятствует их отстранению от должности даже в случае очевидных провалов.

Неустойчивость коррумпированной власти проявляется, когда одно из ее звеньев набирает слишком большую силу и приобретает самостоятельность. Самым ярким примером является руководство Москвы во главе с Ю. Лужковым. Амбиции последнего оказались столь безмерными, что он отклонил настойчиво предлагавшийся ему вариант добровольного ухода с поста. Такого раньше не случалось с руководителями столь высокого ранга. Для того чтобы предотвратить подобные рецидивы, федеральная власть вынуждена была прибегнуть к процедуре публичной порки. На телевидении, как грибы после дождя, появились программы, обличающие действия мэра, его жены и московской власти в целом. Сделаны они были убедительно, что и понятно – за «жареным» ходить далеко не требовалось, но действовать приходилось выборочно и с большой осторожностью, чтобы не зацепить лишнего.

Обличительные кампании на Руси всегда имели большой успех, но затевались они, как правило, после смены власти, а тут пришлось прибегнуть к этому сильнодействующему средству прежде времени. Это крайне рискованно, ибо сразу порождает два вопроса:

1. Как власть могла не знать ранее о подобных деяниях?
2. Если знала, то почему не принимала мер?

Убедительных ответов найти невозможно. Ситуация особенно осложнялась тем, что Лужков был одним из символов и оплотов партии власти и имел в Москве значительный авторитет. Будучи человеком неординарным и энергичным, он сумел много лет сочетать личные и городские интересы, не вызывая резкого отторжения граждан, несмотря на неприличные финансовые успехи жены.

Публично критиковать успешный семейный подряд Батуриной тоже приходится с большой осторожностью, так как этот прием полноценно востребован у целого ряда действующих представителей власти. Жены оказались ну очень удачными предпринимателями у многих министров, губернаторов, префектов и других руководителей.

Одним из самых эффективных механизмов перераспределения собственности является инфляция. Через несколько лет рубли пришлось деноминировать в тысячу раз, но на этом процесс не остановился. Как мы вообще большей частью выжили? Сейчас инфляция бьет по наименее

обеспеченным гражданам, повышая цены на предметы первой необходимости, съедает мелкие накопления. Банки к ней прекрасно приспособились. Они берут у людей деньги под процент ниже инфляции, а кредиты выдают вдвое-втрое дороже.

Власть всегда болезненно относится к критике. Есть два варианта защиты. Первый – стараться не замечать. Второй, более радикальный, – ограничить доступ на телевидение. Оба варианта у нас прошли апробацию, и второй оказался более эффективным. Дискутировать с оппозицией всегда трудно. Оппозиция не осуществляет текущей деятельности, ни за что не отвечает и поэтому в споре уязвима только умозрительно гипотетически. Но она и нужна именно для критики власти.

В общении с прессой власть выработала весьма эффективные методы – вместо трудных конкретных ответов на злободневные вопросы переходить на эмоции и лозунги. Поначалу это выглядит неплохо и даже убедительно, но со временем начинает приедаться. Хотелось бы большей ясности, причем не только в словах, но и действиях. Еще один прием состоит в том, чтобы публично (на экране телевизора) распекать своих высокопоставленных подчиненных, которые на протяжении ряда лет не выполняют своих обязанностей. Подчиненные к этому привыкли и покорно сидят, потупив взор. Но то ли они плохо слышат, то ли не разумеют сказанного, насущные проблемы лишь разрастаются и накапливаются. Оказывается, что нерадивых министров увольнять нельзя, так как это может надолго парализовать работу ведомства. Это действительно может случиться, если новый министр будет опять несведущим.

Обнаруживается полный «бардак» в жилищном хозяйстве, «труба» с водопроводом, с дорогами сплошная «яма», с лекарствами и медициной вообще беда, как и с наукой, образованием, армией и оборонкой. Бюджетных средств катастрофически не хватает, и это притом, что мы находимся на первом месте в мире по добыче нефти. Приходится довольствоваться «асимметричными» ответами. В результате всю экономику уже перекосило. Вместо былых заводов и фабрик повсеместно по самым последним технологиям возводятся складские помещения для импортных товаров, которые заполонили все магазины. Автомобили ввозятся большей частью в разобранном виде, а нашей гордостью стали иностранные отверточно-сборочные предприятия. Космические неудачи следуют одна за другой. Эта самая высокотехнологичная отрасль прежде других ощутила деградацию отечественной промышленности.

Произошла катастрофическая девальвация чувства патриотизма – главной связующей страны и общества. Этого не спишешь на счет перехода к капиталистическому устройству. Пример той же Америки (граждане считают свою страну идеалом) – наглядное подтверждение. Чувство патриотизма мы не сберегли. Причин тому много. Среди главных – потеря веры в руководство, отсутствие единства цели, материальное расслоение общества и связанное с этим неравенство, в том числе перед законом. Огромную «помощь» оказали нам и мировые лидеры, сумевшие дешевыми способами психологического воздействия подорвать мощь некогда великой державы.

Вера граждан в руководство исключительно важна для реализации любых начинаний. Еще Конфуций говорил, что для стабильности страны нужны три непременных условия – обеспеченность оружием, продовольствием и доверие народа. Причем последнее условие наиважнейшее. Уровень доверия общества к власти переменчив и зависит от многих факторов, таких как условия жизни, социальная справедливость, равенство перед законом, прозрачность и честность выборов. Недовольство граждан имеет свойство накапливаться, проходя в своем развитии несколько стадий. Сначала это «разговоры на кухне», затем «мнения» в Интернете и некоторых малотиражных печатных изданиях и, наконец, массовый выход людей на улицы, как это случилось после думских выборов в 2011 году. Тут уже действующей власти весьма затруднительно публично объясниться с народом.

Есть ли возможность у власти в крайней ситуации спокойно передать свои полномочия? В цивилизованных странах подобных примеров множество. Все зависит от того, насколько власть безгрешна. Пример Б. Ельцина, которому после ухода первым делом понадобилась неприкосновенность, свидетельствует о том, что в нашей стране нравственные традиции во власти еще не сложились. Это сильно ограничивает возможности ее маневра в критические моменты.

Ясно, что власть должна проявить мудрость и гибкость. Мотивировка применения силы как противостояние насаждаемой извне опасности не сработает. Хотя, конечно, зарубежные «друзья» подливают масла в огонь, но дрова-то наши и загорелись они от внутреннего трения.

Расслоение общества, случившееся в конце 2011 года, власть сможет залечить, только откликнувшись на справедливые требования граждан по устранению коррупции и преобразованию политический системы, прежде всего в направлении демократизации выборного законодательства. Изменения эти

должны носить не декоративный характер, а реально содействовать развитию важнейшего для общества механизма выдвижения во власть наиболее достойных людей и формирования по отношению к ним высочайших морально-этических требований. Мы уже отмечали, что именно закостенелость руководства СССР явилась решающей причиной деградации мировой державы. Не стоит повторять столь трагические ошибки.

Современное протестное движение существенно отличается от того, что было пятнадцать лет назад. Раньше люди шли протестовать без оглядки. Теперь народ более разборчив и требователен к вождям, среди коих оказались, как всегда в таких ситуациях, самые разнородные личности – от достойнейших до опаснейших. Это упрощает задачу власти по ослаблению напряженности, поскольку отторгает от акций протеста многих людей с активной позицией. Пока лидеры оппозиции объединены отрицанием, но немедленно разойдутся в созидании, имея диаметрально противоположные взгляды на будущее устройство страны. И здесь какая-то безысходность.

Нашим людям чрезвычайно обидно, что за двадцать лет новой жизни не только не реализовались мечты и надежды начала преобразований, но по многим параметрам состояние дел в стране стало хуже. Интегральным показателем является сокращение численности населения. Сильно не радует людей и образовавшаяся на тощем бульоне общества жировая пленка олигархов, сумевших захватить богатейшие ресурсы страны. Согласно Конфуцию, «стыдно быть богатым и знатным, когда в государстве царит беззаконие».

Грубейшей ошибкой власти является небрежное отношение к народу (пусть и оппозиционному), одна фраза и даже одно оскорбительное слово насмерть подрывает доверие.

Проблемы в обществе копились годами. Мы покорно смирились с утратой лучшей в мире системы образования, были равнодушны к гибели передовой науки, потере целых отраслей промышленности, таких как фармакология и медицинская техника, электроника, машиностроение, самолетостроение. Дело дошло до закупки за рубежом военной техники. Ушли в прошлое вдохновлявшие граждан грандиозные стройки и научные проекты, геологические открытия, выдающиеся достижения в космосе, талантливо-оптимистические произведения литературы и искусства. Приметами нашей жизни стали аварии и теракты с большим числом жертв, массовое вымирание деревень, сокращение продолжительности жизни и как итоговый результат – уменьшение численности населения.

Из всех способов развития патриотического духа граждан у нас остались разве что спортивные достижения, но и они идут на убыль. К тому же бурно развивающаяся коммерциализация спорта сводит на нет его патриотическую направленность. Сильно ли нас взволнуют на зимней Олимпиаде в Сочи достижения конькобежцев, купленных для сборной России в Южной Корее? Вернуться обратно к любительскому спорту уже не удастся, придется смириться, что футболист за матч получает больше, чем целая деревня за год. Целесообразность покупки зарубежных звезд клубами из беднейших регионов объясняют нам тем, что в условиях беспросветности людям нужны хоть какие-то радости от побед. Но если это наркотическое по своей сути средство осталось единственным лекарством, то дела наши по медицинским понятиям совсем плохи.

Сейчас все шире обсуждаются проблемы русского населения. При этом чаще всего в них видится вина эмигрантов из бывших южных республик. Всегда приятно и просто переложить ответственность на кого-то. Однако неправильный исходный посыл приводит к неверным выводам и действиям. Нам нужно научиться выступать не только против чего-то, но и «за», взяв пример у тех же эмигрантов, которые консолидированы и оказывают друг другу поддержку. Мы же погрязли в разногласиях и сильны только словами, но не согласованными действиями.

Плохую службу играют средства массовой информации, талантливо соревнуясь в очернении нашей недавней истории. На телевидении я не видел ни одного нового фильма, объективно показывающего советский период, а мерзости хоть отбавляй. По-видимому, негатив прошлого должен создать благоприятный фон для восприятия настоящего. Однако чувство ущербности за историю своей страны не стимулирует к патриотическим порывам, скорее от него опускаются руки. Широко практикующиеся постановочные телевизионные репортажи и передачи с участием государственных руководителей в эпоху Интернета все больше теряют свою результативность и вызывают скорее протестные настроения.

Контрастом обыденной жизни выглядят помпезные торжества по поводу побед хоккеистов и футболистов, пышные юбилеи приближенных к власти представителей творческой интеллигенции, тусовки «новой элиты» с безудержной показной роскошью и бравадой. Пошлость стала главным лейтмотивом искусства. Обнаженное тело и мат оскорбили большинство театральных сцен.

Общество, потерявшее мораль и нравственность, является

больным, причем трудноизлечимым. Внешние признаки религиозности, получившие определенное распространение, в том числе среди элиты и бандитов, не ориентированы на исполнение христианских заповедей. В лучшем случае это неискреннее покаяние в грехе, дань моде или попытка и со Всевышним установить деловые отношения.

В Евангелии от Матфея сказано: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит».

Вместе с тем нельзя не видеть, что из окружающего нас противоречивого и хаотического мира начинают прорастать вполне здоровые молодые силы, ориентиром для которых является не воровство и стяжательство, а успех в конкретном деле, без всяких внешних нелепостей типа пирсинга, татуировок, клоунских штанов и причесок. Есть просто уникальные примеры, когда юноши в 25–27 лет являются авторами трех десятков научных работ, знают несколько иностранных языков, имеют разработки, превосходящие зарубежные аналоги не по размеру и весу, как часто было в прежние времена, а именно по потребительским свойствам.

К сожалению, в мегаполисах многие из этих перспективных граждан быстро подбираются зарубежными компаниями, которые могут организовать дело без коррупционных заморочек и платить приличную зарплату. Есть, правда, некоторая надежда, что, набравшись опыта, они впоследствии организуют свой бизнес здесь, в России. За рубежом, во всяком случае, множество наших людей оказались вполне успешными. Это обнадеживает.

Каково будущее России в контексте рассмотренных проблем? Почему мы всегда выбираем труднейшую дорогу и постоянно вынуждены бороться с проблемами, многие из которых умело создали своими же руками?

Ясно, что проблемы эти не только из-за окружающей нас суровой природной среды, хотя и ее роль сбрасывать со счетов нельзя. Нам как-то непривычно жить спокойно. Неинтересно. Каждый человек у нас или философ, или поэт, или герой, или авантюрист, или, на худой конец, пьяница и вор. Земля наша обладает пока еще не познанной способностью рождать таланты. Но и это не очень пошло нам на пользу. У нас образовалась острая нехватка простых исполнителей, добросовестных в рутинной работе. Аврал (после периода спячки) – традиционный наш стиль. По этой же причине в нашем обществе два крайних состояния – анархия и диктатура – имеют наибольшую стабильность.

Уверенность в том, что все-то нам под силу, настолько глубоко в нас сидит, что даже как бы и не требует материального

подтверждения.

Жить в экстремальных условиях нам удается лучше, чем в благополучное время. Выдержка и терпение наших людей удивительны. Одновременно с этим русская нация не слишком дальновидна и объединяется только перед лицом смертельной опасности.

С сожалением приходится признать, что «болезнь» наша настолько запущена, что простого и эффективного лекарства нет. Начать следует с возрождения важного для России принципа справедливости. Его попрание становилось катализатором большинства волнений и вызванных ими бурных перемен. В начале прошлого века казалось несправедливым, что буржуи владеют заводами и фабриками (заметим, построенными на их средства), в конце под горячую руку попали льготы и привилегии чиновников и партийных лидеров (ничтожные по современным понятиям). Теперь для борцов за справедливость открылись новые, гораздо более широкие горизонты. Здесь и итоги приватизации, и грандиозные финансовые махинации, сделавшие некоторых членов нашего общества, как в народной сказке, в одночасье неслыханно богатыми.

Стоит ли на этом основании затевать революционную борьбу за восстановление справедливости? Природные богатства национализировать было бы неплохо. Но боюсь, что в остальном новый передел собственности приведет лишь к еще большему разорению страны. Издержки несправедливо обойденному народу необходимо компенсировать путем прогрессивного налогообложения доходов и собственности.

Одно время для продвижения в сторону справедливости олигархам было предложено «делиться». Они это поняли быстро и «правильно». В одной из телевизионных передач на вопрос ведущего о целесообразности введения прогрессивного налога на доход известный олигарх ответил:

– Зачем? Когда требуются на какие-то цели деньги, нас собирают, и мы никогда не отказываем.

Нет смысла даже комментировать это поразительное откровение. И так ясно, кто так запросто может собрать олигархов. Дело это, видно, уже столь привычное, что олигарх в ответе утратил элементарную бдительность.

Затянувшееся состояние мучительного перехода от социализма к капитализму сильно ограничивает возможности властей. С одной стороны, электричество, к примеру, уже в руках акционерных обществ, а с другой – у многих потребителей нет денег за него (электричество) платить по непомерно возросшим ставкам. Оказалось, что для торжества капитализма нужны

не только сами капиталисты, но и платежеспособное население. Эта истина не была учтена в начале «победоносного» пути приватизации.

С народом у нас постоянно какие-то проблемы и загадки. Как он живет, не имея достойного заработка? Почему он так любит перемены, хотя ничего хорошего от них не имеет? Почему, наконец, он готов верить в любые, самые несусветные обещания и не требовать обманщиков к ответу?

Вместо того чтобы объединиться в конкретном деле, мы ждем чуда. Революции – это наша страсть и наша беда. В силу своей долготерпимости и некоторых других врожденных качеств мы на всех уровнях не принимаем необходимых мер своевременно, когда ситуацию можно подправить сравнительно безболезненными воздействиями. Без революций мы не можем прожить и полвека. Причем обязательно нужно разгромить все былое до основания, обгадив свою историю, растоптав прежних вождей и разрушив памятники с тем, чтобы легче было строить новую жизнь.

Глава тридцать первая
О формировании власти

Опасна власть, когда с ней совесть в ссоре.

У. Шекспир

В конце 2011 года внутриполитическая ситуация в стране резко обострилась и встал вопрос об изменении избирательной системы с тем, чтобы через нее приходили к власти наиболее деятельные и неподкупные люди, для которых судьба Родины не пустая фраза, а ключевая установка.

Дело это чрезвычайно сложное. Кто найдет и продвинет во власть таких людей? Сколько их нужно, чтобы победить расплодившуюся коррупцию? Быстро сделать ничего не удастся. На мой взгляд, возрождения России можно добиться только путем радикального изменения системы формирования органов государственной власти. Задачи новой системы состоят в том, чтобы:

приводить к власти наиболее достойных и подходящих людей;

сформировать механизм обратной связи, обеспечивающий жесткую ответственность руководителей за принимаемые

решения и их продвижение при успешной работе;

установить высокую требовательность к морально-этическому облику руководителей.

Более высокий уровень ответственности представителей руководства страны по сравнению с обычными гражданами следует из большей значимости их решений, а также высокого общественного статуса и материального положения. От эффективности их деятельности зависит ситуация в стране и обществе, а значит, судьбы миллионов граждан, поэтому никакие снисхождения по отношению к ним недопустимы. Немаловажно и то, что стиль жизни и поведения руководителей является ориентиром для сослуживцев. Это тоже предъявляет соответствующие требования.

Что касается вариантов устройства государственной власти, то они проанализированы в широко известной книге неизвестных авторов «Проект Россия». В числе недостатков существующей выборной системы формирования власти в книге отмечены:

слабая осведомленность народа о деловых и личных качествах кандидатов при выборах депутатов Государственной думы и президента;

широкое распространение «избирательных технологий» с целью манипуляции мнением избирателей;

возможность подтасовки результатов голосования;

большие затраты на проведение выборных кампаний со стороны государства, партий и бизнеса.

Эти недостатки существующих избирательных систем действительно серьезны и требуют устранения. Однако выводы, которые сделаны на их основе:

демократия является системой обмана народа, которая ориентирована на обслуживание и развитие потребительского общества;

необходимо вернуться к авторитарной организации системы управления государством; не только не убедительны, но даже несостоятельны.

Возвратные явления и спиралеобразное развитие действительно имеют место в истории общества, однако каждый следующий виток спирали характеризуется новым качественным параметром, внесенным научно-техническим, экономическим и социальным прогрессом. Сейчас таким параметром являются информационные технологии. Они хорошо себя зарекомендовали в системах управления производственных предприятий всех уровней, и их масштабирование до уровня управления страной не за горами. Они обеспечивают возможность работы в реальном масштабе времени с большими базами данных и удаленными

пользователями. Эти достижения позволяют реализовать качественно новую процедуру кадрового формирования государственной власти, в полной мере отвечающую принципам народовластия и в то же время свободную от отмеченных недостатков существующих избирательных систем.

Предлагаемая процедура организации государственной власти базируется на следующих основных положениях:

1. Всенародное прямое избрание Национального совета численностью порядка 10 тыс. человек.

2. Избрание Национальным советом президента страны из числа его представителей – делегатов.

3. Формирование на основе Национального совета состава Государственной думы.

4. Реализация системы обратной связи, обеспечивающей возможность перевыборов президента и систематическое частичное обновление состава Государственной думы.

Сразу возникает вопрос: почему 10 тысяч? Здесь есть логика как с математической точки зрения – это так называемое среднее геометрическое между 100 млн и 1 (на 100 млн избирателей приходится 10 тыс. делегатов и, соответственно, на 10 тыс. делегатов – один президент), так и с точки зрения полноты представительства – в число 10 тыс. избранников с большой вероятностью попадут все лица, зарекомендовавшие себя на государственном и региональном уровне. Даже небольшой город сможет иметь своего представителя, а, к примеру, Калуга – 20, Новосибирск – 100, Москва – 1000.

Национальный совет является промежуточной стратой между обществом и органами государственной власти, через которую реализуются принципы народовластия.

Большая часть населения в круге своего внимания удерживает лишь ту часть членов общества, которые близки ей по территориальному, профессиональному и духовному признаку. Именно среди них она может вполне адекватно указать наиболее достойных и перспективных людей для реализации управленческих функций. С учетом этого при формировании Национального совета каждому гражданину предоставляется право отдать свой голос за одного гражданина страны. Здесь возможны варианты: за двоих, троих. Почему я отдаю предпочтение первому из них? Во-первых, это самая строгая система отбора, во-вторых, один голос не имеет большого смысла перекупать. Голосование за двоих имеет то преимущество, что один голос можно гарантированно отнести региональному делегату. Голосование за бóльшее число делегатов, на мой взгляд, нецелесообразно вовсе.

В отличие от обычной выборной системы, предлагаемый вариант оперирует с большим числом потенциальных кандидатов Совета, что сводит на нет отмеченные выше выборные проблемы. Важно и то, что в данном варианте могут быть установлены преференции для определенных слоев и групп населения. В частности, таким путем может быть обеспечено пропорциональное представительство женщин (эта извечная проблема не решается ни в каких других способах формирования властных структур).

Ранее выборы Национального совета при численности нашего общества в 140 млн человек не могли быть реализованы технически из-за отсутствия адекватных информационных технологий. Сейчас это можно сделать.

Схема формирования системы государственной власти через Национальный совет имеет качественные отличия от ныне действующей. Отметим два из них:

избирается не один (президент) и не четыреста человек (Государственная дума), а 10 тыс. делегатов, и нет никаких гарантий, что делегат войдет во властные структуры;

делегаты Совета имеют лишь статус, но не получают дополнительного заработка и привилегий, они не отвлекаются от своей основной деятельности (за исключением случаев избрания или назначения в органы управления).

Благодаря этим отличиям резко снижается целесообразность включения на выборах делегатов Национального совета административного и финансового ресурса, а также избирательных технологий с различного вида подкупами избирателей.

В предлагаемой схеме Национальный совет является общественным территориально распределенным представительским органом, ответственным за избрание президента, формирование Государственной думы и за реализацию процедуры замены управляющих кадров этих двух уровней в соответствии с результатами их деятельности. Никакие другие управленческие функции Совет выполнять не может. Это является краеугольным камнем данной структуры, защищающим ее от коррупции.

В соответствии с желаниями делегатов Национальный совет структурируется на три группы: первая – кандидаты на пост президента страны, вторая – кандидаты в депутаты Государственной думы и третья – оставшаяся часть делегатов. Делегаты всех групп имеют равные права при голосовании. Претензии делегатов Совета для включения в первые две группы ограничиваются набором четко определенных требований

(возраст, образование, опыт работы, общественные заслуги и т. д.). Это снимает предсказуемое предостережение скептиков, что таким путем к власти придут наиболее раскрученные шоу звезды и спортсмены.

Все процедуры принятия решений и голосования делегатами Совета обеспечиваются телекоммуникационными технологиями. Совет не собирается на съезды и не формирует органов внутреннего управления.

Процедура выбора президента может выглядеть примерно так.

На первом этапе партии или другие объединения выдвигают своих кандидатов из первой группы Совета.

На втором этапе Национальный совет из них путем голосования выбирает трех кандидатов.

На третьем этапе эти кандидаты предлагают свои программы, проводятся обязательные публичные дебаты. Разрешается агитационная деятельность.

Процедура избрания президента завершается голосованием делегатов Национального совета.

В отличие от существующей системы выборов отпадает какая-либо необходимость в формировании избирательных комиссий по стране, что приводит к серьезной экономии бюджетных средств и не отвлекает людей от основной работы.

Формирование и обновление состава Государственной думы производится из второй группы Совета путем применения процедуры случайной выборки с учетом весовых коэффициентов делегатов. Весовой коэффициент определяется местом делегата в рейтинговом списке, составленном по числу полученных на выборах голосов.

На первый взгляд, целесообразность использования процедуры случайной выборки вызывает недоумение. Как это так, довериться случаю в столь важном деле? Дело в том, что выборы четырех сотен человек не свободны от перечисленных выше проблем избирательных систем и поэтому в данном случае не предполагаются. Делегаты Совета уже получили мандат доверия избирателей, и поэтому любой из них имеет основание стать депутатом (при соблюдении установленных требований). Учет весового коэффициента при процедуре случайной выборки обеспечит наполнение депутатского корпуса наиболее авторитетными людьми.

Для оценки эффективности деятельности президента предлагается следующая процедура:

1. В законодательном порядке определяются 10 ключевых параметров, характеризующих духовное, социальное,

экологическое и экономическое положение граждан, общества и государства, а также уровень их внутренней и внешней безопасности, таких как: степень удовлетворенности населения качеством жизни, средняя продолжительность жизни, темпы роста ВВП, процент инфляции, степень продовольственной безопасности страны, уровень технологической независимости страны, уровень криминализации общества, количество суицидов, средний уровень оценок по ЕГЭ, процент вовлеченности населения в физкультуру и спорт и др.

2. Президент (ответственный за формирование федеральной системы исполнительной власти) представляет в Национальный совет отчет о деятельности федеральных органов исполнительной власти с указанием ежегодной динамики по каждому ключевому параметру.

3. Национальный совет на основании полученной информации путем голосования ежегодно принимает решение о пролонгации срока полномочий президента или о его перевыборах.

Деятельность президента не ограничивается каким-либо конкретным сроком и возрастом. Это дает возможность реализации поставленных стратегических целей, и одновременно обеспечивается механизм перевыборов президента в случае низкой эффективности деятельности возглавляемой им системы государственной власти.

В рамках Национального совета имеется возможность ежегодного обновления депутатского корпуса Государственной думы. Данная процедура основывается на анализе эффективности принятых законов и результатов голосования по ним депутатов. В соответствии с полученными таким путем оценками качества работы членов Государственной думы ежегодно производится замена 20 % депутатов с самыми низкими показателями на новых депутатов.

Это обеспечивает:

персональную ответственность депутатов за принятие законов;

рациональное обновление состава депутатов Государственной думы на основе объективных показателей;

повышение профессионального уровня депутатского корпуса;

обеспечение преемственности и ответственность Государственной думы за все принятые решения.

Предлагаемая процедура формирования и обновления кадрового состава высших органов государственного управления описана лишь в общих чертах и может быть детализирована во всех своих элементах. На мой взгляд, предлагаемая система

прозрачна и внутренне не противоречива. Она может пройти свою апробацию при формировании органов управления регионального и муниципального уровня.

Реализация предлагаемого подхода в масштабах страны требует внесения существенных изменений в Конституцию. Этот подход не отрицает, а интегрирует накопленный в нашей стране опыт как авторитарных, так и демократических схем правления. В его реализации в полном объеме учитывается многопартийность и многоконфессиональность общества, наличие большого числа общественных и профессиональных образований. В частности, в нем учтен положительный опыт работы Съезда народных депутатов СССР.

Национальный совет может быть использован и в качестве экспертного органа, отражающего позицию народа, для оценки целесообразности принятия тех или иных важных решений на государственном уровне. Эта функция Совета, возможно, окажется столь же важной, как и основная. В отличие от существующих институтов опроса общественного мнения, данный механизм базируется на позициях наиболее авторитетной части населения и не допускает фальсификации результатов, кроме того, он является быстродействующим и беззатратным. Совет может стать существенным атрибутом формируемого гражданского общества. Для начала он может быть создан и испытан именно в таком качестве, поскольку это не требует изменения Конституции.

Национальный совет не сужает рамки демократически выборных процедур, а наполняет их новым качеством. Каждый гражданин имеет возможность:

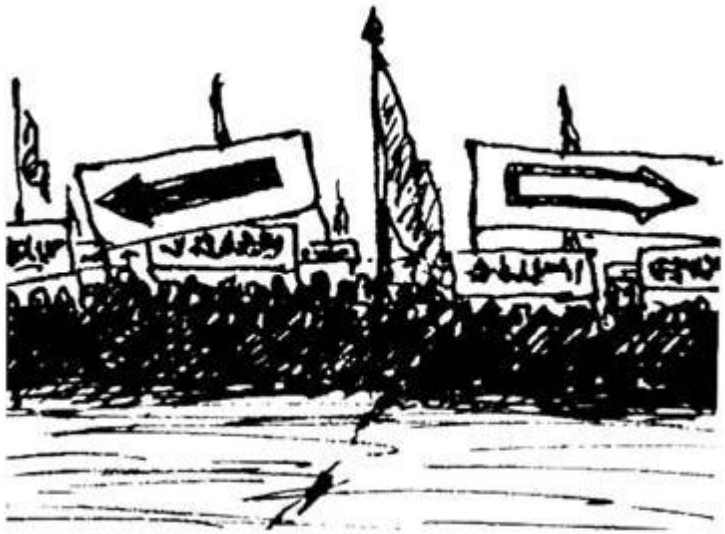
быть вовлеченным в процесс формирования органов власти, став на основе всеобщих выборов делегатом Совета. Вероятность этого на несколько порядков больше, чем быть избранным президентом или депутатом Государственной думы. Это важно для повышения политической активности и зрелости населения страны; во спользоваться своим избирательным правом при определении состава Национального совета, руководствуясь как личным усмотрением, так и интересами региональных, производственных, партийных, религиозных и других общественных объединений. Кадровый состав Национального совета целесообразно обновлять каждые три-четыре года. За этот период могут обозначиться новые лидеры в обществе и произойти существенная переоценка общественного статуса прежних избранников.

Национальный совет не уменьшает роль политических партий при решении кадровых вопросов в системе

государственной власти. Наиболее популярные партии имеют возможность провести большее число делегатов с высоким рейтингом, открывается возможность проведения агитационной работы на выборах как делегатов Национального совета, так и президента. Продвижение членов партии в верхнюю часть рейтингового списка Совета дает высокую вероятность их участия в качестве кандидатов на выборах президента и депутатов Государственной думы.

Несомненно, предлагаемая процедура организации власти имеет свои особенности и, возможно, недостатки. Последние могут быть выявлены и устранены как в процессе обсуждения, так и с учетом опыта ее пробного функционирования на региональном и муниципальном уровнях.

Глава тридцать вторая
Чего не делать и что делать?



У каждой страны, конечно, свой путь и свой выбор, но от общих закономерностей эволюционного процесса далеко и надолго отойти никому не удается. В силу этого на основе опыта, накопленного человечеством, можно сформулировать для себя некоторые общие рекомендации. Первым делом следует присмотреться к странам-лидерам и проанализировать секреты их успеха.

В США большое внимание уделяется вопросам стратегического планирования на глобальном уровне. Планы эти держатся в большом секрете. Они ориентированы на достижение мирового превосходства и вряд ли понравятся другим странам и народам. О наличии подобных глобальных планов можно безошибочно судить по тому, как системно была устранена с мировой арены наша бывшая страна, и геополитическим преобразованиям на Балканах, Северной Африке и Ближнем Востоке.

Вторым сильным моментом организации системы управления в США является публичность формирования власти и контроля за ее деятельностью. Здесь специального внимания заслуживает высокая уголовная ответственность за ложь под присягой. Всем помнится, как неуютно чувствовал себя президент Б. Клинтон

на слушаниях в Конгрессе по поводу своего прегрешения.

В США предвыборные дебаты кандидатов являются решающим моментом всей избирательной кампании. Это момент истины, вскрывающий все допущенные ошибки, злоупотребления и невыполненные обещания. У нас власть на это никогда не шла раньше и не идет сейчас. Нет у нас такой традиции, чтобы публично ставить уважаемых людей в трудное положение. Да и традиции строго спрашивать за невыполнение предвыборных обещаний тоже нет. А как без этого отобрать лучших?

Третий момент – это всемерная поддержка предпринимательства, что является краеугольным камнем капитализма, без развитого предпринимательства нечего затевать демократию.

Четвертый вывод – это справедливое неподкупное правосудие, неподконтрольное другим органам власти.

Пятое – категорическое недопущение коррупции в системе правоохранительных органов. У них немыслимо даже представить себе, что полицейский или сотрудник ФБР возьмет взятку.

Все это вместе приводит к высокому чувству патриотизма и правопослушанию граждан – важнейшим факторам стабильности страны и общества.

Теперь бросим взгляд на Китай, где отказались от догматических установок социализма относительно эксплуатации трудящихся и в рамках планового хозяйства добились небывалых темпов экономического развития. Очень важно, что планы Китая конкретны, хорошо сбалансированы имеющимися ресурсными возможностями и оттого реалистичны. Коммунистическая партия сумела обеспечить выдвижение на руководящие должности исключительно достойных и отлично подготовленных лидеров, что казалось нам нереальным в условиях бесконкурентной однопартийной власти. Не менее важно, что обеспечена обязательная сменяемость лидеров. На XVIII съезде Компартии Китая была обозначена система ключевых ценностей: мощь государства, демократия, высокий уровень цивилизации, общественная гармония, свобода, равенство, коллективизм, законность, честность и гумманизм. Это не просто красивые слова, а руководящие принципы.

Не грех повернуть голову назад и посмотреть на опыт СССР – в недалеком прошлом великой державы, противостоявшей всему капиталистическому окружению. Первый урок – это высококлассное образование граждан. Второе – воспитание патриотизма. Третье – ориентация людей на здоровый образ жизни, жесткий запрет наркотиков, пошлятины в искусстве. Короче говоря, правильные идеологические установки.

В России власть почитается только сильная и очень сильная с явно выраженными патриотическими устремлениями. Такой власти прощают все, даже жестокость. За убедительным примером далеко в историю углубляться не придется.

Сейчас многие удивляются популярности И. Сталина, формирующейся у молодежи на фоне назойливого обличения на телеэкране деятельности НКВД. Дело в том, что негативные стороны истории страны отторгаются молодежью, а победы, даже давшиеся ценой больших жертв, окрыляют и вселяют чувство гордости, так необходимое в молодости. Все государства стараются найти в своей истории самые яркие и героические страницы, а не муссировать беды и печали. Только так можно развить у граждан чувство патриотизма и преданности своей стране.

Представляются опасными и инициативы по захоронению тела Ленина и ликвидации мемориального кладбища у Кремлевской стены. Давайте уж тогда уничтожим все памятное о прежней жизни – разрушим электростанции, построенные по замыслу Ленина, засыплем каналы, озаренные именем Сталина, откажемся от ядерного щита, созданного под руководством Берии, сломаем железные дороги, заводы, жилые районы и целые города, построенные в эпоху социализма, придадим забвению космические технологии, ликвидируем шахты, рудники, нефте– и газопромыслы, школы и университеты, запретим демонстрацию старых фильмов и уничтожим прежние книги. Вот тогда уж и заживем с чистого листа свободно и счастливо.

Уважаемый человек, митрополит Иларион, недавно сказал: «По-настоящему прочной может быть только та государственная власть, которая опирается на историю и извлекает из нее уроки». Нельзя рушить фундамент, надстраивая новые этажи здания.

Не удивительно, что недавние лидеры демократического толка не принесли стране успеха. Воспоминания о них не связаны с созидательными деяниями и оттого негативны. На примере Б. Ельцина мы видим, как печальна судьба национального лидера, потерявшего уважение граждан. Чем дольше он держится у власти, тем хуже для всех.

Новому лидеру всегда верят, но срок веры, неподкрепленной реальными успехами, теперь не столь велик, как в прежние годы. Дело в том, что раньше информационная связь людей была слабой и впечатления отдельного человека не приумножались и не обострялись коллективным мнением, быстро формирующимся с помощью Интернета. Интернет – это мощный усилитель и ускоритель. В нем не просто суммируется

информация, но с огромной силой проявляется так называемый синергетический эффект, при котором правила арифметического сложения нарушаются самым решительным образом, а динамика общественных процессов радикально ускоряется. Попав в яму недоверия, национальный лидер имеет мало шансов на выживание. Разве что случится или подвернется что-то эпохальное. Не дай бог, трагическое в национальном масштабе.

Попытки использовать Интернет в прославлении власти и оправдании ее просчетов совсем не эффективны. Дело в том, что за многие годы мы отвыкли верить в высокие слова, они просто утомили, но зато мы открыты всей душой к восприятию запретного плода – негатива по отношению к власть имущим. То есть Интернет – это как диод с однонаправленной проводимостью. Вещь страшно опасная для власти.

Специфика молодого поколения, не заставшего времен СССР, состоит в том, что оно плохо знает историю своей страны, наряду с компьютерной переинформированностью и большей раскованностью. Молодежь слабо приросла корнями к российской земле, значительная часть ее жизни проходит в виртуальной среде. Она не защищала Родину, не видит грозящих ей опасностей, требующих мобилизации. Нет никакого смысла ее в этом винить. Такими ее сделала теперешняя действительность. Однако одно чувство, ярко выраженное в русском менталитете, сохранилось в неприкосновенности и у молодежи. Это воинственное отношение к несправедливости и обиде. Именно оно выводит молодежь на опозиционные митинги.

Ключевое значение для дальнейшего развития событий имеет искренность во взаимоотношениях власти и народа. Эта искренность не допускает никаких показных мероприятий с административно организованными массами сторонников. Популярность завоевывается только делами, а правдивость проявляется лишь в отношениях со свободно собравшимися людьми, будь то на площади, в театре или на стадионе.

На базе исторического опыта можно попытаться сформулировать гражданам некоторые конкретные рекомендации:

– не доверять руководство страны людям, не имеющим положительного опыта работы на крупных руководящих должностях и не прошедшим испытания соблазнами власти;

– не допускать:

– злоупотреблений власти на выборах;

– неравенства перед законом;

– формирования клановой структуры власти;

– популизма и несоответствия замыслов реальным возможностям;

– нерачительного использования природных ресурсов;

– начала реформ без четкой и правдивой конечной цели;

– влияния ветвей власти на органы правосудия;

– развития коррупции;

– экономии на образовании и культуре;

– деградации армии;

– снижения уровня нравственности;

– очернения истории страны и пренебрежения ее духовными ценностями;

– ограничения независимости средств массовой информации. Нам с вами следует наконец твердо усвоить дорого оплаченные уроки:

не попадаться на сыр в мышеловке, вне зависимости от того, где и кем она установлена;

не восхвалять руководителей, не прощать им ложь;

объединяться для достижения целей национального и глобального значения;

не строить для себя замка из слоновой кости, осознавать свою ответственность за все происходящее в стране и мире и адекватно реагировать на появляющиеся вызовы.

В сложившихся условиях наш путь возрождения должен лежать через осмысление как конкретных обстоятельств, открывшихся с полной очевидностью внутри страны в период смуты 1990-х годов, так и тенденций общецивилизационного развития. Заложить в основу стратегии своего дальнейшего развития идеи своих же гениальных мыслителей (Л. Толстого, В. Вернадского, Н. Моисеева и др.) как нельзя кстати.

Сейчас многие уповают на благоприятные для России пророчества, обещающие чудотворное превращение страны ни много ни мало как в спасителя цивилизации. Однако даже если эти пророчества имеют под собой основу, они могут реализоваться лишь в том случае, когда будут восприняты как призыв к активному действию, а не к ожиданию манны небесной. К тому же есть много и удручающих пророчеств, о которых предпочитают не говорить.

Приход новых верховных начальников у нас всегда был связан с огромными надеждами, которые затем умирали, превращаясь сначала в разочарование, а затем в отрицание и полное пренебрежение. Самой мерзкой нашей чертой является угодничество перед властью. Наши подхалимы – самые подхалимистые подхалимы в мире! Они способны парализовать волю любого лидера, затянув его в бездонное болото

самолюбования.

Последние годы нас несколько отрезвили. То, что раньше казалось навязчивым и бесполезным, сейчас вызывает глубокую ностальгию. Все сильнее ощущается нехватка хотя бы какой-то идеологии.

Сейчас наши активные соотечественники разбрелись по всему миру. Особенно много среди них ученых. Значительная часть устроена очень хорошо и не имеет никаких материальных проблем. В США новые русские эмигранты самые успешные, но при этом большинство мечтает (хотя бы изредка) вернуться в Россию. Что влечет их обратно, несмотря на все ужасы, которые показывают про нас ежедневно по телевизору? Хорошо бы это понять. Возможно, это воспоминания молодости, зов предков и сохранившаяся вера в будущее могущество своей Родины.

Без веры человек не может быть счастлив, без нее нет ни цели, ни смысла жизни. Я уверен, что Россия не сможет подняться без веры и национальной цели только за счет меркантильных интересов населяющих ее граждан. Цель должна быть вдохновляющая и мобилизующая, способная возвысить людей над каждодневной проблемой выживания и сплотить ради своего достижения. Тогда воспрянет национальное самосознание и гордый дух талантливого народа. Тогда у каждого ребенка с детства появится путеводная звезда, а старики, отдавшие свои силы для достижения национальной цели, будут принимать кончину благоговейно, с чувством исполненного долга.

Цель эта должна быть достаточно простой и понятной каждому, как лозунг «Вперед! За Родину!» в годы войны. Такой лозунг, созрев в народе, должен быть подхвачен и озвучен достойными вождями и вернуться в народ как окрыляющее прозрение и дающая силы вера.

Скоро это произойдет![1]

Ноябрь 2012 года

Приложение

Глава тридцать третья
Книга

«Одну книгу может написать каждый, а две – только писатель» – гласит исходная предпосылка литературного творчества. Оптимизм относительно возможности преуспеть в данной сфере деятельности вселяет и простой расчет: если писать в день по одной странице, то через год получится томик вполне приличного размера.

Будучи и по натуре, и по специальности экспериментатором, я ре шил проверить на практике исходное утверждение.

Была, конечно, и вторая побудительная причина – стать автором лестно и приятно каждому. Книги имеют (имели?) в нашей жизни особую ценность. Сейчас инициативу прочно захватили Интернет и электронные книги. Но писатели будут «биться до последнего патрона» – совсем другое дело держать в руках свою, осязаемую книгу, нежели какой-то безликий компьютерный носитель, ко торый не только не полистаешь с приятным чувством удовлетворе ния, но даже и не отличишь от миллионов других собратьев.

Не мудрствуя над сюжетом, я решил описать наиболее интересные события, участником или свидетелем которых мне довелось быть в течение прожитых лет. Понятно, что писать

воспоминания – это совсем иное, чем сочинять романы. Когда работаешь с вымыслом, ты ни перед кем не ответственен. Процесс же написания воспоминаний подобен хо ждению по острию ножа – нужно все время соблюдать особую сте пень деликатности и осторожности, чтобы не оби деть насмерть кого-либо из действующих лиц повествования, но и не сильно уклоняться от реальных противоречий нашей непростой жиз ни, базирующейся, прежде всего, на взаимоотношениях людей. Видимо, учитывая это, мудрые люди пишут воспоминания, уйдя на пенсию, а публикуют их перед кончиной.

Наиболее прочными и яркими, как известно, являются воспоминания детства. При написании первой главы у меня вообще не было никаких проблем. Перед глазами отчетливо стояли не только события и люди, но также чувства, переживания, впечатления и даже пейзажи. По этой причине первая глава получилась, на мой взгляд, наиболее полноценной. Хотя, возможно, что, будучи написанной первой, она подверглась и наибольшей доработке. Последние главы в этом смысле в менее выгодном положении.

Работая над книгой, я заметил, что в памяти вообще свежи только самые первые впечатления, будь то: учеба, работа, путешествия, ошибки, успехи, огорчения, победы, болезни, утраты и, конечно, любовь. Все помнят первый поцелуй, но кто вспомнит десятый? Не зря мудрые китайцы считают, что для продления жизни особенно важны перемены и свежие впечатления.

Второй вывод состоит в том, что на бумагу сразу ложатся воспоминания о «сформулированных» событиях, то есть о тех, которые были в свое время осмыслены и как бы записаны в память уже в литературном формате. Учитывая это, теперь я взял за правило не упускать из внимания даже малозначительные, на первый взгляд, ситуации и события и мысленно облекать их в коротенький рассказ. Еще полезнее делиться своими наблюдениями с окружающими. Это повышает требования к уровню рассказа и позволяет по реакции слушателей получить его оценку. Польза двойная. Во-первых, неплохое литературное упражнение, как фитнес для поддержания спортивной формы. Во-вторых – материал надежно архивируется в памяти и накапливается. Своего рода записная книжка.

Для начинающего писателя первым приятным моментом является перенесение рукописного текста в компьютер. Это как вставить свеженаписанную картину в раму. Если продолжить сравнение писательского труда с творчеством живописца (какие красивые и приятные слова!), то первая версия сочинения играет роль подмалевка, а то и просто грунтованного холста, на котором

развиваются все дальнейшие события. Для маститых, возможно, это и не всегда так; не исключаю, что кому-то удается уже с первой попытки изложить все в конечном виде, предвидя малейшие нюансы дальнейшего повествования. Хотя говорят, что Л. Толстой переделывал «Войну и мир» более пяти раз.

Насколько писательский труд интересен, настолько он и изнурителен. После продолжительной напряженной работы наступает почти полное опустошение. В голове не остается ни одной мысли, не можешь написать буквально ни строчки. Становишься подобным тюбику, из которого выдавили всю краску.

Первоначально мне представлялось, что в написании воспомина ний есть две независимые проблемы – что писать и как писать. Те перь вижу их тесную взаимосвязь и третью, самую сложную проблему – отношение автора к описываемым событиям, их оценка и анализ. Причем чем ближе по времени к настоящему моменту лежат описы ваемые события, тем осторожнее должен быть автор в своих оценках, поскольку велико число свидетелей – потенциальных читателей со своими впечатлениями и, что осо бенно важно, взглядами на свою роль в происшедшем (как правило, положи тельную, а то и героическую).

Очевидно, что полезность книге, а значит, и интерес к ней со стороны читателя могут придать либо содержащаяся в ней информация о значимых для читателя фактах и наблюдениях, либо умозаключения, сделанные на их основе. С фактами и наблюдениями особенно не разбежишься; мало того что достойных внимания совсем немного, так еще и не все годятся для книги. По этой причине основная надежда на умозаключения. Но и здесь не все так просто, ибо полезны они только в том случае, когда лишены банальности и являются хотя бы в какой-то степени оригинальными и неожиданными.

Оригинальными… легко сказать. Жизнь наша проанализирована уже вдоль и поперек. Читая, к примеру, «Опыты» Монтеня, написанные более четырехсот лет тому назад, не можешь отделаться от мысли, что речь идет о нюансах нашей действительности. И это притом, что сам Монтень в рассуждениях своих базируется преимущественно на взглядах древних мыслителей, от которых нас отделяют тысячелетия.

Неожиданными… это еще труднее, все равно что придумать хороший анекдот. Не знаю, кому это под силу. Уж точно не многочисленным профессиональным писателям-юмористам.

При таких проблемах «неожиданным и оригинальным» на помощь приходят умозаключения с многовариантным толкованием. Они, как и недосказанность, понуждают читателя

пуститься в собственные размышления, где он может подчас дойти до таких глубин, о которых автор даже не помышлял.

Особое место занимает ирония. В мягком виде она крайне привлекательна, особенно если это самоирония. Доверительность контакта с читателем повышается, если автор не упускает случая рассказать о своих промахах (мелких) и неудачах. Читатели вообще с большим интересом и участием относятся к чужим горестям, нежели к радостям и успехам. Как гласит народная мудрость: «Не демонстрируй людям свое счастье – не отравляй им жизнь!»

Итогом писательской работы явился, как оказалось, не только сброшюрованный и красиво переплетенный текст, изменился под действием осмысленного и написанного я сам. Скрыв в повествовании некоторые свои недостатки, я вынужден был избавиться от них и в жизни. Как мне кажется, я стал более терпимым к людям, стал их лучше чувствовать; суждения утратили категоричность. Мне стало интересно, присматриваясь к происходящим вокруг событиям, анализировать их на предмет подтверждения или опровержения своих взглядов. Я научился быть внутри и вне происходящего одновременно, смотреть на все, в том числе и на жизненные коллизии, как бы со стороны, с точки зрения накопления новых впечатлений. Иной раз, попадая в критические ситуации, я даже испытывал творческое волнение, как охотник при виде добычи.

Книга стала для меня постоянной заботой, подобно любимой яблоньке, которую постоянно тянет облагородить, подрезать, удобрить и полить. Читая классиков, живя и наблюдая жизнь, я теперь неизменно сверяю свои новые впечатления с написанным и в большинстве своем нахожу подтверждения. Особенно созвучно оказалось учение Конфуция о практической простоте жизни. Не случайно книга обогатилась несколькими цитатами, которые удивительно точно легли в текст. Их могло быть много больше, буквально в каждой главе, но все же я решил не перекладывать излишне свою ответственность на китайского мудреца.

Хотя я честно старался больше писать об окружающих, многое пришлось поведать и о себе, в том числе не всегда прямо. Не знаю, насколько верное впечатление сложится у читателя об авторе. Надеюсь, что какая-то общность с реальностью будет присутствовать. Я не стремился излить душу, но для проницательного читателя сказал, как мне кажется, вполне достаточно.

Перед началом работы я не стал читать воспоминания заслуженных современников, чтобы не угодить в наезженную

колею. Но вот сейчас обратился к ним с интересом, прежде всего – к публикациям ученых и начальников разных уровней, с которыми сталкивался по жизни. На фоне интересного описания многочисленных событий и любопытных личностей в них в той или иной степени просматриваются две тенденции.

Во-первых, это желание объясниться, а подчас и оправдаться в неблаговидных поступках, кои есть за спиной у каждого. В одних случаях они уровня околонаучных интриг, а иногда и государственного звучания. Как правило, подобные оправдания выглядят неубедительно и только портят впечатление об авторе, поскольку обычно связаны еще и с передергиванием известных фактов. Такие места в воспоминаниях легко заметить, они написаны с бóльшой тщательностью, старанием и как бы выделены курсивом.

Во-вторых, стремление вывести в неприглядном свете своих недругов. Это обычно удается с большей степенью убедительности, вызывает живой интерес у читателя, но тоже не красит автора, а лишь влечет новые конфликтные ситуации. Показательна в этом плане трансформация воспоминаний, изданных в нескольких версиях последовательно. Подчас отрицательные персонажи сначала (видимо, после выяснения отношений с автором) теряют неприглядные черты, а потом и вовсе становятся положительными героями. Доверия читателей такие метаморфозы взглядов автора явно не прибавляют.

По-моему, повествование становится более доверительным при аккуратном (взвешенном) признании автором своих ошибок и слабых сторон. Тогда и его образ выглядит более человечным. Ежели неблаговидных поступков много и они существенны в масштабах страны, писать воспоминания я бы вовсе не советовал. Оправдываться придется уже в другом месте.

Что же касается недругов, то для меня с самого начала было ясно, что писать плохо о конкретно названных людях не следует. Не дано нам право судить других. Можно обозначить свое отношение легким намеком. У читателя достанет фантазии, чтобы дорисовать образ злодея с учетом своего жизненного опыта. Может получиться даже убедительнее, чем в реальности.

После первой публикации настал волнительный момент ожидания отзывов. Из общего ряда положительных и лестных впечатлений явно выбивалось мнение одного из главных моих персонажей, ставящее под сомнение целесообразность данного издания на основании того, что право на мемуары якобы принадлежит только людям, имеющим общенародную известность. Я считаю иначе. Каждый волен изложить свое жизнеописание и взгляды на былое и будущее, а также

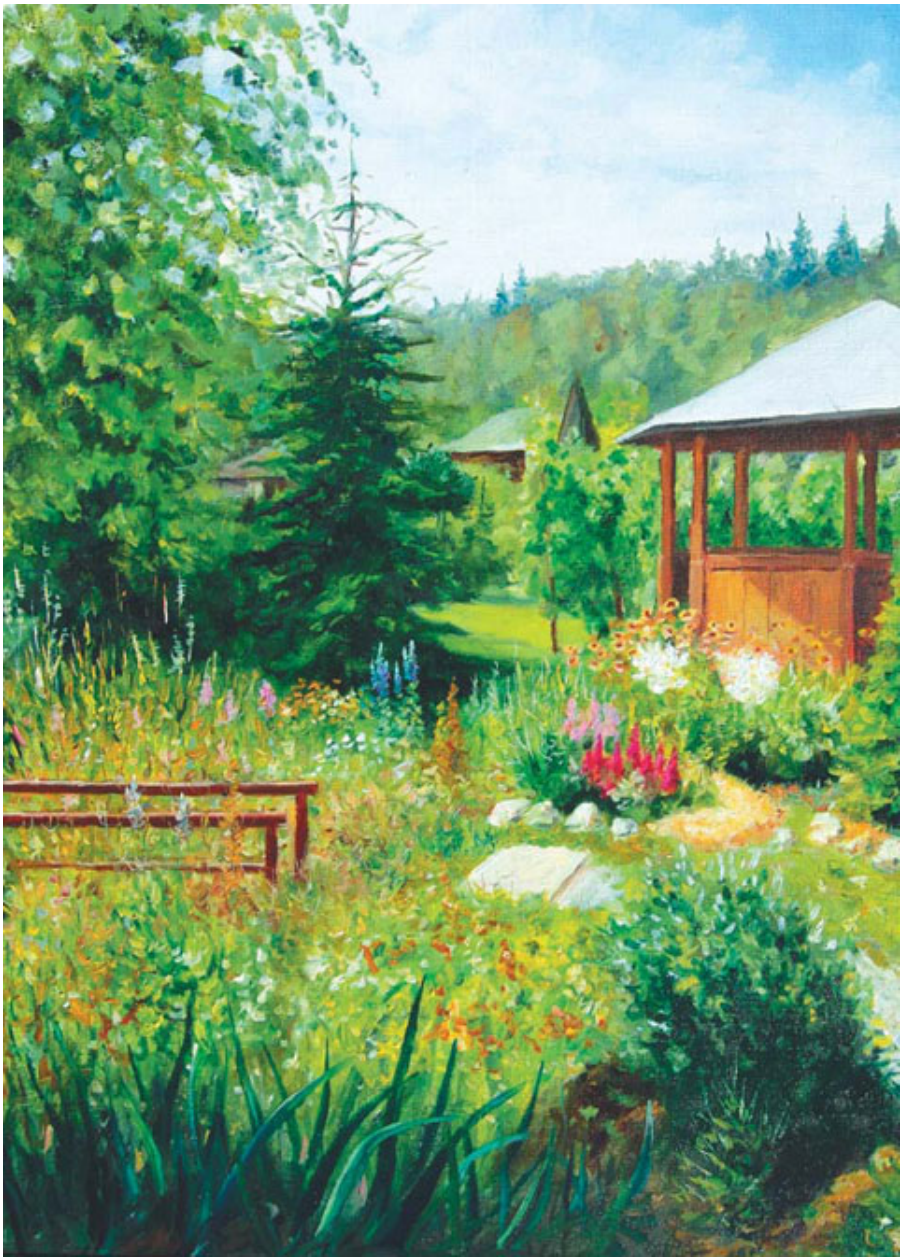
предоставить возможность другим познакомиться с ними.

Сейчас в Интернете открыт сайт «Фотографии старой Москвы», на котором выложены фотографии как прошлого, так и позапрошлого века. Он привлекает большое внимание. Людям очень интересно посмотреть, что было прежде на месте их теперешнего проживания. К сожалению, на этом сайте полноценно представлена только центральная часть города, и уже за Садовым кольцом плотность снимков резко падает. А ведь я сам мог бы в шестидесятые годы заснять снующие около моего дома у Киевского вокзала трамваи, старый рынок с открытыми торговыми рядами, заполненными бочками с соленьями, продавцов в фартуках и нарукавниках, вооруженных весами с чугунными гирями, вросший в землю Дом колхозника, извозчиков, выезжающих из своих усадеб с бревенчатым домом, палисадником, огромными кустами сирени и большими воротами, украшенными деревянной резьбой. Но тогда это казалось мне обыденным и не заслуживающим внимания фотоаппарата. Как я теперь жалею о своей недальновидности!

Примерно так же обстоит дело и с воспоминаниями. На мой взгляд, чем больше их будет, тем лучше. Не все они дойдут до массового читателя, но уж точно будут востребованы в кругу родственников, друзей и знакомых.

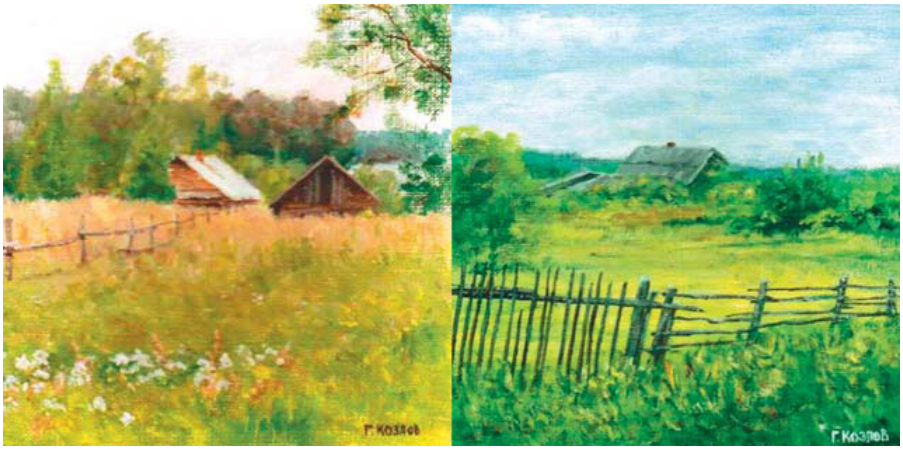
Это подтвердилось в том, что у большинства читателей книга вызвала интерес во всех своих главах. На это я даже не рассчитывал, формируя каждую главу как самостоятельную, чтобы не обременять читателя необходимостью последовательного чтения. Несколько неожиданными для меня оказались оценки первой главы. Одним она понравилась больше всего, другие высказались гораздо сдержаннее. Я думаю, что здесь нашел свое отражение извечный спор физиков и лириков. К примеру, далеко не всем интересны описания природы. В нашем суетном мире они подчас выглядят как литературный анахронизм, снижающий динамику повествования. Массовому читателю теперь подавай экшн, секс и смачный юмор. Эстетическое наслаждение от чтения лирической литературы, к сожалению, утрачивается с каждым годом.

Иллюстрации



Поэзия лета

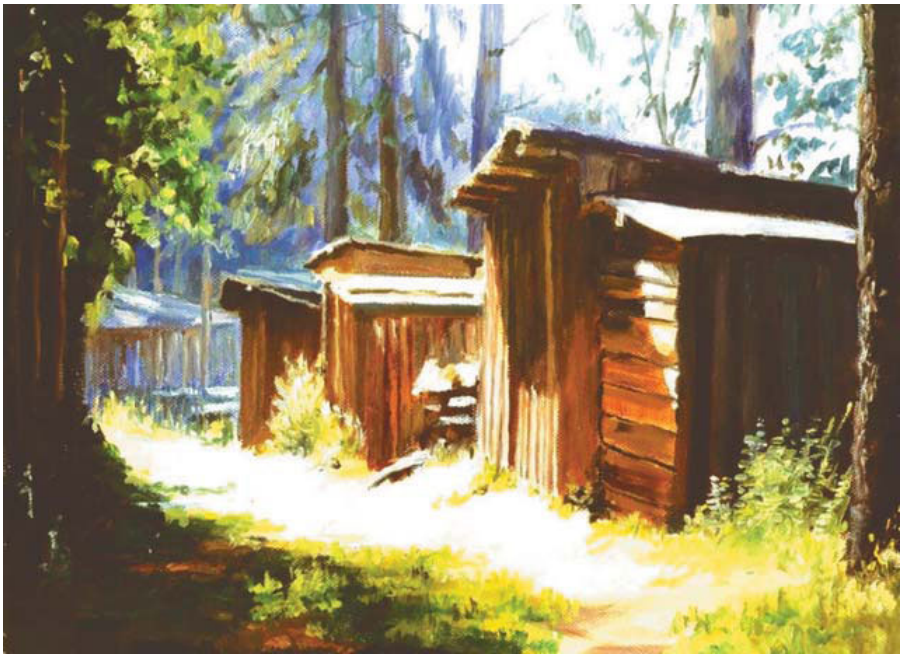
Волшебство



Баньки / Тверская земля

Утро

Уверенность природы



Сараи

Начало осени

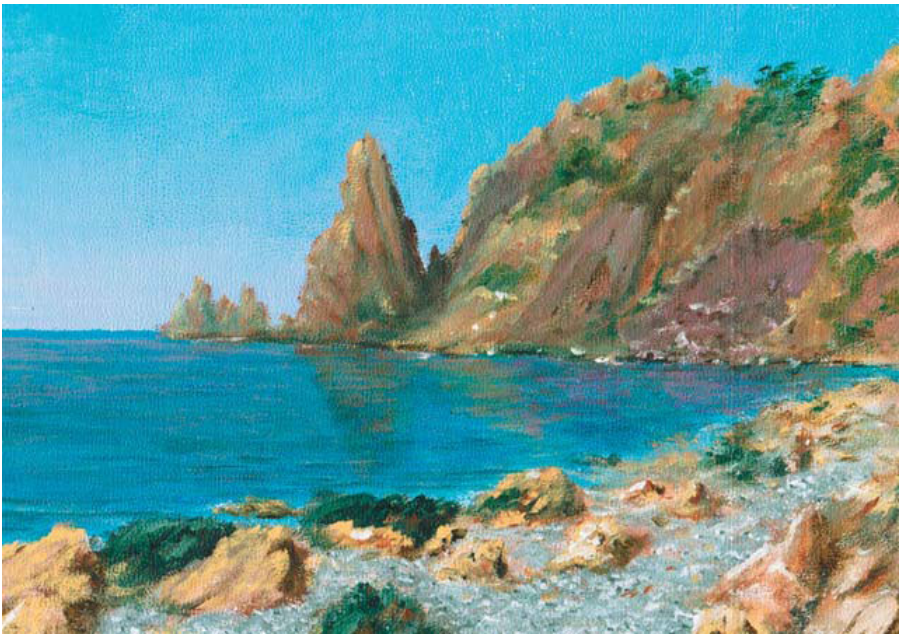
Ноябрь

Течение времени

Впечатление осени

Конец отпуска

Парус



Штиль

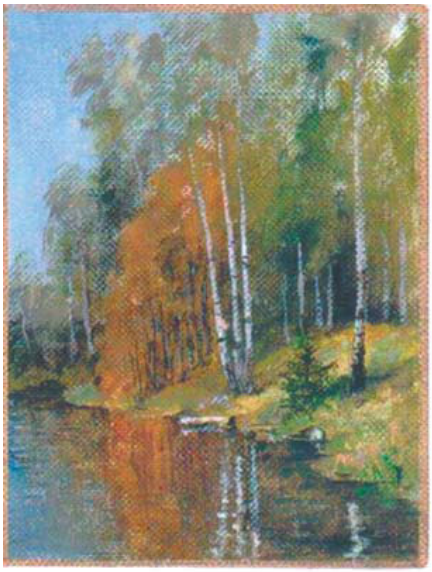
Свой среди чужих

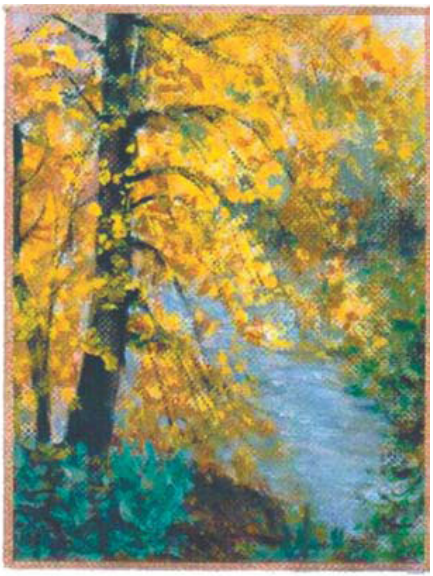
Подмосковное изобилие

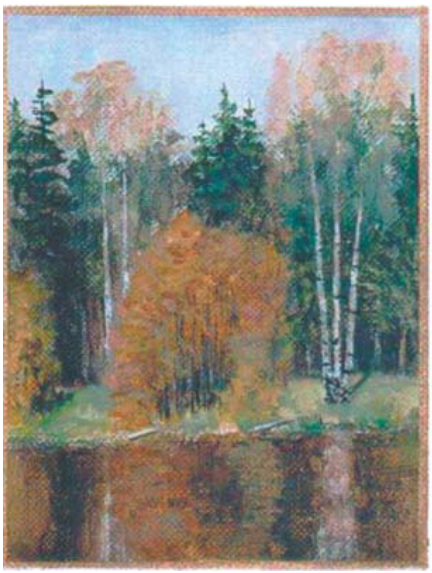
В мастерской

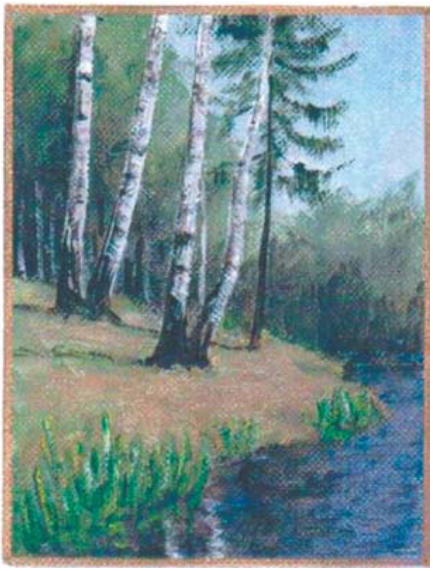
Ромашки

Дополняющее единство









У озера

Опушка

Перед дождем

Перед весной

Теплеет

Оттепель

Пробуждение

Приятным моментом стал интерес к книге молодежи. Многие нашли книгу полезной и поучительной. По мнению читателей, этому способствует ненавязчивый стиль изложения с конкретными примерами из реальной жизни. Очень приятно было услышать, что прочтение глав о научной работе, живописи и писательстве у некоторых вызвало желание попробовать себя

на этих поприщах. Выше оценку трудно придумать.

Отметили также, что многое в книге написано между строк. Скорее, местами я оставлял заключения и выводы на усмотрение читателя и пользовался эзоповым языком с расчетом на его проницательность. Я ничуть не против, если читатель домыслит недосказанное с учетом своего жизненного опыта. Побудить к раздумьям, на мой взгляд, – одна из основных задач любого автора. В процессе размышлений читатель и мысли автора способен воспринять как свои, а это уже – руководство к действию. Писать категорично вообще не в моем стиле, к тому же подчас это бывает весьма рискованно, да и оценки нередко со временем меняются. Одна такая серьезная ошибка может запятнать все произведение и будет автору вечным укором.

Главным пожеланием многих были рекомендации расширить некоторые главы, в частности об МГУ, вспомнив о многих замечательных людях, работавших на физическом факультете. Один уважаемый человек для этого напомнил интересный случай с профессором К. Теодорчиком, проработавшим в МГУ пятьдесят лет начиная с 1919 года. Однажды профессор пришел на работу крайне расстроенным от того, что по ошибке проехал на новеньком «Москвиче-401» на красный свет светофора. Никаких негативных последствий это нарушение не имело, поскольку в Москве в то время можно было обойтись вообще без светофоров. Но профессор считал своим долгом сообщить о своем нарушении в милицию. С большим трудом удалось удержать его от такого шага.

Подобные примеры конечно же заслуживают упоминания, хотя бы как яркая иллюстрация эволюции нравов, однако писать с чужих слов о событиях, свидетелем которых я не был, как-то неловко, кажется, это сродни плагиату. Отмечать же заслуги достойных людей, без событийной канвы, к сожалению, не получается.

По прошествии десяти лет после издания первой версии книги в жизни накопилось много новых впечатлений, и я решил продолжить писательскую работу.

Стремление сориентировать книгу на более широкую читательскую аудиторию привело к тому, что в новой редакции пришлось пожертвовать многими персонажами прежнего повествования. Я приношу им свои извинения, мое мнение о них не изменилось и остается по-прежнему высоким.

В начале работы над книгой я и не думал замахиваться на что-то большее, чем воспоминания, но потом возникла потребность осмыслить прожитое и обобщить накопленный опыт. В результате книга сама собой разбилась на три части. В первую

вошли преимущественно воспоминания в традиционном варианте, во вторую – уже больше наблюдения и в третью – публицистика. Части тесно связаны между собой, и каждая предыдущая является основой последующей.

На мой взгляд, важно, чтобы выводы, заключения и рекомендации автора вытекали из его личного опыта и не противоречили его же поступкам. То есть автор должен иметь на них право, подтвержденное своей жизнью, иначе читатель не поверит. В этом смысле первые главы являются необходимым обоснованием третьей, подытоживающей части. Именно они должны сформировать авторитет автора в глазах читателя.

Раз за разом добавляя в книгу новые главы, я взял за неукоснительное правило не увеличивать ее объем ни на одну страницу, чтобы излишне не затруднять читателя. При таком условии к новому материалу предъявляется жесткое требование – быть лучше, важнее и интереснее сокращаемого. Замечу, что процесс сокращения не менее увлекателен и волнителен, чем сочинения. Приходится целые страницы выстраданного текста заменять одним абзацем, абзацы – предложением, а в предложении обосновывать необходимость каждого слова.

Самым простым путем сокращения явился бы отказ от описания пейзажей, как рекомендовали некоторые торопливые читатели. Но на это-то рука и не поднималась. Подкрепление мне дал недавно (примерно двести лет назад) О. Бальзак: «И при виде этих роскошных, этих величественных картин (*природы*) я с горечью размышлял о том пренебрежении, которое мы теперь проявляем, даже в книгах, к своей стране. Я проклинал жалких богачей, которые, пресытившись прекрасной Францией, покупают ценою золота право пренебрегать родной страной…» Классик, говоря о Франции, как бы заглянул в современную Россию.

При сокращениях пришлось пожертвовать многими эпизодами, подчас не менее интересными оставшихся, но не обязательными с точки зрения лейтмотива и названия книги. Сокращение сделало текст плотнее, а повествование динамичнее, прям-таки в русле современных литературных течений, когда пишут предложениями короткими как выстрел (иной раз без подлежащих и сказуемых). Для спешащего читателя обкорнали даже произведения великих, сведя их романы к объему рассказа. Это все равно что обед урезать до капли водки и чипса. Ни сытости, ни удовольствия.

Процедура выбраковки и усовершенствования важна в любом творческом деле. Нагляднее всего она представлена в живописи. Работая над картиной, художник именно тем и занят, что слой за слоем покрывает одни краски другими. Сначала жидкими

и неяркими, а затем согласует цвета и оттенки, накладывает тени, добавляет детали и уточняет пропорции. Особо талантливые художники могут достичь желаемого результата уже на ранних стадиях, орудуя широкими мазками, тогда как остальным приходится трудиться много дольше, применяя различные технические приемы. При этом в их работе наступает момент, когда картина начинает проигрывать от излишнего старания и детализации.

Понимая это, опытные товарищи не раз советовали и мне оставить в покое мое первое детище и приступить ко второй книге. Но на это я пока не решаюсь. Вторая книга, как это явствует из утверждения, открывающего главу, – удел настоящего писателя.

Книги являются свидетелями эпохи. По их тематике, героям и стилю можно воссоздать картину жизни подчас точнее и рельефнее, чем по документальным свидетельствам. В этом смысле интересно проследить книжные тенденции последних двух десятков лет.

Первое, что бросается в глаза, – это переход от книжного дефицита к изобилию, переход, который обернулся боком для большинства известных писателей. Если раньше книга была «лучшим подарком», а признаком интеллигентной семьи были книжные полки, то теперь полные собрания сочинений можно приобрести за копейки и даже обнаружить на помойке. В прежней жизни детективы и мистика были редкостью, а порнография преступлением, а теперь они печатаются большими тиражами.

В метро книги практически не читают, лишь журналы, газеты и айфоны. Россия подравнялась с зарубежьем, утратив позицию самой читающей страны. Все это не только из-за Интернета и телевизора: упадок нравственности вытеснил серьезную литературу из потребностей народа. Цель жизни теперь связана с быстрым успехом, достигаемым любой ценой. Стиль скорых на руку писателей моментально подстроился под новый жизненный уклад и стал стремительным – без украшений, раздумий, сомнений и впечатлений. Действия и диалоги.

Жизнь в условиях ограничений, оказывается, была духовно богаче, чем стала при изобилии. Пусть не все читали с трудом добытые мировые бестселлеры, но хотя бы знали о них и гордились как престижным приобретением. Без чтения классиков можно потерять родной язык. Упрощение и опошление языка – верный признак деградации личности. Если девушка использует в разговоре нецензурную лексику, то можно не сомневаться в ее доступности.

Судя по всему, век печатной книги заканчивается.

Электронные собратья удобнее, дешевле, престижнее. Их можно не только читать, но и слушать. Пусть так. Важно лишь не утратить вековую литературную культуру. Важна ведь не форма книги.

Однако грустинка о верном бумажном друге еще потревожит память моего поколения.

Глава тридцать четвертая
Живопись

Московский Арбат стал одним из зримых признаков перемен, наступивших с приходом Горбачева. Отремонтированный и ставший пешеходным, он превратился в витрину перестройки. Здесь всегда было многолюдно, профессиональные и самодеятельные артисты выступали с необычайно острой критикой недавнего прошлого и его вождей. Шла бойкая торговля политическими матрешками и атрибутикой прежней власти.

Особо привлекательной для москвичей и многочисленных гостей столицы стала развернувшаяся выставка-продажа картин. Здесь можно было купить как совсем маленькую лубочную работу за три – пять рублей, так и серьезную картину за несколько сотен и даже тысяч. По тем временам это большие деньги.

В период перестройки художественный бизнес развился в стране поразительно быстро. Буквально за несколько лет он по своему размаху вышел на мировой уровень. Вот бы так с промышленностью или сельским хозяйством! Достаточным условием для такого взрывного расцвета стало всего-то прекращение преследования самодеятельных вернисажей со свободной торговлей. И это притом, что трудности с обеспечением красками, холстами и кистями в первые годы были огромными. В Москве товары для художников продавались

всего в нескольких магазинах, которые почему-то снабжались исключительно в последний день месяца, но зато под завязку. Очереди художественно-ориентированный народ занимал с раннего утра, и каждый брал столько, сколько мог унести. Цены тому способствовали. Уже к обеду магазины пустели, напоминая покинутое поле битвы, а продавцы, выполнившие месячный план, едва стояли на ногах.

Теперь товары для художников в изобилии свезены в Москву со всего света. Загадкой для меня остается только, откуда у нас оказалось столько художников? Где они были раньше и чем кормились? В Москве вернисажей стало не меньше, чем в Париже. Они такие огромные, что их трудно осмотреть за один раз. Качество работ, конечно, различное, но в целом никак не ниже заграничного массового рынка. Кстати, меня всегда удивляло почти полное отсутствие работ наших классиков в крупнейших заграничных музеях типа Лувра и «Метрополитена». Явно это связано не с низким уровнем их полотен, скорее с политической и финансовой ангажированностью собирателей коллекций. Конечно, мы слегка уступим итальянцам, испанцам и французам, но уж американцы, англичане и немцы никак не выше наших живописцев.

Вернемся, однако, на Арбат, куда мы с Викой частенько наведывались в силу близкого расположения. Результатом этих посещений стало приобретение десятка мелких работ. Однажды вечером, в темноте, мы приобрели картину, которая оказалась в одном месте смазана. Вика купила детский набор масляных красок, кисточку и поправила поврежденный фрагмент. Вроде этим все и могло бы закончиться. Но нет, этот момент стал поворотным в моей судьбе, ибо на все последующие годы обеспечил меня исключительно интересным, да еще и полезным занятием.

До этого я никакого отношения к живописи не имел, но, будучи человеком практичным и хозяйственным, оставшимся краскам и кисточке решил найти применение. Первую картинку я сделал на случайно оказавшемся под рукой куске оргалита. Несмотря на полное отсутствие представлений о масляной живописи и навыков рисования, получилось, на мой взгляд, вполне сносно, а я почувствовал, что новое занятие мне приятно и интересно. Все остальные увлечения сразу отодвинулись на второй план. Так с апреля 1984 года у меня в сорокалетнем возрасте появились новые, художественные интересы, оказавшиеся исключительно устойчивыми.

Недавно прочитал у М. Уилстона – автора популярных в шестидесятые годы романов про ученых «Жизнь во мгле»

и «Встреча на далеком мередиане»: «Математик и физик-теоретик близки к поэту и музыканту; экспериментатор скорее напоминает художника или скульптора». Как все взаимосвязано. Оказывается, претендентов в теоретики и экспериментаторы можно рассортировать по музыкальным способностям. Правильно, что я не подался в теоретики. Ну, это к слову.

После первого художественого упражнения я решил было подучиться в книгах. Но то ли книги были скучноваты, то ли нетерпение взяло верх, но занятие это я оставил и обратился напрямую к классикам. Сначала принялся за французских импрессионистов. Сделал с десяток копий Моне, Ренуара, Мане и Сислея. Затем поднял руку на Ван Гога. Дело шло неплохо, и классики мной могли бы быть довольны, так как копии в достойных рамах выглядели вполне прилично, во всяком случае родственникам нравились. Не остались в стороне и соотечественники – Поленов, Левитан, Васильев, Серов, Коровин. Такой путь обучения имел для меня – человека практического образа жизни – ту привлекательную особенность, что сразу давал осязаемый результат. Это не какие-то ученические рисунки шариков и кубиков.

С приходом навыков картины радикально решили для меня проблему подарков. Особенно существенно это было для общения с зарубежными коллегами и друзьями. Приобрести для них что-либо, кроме избитых матрешек, водки и икры, было трудно, и тут картины оказались просто находкой.

Однажды в подарок немецкому приятелю я сделал копию «Танцующей пары» Ренуара и отправил ее в Германию со знакомой. На таможне картину задержали, а у знакомой возникли серьезные проблемы. Для меня это явилось первым фактом официального признания.

Качество моих работ всецело зависит от удачи с сюжетом. Удивительно, как мастерам удается изобразить любую безделицу так, что глаз не оторвешь. К примеру, в Национальной картинной галерее в Вашингтоне выставлена работа, изображающая просто-напросто кусок сливочного масла, правда большой. Так вот, им постоянно любуется народ. Мне же для достижения намного более скромного успеха обязательно требуется что-то необычное.

Поиск сюжетов занимает у меня времени больше, чем сам процесс их отображения. В первые годы я исходил с фотоаппаратом сотни километров, сделал тысячу слайдов и цветных снимков. Сейчас Интернет своими грандиозными фотосайтами вытеснил этот творческий этап. Соперничать с ним не представляется возможным, так же как и отказаться от использования великолепного в своем разнообразии

материала.

Редок снимок, прямо ложащийся на полотно, чаще его приходится дополнять или упрощать. Вообще же между фотографией и картиной существует, как я убедился, очень большое различие. Фото является объективным отображением действительности и смотрится тем лучше, чем прекраснее сама действительность. Красивость фотографии является ее безусловным достоинством. На фото легко уживаются ярко-синее небо с огненно-красными канадскими кленами, вполне уместны четкие геометрические линии аллей и даже деревьев.

Картина же субъективна по своей сути. Красивость и упорядоченность пейзажа, прямизна линий и безупречность форм не вызывает душевного волнения. Любая творческая работа должна содержать в себе что-то потаенное, подчас противоречивое. Может быть, поэтому российские пейзажи с покосившимися избами много живописнее картин с изображением великолепных европейских дворцов, парков и усадеб. У меня есть множество прекрасных фотографий последних, но ни одна из них не стала для меня темой картины. Впрочем, сердцу англичанина, немца или француза, возможно, ближе их родные красоты. Не смею оспаривать их право возразить по поводу моих нападок.

Из наших очаровательных деревенских пейзажей мне особенно милы опушки леса с ухабистыми дорогами и тропинками. Если сюда добавить еще амбар или покосившийся сарай, то это уже толчок к творчеству. Формы самих сараев предельно просты и одновременно многообразны своей примитивной оригинальностью. Вокруг них можно встретить живописные поленницы дров, стога сена, навозные кучи и разнообразную хозяйственную утварь. Они предстают передо мной как почти готовые натюрморты, оживленные курами и поросятами.

Картина всегда требует некоторого обобщения действительности, достигаемого путем упрощения, отказа от второстепенных деталей. Всем, наверное, приходилось любоваться отражением берегов на глади водоемов, замечая, как меняется картина при появлении ряби или волн. Сначала исчезают детали растительности, затем размываются формы и контуры, наконец, остается только цвет, и ничто уже более не отвлекает глаз от его восприятия. Так и художник, ориентируясь на свое внутреннее ощущение, должен построить соответствующий ему образ. Волнение автора передается зрителю, и картина, лишенная многих деталей, способна рассказать замысел точнее и убедительнее любой фотографии,

с безукоризненной передачей форм, размеров и цвета.

Трудным моментом пейзажной живописи – изображение неба. Тут есть и чисто физическая причина. Являясь активным источником света, небо не может быть объективно передано красками, лишь отражающими свет. Сразу ощущается несоответствие между его низкой светимостью и освещенностью местности. Спасают ситуацию облака, отражающие свет, падающий снаружи, и задерживающие внутренний, как занавески на окнах.

Хорошо исполненное небо или даже одно облако могут быть темой целой картины. Только большим мастерам с помощью специальных приемов удается добиться полной гармонии неба и остального пейзажа. При этом небо редко бывает прозаически-синим: тут одновременно и голубые, и розовые, и фиолетовые тона. В других случаях мы находим небо желтым или желто-зеленым. Утреннее небо наполнено оптимизмом и бодростью, а вечернее – усталостью и обреченностью.

Схожие проблемы начинающего художника связаны с изображением яркого солнечного дня. На первых порах я пытался решить их с помощью добавляемых в краски белил, но картины получались не солнечными, а блеклыми. А секрет оказался в тенях. Только сочетание светлых и темных мест способно создать впечатление яркого солнечного освещения. Это очень хорошо видно на экране телевизора во время трансляции футбольного матча в солнечную погоду, когда одна половина поля в тени, а другая на солнце. Телекамера настраивает чувствительность по среднему уровню освещенности. В результате в освещенной части заметны лишь тени игроков, а в теневой не видно вообще ничего, зато эффект яркого солнечного дня налицо.

Непростым оказалось для меня изображение почти всегда присутствующего в пейзаже луга. Поначалу я старался изобразить как можно больше отдельных элементов и цветов. Это требовало много времени, но не приводило к желаемому результату. Картина пестрила, не радуя глаз.

Опыт подсказал, что при изображении травы важны не столько отдельные детали, сколько нюансы, такие как небольшое изменение цвета в зависимости от рельефа, наличие и направление теней. Распределение цветов не должно быть равномерным, обычно они растут группами, отвоевывая территорию в конкурентной борьбе. Прекрасным украшением луга является тропинка. Совсем не обязательно изображать ее в явном виде, достаточно наметить лишь линию в траве мелкими признаками: изменением цвета зелени, теневым эффектом

или определенными дорожными цветами.

На первых порах я рисовал чем попало и на чем попало. Но постепенно стал обращать внимание на качество красок и основу. С красками все просто: чем выше их качество, тем лучше. А вот с основой обнаружились тонкости. Идеально гладкая поверхность для масла и акрила вообще не годится. Рельеф и форма неоднородностей на холсте или картоне исключительно важны. Краска, нанесенная на неровную поверхность, ложится не на полную глубину и позволяет получить интересные переходы цвета. Картина приобретает богатство оттенков, на ней появляется тонкий узор, могущий точно передать ствол дерева, поверхность камня, траву, листву, рябь на поверхности воды и даже кожу на лице человека.

С учетом этого творческий процесс нужно начинать уже на стадии грунтовки основы, заблаговременно предвидя детали картины и регулируя по месту масштаб и глубину неоднородности грунта. Сделав затем выверенный подмалевок жидкой краской, можно после его высыхания прописать детали точными нежирными мазками. Как я теперь вижу, именно так нарисованы некоторые картины величайшего импрессиониста К. Моне.

Вероятно, всему этому можно научиться из книг, но поскольку я шел по пути собственного познания, то не лишил себя радости этих и многих других маленьких открытий.

Очень полезным оказалось знакомство с акварельной живописью. Здесь совсем другая техника и другие требования. Главное – неожиданность решения, прозрачность, легкость и мягкость цветовой гаммы. Детали отходят на второй план. Всю картину можно начать и закончить за двадцать минут. При этом любая ошибка тона смертельна. Не стоит и пытаться ее исправлять. Лучше сразу выбросить испорченный лист. Сочетание красок и оттенков для акварели важнее формы предметов. К примеру, стволы деревьев могут быть кривыми и рваными и при этом не только не вызывать раздражения, но и стать привлекательным моментом картины. Толстая, непрозрачная акварель мгновенно теряет все свое обаяние.

Наблюдая на выставках картины больших мастеров, я всегда поражаюсь их умению работать крупными мазками. С близкого расстояния они кажутся грубыми и даже небрежными, но, отойдя уже на метр, залюбуешься точностью передачи фактуры объекта. На картинах И. Репина люди на заднем плане изображены вообще двумя-тремя мазками, да и на переднем деталей у них не так много, но выглядят они очень убедительно, а колористика такая, что глаз от картины не оторвешь. Натюрморты К. Коровина,

сделанные в такой же технике, на мой взгляд, гораздо живее детализированных до тонкостей роскошных букетов цветов с жучками, червячками и бабочками голландских живописцев.

Для меня техника крупного мазка осталась, к сожалению, неприступной. Видимо, здесь без таланта одним усердием не обойтись. Приходится довольствоваться голландским стилем.

Чем крупнее масштаб художника, тем больший размер полотен ему по плечу. Большой размер картины повышает требования и к сюжету, и к композиции, и к колористике. Моим уделом и излюбленным форматом являются миниатюры. Миниатюру можно сделать за один сеанс. Все необходимые принадлежности помещаются в одной небольшой коробке, что позволяет взять их в любое путешествие или командировку.

При работе над подарочными картинами обнаружилась еще одна нетривиальная закономерность: качество картины зависит уже не только от удачи с сюжетом, но и от личности человека, которому она предназначается. Для хороших людей картины получаются сразу, и такие, что потом дарить жалко, для иных (очень немногих), несмотря на все усилия, картины выходят вымученно-посредственными. Так что через психику автора преломляются и черты заказчика. При этом речь даже не о портретах, а о пейзажах и натюрмортах.

В дореволюционной Академии художеств, что в Санкт-Петербурге, пейзажная живопись котировалась не слишком высоко и даже не принималась в качестве дипломных работ. Основания для такого решения действительно имеются, мой опыт тому подтверждение. Сделать портрет или жанровую сценку я не могу при всем желании, и поэтому художником никогда бы не рискнул себя назвать, однако и в защиту пейзажа у меня теперь есть что сказать.

Сравнивая пейзажи художников разных стран, нетрудно заметить, что все они имеют свою очевидную индивидуальность. Японские пейзажи никогда не спутаешь с российскими, американские с французскими, голландские с испанскими и т. д. Дело не только в том, что природа стран различна, отличия гораздо глубже и кроются в национальных культурах и чертах художников.

Так что пейзаж – это больше чем отображение природы, это своего рода и ее портрет, и жанровая сцена с большим числом участников, таких как свет, небо, земля, моря и реки, горы, поля и леса. Все это не отнесешь к числу декораций человеческой жизни, это ее неотъемлемая часть. Без природы не было бы и не может быть человека. В настоящем пейзаже проявляется душа художника и даже судьба страны. Не случайно нашему сердцу

наиболее близки деревенские пейзажи с лугом, тихой речкою, деревянными приземистыми домами, изгородями и незатейливыми палисадниками с кустами сирени. Именно в деревне можно ощутить в полной мере духовную силу родного края. Здесь можно отвлечься от каждодневной городской суеты и обрести душевный покой в гармонии с природой во всем ее величии и простоте. Деревенская жизнь более устойчива, чем городская, немыслимая без электричества, машин, бытовых удобств и постоянно включенного телевизора. В городе есть все, кроме огромного неба, звонкой тишины, наполненной пением птиц, журчания ручья, запаха травы и скошенного луга.

notes

Сноски

1

А может и не скоро. Все зависит от нас с тобой (с Вами)!